Одри Ниффенеггер

Жена путешественника во времени

Одри Ниффенеггер

Жена путешественника во времени

«Азбука-Аттикус»
2003

Ниффенеггер О.

Жена путешественника во времени / О. Ниффенеггер — «Азбука-Аттикус», 2003

Они познакомились, когда ей было шесть, а ему тридцать шесть.Они поженились, когда ей было двадцать три, а ему тридцать один.Потому что Генри страдает редким генетическим заболеванием – синдромом перемещения во времени; его исчезновения из жизни Клэр непредсказуемы, появления – комичны, травматичны и трагичны одновременно.Эта невероятная история невероятной любви стала, пожалуй, самым поразительным международным бестселлером нового века. Права на экранизацию книги были куплены Брэдом Питтом и Дженнифер Энистон (звезда телесериала «Друзья») еще до публикации самой книги; постановщиком фильма предполагался Гас ван Сент, но в итоге им выступил Роберт Швентке, главные роли исполнили Эрик Бана и Рейчел Макадамс.

© Ниффенеггер О., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог 10
I. Человек вне времени 12
Первое свидание, часть первая 12
26 октября 1991 года, суббота 12
Позже вечером 14
Следующее утро 21
Самый первый раз 24
16 июня 1968 года, воскресенье 24
2 января 1988 года, суббота, 4:03 утра / 16 июня, 1968 года, воскресенье, 10:46 вечера 26
Первое свидание, часть вторая 31
23 сентября 1977 года, пятница 31
9 февраля 2000 года, среда 35
29 сентября 1977 года, четверг 35
Уроки выживания 39
7 июня 1973 года, четверг 39
10 декабря 1978 года, воскресенье 42
17 ноября 1982 года, среда / 28 сентября 1982 года, вторник 45
14 мая 1983 года, воскресенье 46
12 апреля 1984 года, четверг 47
27 июня 1984 года, среда 52
23 сентября 1984 года, воскресенье 52
После конца 57
27 октября 1984 года, суббота 57
2 февраля 1987 года, понедельник 57
5 июня 1987 года, пятница 59
27 сентября 1987 года, воскресенье 64
28 сентября 1987 года, понедельник 69
12 июля 1995 года, среда 70
11 сентября 1988 года, воскресенье 71
13 января 2000 года, четверг 72
Канун Рождества, часть первая 74
24 декабря 1988 года, суббота 74
Канун Рождества, часть вторая 78
24 декабря 1988 года, суббота 78
8 апреля 1989 года, суббота 81
Съешь сам, или съедят тебя 85
30 ноября 1991 года, суббота 85
14 декабря 1991 года, суббота / 9 мая 2000 года, вторник 89
15 декабря 1991 года, воскресенье 94
22 декабря 1991 года, суббота 97
Вечер того же дня 99
Канун Рождества, часть третья 104
24, 25, 26 декабря 1991 года, вторник, среда, четверг 104
Позднее 112

Дом там, где преклонишь голову 136
9 мая 1992 года, суббота 136
День рождения 141
24 мая 1992 года, воскресенье 141
31 мая 1992 года, воскресенье 144
10 июня 1992 года, среда 148
Химия поможет 152
5 сентября 1993 года, воскресенье 152
6 сентября 1993 года, понедельник 154
27 сентября 1993 года, понедельник 159
Поворотный момент 161
22 октября 1993 года, пятница 161
Пусть я буду в церкви вовремя[83] 162
23 октября 1993 года, суббота 162
(7 утра) 162
(7:16) 163
(8:17) 163
(8:32) 163
(8:54) 163
(9:35) 164
(11:15) 165
(11:36) 165
(12:35) 166
(12:55) 166
(13:42) 166
(13:48) 167
(13:55) 167
30 июня 1976 года, воскресенье 167
23 октября 1993 года, суббота 167
(18:26) 168
(19:04) 169
(19:16) 169
(19:21) 169
(20:48) 170
(22:23) 170
25 октября 1993 года, понедельник 171
II. Капля крови в чашке с молоком 172
Семейная жизнь 172
Март 1994 года 172
13 апреля 1994 года, среда 174
18 мая 1994 года, среда 176
9 июля 1994 года, суббота 178
28 августа 1994 года, воскресенье 178
15 января 1995 года, воскресенье 180
3 февраля 1995 года, пятница 180
Библиотечная фантастика 184
8 марта 1995 года, среда 184
11 апреля 1995 года, вторник 184
8 июня 1995 года, пятница 185

17 декабря 1995 года, воскресенье 187
11 марта 1996 года, понедельник 188
6 апреля 1996 года, суббота 190
7 апреля 1996 года, воскресенье 190
12 апреля 1996 года, пятница 194
Очень маленький ботинок 197
Весна 1996 года 197
2 октября 1966 года, воскресенье 197
Раз 199
3 июня 1996 года, понедельник 199
13 июня, четверг, и 14 июня, пятница, 1996 год 200
Два 202
12 октября 1997 года, воскресенье 202
16 февраля 1998 года, понедельник 202
Интермеццо 203
12 августа 1998 года, среда 203
12 сентября 1998 года, суббота 203
26 ноября 1998 года, среда 204
Канун Нового года, часть первая 208
31 декабря 1999, пятница 208
Три 209
13 марта 1999 года, суббота 209
Четыре 212
21 июля 1999 года, среда / 8 сентября 1998 года 212
14 января 2000 года, пятница 216
Пять 219
11 мая 2000 года, четверг 219
Шесть 221
3 июня 2000 года, суббота 221
9 июня 2000 года, пятница / 18 ноября 1986 года 221
9 июня 2000 года, пятница 224
Сны о детях 226
Сентябрь 2000 года 226
23 сентября 2000 года, суббота 226
27 сентября 2000 года, среда 227
Семь 228
28 декабря 2000 года, четверг 228
12 февраля 2001 года, понедельник 228
20 февраля 2001 года, вторник 229
19 апреля 2001 года, четверг 229
20 августа 2001 года, понедельник 230
Альба. Знакомство 233
16 ноября 2011 года, среда 233
7:20 вечера, 24 августа 2001 года, пятница 236
День рождения 239
5 сентября, среда – 6 сентября, четверг, 2001 год 239
Позднее 243
11 сентября 2001 года, вторник 244
11 июня 2002 года, вторник 245

Секрет 246
12 октября 2003 года, воскресенье 246
Испытывая технические трудности 247
7 мая 2004 года, пятница 247
Натюрморт 248
11 июля 2004 года, воскресенье 248
23 декабря 2004 года, четверг 248
День рождения 250
24 мая 1989 года, среда 250
Секрет 256
10 февраля 2005 года, четверг 256
14 апреля 1990 года, суббота 259
27 апреля 1990 года, пятница 261
18 февраля 2005 года, пятница 262
12 июня 2005 года, воскресенье 264
Позднее 265
Эпизод на парковке на Монро-стрит 267
7 января 2006 года, понедельник 267
День рождения 269
15 июня 2006 года, четверг 269
16 июня 2006 года, пятница 270
Неприятная сцена 272
28 июня 2006 года, среда 272
7 июля 2006 года, пятница 275
14 июля 2006 года, пятница 276
27 октября 1984 года, суббота 278
Эпизод на парковке на Монро-стрит 279
7 января 2006 года, понедельник 279
Фрагменты 280
25, 26, 27 сентября 2006 года, понедельник, вторник, среда 280
Позднее 280
Позднее 280
Позднее 280
Позднее 280
Позднее 281
Следующей ночью 281
17 октября 2006 года, вторник 282
18 и 19 октября, среда и четверг, 26 октября, четверг, 2006 год 283
В этот момент 284
Позднее 285
Через неделю, вечером 286
Сны о ступнях 287
Октябрь / ноябрь 2006 года 287
3 ноября 2006 года, пятница 288
Как аукнется, так и откликнется 289
18 декабря 2006 года, понедельник / 2 января 1994 года, воскресенье 289
18 декабря 2006 года, понедельник 292

Часы, если не дни 295
24 декабря 2006 года, пятница 295
Канун Нового года, часть вторая 297
31 декабря 2006 года, воскресенье 297
(20:05) 297
(20:20) 298
(20:50) 299
(21:45) 299
(21:48) 300
(22:15) 301
III. Трактат о тоске 304
***** 304
27 октября 1994 года, суббота / 1 января 2007 года, понедельник 304
Распад 306
2 февраля 2007 года, пятница 306
Бытие 309
12 июля 2008 года, суббота 309
26 июля 2008 года, суббота 310
3 сентября 1990 года, суббота 312
29 июля 1979 года, воскресенье 313
Возрождение 314
4 декабря 2008 года, четверг 314
Всегда снова 316
24 июля 2053 года, четверг 316
14 июля 2053 года, понедельник 316
Благодарность 317

Одри Нифффенеггер
Жена путешественника во времени

Audrey Niff enegger
THE TIME TRAVELER'S WIFE
Copyright c 2003 by Audrey Niff enegger
All rights reserved

* * *

Время на часах – наш банковский управляющий, сборщик налогов, полицейский инспектор; наше внутреннее время – наша жена.
Дж. Б. Пристли. Человек и время

Любовь после любви

Настанет день,
когда, увидев свое отражение в зеркале,
ты улыбнешься себе.
Настанет день,
когда твое сердце забьется чаще
при звуке твоих шагов
у твоего порога.
Пригласи себя в дом.
Угости себя вином. Протяни себе хлеб.
Верни себе сердце.
Прими вновь себя – этого знакомого
незнакомца,
преданного тебе,
любившего тебя всю твою жизнь,
уставшего от твоего равнодушия.
Убери с полок чужие портреты,
любовные письма, отчаянные стихи…
Сядь за стол. Пируй и празднуй.
Празднуй себя. Празднуй свою жизнь.

Дерек Уолкотт[1]

Посвящается
ЭЛИЗАБЕТ ХИЛЛМАН ТАМАНДЛ
20 мая 1915 – 18 декабря 1986
и
НОРБЕРТУ ЧАРЛЬЗУ ТАМАНДЛУ
11 февраля 1915 – 23 мая 1957

[1] Перевод О. Захаровой. *(Здесь и далее примеч. ред.)*

Пролог

КЛЭР: Трудно оставаться одной. Я жду Генри, не зная, где он, надеясь, что с ним все в порядке. Трудно быть тем, кто остается.

Стараюсь находить себе занятия. Так время проходит быстрее.

Иду спать в одиночестве и просыпаюсь тоже одна. Хожу на прогулки. Работаю, пока не выложусь вся. Смотрю, как ветер играет мусором, всю зиму пролежавшим под снегом. Все так просто, пока не задумаешься как следует. Почему разлука усиливает любовь?

Давным-давно мужчины уходили в море, а женщины ждали их, стоя у воды и вглядываясь в горизонт в поисках крошечного кораблика. Теперь я жду Генри. Он исчезает, сам того не желая, без предупреждения. Я жду его. Каждая секунда ожидания кажется мне годом, вечностью. Каждая секунда тянется медленно, прозрачная как стекло. Сквозь каждую секунду вижу бесконечные, вытянутые в прямую линию моменты, это моменты ожидания. Почему он ушел, а я не могу пойти следом?

ГЕНРИ: Как это бывает? *Как это бывает?*

Иногда кажется, что просто на мгновение отвлекся. Потом, без предупреждения, понимаешь, что книга, которую ты держал, красная хлопчатобумажная рубашка в клетку с белыми пуговицами, любимые черные джинсы и бордовые носки, протертые почти до дыры на одной пятке, гостиная, уже почти закипающий чайник в кухне – все это исчезло. Ты стоишь, голый как дурак, по щиколотку в ледяной воде, в канаве у незнакомой сельской дороги. Минутку пережидаешь в надежде, что, может, провалишься обратно к своей книге, в свою квартиру *et cetera*. Где-то через пять минут, ругаясь на чем свет стоит, дрожа и мучительно надеясь просто исчезнуть, выбираешься из канавы и бредешь сам не зная куда, и дорога в конце концов приводит к фермерскому дому, где у тебя есть шанс стащить что-то или придумать объяснение. Кража – прямая дорога в тюрьму, а объяснения ужасно утомительны и занимают много времени, нужно много врать, а в результате зачастую тебя сдают в ту же тюрьму, поэтому ну бы их к черту!

Иногда кажется, что ты слишком резко поднялся, даже если на самом деле лежишь полусонный в кровати. Кровь резко приливает к голове, появляются головокружение и ощущение падения. Начинает покалывать руки и ноги, а потом они просто исчезают. Ты снова попал не туда. Это длится какую-то секунду, и у тебя есть крошечная надежда удержаться там, где ты есть, ты барахтаешься (иногда нанося ущерб себе или ценным вещам), а потом скользишь по застланному девственно-зеленым ковром коридору мотеля № 6 в Афинах, Огайо, в 4:15 утра, 6 августа 1981 года, в понедельник, и ударяешься головой в чью-то дверь, в результате чего постоялец, скажем мисс Тина Шульман из Филадельфии, открывает дверь и начинает визжать, потому что у ее ног валяется голый мужик с ободранным о ковер боком. Ты просыпаешься в местной больнице, оттого что у дверей твоей палаты сидит полицейский и слушает по дребезжащему радиоприемнику игру «Филиз». Повезет, если провалишься опять в обморок, и проснешься спустя несколько часов в собственной кровати, и увидишь, что над тобой склонилось обеспокоенное лицо жены.

Иногда кажется, что впадаешь в эйфорию. Все вокруг такое возвышенное, окруженное аурой. Внезапно чувствуешь приступ тошноты и исчезаешь. Тебя тошнит на какие-то полевые цветочки, или на теннисные туфли твоего отца, или на пол в собственной ванной комнате тремя днями позже, или на деревянный тротуар в Оук-Парке, штат Иллинойс, году эдак в 1903-м, или на теннисный корт прекрасным осенним деньком в начале пятидесятых, или на собственные голые ноги где угодно и когда угодно.

Как это бывает?

Это совсем как в одном из снов, когда внезапно понимаешь, что нужно сдать экзамен, к которому не готов, и на тебе в придачу нет никакой одежды. Да еще и бумажник остался дома.

Когда я где-то там, во времени, я другой, я превращаюсь в отчаянное подобие самого себя. Я становлюсь вором, бродягой, животным, которое бегает и постоянно скрывается. Пугаю старушек и привожу в ужас детей. Я – игра света, иллюзия высшего порядка, просто невероятно представить себе, что это я.

Есть ли логика во всех этих перемещениях, есть ли правило, по которому я ухожу и прихожу? Можно ли задержаться во времени, уцепиться каждой клеточкой тела за настоящий момент? Не знаю. Но что-то точно есть, как у каждой болезни есть свои симптомы, варианты развития. Изнеможение, громкие звуки, стресс, резкие движения, резкий свет – любое из этого может спровоцировать перемещение. Но: вот я читаю воскресную «Таймс», в руке чашка кофе, рядом в нашей постели дремлет Клэр – и внезапно я оказываюсь в 1976 году и наблюдаю, как я, тринадцатилетний, стригу газон у дома своих родителей. Иногда это длится какое-то мгновение, словно прерывается передача по радио, потому что пропал сигнал. Я вдруг оказываюсь в толпе людей. С таким же успехом я могу оказаться один, в поле, в доме, в машине, на пляже, в школе посреди ночи. Я боюсь оказаться в тюремной камере, в битком набитом лифте, посреди магистрали. Я появляюсь ниоткуда и голый. Как это объяснить? Я никогда не мог ничего с собой протащить. Ни одежду, ни деньги, ни документы. В основном, попадая в незнакомые места, я пытаюсь раздобыть одежду и спрятаться. Слава богу, я не ношу очков.

Какая горькая ирония! Я люблю чисто домашние удовольствия: удобное кресло, степенные увеселения семейного уюта. Единственное, чего я прошу, – это невинных радостей. Захватывающая книга перед сном, запах только что вымытых длинных рыжих волос Клэр, открытка от друга, уехавшего в отпуск, капля сливок в кофе, мягкая кожа под грудью Клэр, пакеты с покупками, симметрично выстроившиеся на кухонной стойке в ожидании, когда их распакуют. Я люблю, слегка касаясь корешков книг, без цели бродить вдоль стеллажей в библиотеке, после того как начальство уйдет домой. Именно этого мне не хватает, когда время властной рукой уносит меня прочь.

И Клэр, конечно, мне не хватает Клэр. Утренней Клэр, сонной, со следами от подушки на лице. Клэр, опустившей руки в бак, где готовится бумага, когда она поднимает его и трясет так и этак, чтобы получилась однородная масса. Читающей Клэр, когда ее волосы свисают со спинки стула, и Клэр, втирающей бальзам в посеченные волосы перед сном. И низкого голоса Клэр рядом со мной.

Ненавижу быть там, где ее нет, когда ее нет. И все же я каждый раз ухожу, а она не может пойти за мной.

I. Человек вне времени

…Ведь не ради же счастья –
Предвкушения раннего близкой утраты…
‹…›
Нет, потому, что здешнее важно, и в нас
Как будто нуждается здешнее, эта ущербность,
Не чужая и нам, нам, самым ущербным. Однажды.
Все только однажды. Однажды и больше ни разу.
Мы тоже однажды. Но это
Однажды, пускай хотя бы однажды,
Пока мы земные, наверное, неотвратимо.
‹…›
Что с собою возьмешь? Не возьмешь созерцанье,
Исподволь здесь обретенное, и никакие событья.
Значит, здешние муки и здешнюю тяжесть,
Здешний длительный опыт любви…
Сплошь несказанное. Позже, однако,
Среди звезд каково: еще несказаннее звезды.

Райнер Мария Рильке.
Из «Девятой Дуинской элегии»[2]

Первое свидание, часть первая

26 октября 1991 года, суббота (Генри 28, Клэр 20)

КЛЭР: В лаборатории прохладно и пахнет средством для чистки ковров, хотя, куда ни взглянешь, везде один мрамор. Я заполняю карточку посетителя: «Клэр Эбшир, 11:15, 26/10/1991, отдел редких книг». Я никогда раньше не была в библиотеке Ньюберри и теперь, войдя в темное, мрачное здание, ужасно волнуюсь. Мне кажется, что библиотека – это огромная коробка, полная прекрасных книг, настоящий рождественский подарок. В лифте царит полумрак, шума почти не слышно. Выхожу на третьем этаже, заполняю заявку на пропуск, потом иду наверх в отдел редких книг. Каблуки стучат по деревянному полу. В комнате тихо, хотя довольно людно. Рядами стоят солидные, тяжелые столы, заваленные книгами; вокруг них толпятся читатели. Через высокие окна проникает осеннее чикагское утро. Подхожу к столу, беру несколько заявок. Я пишу работу по истории искусств. Тема моего исследования – «Келмскотт-Пресс»[3], Чосер. Мне нужен сам текст, и я заполняю на него заявку. Но еще мне хочется почитать об изготовлении бумаги в Келмскотте. Ничего в этом каталоге не понимаю. Иду обратно к столу и прошу женщину помочь мне. Начинаю объяснять, что мне нужно, она бросает взгляд мне за спину и обращается к кому-то:

– Возможно, мистер Детамбль сможет помочь вам.

---

[2] Перевод В. Микушевича.

[3] Издательство, основанное в 1891 г. в Келмскотте под Оксфордом выдающимся писателем, поэтом, художником и дизайнером Уильямом Моррисом (1834–1896), близким к прерафаэлитам.

Я оборачиваюсь, готовясь объяснять все сначала, и оказываюсь лицом к лицу с Генри.

У меня нет слов. Это Генри, спокойный, в одежде, моложе, чем я его когда-либо видела. Генри работает в библиотеке Ньюберри, и он стоит напротив меня, сейчас, в настоящем. Здесь и сейчас. Это просто невероятно. Он терпеливо смотрит на меня, вежливо, но неуверенно.

– Я могу вам чем-то помочь? – спрашивает он.

– Генри!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не кинуться ему на шею. Ясно вижу, что он понятия не имеет, кто я такая.

– Мы встречались? Извините, но я не…

Генри бросает взгляд по сторонам, он беспокоится, что мы привлекаем внимание читателей, коллег, и роется в памяти, пытаясь осознать, что, наверное, в будущем он встречал эту невероятно счастливую девушку, которая сейчас стоит напротив него. В последнюю нашу встречу мы занимались любовью в долине.

Я пытаюсь объяснить:

– Я Клэр Эбшир. Я знала тебя, когда была маленькой девочкой…

Я растеряна, потому что люблю человека, который стоит сейчас передо мной и ничего обо мне не помнит.

Для него это все в будущем. Мне хочется смеяться, настолько все нелепо. Я переполнена годами общения с Генри, а он смотрит на меня в замешательстве и страхе. Генри, одетый в старые рыбацкие штаны моего отца, терпеливо проверяющий у меня таблицу умножения, французские глаголы и названия столиц штатов; Генри, смеющийся при виде особо причудливого обеда, который я, семилетняя девчонка, принесла ему в долину; Генри, одетый в смокинг, трясущимися руками пытающийся расстегнуть запонки в день моего восемнадцатилетия. Он здесь! Сейчас!

– Давай встретимся, кофе выпьем или пообедаем, пожалуйста…

Конечно, он не может не согласиться, ведь это Генри, который меня любит в прошлом и будущем, и конечно, он должен любить меня сейчас, в этом смутном отголоске какого-то другого времени. Он соглашается, я в восторге. Мы договариваемся встретиться вечером в тайском ресторане, и все это на глазах у изумленной женщины, его коллеги. Я ухожу, забыв про Келмскотт и про Чосера, лечу вниз по мраморным ступеням, через вестибюль, на улицу, под октябрьское чикагское солнце, бегу через парк, распугивая собак и белок. И кричу от радости и восторга.

ГЕНРИ: Обычный октябрьский день, солнечный и морозный. Я на работе: маленькая комнатка с регулятором уровня влажности и без окон на четвертом этаже в Ньюберри. Я разбираю каталог документов на крапчатых страницах, недавно полученных библиотекой в дар. Листки очень красивые, но раскладывать их такая скука, и мне тошно и жалко себя. И вообще, я чувствую себя старым, как только двадцативосьмилетний мужчина может чувствовать себя после бессонной ночи, водки по нечеловечески высокой цене и попыток, впрочем безрезультатных, снова завоевать доброе расположение Ингрид Кармайкл. Мы целый вечер ругались, и теперь я даже не могу вспомнить, по какому поводу. В голове тяжело стучит кровь. Нужно выпить кофе. Оставляю документы в состоянии творческого беспорядка и иду через читальный зал, мимо стола для заявок. Меня останавливает Изабель:

– Возможно, мистер Детамбль сможет помочь вам.

Ей явно хочется сказать: «Генри, проныра ты этакий, куда это ты намылился?» Потрясающе красивая стройная рыжеволосая девушка поворачивается и смотрит на меня, как будто я – Иисус во плоти. У меня все внутри сжимается. Очевидно, она меня знает, но я ее не помню. Один бог знает, что я сказал, сделал или пообещал этому сияющему от счастья созданию. Мне ничего не остается, как только самым библиотекарским тоном осведомиться:

– Я могу вам чем-то помочь?

– Генри! – сдавленно выдыхает девушка, и я немедленно понимаю, что когда-то между нами было что-то *потрясающее*. Час от часу не легче, ведь я ничего не знаю о ней, даже имени.

– Мы встречались? – спрашиваю я.

Изабель смотрит на меня, в ее взгляде я читаю одно слово: «Придурок».

– Я Клэр Эбшир, – отвечает девушка. – Я знала тебя, когда была маленькой девочкой…

Она приглашает меня на обед. Окончательно обалдев, я принимаю приглашение. Она глаз от меня не отводит, хотя я небрит, с похмелья и вообще не в лучшей форме. Мы собираемся встретиться вечером в «Бью Тай», и Клэр, убедившись, что я никуда от нее не денусь, убегает из читального зала. Я еду в лифте, все еще не придя в себя, и постепенно до меня доходит, что выигрышный лотерейный билет, брошенный мною в будущем, каким-то образом нашел меня в настоящем. Мне становится смешно. Я прохожу через вестибюль и, спускаясь по ступеням на улицу, вижу, как Клэр бежит через парк Вашингтона, подпрыгивая и крича от радости, и я чуть не плачу, сам не знаю почему.

Позже вечером

ГЕНРИ: Шесть вечера. Лечу домой с работы и пытаюсь придать себе нормальный вид. Сейчас я живу в крошечной, но безумно дорогой мастерской на Норт-Диаборн, постоянно натыкаясь на неудобные стены, замысловатые выступы и мебель. Шаг первый: отпираю семнадцать замков на входной двери, втискиваюсь в гостиную (она же – спальня) и начинаю стягивать с себя одежду. Шаг второй: душ и бритье. Шаг третий: бессмысленно таращусь в недра гардероба, постепенно понимая, что совсем чистых вещей у меня нет. Нахожу одну белую рубашку в сумке, которую принес из химчистки. Решаю надеть черный костюм, рубашку и бледно-голубой галстук. Шаг четвертый: надеваю все это и понимаю, что похож на агента ФБР. Шаг пятый: оглядываюсь и вижу, что в комнате бардак страшный. Решаю Клэр сегодня в свою берлогу не приводить, даже если дело к этому пойдет. Шаг шестой: смотрю в большое зеркало в ванной и вижу десятилетнего костлявого высокого Эгона Шиле[4] с бешеным взглядом, в чистой рубашке и костюме, как у директора похоронного агентства. Размышляю, в какой, интересно, одежде эта женщина видела меня раньше, поскольку я из своего будущего в ее прошлое приходил явно не в своей одежде. Кажется, она сказала, что была тогда маленькой девочкой? В моей голове проносится целый вихрь вопросов без ответов. Останавливаюсь и на секунду перевожу дыхание. Все в порядке. Хватаю бумажник и ключи и стартую: запираю тридцать семь замков, спускаюсь в капризном маленьком лифте, в холле покупаю розы для Клэр. Теперь в рекордном темпе пробегаю два квартала до ресторана, но все-таки на пять минут опаздываю. Клэр уже сидит за столиком и, увидев меня, облегченно переводит дух. И машет мне рукой, как на параде.

– Привет, – говорю я.

На Клэр бархатное платье цвета бордо и жемчуг. Она словно сошла с полотна Боттичелли, задержавшись по пути у Джона Грэма[5]: большие серые глаза, длинный нос, крошечный нежный ротик, как у гейши. У нее длинные рыжие волосы, спадающие на плечи и достающие до середины спины. Клэр такая бледная, что при свечах похожа на восковую фигуру. Я вытягиваю перед собой руку с букетом:

– Это тебе.

---

[4] *Эгон Шиле* (1890–1918) – астрийский художник-экспрессионист.

[5] *Джон Грэм* (Иван Домбровский, 1886–1961) – американский художник русского происхождения, авангардист и примитивист.

– Спасибо, – отвечает Клэр, выглядя нелепо счастливой. В ответ на мой недоуменный взгляд она поясняет: – Ты мне никогда цветов не дарил.

Проскальзываю за столик напротив нее. Я зачарован. Эта женщина меня *знает*; это не просто случайная знакомая из моих будущих мытарств. Появляется официантка и дает нам меню.

– Расскажи, – требую я.

– О чем?

– Обо всем. Ну, в смысле, почему я тебя не знаю? Мне ужасно жаль, что…

– Да что ты, не стоит. Ну, я знаю… почему это так. – Клэр понижает голос. – Это потому, что с тобой этого никогда не случалось, а со мной это было, то есть я тебя знаю уже давно.

– Насколько давно?

– Около четырнадцати лет. Я тебя первый раз увидела, когда мне было шесть.

– Господи! Ты меня часто видела? Или всего несколько раз?

– Последний раз, когда я тебя видела, ты велел мне принести это на ужин, когда мы встретимся снова. – Клэр показывает мне бледно-голубой девчачий дневник. – Так что вот… – Она протягивает мне дневник. – Держи.

Открываю его на странице, заложенной газетным обрывком. Страница, в правом верхнем углу которой притаились два кокер-спаниеля, размечена датами. Начинается все 23 сентября 1977 года и заканчивается через шесть маленьких голубых страниц со щенками 24 мая 1989 года. Там сто пятьдесят две даты, которые с величайшим старанием синими чернилами, по всем правилам, вывела детская ручонка.

– Это ты составила список? Тут все правильно?

– Если честно, это продиктовал мне ты. Несколько лет назад ты сказал, что выучил эти даты наизусть. Поэтому не знаю, все ли здесь совпадет с действительностью; ну, это кажется чем-то вроде ленты Мёбиуса. Но все точно. С помощью списка я узнавала, когда приходить в долину, чтобы тебя встретить.

Появляется официантка, и мы делаем заказ: суп из кокосового молока для меня и блюдо с острым чили для Клэр. Официантка приносит чай, я разливаю его по чашкам.

– Что такое «долина»? – Я чуть не подпрыгиваю от возбуждения.

Я никогда никого не встречал из своего будущего, особенно творение Боттичелли, которое виделось со мной сто пятьдесят два раза.

– Долина – это часть участка моих родителей в Мичигане. Там с одной стороны леса, а с другой – дом. Где-то в середине есть поляна примерно десяти футов в диаметре, а на ней – большой камень, и если ты на поляне, то из дома тебя не видно, потому что там пригорок, а поляна внизу. Раньше я там играла, потому что любила бывать одна, и думала, что никто не знает, что я там. Однажды – я была тогда в первом классе – я пришла домой после школы и пошла на поляну, а там был ты.

– Ага, абсолютно голый, чего доброго, меня еще и тошнило.

– Если честно, ты казался вполне спокойным. Я помню, что ты назвал меня по имени, и еще помню, что ты очень эффектно исчез. Теперь я точно знаю, что ты там бывал и раньше. Думаю, впервые это случилось в восемьдесят первом году; мне было десять. Ты таращился на меня и повторял: «Господи!» А еще тебя, казалось, ужасно беспокоило, что ты голый, но я постепенно совсем привыкла, что этот взрослый голый дядька необыкновенным образом появляется из будущего и требует одежду, – тут Клэр улыбается, – и еще еду.

– Что смешного?

– Долгие годы я тебе готовила абсолютно дикие блюда. Сэндвичи с арахисовым маслом и анчоусами. Паштет и свеклу на крекерах «Ритц». Думаю, с одной стороны, я хотела увидеть, изобрету ли что-нибудь, от чего ты откажешься, а с другой – старалась произвести на тебя впечатление своими кулинарными талантами.

– Сколько мне было лет?

– Думаю, самое старшее, что я видела, – сорок с чем-то. Не уверена насчет самого молодого – может, около тридцати? А тебе сейчас сколько?

– Двадцать восемь.

– Ты мне сейчас кажешься таким молодым. Последние несколько лет я видела тебя примерно сорокалетним, и казалось, что жизнь у тебя не сахар… Трудно сказать. Когда ты маленькая, все взрослые кажутся такими большими и старыми.

– И что мы делали? Там, в долине? Я так понимаю, мы там много времени проводили.

– Мы много чего делали, – улыбается Клэр. – Все зависело от моего возраста и от погоды. Ты мне часто помогал с домашними заданиями. Мы играли. А чаще всего просто болтали обо всем. Когда я была совсем маленькая, я думала, что ты ангел; я задавала тебе много вопросов о Боге. Когда я стала подростком, то пыталась тебя соблазнить, а ты не поддавался, и поэтому, конечно, мне тебя хотелось еще сильнее. Думаю, ты опасался, что сексуально к себе привяжешь, что ли. В какой-то степени ты был таким по-отцовски заботливым.

– Ух ты! Может, это было благородно с моей стороны, но сейчас мне не очень хочется быть заботливым папочкой.

Наши взгляды встречаются. Мы оба загадочно улыбаемся: еще бы, у нас общая тайна.

– А как же зимой? Зимы в Мичигане не сахар.

– Я тебя украдкой в дом приводила, в подвал; в доме был большой подвал, там было нескольких комнат и такой чулан с топкой в углу. Мы называли его читальным залом, потому что там складывали все старые журналы и ненужные книги. Как-то раз была пурга, и никто в школу не ходил, и на работу тоже, и я думала, что с ума сойду, пока достану тебе поесть, потому что в доме почти ничего не осталось. Этта как раз собиралась за продуктами ехать, когда разразился буран. И ты целых три дня читал старые «Ридерз дайджест» и жил на сардинах и лапше из пакетиков.

– Острые блюда. Интересно будет попробовать.

Нам приносят заказ.

– Ты когда-нибудь училась готовить?

– Нет, не скажу, что я умею готовить. Нелли и Этта всегда злились, когда я начинала возиться на кухне. Единственное, что мне разрешалось, – это колы себе налить. А с тех пор как я переехала в Чикаго, готовить мне не для кого, так что нет стимула экспериментировать. Обычно я слишком занята в колледже, и вообще, поэтому я ем здесь.

Клэр откусывает кусок чего-то, политого карри:

– Здесь здорово.

– Кто это – Этта и Нелли?

– Нелли – наш повар, – улыбается Клэр. – Нелли – это как *cordon bleu* из Детройта; она как Арета Франклин, если бы та играла Джулию Чайлд[6]. Этта – наша экономка и главная во всех делах. Она нам почти как *мама*; ну, в смысле, моя мама… ну, в общем, Этта просто всегда рядом, она немка и очень строгая, но ужасно уютная, а моя мама как бы витает в облаках, понимаешь?

Я киваю, пытаясь проглотить суп.

– Да, и еще Питер, – добавляет Клэр. – Питер – наш садовник.

– Ух ты! У вас слуги есть. Ты, видимо, другого поля ягода, нежели я. А… я когда-нибудь с твоими домашними знакомился?

---

[6] «Голубая лента» *(фр.)*, т. е. первоклассный повар. *Арета Франклин* (р. 1942) – певица, «королева соула». *Джулия Чайлд* (1912–2004) – знаменитый американский кулинар, апологет французской кухни.

– Ты виделся с бабушкой Миагрэм прямо перед ее смертью. Я только ей про тебя и рассказывала. К тому времени она почти совсем ослепла. Она знала, что мы собираемся пожениться, и хотела, чтобы я вас познакомила.

Я перестаю жевать и смотрю на Клэр. Она смотрит в ответ безмятежно, ангельски спокойно, как будто все так и должно быть.

– Мы собираемся пожениться?

– Думаю, да, – отвечает она. – Ты мне об этом годы напролет твердил: мол, там, откуда ты приходишь, мы с тобой женаты.

Это перебор. Это слишком. Я закрываю глаза и понимаю, что в голове у меня абсолютно пусто; единственное желание – не разнервничаться и не потерять связи с настоящим.

– Генри? Генри, ты в порядке?

Я чувствую, как Клэр скользнула на диванчик рядом со мной. Открываю глаза, она твердой ладошкой сжимает мою руку. Я беру ее ладонь и вижу, что это рука труженицы, грубая и загорелая.

– Генри, извини, я просто не могу привыкнуть к этому. Все совсем наоборот. Ну, всю жизнь именно ты знал обо всем, и я сегодня немного забылась… забыла, что не нужно торопиться. – Она улыбается. – Вообще-то, чуть ли не последние слова, которые ты сказал мне уходя, были: «Клэр, пощади». Ты сказал это как бы в кавычках, и, думаю, ты цитировал меня.

Она не отпускает мои руки, страстно глядя на меня; в ее глазах такая любовь. Я ужасно стесняюсь.

– Клэр?

– Да?

– Давай притормозим, а? Давай притворимся, что у нас нормальное первое свидание нормальных людей?

– Хорошо. – Клэр поднимается и идет на свое место напротив меня. Она садится, выпрямив спину, и старается не улыбаться.

– Хм, хорошо. Э-э… Да, Клэр, расскажи мне о себе. Хобби? Домашние животные? Необычные сексуальные склонности?

– Сам выясняй.

– Хорошо. Посмотрим… Твой колледж отсюда далеко? Где ты учишься?

– В колледже при Институте искусств. Занимаюсь скульптурой и только что начала изучать изготовление бумаги.

– Здорово. А над чем ты работаешь?

Кажется, Клэр впервые за вечер смутилась:

– Ну, она такая… большая и про… про птиц.

Она смотрит в стол, делает глоток чая.

– Птиц?

– Ну, на самом деле это… про желание.

Она по-прежнему на меня не смотрит, и я меняю тему:

– Расскажи мне про свою семью.

– Хорошо. – Она улыбается, расслабившись. – Ну… моя семья живет в Мичигане, недалеко от небольшого городка, на озере Саут-Хейвен. Это за городом. Изначально дом принадлежал родителям моей матери, моим дедушке и бабушке Миагрэм. Дед умер до моего рождения, а бабушка жила с нами до самой смерти. Мне было семнадцать, когда она умерла. Мой дедушка был юристом, и папа мой тоже юрист; папа встретил маму, когда пришел на работу в фирму ее отца.

– В общем, он женился на дочке босса.

– Ага. На самом деле иногда мне кажется, что он женился на доме босса. Мама была единственным ребенком в семье, ну а дом… дом просто потрясающий; его фотографии есть во многих книгах по искусству и архитектуре.

– А как он называется? Кто его построил?

– Называется он Медоуларк-хаус[7], а построил его Питер Уинс в тысяча восемьсот девяносто шестом году.

– Ух ты! Я видел его на фотографиях. Его построили для кого-то из Хендерсонов, да?

– Да. Это был свадебный подарок для Мэри Хендерсон и Дитера Баскомба. Они развелись через два года после того, как въехали в дом, ну и продали его.

– Шикарный дом.

– Моя семья сама шикарная. А еще они ужасно по этому поводу загоняются.

– А братья и сестры у тебя есть?

– Марку двадцать два, он заканчивает Гарвардскую юридическую школу. Алисии семнадцать, она старшеклассница в средней школе. Она виолончелистка.

(Я отмечаю привязанность к сестре и определенное равнодушие к брату.)

– Ты со своим братом не очень ладишь?

– Марк такой же, как отец. Они оба любят побеждать, говорить свысока, давить, пока не подчинишься.

– Знаешь, я всегда завидовал людям, у которых есть братья и сестры, даже если у них не самые теплые отношения.

– Ты один в семье?

– Да. Я думал, что ты все обо мне знаешь.

– Если честно, я знаю все и – ничего. Я знаю, как ты выглядишь без одежды, но до сегодняшнего дня не знала твоей фамилии. Я знала, что ты живешь в Чикаго, но ничего не знала о твоей семье, за исключением того, что твоя мама погибла в автомобильной катастрофе, когда тебе было шесть. Я знаю, что ты хорошо разбираешься в искусстве и бегло говоришь по-французски и по-немецки; но понятия не имела, что ты библиотекарь. Ты делал все возможное, чтобы в настоящем я тебя не нашла; ты говорил, что это случится, когда придет время, и вот оно пришло.

– Да, вот оно пришло, – соглашаюсь я. – Ну, моя семья не такая шикарная. Они музыканты. Мой отец – Ричард Детамбль, а маму звали Аннет Линн Робинсон.

– Боже, та самая певица!

– Да. А отец – скрипач. Он играет в Чикагском симфоническом оркестре. Но на такую высоту, как мама, никогда не поднимался. Это просто позор, потому что отец – замечательный скрипач. После того как мама умерла, он не живет, а существует.

Приносят счет. Мы почти ничего не съели, но уж меня сейчас интересует точно не еда. Клэр берет в руки сумочку, но я качаю головой. Я расплачиваюсь, мы выходим из ресторана и оказываемся на Кларк-стрит, вокруг нас прекрасный осенний вечер. На Клэр изысканная голубая вязаная накидка и меховой шарф; я забыл дома пальто и потихоньку трясусь от холода.

– Где ты живешь? – спрашивает Клэр.

«О нет!»

– Я живу за два квартала отсюда, но квартирка крошечная и жутко захламленная. А ты?

– Роской-Виллидж, на Хойне. Но у меня там соседка по комнате.

– Если мы пойдем ко мне, тебе придется закрыть глаза и сосчитать до тысячи. А может, твоя соседка нелюбопытная и глухая в придачу?

– Размечтался. Я никогда никого туда не привожу; Кларисса набросится на тебя и начнет засовывать бамбуковые щепки под ногти, пока ты во всем не сознаешься.

---

[7] Meadowlark House *(англ.)* – Дом жаворонка в долине.

– Я просто мечтаю, чтобы меня помучила девушка по имени Кларисса, но вижу, ты моих пристрастий не разделяешь. Пойдем тогда ко мне.

Мы идет на север по Кларк-стрит. Я сворачиваю в магазинчик «Спиртные напитки на Кларк-стрит» за бутылкой вина. Возвращаюсь, Клэр смотрит удивленно:

– Я думала, тебе пить нельзя.

– Почему это?

– Доктор Кендрик очень строг насчет выпивки.

– А кто это?

Мы идем медленно, потому что на Клэр неудобные туфли.

– Он твой врач, большой эксперт по хронодислокации.

– Объясни.

– Я сама толком не знаю. Доктор Дэвид Кендрик – молекулярный генетик, который обнаружил… то есть обнаружит причину, почему люди перемещаются во времени. Это генетика, он это в две тысячи шестом году обнаружит. – Она вздыхает. – Думаю, сейчас еще просто слишком рано об этом говорить. Однажды ты мне сказал, что где-то лет через десять перемещающихся во времени людей будет гораздо больше.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то еще… перемещался.

– Думаю, пойди ты сейчас искать доктора Кендрика, он бы тебе не помог. А если бы помог, мы бы вообще никогда не встретились.

– Давай сейчас об этом не думать.

Мы в моем подъезде. Клэр заходит за мной в лифт. Закрываю дверь и нажимаю одиннадцатый этаж. От Клэр пахнет старой тканью, мылом, пóтом и мехом. Делаю глубокий вдох. Лифт звякает, подпрыгнув на моем этаже; мы высвобождаемся из его недр и идем по узкому коридору. Я быстро расправляюсь со всеми ста семью замками, и дверь открывается с легким скрипом.

– Пока мы ужинали, тут все стало еще хуже. Мне придется завязать тебе глаза.

Клэр хихикает, когда я ставлю на пол бутылку вина и стягиваю галстук. Закрываю ей глаза галстуком и крепко затягиваю узел на затылке. Открываю дверь, провожу ее в комнату и усаживаю в кресло.

– Ну вот, теперь начинай считать.

Клэр послушно считает. Я мечусь как угорелый: хватаю белье и носки с пола, собираю ложки и кофейные чашки с различных горизонтальных поверхностей и сваливаю их в раковину. Когда она произносит: «Девятьсот шестьдесят семь», я снимаю галстук с ее глаз. Кровать я свернул, сделав ее диваном, и теперь сижу на нем.

– Вино? Музыку? Свечи? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста.

Встаю и зажигаю свечи. После этого выключаю верхний свет, и по комнате начинают прыгать маленькие огоньки. Так гораздо лучше. Ставлю розы в воду, достаю штопор, вытаскиваю из бутылки пробку и наливаю нам по бокалу вина. Подумав секунду, ставлю диск моей мамы – она исполняет *lieder*[8] Шуберта – и делаю звук потише.

Моя комната – это диван, кресло и тысяч пять книг.

– Как мило, – говорит Клэр.

Она встает и пересаживается на диван. Я сажусь рядом. Наступает волшебный момент, когда мы просто сидим и смотрим друг на друга. В волосах Клэр играют лучики света. Она протягивает руку и касается моей щеки.

– Я так рада тебя видеть. Я так скучала.

[8] Песни *(нем.)*.

Я притягиваю ее к себе. Мы целуемся. Это очень… привычный поцелуй, так целуются хорошо знакомые люди, и меня разбирает любопытство, чем же это таким мы в долине занимались, но я отбрасываю возникшую мысль. Наши губы раскрываются. Обычно в этот момент я думаю, как проникнуть под бесчисленные одежки, но вместо этого откидываюсь и вытягиваюсь на диване, за бока притягивая за собой Клэр; она очень скользкая в своем бархатном платье и проскальзывает, как бархатный уж, между спинкой дивана и мною. Она лежит лицом ко мне, я смотрю на нее, опираясь на руку. Через тонкую ткань я чувствую, как она прижимается всем телом ко мне. Часть меня изнывает от желания запрыгнуть на нее, облизать с ног до головы, оказаться внутри ее, но я слишком ошеломлен и обессилен.

– Бедный Генри.

– Почему это бедный? Я с ума схожу от радости.

Кстати, это правда.

– Ну, я обрушила на тебя все эти сюрпризы, как камни на голову.

Клэр перекидывает через меня ногу и оказывается точно на моем члене. Это абсолютно сбивает меня с мысли.

– Не шевелись, – говорю я.

– Хорошо. Но вечер просто чудесный. В смысле, знание – сила, и тому подобное. Мне всегда было жутко любопытно, где ты живешь, на что, какую одежду носишь.

– *Voilà*[9].

Мои руки проскальзывают под ее платье, к бедрам. На ней чулки и подвязки. Все как я люблю.

– Клэр?

– *Oui*[10].

– Мне кажется, это просто позор – вот так проглотить это все зараз. В смысле, немного предвкушения не помешает.

Клэр ужасно смущается:

– Прости! Но знаешь, с другой стороны, я ждала долгие годы. И это ж не торт… съешь, и все.

– Съешь один торт два раза.

– Это мой девиз.

Она улыбается тонкой хитрой улыбкой и несколько раз скользит по мне вверх-вниз. У меня такая эрекция, что, кажется, меня бы даже пустили кататься на самых крутых американских горках без родителей.

– Ты всегда добиваешься своего, да?

– Всегда. Я – просто кошмар. Вот только ты никогда не поддавался на мои хитрости. Я ужасно страдала на сухом пайке из французских глаголов и игры в шашки.

– Рад слышать, что у моего будущего «я» есть, по крайней мере, какое-то оружие, заставляющее тебя подчиняться. Ты это со всеми парнями проделываешь?

Клэр обижается; но не могу сказать, насколько искренне.

– Мне и в голову не приходило делать это с другими *парнями*. Что за грязные подозрения! – Она расстегивает мою рубашку. – Боже, ты такой… молодой.

Она сильнее сжимает мои соски. Черт с ней, с добродетелью. Я понял, как у нее платье расстегивается.

---

[9] Готово *(фр.)*.

[10] Да *(фр.)*.

Следующее утро

КЛЭР: Просыпаюсь и не понимаю, где я. Незнакомый потолок. В отдалении слышится шум дороги. Полки с книгами. Голубое кресло, и на нем висит мое бархатное платье, а сверху – галстук. Потом я вспоминаю. Поворачиваю голову и вижу Генри. Так просто, как будто я всю жизнь это видела. Он спит агрессивно, вывернулся весь так, как будто его водой вынесло на берег, одной рукой прикрывает от света глаза, длинные черные волосы разбросаны по подушке. Так просто. Здесь и сейчас, наконец-то сейчас.

Осторожно встаю с постели. Кровать Генри служит ему еще и диваном. Я встаю, скрипят пружины. Между кроватью и книжными полками не очень много места, поэтому я прохожу бочком, пока не добираюсь до коридора. Ванная комната просто крошечная. Я чувствую себя Алисой в Стране чудес, будто я вымахала слишком большая и, чтобы повернуться, нужно руку в окно высунуть. От украшенной орнаментом маленькой батареи исходит тепло. Я писаю, мою руки и умываюсь. А потом замечаю, что в пластиковом стаканчике на раковине стоят две зубные щетки.

Открываю аптечку. На верхней полке лезвия, крем для бритья, листерин, тиленол, крем после бритья, голубой мрамор, зубочистки, дезодорант. А на нижней – крем для рук, тампоны, диафрагма, дезодорант, губная помада, пузырек с мультивитаминами, тюбик спермицида. Помада темно-красного цвета.

Беру цилиндрик в руки. Мне немного не по себе. Интересно, как она выглядит, как ее зовут. Интересно, сколько они встречаются. Думаю, довольно долго. Ставлю помаду обратно и закрываю аптечку. Смотрю на свое бледное, растрепанное отражение в зеркале.

«Ладно, кто бы ты ни была, сейчас здесь я. Может быть, ты – прошлое Генри, но я – его будущее».

Улыбаюсь своему отражению. Оно улыбается в ответ. Надеваю махровый халат Генри, висящий на крючке на двери. Под ним вижу бледно-голубой шелковый халат. Надев его халат, почему-то чувствую себя лучше.

Возвращаюсь в комнату; Генри по-прежнему спит. Беру свои часы с подоконника: всего полседьмого. Но я слишком раздергана, чтобы уснуть. Иду в кухню за перегородкой поискать кофе. Все полки и плита завалены грудами тарелок, журналов и других печатных изданий. В раковине даже носок есть. Понимаю, что вчера вечером Генри просто все без разбора свалил сюда. Я всегда считала, что Генри ужасно аккуратный. Теперь-то ясно, что он один из тех, кто ужасно придирчив насчет внешности, но втайне неряшлив в остальных вещах. Кофе я нахожу в холодильнике, беру кофеварку и начинаю варить кофе. Ожидая, когда он закипит, просматриваю книги у Генри на полках.

Вот это тот Генри, которого я знаю. «Элегии, песни и сонеты» Донна, «Доктор Фауст» Кристофера Марло. «Голый завтрак», Энн Брэдстрит[11], Иммануил Кант. Барт, Фуко, Деррида. «Песни невинности и опыта» Блейка, «Винни Пух», «Аннотированная Алиса» Гарднера. Хайдеггер. Рильке. «Тристрам Шенди»[12], «Смерть и безумие в Висконсине»[13]. Аристотель. Епископ Беркли. Эндрю Марвелл. «Гипотермия, обморожение и другие холодные травмы».

Скрипит кровать, я подпрыгиваю. Генри сидит и смотрит на меня, прищурившись в утреннем свете. Он такой молодой, такой *незнакомый*… И он еще меня не знает. Мне вдруг становится страшно, что он меня забыл.

---

[11] *Энн Брэдстрит* (1612–1672) – поэтесса; первый поэт, опубликовавший свои стихи в Америке.

[12] «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767) – роман Лоренса Стерна.

[13] «Wisconsin Death Trip» (1973) – знаменитая книга Майкла Леси из фотографий Чарльза ван Шейка и газетных материалов конца XIX в.; сюрреалистический кошмар, составленный исключительно из фактических материалов. В 1999 г. Джеймс Марш выпустил экранизацию.

– Замерзла? – спрашивает он. – Ложись в постель, Клэр.

– Я кофе сделала, – предлагаю я.

– Ммм, чую запах. Но сначала подойди и поздоровайся.

Залезаю в его халате в постель. Его рука ныряет под халат и вдруг на секунду останавливается, и я вижу: он сообразил, что я была в ванной и видела следы присутствия его визави.

– Ты расстроилась? – спрашивает он.

На секунду я не знаю, что сказать.

– Да. Я расстроилась. Я расстроилась.

Генри садится, и я сажусь тоже. Он поворачивает голову ко мне и смотрит в глаза.

– В любом случае, это уже почти в прошлом.

– Почти?

– Я как раз собирался порвать с ней. Просто сейчас не лучший момент. Или наоборот – удачный. Не знаю.

Он шарит по мне глазами, пытаясь найти там… что? Прощение? Он не виноват. Откуда ему было знать?

– Мы уже просто мучаем друг друга в последнее время… – Он начинает говорить все быстрее и быстрее, потом вдруг останавливается. – Тебе это интересно?

– Нет.

– Спасибо. – Генри трет руками лицо. – Прости. Я не знал, что ты придешь, а то бы убрался получше. Просто моя жизнь, ну… проходит не только тут.

Над ухом у Генри – след губной помады. Протягиваю руку и стираю. Он дотрагивается до моей руки и держит ее.

– Я не такой, да? Не такой, как ты ожидала? – настороженно спрашивает он.

– Да… ты более…

«Эгоистичный», – думаю я, но вместо этого говорю:

– Ты моложе.

– Это хорошо или плохо? – спрашивает он, подумав.

– Это просто по-другому. – Я провожу руками по плечам Генри, по спине, разминаю мышцы, изучаю отметины. – А ты себя видел, когда тебе за сорок было?

– Да. Видок, словно из камеры пыток.

– Да. Но ты менее… то есть ты более… Ну, то есть ты меня *знаешь*, поэтому…

– Поэтому прямо сейчас я кажусь тебе неуклюжим.

Точнее не скажешь, но я в ответ качаю головой:

– Нет, просто я-то через все прошла, а ты… Я не привыкла видеть тебя, когда ты ничего не знаешь.

Генри очень серьезен:

– Извини. Но человека, которого ты знаешь, еще не существует. Оставайся со мной, и рано или поздно он обязательно появится. Это все, что я могу предложить.

– Это справедливо, – признаю я. – Но пока что…

Он поворачивается и пристально смотрит на меня:

– Пока – что?

– Я хочу…

– Ты хочешь?

Я краснею. Генри улыбается и аккуратно опускает меня на подушки.

– Ты знал.

– Я не знал, но кое-что умею угадывать.

Позднее мы дремлем, укутанные теплом бледного октябрьского утра, лежим рядом, и Генри говорит что-то мне в затылок, но я не слышу его.

– Что?

– Я просто подумал: здесь, с тобой, очень спокойно. Мне просто очень хорошо лежать здесь и знать, что о будущем уже кто-то позаботился.

– Генри?

– Ммм?

– Почему ты никогда о себе не рассказывал?

– Потому что так надо.

– В смысле?

– Обычно я не рассказываю о будущем, если только там не что-то страшное, угрожающее жизни, понимаешь? Я стараюсь жить обычной жизнью. Не люблю, когда в одном времени живет мое другое «я», поэтому стараюсь не натыкаться на самого себя без необходимости.

Какое-то время я обдумываю это.

– А я бы себе все рассказывала.

– Нет, это не так. От этого слишком много проблем.

– Я всегда старалась заставить тебя рассказывать мне что-нибудь.

Я переворачиваюсь на спину, а Генри подпирает голову рукой и смотрит на меня сверху вниз. Наши лица разделяют какие-то шесть дюймов. Это так странно: разговаривать с ним, как мы делали сотни раз, но его физическая близость сбивает меня с толку.

– И я тебе рассказывал? – спрашивает он.

– Иногда. Когда у тебя настроение было или когда приходилось.

– Например?

– Вот видишь, ты хочешь знать. А я не скажу.

– Так мне и надо, – смеется Генри. – Эй, я есть хочу. Пойдем завтракать.

На улице морозно. По Диарбон едут машины и велосипедисты, парочки прогуливаются по тротуару, и мы среди них, в свете утреннего солнца, идем, держась за руки, наконец-то вместе, и пусть все видят! Я чувствую легкий укол сожаления, как будто у меня отняли тайну, но потом приходит ощущение восторга: вот теперь все и начнется.

Самый первый раз

16 июня 1968 года, воскресенье

ГЕНРИ: Первый раз было как в сказке. Разве я мог знать, что это означает? Был мой пятый день рождения, и мы пошли в Филдовский музей естествознания. Кажется, раньше я в нем не бывал. Родители за несколько недель начали рассказывать мне о чудесах, которые там есть, о чучелах слонов в огромных комнатах, скелетах динозавров и диорамах с пещерными людьми. Мама только что вернулась из Сиднея и привезла мне огромную, потрясающего синего цвета, бабочку *Papilio ulusses,* висевшую в рамке, набитой хлопком. Я подносил ее близко к глазам, так близко, что ничего, кроме этого синего цвета, не видел. Она наполняла меня чувством, которое позже я пытался заменить спиртным и наконец вновь обрел с Клэр, – чувством единения, забвения, отсутствия мысли в лучшем смысле этого слова. Родители описывали, какое в музее множество коробок с бабочками, колибри, жуками. Я был так взволнован, что проснулся до рассвета. Надел спортивные тапочки, взял свою *Papilio ulusses* и в одной пижаме пошел через задний двор, вниз по ступеням, к реке. Сел на причал и смотрел на восход. Мимо проплыло семейство уток, на другом берегу появился енот и некоторое время с любопытством меня разглядывал, прежде чем начал мыться и завтракать. Наверное, я заснул. Услышал, как меня зовет мама, и, осторожно, чтобы не уронить бабочку, побежал по скользким от росы ступенькам. Мама сердилась, что я один пошел на причал, но недолго, ведь это был мой день рождения, и вообще.

В тот вечер ни мама, ни отец не работали, поэтому одевались и собирались не спеша. Я был готов ехать гораздо раньше. Сидел на их кровати и делал вид, что читаю партитуру. Где-то в это время мои музыкальные родители обнаружили, что их единственный отпрыск лишен музыкального таланта. Я пытался, правда; но просто не мог услышать ничего из того, что слышали в музыкальном отрывке они. Мне нравилась музыка, но я не мог спеть и двух нот. И хотя я с четырех лет читал газеты, партитуры оставались для меня всего лишь забавными черными закорючками. Но родители продолжали надеяться, что у меня, возможно, есть скрытые музыкальные задатки, поэтому, когда я взял в руки партитуру, мама села рядом и решила помочь мне разобраться в ней. Потом мама начала петь, а я то и дело встревал, издавая ужасные завывания и щелкая пальцами; мы хихикали, она меня щекотала. Из ванной в одном полотенце вышел отец и присоединился к нам. Несколько восхитительных минут мы пели все вместе, отец взял меня на руки, и они танцевали, зажав меня между собой. Потом зазвонил телефон, и волшебство исчезло. Мама пошла взять трубку, а отец посадил меня на кровать и начал одеваться.

Наконец все были готовы. На маме было красное платье без рукавов и сандалии; она выкрасила ногти на руках и ногах в тон платью. Отец был великолепен – в синих брюках и белой рубашке с коротким рукавом, он создавал спокойный фон для цветового буйства в мамином наряде. Мы сели в машину. Как всегда, заднее сиденье было в моем полном распоряжении, поэтому я лег и смотрел на пролетающие за стеклом высокие здания, стоящие по Лейк-Шор-драйв.

– Поднимайся, Генри, – сказала мама. – Мы приехали.

Я сел и посмотрел на музей. До того момента мое детство прошло в поездках по европейским столицам, поэтому Филдовский музей удовлетворил мое представление о «музее», но ничего особенного в этом каменном фасаде с куполом я не нашел. Было воскресенье, и припарковаться было трудно, но наконец мы нашли место и пошли вдоль озера, мимо лодок, статуй и других взволнованных детей. Прошли между тяжелых колонн и оказались в музее.

Музей меня очаровал.

Здесь вся природа была поймана, снабжена ярлыками, выстроена в логическом порядке, таком же бесконечном, как и сам порядок, устроенный Богом. Возможно, сам Господь, случайно перепутав листки с описанием собственных же творений, попросил бы персонал музея помочь Ему разобраться во всем этом. Для меня, пятилетнего, которого одна лишь бабочка привела в полный восторг, брести по залам музея Филда было все равно что идти через Эдем и видеть все происходившее там.

В тот день мы увидели так много бабочек, и правда – сотни и сотни коробок с бабочками, из Бразилии, с Мадагаскара, даже сестру моей синей бабочки из Южного полушария. Музей был темный, холодный и старый, и это обостряло ощущение застывшего времени; в этих стенах притаилось само время, сама смерть. Мы видели кристаллы и пум, выхухолей и мумии, ископаемых и вновь ископаемых. Пообедали на лужайке около музея и опять нырнули в царство птиц, аллигаторов и неандертальцев. Ближе к концу я так устал, что едва стоял на ногах, но и подумать не мог о том, чтобы уйти. Появилась охрана и вежливо проводила нас к выходу; я пытался не расплакаться, но потом, конечно, заплакал, от огорчения и усталости. Отец взял меня на руки, и мы пошли к машине. Я заснул на заднем сиденье, и, когда проснулся, мы были уже дома и было время ужинать.

Ужинали мы внизу, у мистера и миссис Ким. Они сдавали нам квартиру. Мистер Ким был сердитый, немногословный мужчина, которому я нравился, но говорил он мало, а миссис Ким (я называл ее Кимми) была моей подружкой, моей ненормальной корейской нянькой, обожавшей играть в карты. Большую часть времени, когда не спал, я проводил с Кимми. Мама готовила неважно, а Кимми могла с непередаваемым изяществом приготовить все, начиная с суфле и заканчивая би-бим-боп[14]. В тот вечер, в честь моего дня рождения, она приготовила пиццу и шоколадный торт.

Мы ужинали. Все спели «С днем рождения», я задул свечи. Не помню, что я загадал тогда. Мне разрешили не ложиться спать дольше, чем обычно, потому что я был все еще так взволнован всем, что мы увидели, и потому что я поспал днем. Я сидел в пижаме на заднем крыльце с мамой, отцом, миссис и мистером Ким, пил лимонад и смотрел на голубизну вечернего неба, слушал цикад и звуки телевизионной передачи из другой квартиры. Наконец папа сказал: «Генри, в постель». Я почистил зубы, помолился и пошел спать. Несмотря на жуткую усталость, сна не было ни в одном глазу. Отец мне почитал книгу, а потом, видя, что я по-прежнему не могу уснуть, мама выключила свет, оставила мою дверь открытой и пошла в гостиную. Мы договорились, что она будет играть мне, сколько я захочу, но слушать я должен не вставая с постели. Мама села за пианино, отец взял скрипку, и они пели и играли долго-долго. Колыбельные, *lieder*, ноктюрны, все то, что помогает угомонить ребенка, который не хочет заснуть. Потом мама зашла ко мне в комнату посмотреть, уснул ли я. Наверное, я казался маленьким и настороженным в своей кроватке, в пижаме с изображениями животных.

– Ну, малыш? Не уснул?

Я покачал головой.

– Мы с папой идем спать. Ты в порядке?

Я кивнул, и она обняла меня.

– Ты сегодня очень устал в музее, да?

– А завтра мы туда поедем?

– Не завтра, но скоро поедем, договорились?

– Да.

– Спокойной ночи. – Она оставила дверь открытой и выключила свет в зале. – Баю-бай, поскорее засыпай.

[14] Корейское блюдо из говяжьего филея.

Я слышал тихие звуки, плеск, звук смываемой в туалете воды. Затем все стихло. Я выбрался из постели и встал на колени у окна. Видел свет в окнах соседнего дома, мимо проехала машина с включенным радио. Постоял так какое-то время, пытаясь уснуть, потом поднялся, и все изменилось.

2 января 1988 года, суббота, 4:03 утра / 16 июня, 1968 года, воскресенье, 10:46 вечера (Генри 24 и 5)

ГЕНРИ: Сейчас 4:03 утра, на редкость холодное январское утро, и я только возвращаюсь домой. Был на танцах, хмель еще не выветрился, я жутко устал. Ковыряюсь с ключами в ярко освещенном холле и вдруг падаю на колени, голова кружится, меня тошнит, я оказываюсь в темноте, и меня рвет на кафельный пол. Поднимаю голову и вижу красную горящую надпись «ВЫХОД» и, когда глаза привыкают к темноте, вижу вокруг тигров, пещерных мужчин с длинными копьями, женщин в нарочито скромных шкурах и зверских собак. Сердце чуть не выскакивает из груди, и на секунду, которая длится вечность, в одурманенной алкоголем голове формируется мысль: «Черт, я попал в каменный век», но наконец понимаю, что надпись «ВЫХОД» с большей вероятностью относится к веку двадцатому. Встаю, меня трясет, иду к двери, под босыми ногами ледяные плитки, по всему телу бегают мурашки, и волосы становятся дыбом. Вокруг полная тишина. Кондиционеры работают вовсю, и очень холодно. Дохожу до двери и заглядываю в соседнюю комнату. Она полна стеклянных коробок; белые фонари светят через высокие стекла, и я вижу тысячи жуков. Я в музее Филда, слава богу. Стою неподвижно, глубоко дышу, пытаясь привести мысли в порядок. Какая-то мысль пробивается через задурманенное сознание, и я пытаюсь выцарапать ее. Я должен что-то сделать. Да. Мой пятый день рождения… кто-то там был, и этот кто-то – я, и мне надо что-то сделать… Мне нужна одежда. Да. Ну конечно же.

Пробегаю через царство насекомых, по длинному коридору, в конце которого лестница на второй этаж, вниз по западной лестнице на первый этаж, слава богу, еще нет датчиков движения. В лунном свете надо мной угрожающе нависают огромные слоны, и я машу им рукой, пробегая к магазинчику с сувенирами, находящемуся справа от главного входа. Я хочу найти что-нибудь подходящее. Вот оно: резной нож для бумаги, металлическая закладка для книг с эмблемой музея Филда и две футболки с динозаврами. Замки на витринах просто смех, я открываю их найденной у кассы булавкой для волос и беру то, что мне нужно. Отлично. Теперь обратно на лестницу, на третий этаж. Здесь располагается «чердак» музея Филда: лаборатории и комнаты персонала. Прочитываю таблички с именами на дверях, но ни одно из них ничего мне не обещает; наконец останавливаюсь напротив первой попавшейся двери и просовываю закладку для книг, пытаюсь поддеть замок, и вот я внутри.

Этот офис принадлежит У. М. Уильямсону, и я понимаю, что этот парень ужасный неряха. Повсюду бумаги, кофейные чашки и окурки, не помещающиеся в пепельнице; на рабочем столе лежит частично собранный скелет змеи. Быстро исследую кладовку с одеждой и ничего не нахожу. Следующая комната принадлежит женщине, Дж. Ф. Беттли. В третьей комнате мне везет. Д. У. Фитч держит в кабинете костюм, аккуратно висящий на плечиках, и он, в общем, мне подходит, хотя рукава и штанины немного коротковаты, а лацканы широковаты. Под пиджаком на мне футболка с динозаврами. Ботинок нет, но выгляжу я прилично. У Фитча в ящике стола лежит запечатанная упаковка с печеньем «Орео», благослови его Господь. Забираю ее и ухожу, аккуратно закрыв за собой дверь.

Где я был, когда увидел себя? Зажмуриваю глаза, и на меня наваливается физическая усталость, я чувствую на себе ее сонные пальцы. Ноги подкашиваются, но тут я вспоминаю:

силуэт человека, освещенный со спины, идет ко мне от главных дверей музея. Мне нужно вернуться в главный холл.

Дохожу туда, все тихо и неподвижно. Прохожу через середину холла, пытаясь точно припомнить, где я стоял, и сажусь около гардероба, слева от входа. В голове шумит, гудят кондиционеры, свистят проносящиеся по Лейк-Шор-драйв автомобили. Съедаю десять печений одно за другим, медленно пережевывая, аккуратно отделяя каждый слой, языком стаскивая с передних зубов начинку, заставляю шоколадные половинки таять во рту, чтобы растянуть вкус. Я понятия не имею, сколько сейчас времени и сколько мне нужно ждать. Я уже почти протрезвел и сижу настороженный. Время проходит, ничего не меняется. И наконец я слышу тихий удар и вскрик. Тишина. Жду. Тихо встаю и крадусь в холл, медленно прохожу по освещенным кусочкам мраморного пола. Останавливаюсь в середине дверного проема и тихо зову:

– Генри.

Ничего. Хороший мальчик, осторожный и тихий. Я снова пытаюсь:

– Все в порядке, Генри. Я твой экскурсовод, я здесь затем, чтобы все тебе показать. Это специальная экскурсия. Не бойся, Генри.

Я слышу настороженный, очень-очень тихий звук.

– Я принес тебе футболку, Генри. Чтобы ты не замерз, пока мы будем смотреть экспонаты.

Я вижу его, он стоит на границе света и темноты.

– Вот, держи.

Бросаю ему футболку, и она исчезает, а потом он выходит на свет. Футболка достает до колен. Мне пять лет, черные взлохмаченные волосы, бледное лицо в свете луны, карие, почти славянского типа глаза, взгляд колючий, но по-мальчишески веселый. В пять лет я счастливый, нормальный ребенок в руках заботливых родителей. Как все изменилось с тех пор.

Медленно иду к нему, наклоняюсь и тихо говорю:

– Привет. Я рад видеть тебя, Генри. Спасибо за то, что пришел сегодня.

– Где я? И кто вы такой? – У него тихий и высокий голосок, который тихим эхом отражается от холодных каменных стен.

– Ты в музее Филда. Меня послали сюда, чтобы я показал тебе те вещи, которые днем не видно. Меня тоже зовут Генри. Разве не смешно?

Он кивает.

– Хочешь печенье? Я всегда ем печенье, когда хожу по музеям. Так лучше все чувствуется.

Протягиваю ему пакетик. Он колеблется, неуверенный, а можно ли это делать; он голоден, но не уверен, сколько он может взять, чтобы не показаться плохо воспитанным.

– Возьми сколько хочешь. Я уже десять штук съел, так что догоняй. – (Он берет три штуки.) – Ты хотел бы посмотреть что-нибудь в самую первую очередь? – (Он качает головой.) – Давай сделаем так: пойдем на третий этаж, где они держат вещи, которые никому не показывают. Хорошо?

– Хорошо.

Мы идем вверх по темной лестнице. Он не может идти быстро, и я притормаживаю, чтобы он не отставал.

– А где мама?

– Она дома, спит. Это особая экскурсия, специально для тебя, ведь у тебя сегодня день рождения. К тому же взрослые такого не делают.

– А вы разве не взрослый?

– А я неправильный взрослый. У меня работа такая – приключения. Поэтому, само собой, когда я узнал, что ты хочешь обязательно вернуться в музей Филда, я не мог упустить возможность провести тебя по нему.

– Но как я сюда попал? – Он останавливается на верху пролета и с полным недоумением в глазах смотрит на меня.

– Ну, это секрет. Если я тебе расскажу, тебе придется поклясться, что никому не расскажешь.

– Почему?

– Потому что тебе никто не поверит. Ты можешь рассказать маме или Кимми, если хочешь, но больше никому. Договорились?

– Договорились…

Я опускаюсь перед ним на колени, перед своим невинным «я», и смотрю ему в глаза:

– Клянешься никому не говорить?

– Угу.

– Ну хорошо. В общем, ты переместился во времени. Ты был в своей спальне, и вдруг – бах! – ты здесь, и у нас полно времени, чтобы все посмотреть, прежде чем тебе придется идти домой.

Он молчит, озадаченный.

– Понимаешь?

– Но… почему?

– Ну, я еще и сам не знаю. Но когда узнаю, сразу расскажу тебе. А пока пойдем. Печенье хочешь?

Он берет одну штуку, и мы медленно идем по коридору.

Я решаю попробовать:

– Давай сюда зайдем.

Просовываю закладку в щель двери с цифрами «306» на табличке и открываю ее. Включаю свет, и мы видим наваленные на полу камни размером с тыкву, целые и половинки, неровные снаружи и с железными бороздками на сколах.

– Ух ты, Генри, посмотри: метеориты.

– Что такое метеориты?

– Камни, которые падают из космоса.

Он смотрит на меня так, как будто я сам из космоса.

– В другую комнату пойдем?

Он кивает.

Закрываю комнату с метеоритами и открываю другую. В ней – птицы. Птицы, замершие в полете, и птицы, намертво прикрепленные к веткам, птичьи головы, птичьи скелеты. Открываю один из сотни ящиков – в нем около десятка стеклянных колб, и в каждой сидит крошечная золотистая или черная птица с названием, прикрепленным к лапке. У Генри глаза становятся размером с блюдце.

– Хочешь потрогать?

– Угу.

Вынимаю хлопчатобумажный комок из горлышка колбы и вытряхиваю золотистого зяблика себе на ладонь. Он сохраняет форму колбы.

Генри с любовью гладит его маленькую головку:

– Он спит?

– Вроде того.

Генри проницательно смотрит на меня, справедливо подозревая в обмане. Я аккуратно проталкиваю зяблика обратно в колбу, затыкаю тканью, ставлю колбу на место и закрываю ящик. Я ужасно устал. Само слово «сон» кажется колыбельной. Веду его в холл и внезапно вспоминаю, что́ мне больше всего понравилось в ту ночь, когда я был на его месте.

– Эй, Генри. Пойдем в библиотеку.

Он пожимает плечами.

Я иду быстрым шагом, и ему приходится бежать, чтобы не отстать. Библиотека находится на третьем этаже, в восточном крыле здания. Когда мы доходим до нее, я на минутку останавливаюсь, рассматривая замки. Генри смотрит на меня, как бы говоря: «Ну, вот и все». Я шарю по карманам и нахожу нож для бумаги. Откручиваю деревянную ручку и – есть! – вижу внутри замечательный длинный тонкий железный шип. Я просовываю его наполовину в замок и поворачиваю. Замок скрипит, я аккуратно просовываю шип до упора, открываю другой замок закладкой, и – *presto*[15], сезам, откройся!

Наконец мне удается удивить моего юного друга.

– Как ты это сделал?

– Это не так уж и трудно. Как-нибудь я тебя научу. *Entrez!*[16]

Я открываю перед ним дверь, и он заходит.

Включаю свет, и читальный зал выскакивает из темноты: тяжелые деревянные столы и стулья, бордовый ковер, огромный пугающий стол администратора. В библиотеке музея Филда нет ничего, что привлекло бы пятилетнего мальчишку. Это закрытое книгохранилище для ученых и аспирантов. Вдоль стен стоят книжные шкафы, но в основном это периодические издания Викторианской эпохи в кожаных переплетах. Книга, которая нужна мне, лежит одиноко в огромном ящике из стекла и дуба посреди комнаты. Открываю замок булавкой для волос и распахиваю стеклянную дверцу. Честное слово, музею нужно лучше заботиться об охране. Я не думаю, что делаю что-то ужасное; в конце концов, я истинный библиотекарь, постоянно провожу лекции в Ньюберри. Прохожу за стол администратора, беру кусок войлока, несколько подставок и кладу их на ближайший стол. Затем закрываю и аккуратно вынимаю книгу из ящика, кладу ее на войлок. Придвигаю стул.

– Эй, встань на него, чтобы было лучше видно.

Генри залезает на стул, и я открываю книгу.

Это «Птицы Америки» Одюбона, огромная, роскошная, потрясающая книга чуть не с меня ростом. Эта копия – лучшая из существующих, и я провел много дождливых вечеров, наслаждаясь ею.

Открываю ее на первом листе, Генри смотрит и улыбается.

– «Полярная гагара обыкновенная», – читает он. – Она совсем как утка.

– Да, действительно. Спорим, я угадаю, какая твоя любимая птица.

Он трясет головой и смеется.

– На что поспорим?

Он смотрит на свою футболку с динозавром и пожимает плечами. Мне знакомо это ощущение.

– Как насчет такого: если я угадаю, тебе придется съесть печенье, а если не угадаю, тебе тоже придется съесть печенье?

Он обдумывает предложение и решает, что он в этом споре не прогадает. Я открываю книгу на странице «Фламинго». Генри смеется.

– Угадал?

– Да!

Легко быть всеведущим, когда это все уже было раньше.

– Ну, держи свое печенье. А я себе возьму одну штучку за правильный ответ. Но давай съедим их после того, как посмотрим книгу; мы же не хотим, чтобы вся страница с синешейками была засыпана крошками, так?

– Да!

---

[15] Быстро *(ит.)*.

[16] Входи! *(фр.)*

Он кладет печенье на спинку кресла, и мы начинаем рассматривать книгу сначала, медленно переворачивая страницы с птицами, которые выглядят такими же живыми, как и те, которых мы видели в стеклянных колбах внизу.

– Это большая голубая цапля. Она ужасно большая, больше, чем фламинго. Ты когда-нибудь видел колибри?

– Сегодня видел!

– Здесь, в музее?

– Угу.

– Подожди, вот увидишь их на улице – они как крошечные вертолетики, у них крылышки так быстро порхают, что видишь только размытые следы…

Каждый переворот страницы – как расстилание простыни: огромное бумажное полотно медленно поднимается и переворачивается. Генри смотрит внимательно, не уставая удивляться, и тихо, довольно повизгивает, увидев очередного североамериканского журавля, американскую лысуху, большую гагару, хохлатого дятла. Когда мы доходим до последней страницы, «Белоснежная овсянка», он наклоняется и трогает лист, аккуратно поглаживая выбитую надпись. Я смотрю на него, смотрю на книгу – и вспоминаю ее, вспоминаю этот момент, эту первую книгу, в которую я влюбился, вспоминаю, как мне хотелось забраться внутрь нее и заснуть.

– Устал?

– Угу.

– Пойдем?

– Да.

Я закрываю «Птиц Америки», возвращаю ее в стеклянный домик, открываю ее на странице «Фламинго», закрываю дверцу, запираю. Генри спрыгивает со стула, съедает печенье. Возвращаю на место войлок и задвигаю стул. Генри выключает свет, и мы выходим из библиотеки.

Мы бродим, болтаем обо всем, что летает и ползает, едим печенье. Генри рассказывает мне о маме, папе и миссис Ким, которая учит его делать лазанью, и о Бренде (я и забыл, а это моя лучшая подруга детства; мы с ней дружили, пока ее семья не переехала во Флориду, в Тампу). Это будет примерно через три месяца. Мы стоим напротив бушмена, легендарной восточной равнинной гориллы, великолепно выполненное чучело которой таращится на нас со своего мраморного постамента в коридоре первого этажа. И вдруг Генри вскрикивает, делает шаг вперед, пытаясь найти у меня защиту, я подхватываю его, и он исчезает. У меня в руках остается мягкая пустая футболка. Вздыхаю и иду наверх, чтобы полюбоваться на мумии. Мое маленькое «я» уже дома, залезает в постель. Я помню, помню. Я проснулся утром, и это было как прекрасный сон. Мама посмеялась и сказала, что сказка про путешествие во времени ей понравилась и она тоже хочет попробовать.

Это был первый раз.

Первое свидание, часть вторая

23 сентября 1977 года, пятница (Генри 36, Клэр 6)

ГЕНРИ: Я в долине. Сижу немного в стороне от поляны, голый, потому что не нашел одежды в коробке, обычно приготовленной Клэр. Нет и самой коробки, поэтому я ужасно счастлив, что день теплый, возможно начало сентября, год определить не могу. Сижу на корточках в высокой траве. И думаю. Отсутствие коробки с одеждой означает, что я появился раньше, чем познакомился с Клэр. Может быть, Клэр еще и не родилась. Такое бывало раньше, и это ужасно больно, я скучаю по Клэр и провожу время, прячась в долине, не осмеливаясь показаться по соседству с ее семьей. С тоской вспоминаю яблони на западном конце долины. В это время года уже должны быть яблоки, маленькие, кислые и обкусанные оленями, но съедобные. Слышу, как хлопает дверь-ширма, и вглядываюсь через траву. Вижу девочку, которая сломя голову несется к поляне, и, когда она пробегает по тропинке через качающиеся стебли травы, мое сердце подпрыгивает – Клэр врывается на поляну.

Она очень маленькая. Она ничего не знает, она одна. На ней все еще школьное платье, зеленый джемпер и белая блузка, гольфы до колен и кожаные ботинки; в руке пакет из «Маршалла Филда» и пляжное полотенце. Клэр расстилает полотенце на земле и вываливает содержимое пакета. В нем всевозможные письменные принадлежности: старые шариковые ручки, маленькие простые карандаши из библиотеки, цветные карандаши, пахнущие спиртом маркеры, авторучки. И еще у нее кипа листов из отцовского кабинета. Она все раскладывает, подравнивает листки, потом берет по очереди каждую ручку и карандаш, делая аккуратные линии и завитушки, тихо напевая что-то. Какое-то время я прислушиваюсь и понимаю, что это песня Дика Ван Дайка[17].

Я не знаю, что делать. Клэр спокойна, полностью погружена в свое занятие. Наверное, ей около шести. Если сейчас сентябрь, то она, наверное, только что пошла в первый класс. Очевидно, меня она не ждет, то есть я ей незнаком. Я уверен, что первое, чему учат в первом классе, – это не вступать в разговоры с голыми незнакомцами, которые вдруг появляются в твоем любимом месте для игр, знают твое имя и просят ничего не рассказывать маме с папой. Интересно, это точно день нашей первой встречи или нет? Может быть, мне нужно затаиться и подождать, пока Клэр не уйдет, а мне не удастся раздобыть несколько яблок и украсть что-нибудь из прачечной или вернуться обратно.

Я резко возвращаюсь к реальности и вижу, что Клэр смотрит прямо на меня. Слишком поздно до меня доходит, что я потихоньку напевал вместе с ней.

– Кто здесь? – шепчет Клэр.

Она выглядит как злая гусыня, состоящая из одной шеи и ног. Я быстро соображаю.

– Приветствую тебя, землянин, – растягиваю я слова.

– Марк! Ты Нимрод!

Клэр осматривается, думая, что бы кинуть, и решает кинуть ботинки с тяжелыми, острыми каблуками. Она сбрасывает их и кидает. Не думаю, что она четко видит меня, но ей везет, и один ботинок попадает мне по губе и рассекает ее до крови.

– Пожалуйста, не надо.

---

[17] *Дик Ван Дайк* (р. 1925) – популярный американский актер и певец, снимался преимущественно в музыкальных комедиях.

Мне нечем остановить кровь, поэтому я прижимаю ко рту руку и говорю приглушенно. Сильно болит челюсть.

– Кто здесь? – Теперь Клэр испугана, и я тоже.

– Генри. Это Генри, Клэр. Я тебя не обижу и надеюсь, ты в меня ничего больше кидать не будешь.

– Отдай мне мои ботинки. Я тебя не знаю. Почему ты прячешься? – Клэр изо всех сил таращится на меня.

Я выбрасываю ее ботинки обратно на поляну. Она их подбирает и держит в руках, как револьверы.

– Я прячусь, потому что потерял свою одежду и стесняюсь. Я пришел издалека, я есть хочу, я никого тут не знаю, и у меня губа разбита.

– Откуда ты пришел? Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Только правда и ничего, кроме правды.

– Я пришел из будущего. Я путешественник во времени. В будущем мы с тобой друзья.

– Люди путешествуют во времени только в кино.

– Мы просто хотим верить, что это так.

– Почему?

– Если бы все путешествовали во времени, то настало бы столпотворение. Ну, когда ты на прошлое Рождество ездила к своей бабушке Эбшир, ты ведь была в аэропорту О'Хара, и там было очень, очень много народу, верно? Мы, путешественники во времени, не хотим все запутывать, поэтому ведем себя тихо.

Какое-то время Клэр переваривает информацию.

– Выходи.

– Одолжи мне свое полотенце.

Она поднимает его, разбрасывая все карандаши, ручки, листки бумаги. Через голову бросает мне полотенце, я его хватаю, поворачиваюсь спиной, встаю и закручиваю полотенце вокруг себя. На полотенце крупные ярко-розовые и оранжевые геометрические фигуры. Именно о такой штуке мечтаешь, когда собираешься встретить впервые свою будущую жену. Я поворачиваюсь и вхожу на поляну, сажусь на камень, стараясь выглядеть насколько можно презентабельно. Клэр стоит от меня как можно дальше, чуть не на другой стороне поляны. В руках у нее по-прежнему зажаты ботинки.

– У тебя кровь.

– А, да. Ты же в меня ботинком кинула.

– Ой!

Тишина. Я пытаюсь выглядеть безобидным и милым. Это очень важно для маленькой Клэр, потому что далеко не все из ее нынешних знакомцев милы и безобидны.

– Ты надо мной смеешься.

– Даже в мыслях не было. Почему ты так решила?

Клэр не была бы собой, если бы не упрямилась.

– Никто не путешествует во времени. Ты врешь.

– Санта путешествует.

– Что?

– Ну конечно. А как, ты думаешь, он умудряется доставить все подарки за одну ночь? Он просто постоянно подкручивает стрелки часов на несколько оборотов назад, пока не прогуляется по всем до единой печным трубам.

– Санта волшебный. Ты не Санта.

– В смысле, я не волшебный? Нора-умора, да ты просто маленькая упрямица.

– Я не Нора.

– Знаю. Ты Клэр. Клэр Анна Эбшир, двадцать четвертого мая тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения. Твои родители – Филип и Люсиль Эбшир, и ты живешь с ними, с твоей бабушкой, братом Марком и сестрой Алисией в том большом доме на холме.

– Даже если ты это все знаешь, это не значит, что ты из будущего.

– Если немного тут задержишься, то увидишь, как я исчезну.

Думаю, я могу рассчитывать на это, потому что помню, как однажды Клэр рассказывала, что в нашей с ней первой встрече ее больше всего поразило мое исчезновение.

Тишина. Клэр переносит вес тела с одной ноги на другую и отмахивается от комара.

– Ты знаешь Санту?

– Лично? Нет. – Кровь идти перестала, но я, должно быть, выгляжу жутко. – Эй, Клэр, у тебя, случайно, пластыря нет? Или еды? Когда я путешествую во времени, я всегда очень голодный.

Она задумывается на минутку. Лезет в карман джемпера и достает шоколадный батончик «Херши», надкусанный с одной стороны. Бросает его мне.

– Спасибо. Как раз то, что я люблю.

Я ем аккуратно, но очень быстро. Уровень сахара в крови почти никакой. Засовываю обертку в ее пакет.

– Ты ешь, как собака, – приходит в восторг Клэр.

– Неправда! – Я ужасно обижаюсь. – У меня большие пальцы, как у человека, видишь?

– Как это?

– Сделай так. – Я показываю знак «хорошо». Клэр повторяет за мной. – Видишь, если большие пальцы расположены так, то ты человек. Это значит, что ты можешь откручивать крышки у банок, завязывать шнурки на ботинках и делать много чего такого, чего животные не умеют.

Клэр это не понравилось.

– Сестра Кармелита говорит, что у животных нет души.

– Ну конечно, у животных есть душа. Откуда она это взяла?

– Она сказала, что так говорит папа римский.

– Папа – старый дурак. У животных души гораздо тоньше, чем у нас. Они никогда не врут и не надувают друг друга.

– Они едят друг друга.

– Ну да, им приходится друг друга есть. Они не могут пойти в «Дейри-Квин» и купить ванильный рожок с ванильной крошкой, так ведь?

(Это самое любимое лакомство Клэр, но это в детстве. Взрослая Клэр предпочитает суси, особенно суси из «Катсу» на Петерсон-авеню.)

– Они могут есть траву.

– И мы можем, но не едим. Мы едим гамбургеры.

Клэр садится на самый краешек поляны.

– Этта говорит, что нельзя разговаривать с незнакомцами.

– Хороший совет.

Тишина.

– Когда ты исчезнешь?

– Когда соберусь и буду готов. Я тебе надоел? – (Клэр закатывает глаза.) – Над чем ты работаешь?

– Над каллиграфией.

– Можно посмотреть?

Клэр аккуратно поднимается и собирает рассыпанные листки, не сводя с меня злобного взгляда. Осторожно нагибаюсь вперед и протягиваю руку, как будто она ротвейлер. Клэр быстро всовывает мне в руку листки и отскакивает назад. Внимательно рассматриваю их,

как будто она вручила мне кипу оригинальных эскизов Брюса Роджерса для «Кентавра», «Келлскую книгу»[18] или что-то в этом роде. На листах печатными буквами, все крупнее и крупнее, написано: «Клэр Анна Эбшир». Все верхние и нижние завитки букв причудливо извиваются, и в каждом завитке виднеется улыбающаяся рожица. В общем, довольно мило.

– Здорово.

Клэр довольна, как и всегда, получив похвалу за свою работу.

– Я могу и для тебя такое сделать.

– Спасибо. Но мне ничего не разрешается брать с собой, когда я путешествую во времени, поэтому, может, ты сохранишь это для меня, чтобы я смог смотреть, когда буду здесь?

– Почему ты ничего не можешь забрать?

– Ну подумай сама. Если бы путешественники во времени начали таскать туда-сюда вещи, то очень скоро в мире творился бы жуткий кавардак. Например, я бы мог принести из будущего деньги. Я бы подсмотрел все выигравшие лотерейные билеты и футбольные команды и получил бы мешок денег. Это же нечестно, да? Или, если бы я был вообще нечестным, я мог бы украсть что-нибудь и унести в будущее, чтобы никто меня не поймал.

– Ты мог бы быть пиратом! – При мысли, что я пират, Клэр расцветает, совсем забыв, что я – самый настоящий страшный-ужасный незнакомец. – Ты мог бы закопать деньги, нарисовать карту сокровищ и выкопать их в будущем.

На самом деле отчасти именно таким образом мы с Клэр спонсируем наше рок-н-ролльное житье-бытье в будущем. Взрослая Клэр находит это довольно аморальным, хотя некоторое преимущество на бирже мы таким образом получаем.

– Классная идея. Но знаешь, мне нужны не деньги, а одежда.

Клэр недоуменно смотрит на меня.

– У твоего папы есть одежда, которая ему не нужна? Даже старые штаны подойдут. То есть полотенце мне нравится, не пойми меня неправильно, просто там, откуда я, обычно я хожу в штанах.

Филип Эбшир немного ниже меня и фунтов на тридцать тяжелее. Его штаны смотрятся на мне смешно, но неплохо.

– Я не знаю…

– Ничего, это не сейчас, так что не беспокойся. Но если ты принесешь что-нибудь к моему следующему появлению, это будет очень мило с твоей стороны.

– Следующему появлению?

Я беру чистый листок бумаги и карандаш. Пишу печатными буквами: «29 СЕНТЯБРЯ 1977 ГОДА, четверг. ПОСЛЕ ОБЕДА». Вручаю листок Клэр, она осторожно принимает его. У меня в глазах мутнеет. Я слышу, как Этта зовет Клэр домой.

– Это секрет, Клэр, хорошо?

– Почему?

– Не могу сказать. А сейчас мне пора. Было приятно познакомиться. Будь хорошей девочкой.

Я протягиваю ей руку, и она отважно пожимает ее. Когда наши руки соприкасаются, я исчезаю.

---

[18] *Брюс Роджерс* (1870–1957) – американский книжный и шрифтовой дизайнер, разработал гарнитуру «Кентавр». *«Келлская книга»* (ок. 800 г.) – одна из наиболее щедро украшенных миниатюрами и орнаментами рукописей Средневековья; содержит четыре Евангелия на латыни, хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине.

9 февраля 2000 года, среда (Клэр 28, Генри 36)

КЛЭР: Еще очень рано, около шести утра, и я сплю легким утренним сном, когда с грохотом появляется Генри и будит меня. Я понимаю, что он исчезал ночью. Он материализуется практически верхом на мне, я начинаю орать, и мы до смерти пугаем друг друга, а потом он начинает хохотать и скатывается с меня. Переворачиваюсь к нему лицом и вижу, что у него сильно рассечена губа. Бегу за полотенцем, прикладываю к губе, а Генри все продолжает смеяться.

– Как это случилось?

– Ты кинула в меня ботинок.

– Неправда. – Я не помню, чтобы когда-нибудь кидала чем-то в Генри.

– Правда. Мы встретились в первый раз, и как только ты меня увидела, сказала: «Вот мужчина, который станет моим мужем», и врезала мне ботинком. Я всегда говорил, что ты отлично разбираешься в людях.

29 сентября 1977 года, четверг (Клэр 6, Генри 35)

КЛЭР: На календаре на папином столе этим утром то же число, что и на записке, которую дал мне тот мужчина. Нелли готовила яйца всмятку для Алисии, а Этта кричала на Марка, потому что он не делал домашнюю работу, а кидал летающую тарелку со Стивом. Я сказала: «Этта, можно, я возьму старую одежду из мешков?» – имея в виду мешки на чердаке, с которыми мы играли в переодевания, и Этта спросила: «А зачем?» – а я ответила: «Я хочу поиграть в переодевания с Меган», и Этта разозлилась и сказала: «Уже пора в школу, а об играх будешь думать, когда вернешься обратно». Поэтому я пошла в школу, и мы занимались мучными жучками, рисованием, а после обеда – французским, музыкой и религией. Я весь день беспокоилась насчет штанов для того человека, потому что мне казалось, что они ему ну просто очень нужны. Поэтому когда я вернулась домой, то пошла спросить Этту, но она была в городе, зато Нелли разрешила мне слизать крем с миксера, а Этта бы не разрешила, потому что можно заразиться шмонелезом. А мама писала что-то, и я хотела уйти потихоньку, но она спросила: «Что тебе, детка?» – и я попросила разрешения, и мама сказала, что я могу делать все, что угодно. Поэтому я пошла в прачечную, пошарила в мешках и нашла три пары старых папиных штанов, правда, на одних была дырка от сигареты. Поэтому я взяла две пары штанов, под которыми оказалась белая рубашка, которую папа носит на работу, галстук с рыбками и красный свитер. И еще желтый махровый халат, который папа носил, когда я была маленькой, и он до сих пор пахнет папой. Я сложила все вещи в пакет и отнесла его в кладовку. Когда я оттуда вышла, меня увидел Марк и спросил: «Что ты там делала, дура?» – и я ответила: «Ничего, дурак», тогда он вцепился мне в волосы, а я очень сильно наступила ему на ногу, и он начал плакать и побежал жаловаться. Поэтому я поднялась к себе в комнату и начала играть в телевизор с мистером Медведем и Джейн, она была кинозвездой, а мистер Медведь спрашивал ее, как это – быть звездой, и Джейн отвечала, что на самом деле хотела быть ветеринаром, но она была настолько невероятно красивой, что должна была стать кинозвездой, а мистер Медведь ответил, что она сможет стать ветеринаром, когда постареет. В дверь постучала Этта и спросила: «Почему ты наступила Марку на ногу?» – и я ответила: «Потому что Марк просто так начал меня за волосы дергать». Этта ответила: «Вы мне оба уже надоели» – и ушла. В общем, все было в порядке. Мы пообедали только с Эттой, потому что папа и мама ушли в гости. У нас была жареная курица, немного гороха и шоколадный торт, и Марк взял себе самый боль-

шой кусок, но я ничего не сказала, потому что слизала крем с миксера. Вот, а после обеда я попросила у Этты разрешения поиграть на улице, и она спросила, сделала ли я домашнее задание, и я ответила: «Правописание и принести листья на урок рисования», и она сказала: «Хорошо, но только не до темноты». Поэтому я пошла в комнату, взяла свой голубой свитер с зебрами, пакет с одеждой, вышла из дома и пошла на поляну. Но там человека не было, и я немного посидела на камне, а потом решила пособирать листья. Поэтому я вернулась в сад и нашла несколько листьев с маленького дерева мамы, она потом сказала мне, что оно называется гинкго, и еще кленовых и дубовых листьев. А потом я вернулась на поляну, но там опять никого не было, и я решила: «Наверное, он все придумал, что приходит из будущего, и вообще, штаны ему не так уж и нужны». И еще я подумала, что Рут, наверное, была права, потому что, когда я рассказала ей про него, она сказала, что я все выдумала, потому что в настоящей жизни люди не исчезают, а только по телевизору. Или, может, мне это приснилось, потому что, когда Бастер умер, мне вдруг приснилось, что он живой, сидит в клетке, а потом я проснулась, а Бастера нет, и мама сказала: «Сны и жизнь – это разные вещи, но они тоже важны». Становилось холодно, и я подумала, что, может, мне просто надо пакет оставить, а тот человек сам возьмет себе штаны. Поэтому я встала и пошла к дому по дорожке, когда за спиной у меня раздался шум и кто-то сказал: «О черт, больно-то как». И я так испугалась.

ГЕНРИ: Появившись, я врезаюсь в камень и раздираю колени. Я на поляне, смотрю, как дивно садится за деревья солнце в восхитительном тернеровском[19] спектре оранжевого и красного. На поляне никого нет, я вижу только пакет с одеждой и быстро соображаю, что Клэр оставила его здесь, и, возможно, я появился довольно скоро после нашей с ней первой встречи. Клэр нигде не видно, и я тихо зову ее по имени. Ответа нет. Роюсь в пакете и выуживаю пару брюк из хлопчатобумажного твила, великолепные коричневые шерстяные штаны, жуткий галстук с какими-то селедками, гарвардский свитер, белую рубашку с темным кругом под воротником и пятнами от пота под мышками и изысканный шелковый халат с монограммой «Филип» и большой дырой над карманом. Все эти одежки очень хорошо мне знакомы, за исключением галстука, и я счастлив увидеть их. Надеваю брюки из твила и свитер и благословляю Клэр за хороший вкус – по-видимому, наследственный – и чувство цвета. Мне очень хорошо; обуви, правда, нет, а так я вполне готов к существованию в этом отрезке времени.

– Спасибо, Клэр, ты здорово мне помогла, – тихо говорю я.

И с удивлением вижу ее у края поляны. Быстро спускаются сумерки, и Клэр выглядит маленькой и испуганной в темноте.

– Привет.

– Привет, Клэр. Спасибо за одежду. Все просто здорово, очень мило, и сегодня я не замерзну.

– Мне скоро домой пора.

– Конечно, ведь уже почти темно. Сейчас середина недели, да?

– Угу.

– А какое число?

– Двадцать девятое сентября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, четверг.

– Большое спасибо. Ты мне очень помогла.

– А почему ты этого не знаешь?

– Ну, я же только что здесь появился. Несколько минут назад у меня было двадцать седьмое марта двухтысячного года, понедельник. Было утро, шел дождь, и я готовил себе бутерброд.

---

[19] *Джозеф Маллард Уильям Тернер* (1775–1851) – британский живописец, мастер романтического пейзажа, предтеча французских импрессионистов.

– Но ты мне написал на бумажке. – Она достает бланк офиса Филипа и протягивает мне.

Подхожу к ней, беру листок и с интересом вижу дату, выведенную своей рукой старательными печатными буквами. Задумываюсь, как бы получше объяснить причуды путешествий во времени маленькому ребенку, которым на данный момент является Клэр.

– Ну смотри… Ты знаешь, как пользоваться магнитофоном?

– Угу.

– Хорошо. Ты вставляешь кассету, и она играет с начала и до конца, так?

– Да…

– Твоя жизнь – то же самое. Ты утром встаешь, идешь завтракать, чистишь зубы и идешь в школу, так? Ведь не бывает такого, чтобы ты вдруг проснулась и увидела, что ты в школе на обеде с Хелен и Рут, а потом вдруг оказываешься дома и начинаешь одеваться?

– Правильно, – хихикает Клэр.

– Ну а у меня все не так. Потому что я путешественник во времени, и я постоянно прыгаю то в одно время, то в другое. Вот если ты поставила кассету с начала, и она начинает играть, а потом ты говоришь: «Ой, я хочу эту песню еще раз послушать», то ставишь ее опять, а потом ты хочешь перемотать на следующую песню, но случайно проматываешь слишком много, так что потом перематываешь назад, но вдруг опять попадаешь не туда. Понятно?

– Вроде да.

– Это, конечно, не самая лучшая аналогия. В общем, иногда я теряюсь во времени и не знаю, где и когда я появился.

– А что такое аналогия?

– Это когда пытаешься что-то объяснить, но вместо этого говоришь что-то другое. Например, мне сейчас в этой одежде тепло и уютно, как мышке в норке, а ты красивая как картинка, а Этта будет злая как волк, если ты быстренько не окажешься дома.

– А ты будешь тут спать? Пойдем в дом, у нас есть комната для гостей.

– Боже, это очень мило с твоей стороны. К сожалению, мне нельзя с твоей семьей встречаться до девяносто первого года.

Кажется, Клэр запуталась. Думаю, отчасти проблема в том, что она не представляет себе дат позднее семидесятых годов. Помнится, в ее возрасте со мной было то же самое, только насчет шестидесятых.

– А почему нет?

– Это одно из правил. Люди, которые путешествуют во времени, не должны общаться с обычными людьми во время своих путешествий, потому что иначе все жутко запутается.

На самом деле я так не думаю; все случается так, как должно случиться, раз и навсегда. В развилки и параллельные вселенные я не верю.

– Но со мной ты разговариваешь.

– Ты особенная. Ты храбрая, умная и умеешь хранить секреты.

– Я сказала Рут, а она мне не поверила, – смущается Клэр.

– О, ну не беспокойся. Мне тоже очень мало кто верил. Особенно врачи. Врачи ни во что не верят, пока им не докажешь.

– Я тебе верю.

Клэр стоит в пяти футах от меня. На ее маленьком бледном личике отражается последний оранжевый всплеск заката. Волосы туго завязаны в хвост, на ней голубые джинсы и темный свитер, по которому скачут зебры. Кулачки сжаты, она выглядит решительной и свирепой. Я грустно думаю, что наша дочь выглядела бы точно так же.

– Спасибо, Клэр.

– Мне пора идти.

– Это точно.

– Ты вернешься?

Я мысленно прокручиваю список.

– Я вернусь шестнадцатого октября. Это пятница[20]. Приходи сюда после школы. И принеси голубой дневник, который тебе Меган подарила на день рождения, и синюю шариковую ручку.

Я повторяю дату, глядя на Клэр и убеждаясь, что она запомнила.

– *Au revoir*[21], Клэр.

– *Au revoir*…

– Генри.

– *Au revoir,* Генри. – У нее уже сейчас произношение лучше, чем у меня.

Клэр поворачивается и убегает в объятия освещенного и зовущего дома, а я возвращаюсь в темноту и отправляюсь бродить по окрестностям. Позднее этим вечером я выбрасываю галстук в мусорный бак за рыбной закусочной «У Дины».

[20] Вообще-то, 16 октября 1977 года было воскресеньем.

[21] До свидания *(фр.)*.

Уроки выживания

7 июня 1973 года, четверг (Генри 27 и 9)

ГЕНРИ: Я стою через дорогу от Чикагского института искусств солнечным июньским днем 1973 года в компании девятилетнего себя. Он пришел сюда из будущей среды; я пришел из 1990 года. Мы целый день и вечер развлекались как хотели и вот пришли к одному из лучших музеев мира, чтобы научиться карманным кражам.

– А может, просто посмотрим картину? – умоляет Генри.

Он нервничает. Он раньше никогда такого не делал.

– Нет. Тебе нужно этому научиться. Как ты собираешься выжить, если ничего не сможешь украсть?

– Буду милостыню просить.

– Прямой путь в тюрьму. Итак, слушай: когда мы туда попадем, я хочу, чтобы ты держался в стороне, мы притворимся, что друг друга не знаем. Но не отходи далеко, смотри, что я буду делать. Если я тебе что-нибудь отдам, смотри не урони, положи в карман как можно быстрее. Понял?

– Понял. Мы на святого Георгия посмотрим?

– Конечно.

Мы переходим Мичиган-авеню, идем мимо студентов и домохозяек, греющихся на ступенях музея. Проходя мимо бронзового льва, Генри дотрагивается до его морды.

Мне довольно-таки плохо от всего этого. С одной стороны, я учу самого себя необходимым для выживания вещам. Другие уроки из этого курса включают кражу в магазинах, избиение людей, взлом замков, лазанье по деревьям, вождение машины, проникновение в дома и умение использовать странные вещи типа жалюзи и крышек от мусорных ведер в виде оружия. С другой стороны, я совращаю самого себя в детстве. Со вздохом понимаю, что кто-то должен это сделать.

Сегодня праздник, поэтому людей полным-полно Мы стоим в очереди, движемся ко входу и медленно поднимаемся по центральной лестнице. Входим в Европейскую галерею и проходим от Нидерландов семнадцатого века к Испании пятнадцатого. Святой Георгий, как и всегда, вскинул свое тонкое копье, готовый пронзить дракона, а розовая с зеленым принцесса скромно ждет на среднем плане. Мы с моим вторым «я» всем сердцем любим желтопузого дракона и всегда рады видеть, что момент его ужасной смерти еще не настал.

Пять минут стоим перед картиной Бернардо Марторелла[22], и потом Генри поворачивается ко мне. Мы сейчас одни в галерее.

– Это не так уж трудно, – говорю я. – Будь внимателен. Найди какого-нибудь растяпу. Выясни, где у него бумажник. У большинства мужчин он или в заднем кармане, или во внутреннем кармане пиджака. У женщин – в сумочке за спиной. Если ты на улице, можешь схватить сумочку целиком, но тогда тебе сначала нужно убедиться, что вокруг нет никого, от кого ты не смог бы сбежать. Гораздо лучше, если ты возьмешь то, что нужно, не привлекая внимания.

– Я видел в кино, что мальчишки тренировались на костюме с маленькими колокольчиками, и, если они дотрагивались до костюма, колокольчики начинали звенеть.

---

[22] *Бернардо Марторелл* (ум. 1452) – художник из Барселоны. Его «Битва святого Георгия со змием» (центральная часть триптиха) выставлена в Чикагском институте искусств, боковые створки – в парижском Лувре.

– Да, я помню этот фильм[23]. Можешь дома попробовать. А теперь пойдем.

Я веду Генри из пятнадцатого в девятнадцатый век; и вдруг мы оказываемся посреди французских импрессионистов. Институт искусств знаменит своей коллекцией импрессионистов. Я к ним довольно равнодушен, но эти залы, как всегда, набиты под завязку людьми, страждущими приобщиться к «Воскресной прогулке на острове Гранд-Жатт»[24] или «Стогу сена» Моне. Генри слишком маленький, чтобы видеть картины за спинами взрослых, но сейчас он в любом случае слишком нервничает, чтобы смотреть на них. Я осматриваю зал. Женщина наклонилась над коляской, в которой пищит и вертится ребенок. Наверно, ему пора спать. Киваю Генри и иду к ней. У нее сумочка на одной застежке, болтается за спиной. Она полностью сосредоточена на том, чтобы заставить ребенка утихнуть. Стоит напротив «Мулен-Руж» Тулуз-Лотрека. Я делаю вид, что смотрю на картину, вроде бы случайно толкаю ее, заставляя качнуться вперед, хватаю за руку: «Простите, мне так жаль, я не смотрел, куда шел. Вы в порядке? Здесь так много народу…» Моя рука в ее сумочке, она взволнована, у нее темные глаза, длинные волосы, большая грудь, она пытается сбросить вес, набранный в период беременности. Я ловлю ее взгляд, вытаскиваю кошелек, продолжаю извиняться, когда кошелек проскальзывает в карман рукава, смотрю на нее сверху вниз, улыбаюсь, отхожу от нее, поворачиваюсь и ухожу, оглядываясь через плечо. Она взяла на руки ребенка и потерянно смотрит мне вслед. Я улыбаюсь и ухожу. Генри идет за мной, когда я спускаюсь по лестнице к молодежному музею. Мы встречаемся у мужского туалета.

– Странно, – говорит Генри. – Почему она так на тебя смотрела?

– Она… одинокая, – дипломатично отвечаю я. – Может быть, ее муж нечасто бывает дома.

Мы заходим в кабинку, и я вынимаю бумажник. Ее зовут Дениз Рэдк. Она живет в Вилла-Парке, Иллинойс. Сотрудник музея и выпускница Университета Рузвельта. В кошельке двадцать два доллара и мелочь. Я показываю это Генри, ничего не говоря, кладу все обратно в кошелек и отдаю ему. Мы выходим из кабинки, из туалета, назад ко входу в музей.

– Отдай охраннику. Скажи, что нашел на полу.

– Почему?

– Нам это не нужно, я просто показывал, как это делается.

Генри бежит к охраннице, пожилой чернокожей женщине, которая улыбается и вроде приобнимает Генри. Он медленно возвращается, мы идем на некотором расстоянии друг от друга, я впереди, по длинному темному коридору, который когда-то в будущем разместит выставку декоративного искусства и приведет к новому крылу музея, не существующему пока даже в проекте, а сейчас тут висят постеры. Я ищу легкую добычу, и прямо передо мной стоит просто мечта карманного вора. Невысокий, коренастый, загорелый; ощущение такое, что он в своей бейсболке, штанах из полиэфира и голубой рубашке с короткими рукавами просто завернул не туда со стадиона «Ригли-филд». Он стоит и просвещает невзрачную девчонку насчет Винсента Ван Гога.

– И он отрезает свое ухо и отдает своей подруге – эй, а тебе бы такой подарок понравился? Ухо! Да уж. И они заперли его в психушке…

Насчет этого типа у меня никаких колебаний нет. Он важно вышагивает, изрекая глупости, блаженно не ведая о моем присутствии, бумажник у него лежит в заднем кармане. У него большое брюшко, но зада почти нет, и бумажник просто кричит мне: «Возьми меня!» Я зависаю у них за спиной. Генри ясно видит, как я ловко засовываю большой и указательный пальцы

[23] Имеется в виду «Оливер!» (1968) – получивший несколько «Оскаров» мюзикл Кэрола Рида по роману Диккенса «Оливер Твист».

[24] Картина Жоржа Сёра.

в оттопыренный карман и высвобождаю бумажник. Отхожу назад, они идут дальше, я передаю бумажник Генри, и он засовывает его в карман брюк.

Я показываю Генри и другие штуки: как достать бумажник из внутреннего кармана пиджака, как заслонить свою руку, когда она внутри женской сумочки, шесть разных приемов отвлечь человека, пока вытаскиваешь у него кошелек, как забрать кошелек из заднего кармана, как непринужденно заставить человека показать, где у него лежат деньги. Теперь он выглядит спокойнее и даже начинает получать удовольствие.

Наконец я говорю:

– Ну, теперь твоя очередь.

– Я не могу, – жутко пугается он.

– Конечно можешь. Оглядись. Выбери кого-нибудь.

Мы стоим в комнате с японскими гравюрами. Здесь полно пожилых дам.

– Не здесь.

– Хорошо. А где?

– В ресторане? – подумав, решает он.

Не спеша идем в ресторан. Я очень живо помню этот момент, свой ужас. Смотрю на самого себя – и точно, он белый от ужаса. Улыбаюсь, поскольку знаю, что будет дальше. Мы пристраиваемся в очередь в ресторан. Генри оглядывается, выискивая.

Перед нами в очереди стоит очень высокий мужчина среднего возраста в превосходно скроенном коричневом легком костюме; по нему невозможно угадать, где у него бумажник. Генри подходит к этому человеку, держа на вытянутой руке один из вытащенных мною ранее кошельков.

– Сэр? Это ваш? – тихо спрашивает Генри. – Он лежал на полу.

– Что? А, нет, это не мой. – Он проверяет правый задний карман брюк, нащупывает свой бумажник, наклоняется к Генри, берет у него кошелек и открывает. – О, ну, думаю, тебе нужно отдать его охраннику, да… тут довольно много денег.

Он в очках с толстыми линзами, смотрит на Генри через них, пока тот залезает в его задний карман и вытаскивает бумажник. Поскольку на Генри футболка с коротким рукавом, я подхожу к нему, он передает мне свою добычу. Высокий худой мужчина в коричневом костюме указывает на лестницу, объясняя Генри, как вернуть находку. Генри неспешно идет туда, я иду следом, обгоняю Генри и веду его прямо через музей к выходу, мимо охраны, выходим на Мичиган-авеню и отправляемся в южном направлении. И вот мы, ухмыляясь, как дьяволята, оказываемся в кафе «У художника», где на нетрудовые доходы угощаемся молочными коктейлями и жареной картошкой. После этого выкидываем в почтовый ящик бумажники, подсчитываем деньги, и я снимаю нам комнату в «Палмер-Хаус».

– Ну? – спрашиваю я, садясь на краешек ванны и глядя, как Генри чистит зубы.

– Шо у? – отвечает Генри с полным ртом пасты.

– Что ты думаешь?

– Насчет чего?

– Карманных краж.

– Нормально, – говорит он, глядя на меня в зеркало. Поворачивается и смотрит прямо на меня, широко улыбается, заявляя: – Я это сделал!

– Ты просто молодчина!

– Да! – Улыбка гаснет. – Генри, мне не нравится путешествовать во времени одному. С тобой лучше. Ты не можешь всегда быть со мной?

Он стоит ко мне спиной, и мы смотрим друг на друга через зеркало. Бедный маленький я: в этом возрасте у меня спина худая, лопатки торчат, как прорезающиеся крылья. Он поворачивается, ожидая ответа, и я знаю, что́ должен сказать ему, сказать себе. Протягиваю руку, осторожно поворачиваю его, ставлю рядом с собой: бок к боку, одного роста, мы смотрим в зеркало.

– Посмотри.

Мы изучаем свои отражения, мы как близнецы, отразившиеся в украшенном позолотой гостиничном зеркале. У обоих темные волосы, одинаковый разрез темных глаз и одинаковые круги под глазами, мы одинаково говорим и слышим одинаковыми ушами. Я выше, мускулистее и побрит. Он тоньше, нескладный, одни колени и локти. Я поднимаю руку и убираю со лба волосы, обнажая шрам, полученный в аварии. Бессознательно он повторяет мой жест, дотрагиваясь до своего шрама на собственном лбу.

– Такой же, как у меня, – пораженный, говорит мой другой «я». – Откуда он у тебя?

– Оттуда же, откуда и у тебя. Они одинаковые. Мы одинаковые.

Момент истины. Сначала я не понимал, и вдруг – вот оно, я просто взял и понял. Смотрю, как это происходит. Я смотрю на нас обоих одновременно, снова испытывая это ощущение потери самого себя, впервые понимаю совмещение будущего и настоящего. Но я слишком привык к этому, для меня это более чем нормально, и я остаюсь в стороне, вспоминая удивление девятилетнего себя, когда я внезапно увидел, узнал, что мой друг, учитель, брат – это *я*. Я и только я. Одиночество.

– Ты – это я.

– Только старше.

– Но… как же другие?

– Путешественники во времени?

Он кивает.

– Не знаю, есть ли другие. В смысле, я их никогда не встречал.

В уголке моего левого глаза набухает слеза. Когда я был маленьким, то воображал, что есть целое сообщество путешественников во времени и Генри, мой учитель, – посланец, отправленный учить меня, чтобы потом я мог быть принят в это сообщество. Я по-прежнему чувствую себя отверженным, последней особью когда-то многочисленного вида. Как будто Робинзон Крузо нашел обманчивый след на песке, а потом понял, что след его собственный. Другой я, маленький, как листок на ветру, прозрачный, как вода, начинает плакать. Я обнимаю его, обнимаю себя, и мы сидим долго-долго.

Позднее мы заказываем в номер горячий шоколад и смотрим Джонни Карсона[25]. Генри засыпает при включенном свете. После того как программа заканчивается, я смотрю на него, а его нет, он вернулся в мою детскую комнату в квартире отца, сонный стоит у моей детской кровати, падает в нее. Выключаю телевизор и свет. Шум улиц 1973 года влетает через окно. Хочу домой. Лежу на жесткой гостиничной кровати, один. И по-прежнему не понимаю.

10 декабря 1978 года, воскресенье (Генри 15 и 15)

ГЕНРИ: Я в своей спальне со своим другим «я». Он пришел из будущего марта. Мы занимаемся тем, чем обычно занимаемся, когда остаемся одни. На улице холодно, мы оба достигли половой зрелости, но с девчонками пока еще ничего не пробовали. Думаю, этим занималось бы большинство людей, если бы у них были такие же возможности, как у меня. Но не подумайте, я не гей, ничего подобного.

Позднее воскресное утро. Слышу, как в церкви Святого Иосифа звонят колокола. Вчера отец пришел домой поздно; думаю, после концерта он завис в баре; он был так пьян, когда вернулся, что упал на лестнице, и мне пришлось втаскивать его в комнату и на кровать. Я слышу, как он, кашляя, возится в кухне.

[25] *Джонни Карсон* (1925–2005) – вел в 1962–1992 гг. сверхпопулярную телепередачу «Сегодня вечером с Джонни Карсоном».

Мой другой «я», кажется, нервничает, он постоянно посматривает на дверь.

– Что? – спрашиваю я его.

– Ничего, – отвечает он.

Я встаю и запираю дверь.

– *Нет,* – шепчет он. Кажется, ему трудно говорить.

– Да ладно тебе, – отвечаю я.

Я слышу тяжелые шаги отца прямо под дверью.

– Генри? – спрашивает он, и дверная ручка медленно поворачивается.

Внезапно понимаю, что случайно *отпер* замок, Генри кидается к нему, но поздно: отец просовывает голову в дверь – и застает нас, так сказать, с поличным.

– Господи, – выдыхает он. Глаза у него расширяются, на лице неописуемое отвращение. – Господи, Генри.

Он захлопывает дверь, я слышу, как он возвращается в свою комнату. Бросаю на себя укоризненный взгляд, натягивая джинсы и футболку. Иду через коридор в спальню отца. Дверь закрыта. Стучу. Ответа нет. Жду.

– Папа?

Тишина. Открываю дверь и встаю на пороге.

– Папа?

Он сидит спиной ко мне на кровати. Он не шевелится; я какое-то время стою на пороге, но не могу заставить себя войти в комнату. Наконец захлопываю дверь и иду к себе.

– Это была только твоя ошибка, только твоя, – сурово выговариваю я своему другому «я».

На нем джинсы, он сидит на стуле, сжав голову руками.

– Ты знал, *ты знал,* что это случится, и не сказал ни слова. Где твое чувство самосохранения? Что, *черт тебя возьми,* с тобой случилось? Какой смысл знать будущее, если не можешь защитить себя хотя бы от таких мелких унизительных вещей…

– Заткнись, – бурчит Генри. – Просто заткнись.

– Я *не заткнусь*! – срываюсь я на крик. – Ты понимаешь, тебе нужно было просто сказать…

– Послушай, – покаянно смотрит он на меня. – Это было как… как тогда, на катке.

– О черт!

Пару лет назад я увидел, как в Индиан-Хед-парке маленькой девочке попало в голову хоккейной шайбой. Это было ужасно. Позднее я узнал, что девочка умерла в больнице. И потом начал возвращаться в тот день, снова и снова, хотел предупредить ее маму – и *не мог.* Я как будто был зрителем в кино или привидением. Я кричал: «Нет, заберите ее домой, не позволяйте ей кататься, заберите ее, она ушибется, она умрет!» – и понимал, что эти слова были только в моей голове, и все шло, как и раньше.

– Ты говоришь об изменении будущего, – говорит Генри, – но для меня это прошлое, и, насколько я знаю, с этим ничего нельзя сделать. В смысле, я устал, и вообще, я пытался, и поэтому все так и вышло. Если бы я что-то не сказал, ты бы не встал…

– А зачем ты что-то сказал?

– Потому что так надо. И ты тоже так сделаешь, вот увидишь. – Он пожимает плечами. – Это как с мамой. Несчастный случай. *Immer wieder*[26]. Снова и снова, постоянно одно и то же.

– А свобода выбора?

Он встает, подходит к окну и стоит, глядя на задний двор Татингеров.

– Я разговаривал об этом только что с собой из девяносто второго года. Он рассказал кое-что интересное: мол, как он думает, когда ты в настоящем, во времени, есть только свобода

[26] Снова и снова *(нем.)*.

выбора. Он говорит, что в прошлом мы можем только то, что уже сделали, и если мы оказываемся там, по-другому быть не может.

– Но где бы я ни был, это мое настоящее. Разве я не могу решать…

– Нет. Видно, нет.

– А что он сказал о будущем?

– Ну, давай подумаем. Ты идешь в будущее, что-то делаешь и возвращаешься в настоящее. Тогда то, что ты сделал, – это часть твоего прошлого. Возможно, это тоже неизбежно.

Я чувствую дикое сочетание свободы и отчаяния. Я вспотел; он открывает окно, и в комнату влетает холодный воздух.

– Но тогда я не отвечаю ни за что, что сделал не в своем настоящем.

– Ну наконец-то, – улыбается он.

– И все это уже случилось.

– Да, что-то в этом роде.

Он проводит руками по лицу, и я вижу, что ему пора начинать бриться.

– Но он сказал, что ты должен *вести себя* так, как будто у тебя есть эта свобода выбора, как будто ты ответствен за происходящее.

– Почему? Разве это имеет значение?

– Очевидно, если ты делаешь по-другому, все будет плохо. И неправильно.

– Он это на своем опыте знал?

– Да.

– И что произойдет дальше?

– Отец не будет разговаривать с тобой три недели. И это, – он указывает рукой на кровать, – это придется прекратить.

– Хорошо, – вздыхаю я. – Что-нибудь еще?

– Вивиан Теска.

Вивиан – это девушка из математического класса, о которой я постоянно думаю. Я ни разу с ней и словом не обмолвился.

– Завтра после урока подойди к ней и пригласи на свидание.

– Я ее даже не знаю.

– Поверь мне.

Он улыбается так, что я задумываюсь, почему, черт возьми, я должен ему верить, но верить хочется, и я соглашаюсь.

– Мне пора. Денег дай.

Я протягиваю ему двадцать долларов.

– Еще.

Я даю еще двадцатку.

– Больше нет.

– Ладно.

Он одевается, выбирая вещи, против исчезновения которых я бы не возражал.

– Пальто возьмешь?

Я протягиваю ему перуанский лыжный свитер, который всегда ненавидел. Он корчит гримасу и надевает его.

Мы идем к задней двери квартиры. Церковные колокола звонят полдень.

– Пока, – говорит другой «я».

– Удачи, – говорю я в ответ, странно тронутый видом себя, уходящего в неизвестное, в холодное воскресное чикагское утро, чужое и незнакомое.

Он топает по деревянным ступеням, а я возвращаюсь в тихую квартиру.

17 ноября 1982 года, среда / 28 сентября 1982 года, вторник (Генри 19)

ГЕНРИ: Я на заднем сиденье в полицейской машине в Зионе, Иллинойс. На мне наручники и ничего больше. Внутри машина вся провоняла табаком, кожей, пóтом и еще каким-то запахом, который разобрать не могу, но он присущ именно полицейским машинам. Запах дикого страха, я думаю. Левый глаз у меня заплыл и не видит, грудь в синяках, порезах и грязи из-за того, что один из двух полицейских, тот, который поздоровее, в броске сшиб меня с ног на асфальте, усеянном битым стеклом. Полицейские стоят рядом с машиной и разговаривают с соседями, по крайней мере один из которых точно видел, как я пытался вломиться в белый с желтым викторианский дом, рядом с которым мы припаркованы. Я не знаю, в каком времени очутился. Я здесь около часа и напортачил по полной. Я очень голоден. Очень. Я сейчас должен быть на семинаре доктора Куэри по Шекспиру, но уверен, что я его уже пропустил. Плохо. Мы разбираем «Сон в летнюю ночь».

К плюсам ситуации можно отнести то, что в машине тепло и я не в Чикаго. Чикагские копы ненавидят меня, потому что я постоянно исчезаю, находясь в заключении, и они не могут понять как. А еще я отказываюсь с ними разговаривать, поэтому они так и не выяснили ни кто я, ни где живу. В тот день, когда они это выяснят, мне крышка, потому что на меня есть несколько просроченных ордеров на арест: проникновение в частную собственность, магазинная кража, сопротивление при аресте, побег из-под ареста, нарушение чужого права владения, непристойное обнажение в общественном месте, ограбление *und so weiter*[27]. Из этого списка становится понятно, что я ужасно нелепый преступник, но самая главная проблема в том, что без одежды трудно оставаться неприметным. Рассчитывать можно лишь на скрытность и скорость, но когда я, абсолютно голый, пытаюсь вломиться в дом посреди бела дня, это не всегда срабатывает. Семь раз меня арестовывали, и пока мне удавалось исчезнуть до того, как они успевали взять у меня отпечатки пальцев или сфотографировать.

Соседи продолжают таращиться на меня через стекла полицейской машины. Мне все равно. Мне все равно. Это слишком затянулось. Черт, как я это ненавижу. Откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Дверца машины распахивается. Холодный воздух обжигает, глаза у меня резко открываются, на секунду я вижу металлическую решетку, отделяющую переднее сиденье машины от заднего, потрескавшиеся виниловые чехлы, свои руки в наручниках, голые ноги в мурашках, в лобовом стекле плоское небо, черную фуражку с козырьком на приборной доске, папку в руках у офицера, его красное лицо, спутанные седеющие брови и обвисшие брыли – все скользит, переливается, окрашивается в радужные цвета. Полицейский говорит: «Эй, у него приступ, что ли?» У меня сильно стучат зубы, и вдруг полицейская машина исчезает перед моими глазами, и я лежу на спине в собственном заднем дворике. Да. Да! Полной грудью вдыхаю сладкий сентябрьский ночной воздух. Сажусь, растираю запястья, все еще хранящие отметины от наручников.

Я смеюсь и не могу остановиться. Я снова сделал это! Гудини, Просперо[28], признайте меня! Потому что я тоже волшебник.

Накатывает приступ тошноты, и я выплевываю желчь на хризантемы Кимми.

---

[27] И так далее *(нем.)*.

[28] *Гарри Гудини* (1874–1926) – знаменитый американский фокусник. *Просперо* – маг, герой «Бури» Шекспира.

14 мая 1983 года, воскресенье (Клэр 11, почти 12)

КЛЭР: Сегодня день рождения Мэри Кристины Хепворт, и все девочки-пятиклассницы из школы Сент-Бэзил ночуют в ее доме. У нас пицца, кола и фруктовый салат на ужин, и миссис Хепворт приготовила большой торт в форме головы единорога со словами «С днем рождения, Мэри Кристина!» из красной глазури, и мы поем, Мэри Кристина задувает все двенадцать свечек за один раз. Я, кажется, знаю, что за желание она загадала; думаю, она загадала больше не расти. По крайней мере, будь я на ее месте, именно этого бы и пожелала. Мэри Кристина самая высокая в нашем классе. В ней пять футов девять дюймов. Мама чуть ее пониже, а папа у нее очень, очень высокий. Однажды Хелен спросила Мэри Кристину, сколько в нем, и та ответила, что шесть футов семь дюймов. Она единственная девочка в семье, и все ее братья старше и уже бреются, и они тоже очень высокие. Они нарочно нас не замечают и едят много торта, а Пэтти и Рут нарочно громко хихикают, когда кто-нибудь из них проходит мимо. Так стыдно. Мэри Кристина открывает подарки. Я подарила ей зеленый свитер, такой же, как мой голубой, который ей нравится, с хитро вывязанным воротником, от Лауры Эшли. После ужина мы смотрим «Ловушку для родителей» по видику, а Мэри-Кристинины ходят вокруг нас, потом мы все по очереди надеваем пижамы в ванной комнате на втором этаже и заходим в спальню Мэри Кристины, от пола до потолка розового цвета, даже ковер во всю стену розовый. Сразу понятно, что родители Мэри Кристины были жутко рады наконец-то получить девочку после всех ее братьев. Мы все принесли с собой спальные мешки, но побросали их в углу и рассаживаемся на кровати и на полу в комнате. Нэнси принесла бутылку мятного шнапса, и мы пьем по глоточку. Вкус ужасный, как будто еж в горле застрял. Мы играем в «Правда-неправда». Рут заставляет Венди пробежаться по коридору без курточки от пижамы. Венди заставляет Фрэнси сказать, какой размер лифчика у Лекси, ее семнадцатилетней сестры (ответ: 38D). Фрэнси просит Гейл сказать, что она с Майклом Платтнером делала в прошлую субботу в «Дейри-Квин» (ответ: ели мороженое. Ну да, как же). Через какое-то время всем «Правда-неправда» надоедает, в основном потому, что становится трудно придумать хорошие задания, которые можно выполнить, и потому, что мы знаем друг про друга все, что только можно, ведь мы ходим вместе в школу с самого детского сада. Мэри Кристина говорит: «Давайте достанем гадальную планшетку», и все соглашаются, потому что это ее вечеринка и потому что это просто классное занятие. Она достает планшетку из шкафа. Планшетка вся помятая, и на маленькой пластиковой штуке, которая показывает на буквы, нет пластикового окна. Однажды Генри сказал мне, что ходил на спиритический сеанс, и посреди него у медиума случился приступ аппендицита, и пришлось вызывать ей «скорую помощь». Планшетка довольно маленькая, и играть могут только двое. Поэтому Мэри Кристина и Хелен начинают. Правило такое, что вопрос нужно говорить вслух, а то не получится. Они обе кладут пальцы на планшетку. Хелен смотрит на Мэри Кристину, которая колеблется, и Нэнси говорит: «Спроси про Бобби», поэтому Мэри Кристина спрашивает: «Я нравлюсь Бобби Дикслеру?» Все хихикают. Правильный ответ – нет, но планшетка говорит *да*, потому что Хелен ее немного подталкивает. Мэри Кристина так широко улыбается, что я вижу пластинки на ее зубах, и верхних и нижних. Хелен спрашивает, нравится ли она какому-нибудь мальчику. Планшетка какое-то время крутится и потом останавливается на буквах Д, Э, В. «Дэвид Ханей?» – спрашивает Пэтти, и все смеются. Дейв – единственный темнокожий в нашем классе. Он ужасно застенчивый, маленький и хорошо знает математику. «Может, он поможет тебе с делением столбиком?» – говорит Лаура, тоже очень стеснительная. Хелен смеется. Она в математике ничего не понимает. «Эй, Клэр, попробуй ты с Рут». Мы занимаем места Хелен и Мэри Кристины. Рут смотрит на меня, я пожимаю в ответ плечами. «Я не знаю, что спрашивать», –

говорю я. Все хихикают: разве есть много вариантов? Но я хочу знать так много: с мамой все будет в порядке? Почему сегодня утром папа кричал на Этту? Генри – он настоящий? Куда Марк спрятал мою домашнюю работу по французскому? Рут спрашивает: «Какому мальчику нравится Клэр?» Я кидаю на нее злобный взгляд, но она только улыбается: «Не хочешь знать?» – «Нет», – отвечаю я, но все равно кладу пальцы на планшетку. Рут тоже кладет пальцы, но планшетка не движется. Мы обе слегка дотрагиваемся до нее, стараясь не нарушать правила и не подталкивать. Потом планшетка медленно начинает двигаться. Описывает круги и потом останавливается на Г. Набирает скорость, появляются буквы Е, Н, Р, И. «Генри, – говорит Мэри Кристина. – Кто такой Генри?» Хелен говорит: «Не знаю, конечно, но ты покраснела. Клэр, *кто такой Генри*?» Я мотаю головой, как будто для меня это тоже загадка. «Спроси ты, Рут». Она (вот удивительно) спрашивает, кому нравится; появляются буквы Р, И, К. Я чувствую, что она подталкивает доску. Рик – это мистер Малоун, наш учитель точных наук, которому нравится мисс Энгл, учительница английского. Мы с Рут встаем, и Лаура с Нэнси занимают наши места. Нэнси сидит ко мне спиной, и я не вижу ее лица, когда она произносит: «Кто такой Генри?» Все смотрят на меня, становится очень тихо. Я смотрю на планшетку. Ничего. Только я решаю, что спасена, как планшетка начинает вращаться. Может, опять скажет «Генри»? Ничего страшного, Лаура и Нэнси вообще ничего про него не знают. Даже я почти ничего про него не знаю. Появляются буквы М, У, Ж. Все смотрят на меня. «Я *не замужем*. Мне ведь всего *одиннадцать*». – «Но кто такой Генри?» – удивляется Лаура. «Не знаю. Может быть, кто-то, кого я еще не встретила». Она кивает. Все в шоке. Я сама в шоке. Муж? *Муж?*

12 апреля 1984 года, четверг (Генри 36, Клэр 12)

ГЕНРИ: Мы с Клэр играем в шахматы на лужайке в лесу. Прекрасный весенний день, в лесу поют птицы, ухаживают друг за дружкой, вьют гнезда. Мы уходим подальше от семьи Клэр, которая в этот день дома, неподалеку. Клэр какое-то время раздумывает над своим ходом; я взял ее ферзя три хода назад, и она понимает, что проиграла, но намерена продолжать битву.

– Генри, кто твой любимый «битл»? – поднимает она глаза.

– Джон, конечно.

– Почему «конечно»?

– Ну, Ринго тоже ничего, но он какой-то вялый, да? А Джордж немного слишком «нью-эйджевый», на мой вкус.

– Что такое «нью-эйдж»?

– Странные религии. Слащавая, скучная музыка. Жалкие попытки убедить себя в превосходстве всего индийского. Не западная медицина.

– Но тебе не нравится традиционная медицина.

– Это потому, что врачи все время пытаются убедить меня, что я ненормальный. Если бы я сломал руку, то стал бы большим поклонником западной медицины.

– А как насчет Пола?

– Пол – для девчонок.

– Мне Пол больше всего нравится, – застенчиво улыбается Клэр.

– Ну, ты же девочка.

– А почему Пол для девочек?

«Будь осторожен», – говорю я себе.

– Ну, знаешь… Пол – он, ну, милый «битл», да?

– Это плохо?

– Нет, вовсе нет. Но парням больше интересны те, кто крутые, и Джон – это крутой «битл».

– Да. Но он умер.

– Можно оставаться крутым даже после смерти, – смеюсь я. – На самом деле это гораздо легче, потому что не состаришься, не растолстеешь и не облысеешь.

Клэр напевает начало песни «Когда мне будет шестьдесят четыре». Двигает на пять клеток вперед свою ладью. Я могу сделать мат, говорю ей об этом, и она торопливо убирает ее на место.

– Ну и почему тебе Пол нравится? – спрашиваю я, поднимая голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как ужасно она покраснела.

– Он такой… *красивый,* – отвечает Клэр.

То, как она это говорит, заставляет меня задуматься. Я смотрю на доску, и до меня доходит, что, если Клэр сейчас возьмет моего слона своим конем, она выиграет. Задумываюсь, говорить ей или нет. Если бы она была немного помладше, сказал бы. Двенадцать лет – это возраст, когда уже нужно решать самой. Клэр задумчиво смотрит на доску. До меня доходит, что я ревную. Господи! Я не верю, что ревную к чудаку-мультимиллионеру, рок-звезде, который Клэр в отцы годится.

– Да уж, – говорю я.

– Кто тебе нравится? – озорно улыбается Клэр, глядя на меня.

«Ты», – думаю я, но вслух не говорю.

– В смысле, когда я был в твоем возрасте?

– Ну да. А когда ты был в моем возрасте?

Я прикидываю ценность этой информации и возможные последствия, прежде чем все-таки расколоться:

– Мне было двенадцать в семьдесят пятом году. Я тебя на восемь лет старше.

– Значит, тебе двадцать?

– Нет, вообще-то, мне тридцать шесть, я тебе в отцы гожусь.

Клэр хмурит брови. В математике она не сильна:

– Но если тебе было двенадцать в семьдесят пятом…

– А, извини. Ты права. В смысле, самому мне тридцать шесть, но где-то там, – я машу рукой в южном направлении, – мне двадцать. В настоящем времени.

Клэр пытается переварить эту новость:

– Значит, тебя два?

– Не совсем. Есть только один я, но когда я путешествую во времени, то иногда попадаю туда, где я уже есть, и – да, тогда получается, что нас двое. Или больше.

– А почему я больше чем одного тебя не видела?

– Увидишь. Когда мы с тобой встретимся в моем настоящем, это будет случаться довольно часто – даже чаще, чем я бы хотел, Клэр.

– Кто тебе нравится в семьдесят пятом?

– Если честно, никто. В двенадцать у меня были другие развлечения. Но когда мне было тринадцать, я жутко влюбился в Патти Херст.

– Это девочка из твоей школы? – Клэр, кажется, разозлилась.

– Нет, – улыбаюсь я. – Она была богатой калифорнийской студенткой, которую похитили ужасные левые террористы и заставили ее грабить банки. Ее каждый вечер в новостях показывали месяцы напролет.

– И что с ней случилось? Почему она тебе понравилась?

– В конце концов они ее отпустили, она вышла замуж, появились дети, и теперь она богатая калифорнийская дама. Почему она мне понравилась? Ну, не знаю. Это иррационально,

понимаешь? Думаю, я просто немного знал, что это такое, когда тебя забирают и заставляют делать вещи, которые делать не хочется, а потом выходит, что тебе это как бы и нравится.

– Ты делаешь что-то, чего не хочешь?

– Да. Постоянно. – У меня затекла нога, и я встаю и трясу ею, пока нога не начинает оттаивать. – Я же не всегда оказываюсь здесь, с тобой, на всем готовеньком. Я очень часто попадаю туда, где мне приходится воровать, чтобы поесть и одеться.

– Да-а! – Личико у нее затуманивается, и потом она видит свой ход, делает его и победно смотрит на меня: – Мат!

– Эй! Браво! – поздравляю я. – Ты просто королева по шахматам *du jour*[29].

– Да, – отвечает Клэр, розовая от гордости. Она начинает опять расставлять фигурки на исходные позиции: – Еще?

Я делаю вид, что смотрю на несуществующие часы.

– Конечно, – сажусь обратно. – Ты есть хочешь?

Мы здесь уже несколько часов, и запасы истощились; единственное, что у нас осталось, – это крошки в пакетике из-под печенья.

– Угу.

Клэр держит две пешки за спиной, я касаюсь ее правого локтя, и она показывает мне белую пешку. Делаю стандартный первый ход, двигаю королевскую пешку на e4. Она делает стандартный ответ на мой стандартный ход, двигая свою королевскую пешку на e4. Мы довольно быстро делаем еще десяток ходов, с умеренными потерями, а потом Клэр на какое-то время замирает, исследуя поле. Она всегда экспериментирует, всегда пытается *coup d'éclat*[30].

– А кто тебе нравится сейчас? – спрашивает она, не глядя на меня.

– В смысле, в двадцать? Или в тридцать шесть?

– И тогда, и тогда.

Я пытаюсь вспомнить себя в двадцать лет. Вихрь женщин, грудей, ног, кожи, волос. Все похождения слились в одно, и лица с именами я уже не могу соотнести. В двадцать мне скучать не приходилось, а вот страдать – сколько угодно.

– В двадцать ничего особенного не было. Никто на ум не приходит.

– А в тридцать шесть?

Я внимательно смотрю на Клэр. Двенадцать – это еще слишком мало? Да, слишком. Лучше фантазировать о красивом, недостижимом, безопасном Поле Маккартни, чем мириться с Генри-чудаком, путешественником во времени. Но почему она спрашивает?

– Генри?

– А?

– Ты женат?

– Да, – неохотно признаю я.

– На ком?

– На очень красивой, терпеливой, талантливой, умной женщине.

– О! – Лицо у нее вытягивается.

Она берет в руки белого слона, которого взяла пару ходов назад, и крутит его на земле, как юлу.

– Здорово.

Кажется, эта новость ее расстроила.

– В чем дело?

– Ни в чем. – Клэр двигает королеву с e2 на b5. – Шах.

---

[29] На день *(фр.)*.

[30] Произвести много шума *(фр.)*.

Я перемещаю коня, чтобы закрыть короля.

– А я замужем? – спрашивает Клэр.

Я смотрю ей в глаза:

– Ты искушаешь судьбу.

– Почему бы и нет? Ты никогда мне ничего не рассказываешь. Ну же, Генри, скажи, я навсегда останусь старой девой?

– Ты монахиня, – дразню я ее.

– Господи, надеюсь, ты врешь, – пожимает она плечами и берет мою пешку своей ладьей. – А как ты познакомился со своей женой?

– Извини. Совершенно секретная информация. – Я беру ее ладью ферзем.

– Упс, – кривится Клэр. – Ты путешествовал во времени? Ну, когда ее встретил?

– Я занимался своими делами.

Клэр вздыхает. Она берет еще одну пешку своей ладьей. У меня начинают заканчиваться пешки. Передвигаю на a4 ферзя.

– Это нечестно, что ты все обо мне знаешь, а мне о себе никогда не рассказываешь.

– Правда. Нечестно. – Я пытаюсь выглядеть сокрушенным и любезным.

– В смысле, Рут, и Хелен, и Меган, и Лаура мне все рассказывают, и я рассказываю им все.

– Все?

– Ну, не все. Про тебя не рассказываю.

– Да ну? А почему?

– Ты секрет, – принимается обороняться Клэр. – И вообще, они мне все равно не поверят.

Коварно улыбаясь, она своим конем загоняет в ловушку моего слона. Я рассматриваю доску, пытаясь понять, как бы взять ее коня или передвинуть своего слона. Кажется, у белых дела плохи.

– Генри, а ты настоящий?

– Да, – немного обалдеваю я. – А каким я еще могу быть?

– Не знаю. Привидение?

– Я живой человек, Клэр.

– Докажи.

– Как?

– Не знаю.

– Но послушай, ты же не сможешь доказать, что *ты* настоящий человек, а?

– Я настоящая, я уверена.

– Почему?

– Я просто человек, и все.

– Ну, я тоже просто человек, и все.

Странно, что Клэр завела этот разговор; в 1999 году мы с доктором Кендриком затеяли философский диспут на эту же самую тему. Кендрик убежден, что я предвестник нового человеческого вида, так же отличающийся от нынешних людей, как кроманьонец от своих неандертальских соседей. Я убежден, что я – просто ошибка в генокоде, и наша неспособность иметь детей доказывает, что я не стану переходным звеном. Мы цитируем Кьеркегора, Хайдеггера и петушимся. И вот, Клэр сомневается во мне.

– *Люди* не появляются и не исчезают так, как ты. Ты как Чеширский кот.

– Ты хочешь сказать, что я – выдуманный персонаж?

Я наконец вижу свой ход: ладья на g3. Теперь Клэр может взять моего слона, но через несколько ходов потеряет ферзя. Она немного думает, понимает это и показывает мне язык. Язык у нее неприятного оранжевого оттенка от съеденных карамелек.

– Это заставляет меня задуматься насчет сказок. В смысле, если ты настоящий, то почему сказки не могут быть настоящими, а? – Клэр поднимается, продолжая смотреть на доску, и при-

плясывает на месте, как будто на ней штаны загорелись. – Кажется, земля становится жестче. У меня попу свело.

– Может, они и правда настоящие. Или какие-то небольшие вещи в них настоящие, а потом люди на них просто накручивают, а?

– То есть Белоснежка просто была в коме?

– И Спящая Красавица тоже.

– А Джек со своим Бобовым Стеблем просто был потрясающим садовником.

– А Ной – старый чудак, у которого был плавучий дом и полно кошек.

– Ной из Библии, – вытаращив на меня глаза, говорит Клэр. – Он не из сказки.

– А! Да. Извини.

Я очень хочу есть. В любую минуту Нелли может подать сигнал к обеду, и Клэр придется идти домой. Она садится обратно за свою половину доски. Я вижу, ее интерес к игре потерян, потому что она начинает строить пирамиду из съеденных у меня фигурок.

– Ты так и не доказал, что настоящий, – говорит Клэр.

– И ты тоже.

– Ты сомневаешься в том, что я настоящая? – с удивлением спрашивает она.

– Может, ты мне снишься. Может, я тебе снюсь; может, мы существуем только во снах друг друга и каждое утро, просыпаясь, все забываем.

Клэр хмурится и делает такое движение рукой, как будто хочет отмахнуться от странной идеи.

– Ущипни меня, – требует она.

Я наклоняюсь вперед и слегка щиплю ее за руку.

– Сильнее!

Я щиплю опять, достаточно сильно, так что появляется красное пятно, а потом сразу белеет и исчезает.

– Разве я не проснулась бы, если бы спала? В любом случае, не похоже, что я сплю.

– На привидение я тоже не похож. Или на выдуманный персонаж.

– Откуда ты знаешь? То есть если бы я тебя придумала и не хотела бы, чтобы ты знал, что я тебя придумала, просто бы тебе не сказала, а?

– Может, Господь просто сделал нас, и Он не говорит нам, – удивленно произношу я.

– Нельзя так говорить! – восклицает Клэр. – И вообще, ты даже не веришь в Господа. Так?

Пожимаю плечами и меняю тему разговора:

– Я более реальный, чем Пол Маккартни.

Клэр выглядит взволнованной. Она начинает складывать фигурки в коробку, аккуратно отделяя белые от черных.

– Много людей знают Пола Маккартни, а про тебя знаю только я.

– Но ты встречала меня лично, а его – нет.

– Мама была на концерте «Битлз». – Она закрывает крышку шахматной доски и вытягивается на земле, уставившись на шатер из зеленых листьев. – Это было восьмого августа шестьдесят пятого года в «Комиски-парке».

Я тычу пальцем ей в живот, она сворачивается, как еж, и хихикает. Немного пощекотав друг друга и покатавшись по земле, мы ложимся на спину, прижав руки к животу, и Клэр говорит:

– А твоя жена тоже путешествует во времени?

– Нет. Слава богу.

– Почему «слава богу»? Я думаю, это было бы здорово. Вы могли бы путешествовать вместе.

– Одного путешественника во времени в семье более чем достаточно. Это опасно, Клэр.

– Она беспокоится о тебе?

– Да, – тихо отвечаю я, – беспокоится.

Интересно, что сейчас делает Клэр, в 1999 году. Может, еще спит. Может, не знает, что я исчез.

– Ты ее любишь?

– Очень, – шепотом отвечаю я.

Мы тихо лежим рядом, глядя на раскачивающиеся деревья, на птиц, на небо. Я слышу сдавленный звук и, взглянув на Клэр, с изумлением вижу слезы, которые катятся из ее глаз к ушам. Сажусь и наклоняюсь над ней:

– Что случилось, Клэр?

Она просто качает головой и крепче сжимает губы. Разглаживаю ее волосы, сажаю и обнимаю. Она просто ребенок, но на секунду я вижу ее взрослой.

– Что случилось?

Она отвечает так тихо, что мне приходится попросить ее повторить.

– Я просто подумала, что, может быть, ты женат на мне.

27 июня 1984 года, среда (Клэр 13)

КЛЭР: Я стою в долине. Конец июня, дело к вечеру; через несколько минут нужно будет идти мыть руки к ужину. Температура падает. Десять минут назад небо было медно-голубое, над долиной висел тяжелый жар, все казалось изогнутым, как под кривым стеклянным куполом, все звуки поглощались жаром под оглушающий аккомпанемент жужжания насекомых. Я сидела на крошечных мостках, глядя, как водомерки скользят по тихому маленькому пруду, и думала о Генри. Сегодня он не придет; в следующий раз мы увидимся через двадцать два дня. Стало намного прохладнее. Генри меня озадачивает. Всю свою жизнь я принимала его как должное; то есть, хотя Генри – секрет и поэтому автоматически вызывает восхищение, он еще и загадка, и как раз недавно до меня начало доходить, что у большинства девочек нет Генри, или если и есть, они о нем молчат. Поднимается ветер; высокая трава шелестит, я закрываю глаза, чтобы представить, что я у моря (которое видела только по телевизору). Я открываю глаза; небо желтое, потом зеленое. Генри говорит, что приходит из будущего. Когда я была маленькой, то не видела в этом особой проблемы; я понятия не имела, что это может означать. Теперь я думаю, правда ли, что это какое-то место или время, в которое я приду; и что идти туда – не значит просто становиться старше. Интересно, может ли Генри взять меня в будущее. Лес становится черным, деревья гнутся, качаются из стороны в сторону и пригибаются к земле. Гул насекомых пропал, ветер все сглаживает, трава прижата, деревья трещат и стонут. Я боюсь будущего, оно представляется мне большой коробкой с тайнами. Генри говорит, что знает меня в будущем. Огромные черные тучи надвигаются из-за деревьев, они появляются так внезапно, что я начинаю смеяться, они как марионетки, и все кружится, приближаясь ко мне, потом раздается длинный низкий раскат грома. Внезапно я понимаю, что стою, худенькая, вытянувшаяся, посреди долины, где все прижалось к земле, и ложусь на землю в надежде, что бушующая вокруг стихия не заметит меня. Я лежу на спине и смотрю наверх, в небо, откуда начинает литься вода. Одежда промокла, и внезапно я чувствую, что Генри где-то здесь, он обнимает меня, и мне кажется, что Генри – это дождь, и я одна и хочу его.

23 сентября 1984 года, воскресенье (Генри 35, Клэр 13)

ГЕНРИ: Я на поляне, в долине. Раннее-раннее утро, как раз перед восходом. Конец лета, все цветы и трава вымахали мне до груди. Прохладно. Я один. Брожу среди растений и нахожу

коробку с одеждой, открываю ее и вижу голубые джинсы, белую рубашку и сандалии. Раньше я никогда этих вещей не видел и задумываюсь, в какое время я попал. Клэр оставила мне перекусить: сэндвич с арахисовым маслом, аккуратно завернутый в фольгу, яблоко и пакет картофельных чипсов «Джей». Может быть, это школьный обед Клэр. Думаю, сейчас конец семидесятых – начало восьмидесятых. Сажусь на камень, начинаю есть и тут же чувствую себя намного лучше. Поднимается солнце. Вся долина голубая, потом оранжевая с розовым, тени удлиняются, и наступает день. Клэр нигде не видно. Я отползаю на несколько футов в заросли, сворачиваюсь на земле, хотя она мокрая от росы, и засыпаю.

Когда я просыпаюсь, солнце высоко в небе, рядом со мной сидит Клэр и читает книгу. Она улыбается мне и говорит:

– Солнце светит. Птицы поют, лягушки квакают, пора просыпаться!

Я вздыхаю и тру глаза:

– Привет, Клэр. Какое сегодня число?

– Двадцать третье сентября тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, воскресенье.

Клэр тринадцать. Странный и трудный возраст, но все же тут не так трудно, как в моем настоящем. Я сажусь и зеваю.

– Клэр, если я очень хорошо попрошу, ты сходишь в дом и принесешь мне чашку кофе?

– Кофе? – Клэр говорит это так, как будто она никогда не слышала о таком напитке. Взрослая Клэр такая же кофеманка, как и я. Она раздумывает.

– Ну пожалуйста!

– Хорошо. Попробую. – Она медленно поднимается.

В этот год Клэр быстро выросла. Она стала выше на пять дюймов и еще не привыкла к своему новому телу. Груди, ноги, бедра – все стало другим. Я пытаюсь не думать об этом, глядя, как она идет по тропинке к дому. Бросаю взгляд на книгу, которую она оставила. Это Дороти Сейерс[31], я такую не читал. К тому времени, как она возвращается, я уже на тридцать третьей странице. Она принесла термос, чашки, одеяло и несколько пончиков. От летнего солнца у Клэр на носу веснушки, я подавляю в себе желание пробежать пальцами по ее выцветшим волосам, которые падают ей на руки, когда она расстилает одеяло.

– Огромное спасибо. – Я беру термос, как будто в нем святая вода.

Мы усаживаемся на одеяло. Откручиваю крышку, наливаю чашку кофе, делаю глоток. Он невероятно крепкий и горький.

– Господи! Клэр, это настоящее ракетное топливо.

– Слишком крепкий?

Она выглядит немного расстроенной, и я спешу похвалить ее:

– Ну, возможно, не то чтобы уж очень крепкий, но крепковатый. Хотя мне нравится. Ты его сама приготовила?

– Угу. Я раньше никогда кофе не варила, и Марк зашел и начал меня доставать, поэтому, может, я что-то не то сделала.

– Нет, все отлично.

Я дую на кофе и допиваю. Сразу становится лучше. Наливаю еще одну чашку.

Клэр берет у меня термос. Наливает себе полнаперстка кофе и осторожно делает глоток.

– Фу, – говорит она. – Ну и гадость. Он и правда такой на вкус должен быть?

– Ну, обычно он не такой злобный. Ты любишь кофе с большим количеством сливок и сахара.

Клэр выливает остатки своего кофе на землю и берет пончик. Потом говорит:

– Ты превращаешь меня в ненормальную.

У меня нет готового ответа, потому что такая мысль никогда не приходила мне в голову.

[31] *Дороти Сейерс* (1893–1957) – британская писательница и переводчик «Божественной комедии», автор детективов.

– Нет, неправда.

– Нет, правда.

– Нет. – Секунду-другую я молчу. – Что ты хочешь этим сказать: «я превращаю тебя в ненормальную»? Я тебя ни в кого не превращаю.

– Знаешь, ты говоришь мне, что я люблю кофе со сливками и сахаром, еще до того, как я его попробовала. Ну, то есть как я смогу разобраться, нравится ли мне это по-настоящему или просто потому, что ты мне сказал, что мне это нравится?

– Но, Клэр, это же индивидуальный вкус. Ты сама сможешь понять, какой кофе тебе нравится, независимо от того, сказал я тебе это или нет. К тому же не ты ли всегда просишь меня рассказать что-нибудь о будущем?

– Знать будущее и знать, что я люблю, – это разные вещи, – отвечает Клэр.

– Почему? И то и другое связано со свободой выбора.

Клэр снимает туфли и носки. Заталкивает носки в туфли и аккуратно ставит их на краешек одеяла. Затем берет отброшенную мною крышку от термоса и ставит рядом с туфлями, как будто одеяло – это татами.

– Я думала, что свобода выбора связана с первородным грехом.

– Нет, – подумав, отвечаю я. – Почему это свобода должна быть ограничена понятиями правильного или неправильного? В смысле, ты только что решила, по своему собственному выбору, снять туфли. Не имеет значения, заботит ли это кого-то, в туфлях ты или нет, и это не грешно и не добродетельно, это не влияет на будущее, но ты сделала свой собственный выбор.

– Но иногда, – пожимает плечами Клэр, – ты мне говоришь что-то, и я чувствую, что будущее уже здесь, понимаешь? Как будто мое будущее случилось в прошлом, и я ничего не могу с ним поделать.

– Это называется детерминизм, – говорю я ей. – Он преследует меня в кошмарах.

– Почему? – заинтригованно спрашивает Клэр.

– Ну, если *ты* чувствуешь себя загнанной в угол, потому что считаешь свое будущее неизменным, представь себе, что чувствую *я*. Я постоянно сталкиваюсь с ситуациями, которые не могу изменить, хотя нахожусь прямо в них, и просто смотрю.

– Но, Генри, ты ведь изменяешь вещи! В смысле, ты же написал на листке, который я тебе отдам в девяносто первом году, о том ребенке с синдромом Дауна. И список встреч. Если бы у меня не было этого списка, я бы никогда не знала, когда приходить к тебе. Ты все время что-то меняешь.

– Я могу заставить работать только те вещи, которые уже случились. Например, я не могу изменить того факта, что ты сейчас сняла туфли, – улыбаюсь я.

– Но почему, – смеется Клэр, – тебя так волнует, сняла я их или нет?

– Не волнует. Но если бы и волновало, это неизменный факт истории Вселенной, и я ничего не могу с этим поделать.

Я беру еще один пончик – «Бисмарк», мои любимые; глазурь немного подтаяла на солнце и липнет к пальцам. Клэр доедает пончик, закатывает штанины джинсов и садится по-турецки. Она чешет шею и раздраженно смотрит на меня.

– Теперь ты заставляешь меня думать обо всем. Я чувствую, что каждый раз, когда высмаркиваюсь, совершаю историческое деяние.

– Ну, это так и есть.

– А какая противоположность у детерминизма? – спрашивает она.

– Хаос.

– О. Не думаю, что мне это понравится. А тебе он нравится?

Я откусываю большой кусок пончика и размышляю о хаосе.

– Ну, и да и нет. Хаос дает полную свободу. Но смысла в нем нет. Я хочу иметь свободу действий, но я также хочу, чтобы мои действия имели смысл.

– Но, Генри, ты забываешь о Боге – почему не может быть Бога, который придает вещам смысл? – Клэр убедительно хмурится и смотрит в долину.

Я кидаю последний кусок пончика в рот и медленно жую, чтобы выиграть время. Каждый раз, когда Клэр упоминает Бога, у меня начинают потеть ладони и появляется настойчивое желание спрятаться, убежать или исчезнуть.

– Не знаю, Клэр. Для меня вещи выглядят слишком хаотичными и бессмысленными, чтобы ими управлял Бог.

Клэр обхватывает колени руками.

– Но ты только что сказал, что все кажется спланированным и продуманным.

– Да уж, – говорю я, хватаю Клэр за лодыжки, притягиваю ее ступни себе на колени и держу.

Она смеется и откидывается на локтях. Я чувствую холод ступней Клэр в своих руках; они розовые и очень чистые.

– Хорошо, – говорю я. – Давай посмотрим, какие у нас варианты. Во-первых, Вселенная, где прошлое, настоящее и будущее одновременно сосуществуют и все уже случилось; во-вторых, хаос – где все может случиться и ничего нельзя предсказать, потому что мы не можем продумать все варианты; и в-третьих, христианская Вселенная, в которой Бог все сделал и все имеет смысл, но у нас все же есть свобода воли. Так?

– Думаю, да. – Клэр шевелит пальцами ног в моих руках.

– И за что голосуешь?

Клэр молчит. Ее прагматизм и романтические чувства по отношению к Христу и Марии в тринадцать лет почти идеально сбалансированы. Год назад она бы без колебаний выбрала Бога. Через десять лет она будет за детерминизм, а еще через десять лет будет считать, что во Вселенной царит случайность, что, если Бог существует, Он не слышит наших молитв, что причина и следствие неизбежны и грубы, но бессмысленны. А что потом? Я не знаю. Но прямо сейчас Клэр сидит передо мной на пороге юности с верой в одной руке и растущим скептицизмом в другой, и единственное, что она может попытаться сделать, – это жонглировать ими или стискивать их, пока они не сольются воедино.

Она трясет головой:

– Я не знаю. Я *хочу* выбрать Бога. Это нормально?

– Конечно нормально. – Я чувствую себя ослом. – Это то, во что ты веришь.

– Но я не хочу просто верить, я хочу, чтобы это было правдой.

Я провожу большими пальцами по сводам стоп Клэр, и она закрывает глаза.

– Прямо как Фома Аквинский, – говорю я.

– Я слышала про него, – отвечает Клэр, как будто говорит о своем давно потерянном любимом дядюшке или о ведущем телепрограммы, которую она смотрела, будучи ребенком.

– Он хотел порядка и смысла, и Бога тоже. Он жил в тринадцатом веке и преподавал в Парижском ниверситете. Аквинский верил и в Аристотеля, и в ангелов.

– Я люблю ангелов, – отвечает Клэр. – Они такие красивые. Я бы хотела иметь крылья, и летать повсюду, и сидеть на облаках.

– *Ein jeder Engel ist schrecklich*.

Клэр вздыхает, и этот тихий вздох как бы говорит: «Я не говорю по-немецки, ты что, забыл?»

– «Каждый ангел ужасен»[32]. Это начало одной из «Дуинских элегий» Рильке. Мы с тобой очень его любим.

[32] Перевод В. Микушевича.

– Ты опять за свое! – вздыхает Клэр.

– В смысле?

– Говоришь, какая я буду.

Клэр зарывается мне в колени своими ступнями. Не думая, я кладу ее ступни себе на плечи, но мне это кажется каким-то излишне откровенным, и я быстро опять беру ступни в руки и держу их одной рукой в воздухе, а она лежит на спине, невинная, как ангел, волосы нимбом рассыпаны на одеяле вокруг головы. Я щекочу ее пятки. Клэр хихикает и выдирается из моих рук, подпрыгивает и делает колесо на поляне, улыбаясь, как будто хочет, чтобы я встал и поймал ее. Я только ухмыляюсь в ответ, и она возвращается на одеяло и садится рядом со мной.

– Генри?

– Да?

– Ты меняешь меня.

– Я знаю.

Я поворачиваюсь к ней и на секунду забываю, что она маленькая девочка и что все происходит в далеком прошлом. Я вижу свою жену с лицом маленькой девочки и не знаю, что сказать этой Клэр, взрослой и молодой, не такой, как другие, этой Клэр, которая знает, что изменяться бывает трудно. Но, кажется, она не ждет ответа. Она прислоняется к моей руке, и я обнимаю ее за плечи.

«Клэр!» – крик отца Клэр разносится над тишиной долины. Клэр подскакивает и хватает туфли с носками.

– Пора обедать, – говорит она, внезапно начав нервничать.

– Хорошо, – говорю я. – Ну, пока.

Машу ей рукой, она улыбается и, пробормотав: «Пока», бежит по дорожке, пропадая из виду. Я какое-то время лежу на солнце, размышляя о Боге и читая Дороти Сейерс. Через час или около того я тоже исчезаю, и в память о нас остаются только одеяло, книга, кофейные чашки и одежда.

После конца

27 октября 1984 года, суббота (Клэр 13, Генри 43)

КЛЭР: Я внезапно просыпаюсь. Был какой-то шум: кто-то звал меня по имени. Голос как у Генри. Сажусь в постели и прислушиваюсь. Слышу шум ветра и крики ворон. А что, если это был Генри? Выскакиваю из постели и бегу босиком вниз по ступеням, за дверь, в долину. Холодно, ветер проникает сквозь мою пижаму. Где он? Я останавливаюсь и вижу у фруктового сада папу и Марка, в оранжевых охотничьих костюмах, и с ними человек, и они все стоят и смотрят на что-то, но потом слышат мои крики, поворачиваются, и я вижу, что этот человек – Генри. Что Генри делает с папой и Марком? Я бегу к ним, сухая трава режет ступни, папа идет ко мне навстречу. «Дорогая, – спрашивает он, – что ты делаешь здесь так рано?» – «Я слышала, что меня кто-то звал», – объясняю я. Папа улыбается, как бы говоря: «Глупенькая», а я смотрю на Генри, может, он объяснит. «Зачем ты меня звал, Генри?» – хочется спросить мне, но он качает головой и прикладывает палец к губам: «Шш, не говори ничего, Клэр». Он уходит в сад, и я хочу посмотреть, на кого они смотрели, но там никого нет, и папа говорит: «Клэр, возвращайся в кровать, это просто сон». Он обнимает меня, мы идем обратно к дому, я оглядываюсь на Генри, он улыбается и машет мне рукой: «Все в порядке, Клэр, потом объясню». (Хотя, зная Генри, я понимаю: вряд ли он расскажет мне, скорее заставит догадаться или объяснение придет само в один прекрасный день.) Я тоже машу ему рукой и оглядываюсь, не видел ли Марк, но он стоит к нам спиной, злится и ждет, когда я уйду в дом, чтобы они с папой продолжили охоту; но что здесь делает Генри, что они сказали друг другу? Я снова оглядываюсь, но Генри не вижу, и папа говорит: «Пойдем, Клэр, ложись спать» – и целует меня в лоб. Он выглядит расстроенным, и я бегу обратно в дом, потом тихо поднимаюсь по ступенькам и сижу на своей постели, меня трясет. Я не знаю, что только что произошло, но уверена: это что-то очень плохое. Очень. Очень.

2 февраля 1987 года, понедельник (Клэр 15, Генри 38)

КЛЭР: Когда я возвращаюсь домой из школы, Генри ждет меня в читальном зале. Я отвела ему маленькую комнатку рядом с печкой; она напротив чулана, где хранятся велосипеды. Я объявила своим домашним, что мне нравится сидеть в подвале и читать, и на самом деле я много времени там проводила, так что никто не удивился. Генри подпер дверную ручку стулом. Я стучу четыре раза, и он впускает меня. Он устроил себе лежанку из подушек, диванных валиков и одеял и читает старые журналы при свете моей настольной лампы. На нем старые джинсы и фланелевая рубашка в клетку, он выглядит усталым, небрит. Сегодня утром я оставила дверь открытой, и вот он тут.

Я ставлю поднос с едой на пол.

– Я могла бы принести книг.

– Спасибо, тут книги что надо. – Он показывает на журналы «Мэд»[33] шестидесятых годов. – Это необходимо путешественникам во времени, которым нужно знать факты о настоящем, – говорит он, поднимая «Мировой альманах» за 1968 год.

[33] MAD – популярный сатирический журнал, выпускается с 1952 г. компанией «DC Comics».

Я сажусь рядом с ним на одеяла и смотрю на него – не скажет ли пересесть. Вижу, что он подумывает об этом, поэтому поднимаю руки и затем сажусь на них.

– Располагайся, – улыбается он.

– Откуда ты пришел?

– Октябрь две тысячи первого.

– Ты выглядишь усталым. – Я вижу, что он сомневается, говорить ли мне, почему он устал, и решает не говорить. – Что мы делаем в две тысячи первом году?

– Много чего. Большие события. И изматывающие. – Генри принимается за сэндвич с ростбифом, который я ему принесла. – Слушай, как вкусно!

– Это Нелли сделала.

– Я никогда не пойму, – смеется он, – почему ты можешь строить огромные скульптуры, прочные как камень, разбираешься в методах окраски, готовишь козо[34] и все такое, но в принципе не можешь ничего, что связано с кухней. Просто поразительно.

– Умственный блок. Это фобия.

– Невероятно.

– Я захожу на кухню и слышу, как какой-то голос мне говорит: «Уходи». И я ухожу.

– Ты хорошо ешь? Ты такая худенькая.

Мне кажется, что я толстая.

– Я ем, – отвечаю я, впадая в уныние. – А в две тысячи первом году я толстая? Может, тебе поэтому кажется, что я худая?

Генри улыбается, и я не понимаю чему.

– Ну, на данный момент ты такая пухленькая, в моем настоящем, но это пройдет.

– Фу.

– Пухлость – это хорошо. Тебе очень идет.

– Нет уж, спасибо. – (Генри смотрит на меня с беспокойством.) – Знаешь, у меня нет анорексии, ничего подобного. В смысле, тебе не надо об этом беспокоиться.

– Ну, тебя мама вечно с этим допекала.

– Допекала?

– Допекает.

– Почему ты сказал в прошедшем времени?

– Просто так. С Люсиль все в порядке. Не беспокойся.

Он врет. У меня внутри все сжимается, я обхватываю колени руками и опускаю голову.

ГЕНРИ: Поверить не могу, что ляпнул такое. Я глажу Клэр по волосам и страстно мечтаю немедленно оказаться в своем настоящем, поговорить с Клэр, выяснить, что я рассказал ей, пятнадцатилетней, о смерти матери. Это все от недосыпа. Если бы я нормально спал, то и соображал бы живее или, по крайней мере, мог бы убедительно отбрехаться. Но Клэр, самый правдивый человек на свете, ужасно чувствительна даже к маленьким обманам, и теперь мне придется или отказаться говорить что-либо, а тогда она с ума сойдет от волнения, или врать, чего она не потерпит, или сказать правду, которая огорчит ее и заставит по-другому относиться к матери. Клэр смотрит на меня.

– Расскажи.

КЛЭР: Генри выглядит несчастным.

– Клэр, я не могу.

– Почему?

– Незачем говорить вещи заранее. Это перевернет твою жизнь.

[34] Луб тутового дерева (сырье для производства самодельной бумаги по восточному рецепту).

– Да. Но нельзя же останавливаться на полдороге.

– Нечего рассказывать.

Мне становится страшно. Вдруг захлестывает уверенность.

– Она покончила с собой! – Этого я всегда больше всего боялась.

– *Нет.* Неправда. Ничего подобного.

Я смотрю на него. Генри выглядит ужасно несчастным. Не знаю, правду ли он сказал. Если бы я могла читать его мысли, как все было бы легче. Мама. Мамочка.

ГЕНРИ: Это ужасно. Я не могу оставить ее в таком состоянии.

– Рак яичников, – очень тихо говорю я.

– Слава богу, – шепчет она и начинает плакать.

5 июня 1987 года, пятница (Клэр 16, Генри 32)

КЛЭР: Я весь день жду Генри. Я так взволнована. Вчера я получила водительские права, и папа сказал, что сегодня вечером я смогу взять «фиат» на вечеринку у Рут. Маме эта идея совсем не нравится, но, поскольку папа разрешил, она ничего сделать не может. Я слышу, как после обеда они ругаются в библиотеке: «Мог бы меня спросить…» – «Люси, все будет в порядке…»

Я беру книгу и иду в долину. Ложусь на траву. Солнце начинает садиться. На улице прохладно, в траве полно маленьких белых мошек. Небо на западе окрашено в розовый с оранжевым, надо мной – темно-голубая арка. Я подумываю вернуться в дом за свитером, когда слышу, что кто-то идет по траве. Конечно, это Генри. Он входит на поляну и садится на камень. Я наблюдаю за ним из травы. Он выглядит довольно молодо, ему, наверное, едва за тридцать. На нем однотонная черная футболка, джинсы и сапоги. Он сидит неподвижно и ждет. Я не выдерживаю, выпрыгиваю из травы и пугаю его.

– Господи, Клэр, ты напугала чудака до сердечного приступа.

– Ты не чудак.

Генри улыбается. Он такой странный, такой взрослый.

– Целуй, – приказываю я, и он меня целует.

– В честь чего?

– Я получила водительские права!

Генри выглядит встревоженным.

– О нет! В смысле, поздравляю.

Я улыбаюсь: ничего, что бы он ни сказал, настроения мне не испортит.

– Ты просто завидуешь.

– Если честно, то да. Я люблю водить, но никогда не делаю этого.

– Почему?

– Слишком опасно.

– Трусишка.

– В смысле, для других. Представь, что случится, если я сижу за рулем и вдруг исчезаю? Машина будет продолжать ехать, и – *ба-бах!* – куча трупов и реки крови. Ничего хорошего.

Я сажусь рядом с Генри на камень. Он отодвигается. Я не обращаю внимания.

– Я сегодня собираюсь на вечеринку к Рут. Хочешь со мной?

Он поднимает брови. Обычно это означает, что он собирается процитировать книгу, которую я не читала, или прочитать мне нравоучение. Вместо этого он просто говорит:

– Но, Клэр, там же будет полно твоих друзей.

– Ну и что? Я устала прятать тебя.

– Ну, посмотри: тебе шестнадцать. Мне сейчас тридцать два, ровно в два раза больше. Ты правда думаешь, что никто не обратит внимания и твои родители ничего не узнают?

– Хорошо, – вздыхаю я, – но мне ехать придется. Давай со мной, посидишь в машине, я ненадолго, а потом куда-нибудь прокатимся.

ГЕНРИ: Мы останавливаемся в квартале от дома Рут. Я слышу громкую музыку; это *Talking Heads*, «Once in a Lifetime»[35]. Мне почти хочется пойти с Клэр, но это будет неразумно. Она выскакивает из машины, говорит: «Сиди», как будто я большая непослушная собака, и уходит, стуча каблучками и покачивая бедрами в короткой юбке. Я откидываю сиденье и жду.

КЛЭР: Едва попав в дом, я понимаю, что эта вечеринка – большая ошибка. Родители Рут уехали в Сан-Франциско на неделю, поэтому у нее, по крайней мере, будет время, чтобы починить, отчистить все и придумать объяснения, но все равно я рада, что это не мой дом. Старший брат Рут, Джейк, тоже пригласил своих друзей, так что всего получилось около сотни человек, и все пьяные. Здесь больше мальчишек, чем девчонок, и я жалею, что не надела брюки и туфли без каблуков, но с этим уже ничего не поделаешь. Когда я прохожу на кухню за выпивкой, кто-то говорит за моей спиной:

– Глядите-ка: мисс Смотри-но-не-трогай! – И раздается противный причмокивающий звук. Поворачиваюсь и вижу, что на меня таращится Ящер (мы так называем его из-за прыщей). – Хорошее платье, Клэр.

– Спасибо, но это не про твою честь, Ящер.

Он идет за мной на кухню.

– Деточка, это не очень вежливо. В конце концов, я просто пытаюсь выразить восхищение твоим шикарным нарядом, а ты в ответ просто оскорбляешь меня…

Кажется, он не заткнется никогда. Наконец я вырываюсь, используя Хелен как живой щит, чтобы выбраться из кухни.

– Ну и гадость, – говорит Хелен. – Где Рут?

Рут прячется наверху в спальне с Лаурой. Они курят косяк в темноте и смотрят из окна, как несколько дружков Джейка голые купаются в бассейне. Вскоре мы все оказываемся у окна и таращим глаза.

– Хм, – говорит Хелен. – Мне бы вот такого.

– Которого? – спрашивает Рут.

– Того, у вышки.

– О-о.

– Посмотри на Рона, – говорит Лаура.

– Это Рон? – хихикает Рут.

– Ух ты! Ну, думаю, любой бы выглядел лучше без футболки с «Металликой» и жуткой кожаной жилетки, – отвечает Хелен. – Эй, Клэр, ты что-то молчишь.

– Что? Да, наверное, – отстраненно отвечаю я.

– Посмотри на себя, – говорит Хелен. – Ты просто… тебя просто перекосило от желания. Мне за тебя стыдно. Как можно было себя до такого состояния довести? – Она смеется. – Правда, Клэр, почему бы тебе с кем-нибудь из них не закрутить?

– Я не могу, – жалобно отвечаю я.

– Конечно можешь. Просто иди вниз и крикни: «Хочу трахнуться!» – и полсотни парней завопят: «Выбери меня!»

– Ты не понимаешь. Я не хочу… это не…

– Она хочет кого-то определенного, – говорит Рут, не отрывая глаз от бассейна.

---

[35] «Раз в жизни» *(англ.)*.

– Кого? – спрашивает Хелен.

Я пожимаю плечами.

– Да ладно, Клэр, признавайся.

– Оставьте ее в покое, – говорит Лаура. – Если Клэр не хочет говорить, нечего заставлять.

Я сажусь рядом с Лаурой и кладу голову ей на плечо.

– Я сейчас, – подскакивает Хелен.

– Ты куда?

– Я привезла шампанского и персикового сока, чтобы сделать «Беллини», но оставила в машине.

Она вылетает за дверь. Высокий парень с волосами до плеч делает прыжок-кувырок назад с вышки.

– Ничего себе, – одновременно говорят Рут и Лаура.

ГЕНРИ: Проходит много времени, может быть час или около того. Я съел полпакета картофельных чипсов и выпил теплую колу, которую мы привезли с собой. Немного подремал. Она ушла уже давно, и я думаю, не пройтись ли мне. И еще мне надо отлить.

Я слышу, как к машине кто-то бежит на каблучках. Выглядываю из окна и вижу, что это не Клэр, а сногсшибательная блондинка в узком красном платье. Я моргаю и тут понимаю, что это подруга Клэр Хелен Пауэлл. О нет!

Она подскакивает к моему окну, нагибается и таращится на меня. Я вижу в ее вырезе все, вплоть до асфальта. Мне слегка нехорошо.

– Привет, парень Клэр. Я Хелен.

– Ошибочка, Хелен. Но рад познакомиться. – От нее алкоголем несет за версту.

– Ты не хочешь выйти из машины, чтобы представиться по всем правилам?

– Не думаю. Мне и тут вполне неплохо.

– Хорошо, тогда я к тебе сяду.

Она неуверенно обходит машину, открывает дверь и плюхается на водительское сиденье.

– Я давно мечтаю с тобой познакомиться, – признается Хелен.

– Правда? Почему?

Я отчаянно мечтаю, чтобы пришла Клэр и спасла меня, но ведь тогда конец конспирации, так?

– Я вычислила, что ты существуешь, – говорит Хелен *sotto voce*[36], наклонившись ко мне. – Мои могучие аналитические способности привели меня к выводу, что, если убрать все невозможное, остается правда, как бы она ни была невероятна. Поэтому… – Хелен делает паузу, рыгает. – Фу, ужасно. Извини. Поэтому я пришла к выводу, что у Клэр есть парень, иначе она не отказывалась бы трахаться с нашими милыми ребятами, которые ужасно от этого страдают. И вот ты здесь. Я права!

Мне всегда нравилась Хелен, и мне жаль обманывать ее. Хотя это объясняет то, что она сказала мне на нашей свадьбе. Я люблю, когда запутанные кусочки головоломки сходятся воедино.

– Логика неоспоримая, Хелен, но я не парень Клэр.

– А почему ты тогда сидишь в ее машине?

Вспышка озарения. Клэр меня за это убьет.

– Я друг родителей Клэр. Они беспокоились, что она едет на вечеринку, где, наверное, будет выпивка, и попросили меня поехать с ней и поиграть в шофера, если она выпьет лишнего.

– Это абсолютно необязательно, – надувает губки Хелен. – Наша маленькая Клэр пьет не больше самого крошечного, маленького такого наперстка…

[36] Вполголоса *(ит.)*.

– А я и не говорю, что обязательно. Просто у нее родители ужасно волновались.

По тротуару стучат каблучки. На этот раз это Клэр. Она замирает, увидев, в какой я компании.

Хелен выпрыгивает из машины и говорит:

– Клэр! Этот противный тип говорит, что он не твой парень.

Мы с Клэр обмениваемся взглядами.

– Это так, – коротко говорит Клэр.

– О, – произносит Хелен, – ты уезжаешь?

– Почти полночь. Я уже скоро превращусь в тыкву. – Клэр обходит машину и открывает дверцу. – Поехали, Генри. – Она заводит двигатель и включает фары.

Хелен замирает в свете фар. Затем подходит к моему окну.

– Не парень, да, *Генри*? На минуту ты меня обманул, ничего не скажешь. Пока, Клэр.

Она смеется, и Клэр, неловко вырулив с парковки, уезжает. Рут живет на Конгер. Когда мы сворачиваем на Бродвей, я вижу, что здесь не горят фонари. Дорога двусторонняя. Она прямая, но без фонарей кажется бездонным черным колодцем.

– Лучше включи дальний свет, Клэр, – говорю я.

Она протягивает руку и вообще гасит фары.

– Клэр!..

– Не говори мне, что делать!

Я затыкаюсь. Единственное, что я вижу, – это горящий циферблат на приборной доске. Время 23:36. Я слышу, как машина со свистом рассекает воздух, слышу шум двигателя, чувствую, как колеса крутятся по асфальту, но мы почему-то не движемся, это мир несется вокруг нас на скорости сорок пять миль в час. Я закрываю глаза. Не помогает. Открываю глаза. Сердце выскакивает из груди.

Вдалеке появляется свет. Клэр включает фары, и мы снова мчимся по дороге, идеально прямой, с желтыми полосами посередине и у тротуара. Время 23:38.

Лицо Клэр ничего не выражает в свете, отражающемся от приборной доски.

– Зачем ты это сделала? – спрашиваю я дрожащим голосом.

– А почему бы и нет? – Голос Клэр спокоен, как летний пруд.

– Например, потому, что мы оба разбились бы насмерть?

Клэр сбрасывает скорость и поворачивает на Блу-Стар.

– Но этого же не случится, – говорит она. – Я вырасту, встречу тебя, мы поженимся, так ведь?

– Но ты же не знаешь, а вдруг ты разбилась на машине и мы год пролежали на вытяжке?

– Но тогда бы ты меня предупредил, чтобы я так не делала, – говорит Клэр.

– Я пытался, но ты заорала на меня…

– Ну, более старший, ты давно приказал бы мне, младшей, не врезаться никуда.

– Нет, к тому времени это бы уже произошло.

Мы доехали до Миагрэм-лейн, и Клэр свернула с трассы. Это частная дорога, которая ведет к ее дому.

– Притормози, Клэр, пожалуйста!

Она заезжает на траву, останавливается, выключает двигатель и свет. Снова наступает полная темнота, и я слышу миллион поющих цикад. Притягиваю Клэр к себе, обнимаю ее. Она напряжена, скованна.

– Пообещай мне кое-что.

– Что? – спрашивает Клэр.

– Пообещай, что подобного больше не повторится. Я имею в виду не только машину, но и вообще все опасное. Потому что никогда не знаешь. Будущее – странная штука, и нельзя вести себя так, как будто ты неуязвима…

– Но если ты видел будущее…

– Поверь мне. Просто поверь мне.

– Почему я должна верить? – вздыхает Клэр.

– Не знаю. Потому что я тебя люблю?

Клэр поворачивает голову так быстро, что макушкой ударяет меня в челюсть.

– Ой!

– Извини.

Я едва различаю ее профиль в темноте.

– Ты меня любишь? – спрашивает она.

– Да.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Но ты не мой парень.

Боже. *Вот* что ее беспокоит.

– Ну, чисто технически, я твой муж. Поскольку мы еще не поженились, думаю, можно сказать, что ты моя девушка.

Клэр кладет свою руку туда, где она не должна быть.

– Я лучше буду твоей любовницей.

– Тебе шестнадцать, Клэр. – Я осторожно убираю ее руку и глажу ее лицо.

– Я уже взрослая. Фу, у тебя все руки мокрые. – Клэр включает лампочку в салоне, и я с ужасом вижу, что у нее лицо и платье все в крови. Я смотрю на свои ладони, они липкие и красные. – Генри! Что это?

– Не знаю. – Я облизываю правую ладонь и вижу, как рядком проступают порезы в форме полумесяца. Я начинаю смеяться. – Это от моих ногтей. Когда мы ехали в темноте.

Клэр выключает свет, и мы снова оказываемся в темноте. Цикады поют во всю силу.

– Я не хотела напугать тебя.

– Ну, у тебя это получилось. Но обычно я чувствую себя спокойно, когда ты за рулем. Просто…

– Что?

– Я попал в аварию, когда был маленький, и не люблю ездить в машине.

– О… извини.

– Нормально. Эй, сколько времени?

Клэр включает свет. На часах 00:12.

– Боже! Я опоздала. Как я покажусь, вся в крови?

Она выглядит такой растерянной, что я начинаю смеяться.

– Давай так. – Я провожу левой ладонью у нее над верхней губой и под носом. – У тебя кровь пошла носом.

– Хорошо. – Она заводит машину, включает фары, возвращается на дорогу. – Этта до смерти перепугается, когда увидит меня.

– Этта? А как же родители?

– Мама уже, наверное, спит, а папа сегодня ушел на покер. – Клэр открывает ворота, и мы проезжаем.

– Если бы мой ребенок уехал на машине в день получения водительских прав, я бы сидел на крыльце с секундомером.

Клэр останавливает машину так, чтобы из дома не было видно.

– А у нас дети есть?

– Извини, секретные данные.

– Я затребую их по закону «О свободе информации».

– Как пожелаешь. – Я осторожно целую ее, чтобы не размазать фальшивое кровотечение. – Сообщи, когда выяснишь. – Я открываю дверцу машины. – Удачи с Эттой.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Я выхожу из машины как можно тише. Машина скользит по дороге, за угол, и растворяется в ночи. Я иду следом в свою постель в долине под звездами.

27 сентября 1987 года, воскресенье (Генри 32, Клэр 16)

ГЕНРИ: Я материализуюсь в долине, около пятнадцати футов к западу от поляны. Чувствую себя ужасно, кружится голова, тошнит, поэтому несколько минут просто сижу и пытаюсь прийти в себя. Холодно и пасмурно, я опускаюсь в высокую бурую траву, которая врезается мне в кожу. Через некоторое время мне становится получше; все тихо, я встаю и иду на поляну.

Клэр сидит на земле, у камня, опершись на него. Она ничего не говорит, просто смотрит на меня, и мне кажется, что со злостью. «Черт! – думаю я. – Что я натворил?» У нее сейчас период Грейс Келли[37]; на ней голубое шерстяное пальто и красная юбка. Я дрожу и ищу коробку с одеждой. Нахожу ее, облачаюсь в черные джинсы, черный свитер, черные шерстяные носки, черную куртку, черные ботинки и черные кожаные перчатки. Я выгляжу так, как будто собрался сниматься в фильме Вендерса[38]. Сажусь рядом с Клэр.

– Привет, Клэр. Ты в порядке?

– Привет, Генри. Держи. – Она протягивает мне термос и пару сэндвичей.

– Спасибо. Мне что-то нехорошо, я попозже съем. – Кладу сэндвичи на камень. В термосе кофе, я делаю глубокий вдох. Мне становится лучше уже от одного запаха. – Ты в порядке?

Она не смотрит на меня. Внимательно приглядевшись, я понимаю, что она плакала.

– Генри, ты можешь мне помочь?

– Чем?

– Я хочу сделать одному человеку очень больно, но я еще маленькая и драться не умею. Ты мне поможешь?

– Ух ты! О чем ты? Кого наказать? За что?

– Я не хочу об этом говорить, – отвечает она, уткнувшись взглядом в колени. – Тебе моего слова будет достаточно, что он полностью это заслуживает?

Думаю, я знаю, о чем речь; кажется, эту историю я уже слышал раньше. Я вздыхаю и пододвигаюсь поближе к Клэр, обнимаю ее. Она облокачивается на мое плечо.

– Это ты о парне, с которым ходила на свидание, так?

– Да.

– И он повел себя как мудак, и ты хочешь, чтобы я его в порошок стер?

– Да.

– Клэр, многие парни ведут себя как мудаки, я и сам бывал таким мудаком…

– Спорю, – со смешком говорит Клэр, – что ты не был таким ужасным мудаком, как Джейсон Эверлей.

– Он футболист или что-то в этом роде, да?

– Да.

---

[37] *Грейс Келли* (1929–1982) – американская кинозвезда, снялась в 11 фильмах в 1951–1956 гг. (в том числе в упомянутом ниже «Окне во двор» Хичкока), после чего вышла замуж за принца Монако.

[38] *Вим Вендерс* (р. 1945) – выдающийся немецкий кинорежиссер, автор фильмов «Париж, Техас» (1984), «Небо над Берлином» (1987) и др.

– Клэр, почему ты думаешь, что я справлюсь со здоровым лосем, который вдвое меня моложе? Зачем ты вообще пошла с таким на свидание?

– Ну, – пожимает она плечами, – в школе все меня доставали, потому что я никогда не хожу на свидания. Рут, Мэг, Нэнси – то есть вокруг ходят дурацкие слухи, что я лесбиянка. Даже мама спрашивает, почему я не встречаюсь с мальчиками. Ребята меня приглашают, а я отказываюсь. И еще Беатрис Дилфорд, *настоящая* лесбиянка, спросила, лесбиянка я или нет. Я ответила: «Нет», и она сказала, что не удивлена, но что все так считают. Ну, я и подумала, что, может, правда повстречаться с несколькими парнями. Очередным парнем, который меня пригласил, был Джейсон. Он здоровый, симпатичный очень, и я знала, что, если встречусь с ним, все сразу узнают, и подумала, что, может, тогда все заткнутся.

– Так ты первый раз была на свидании?

– Да. Мы пошли в итальянский ресторан, и там были Лаура с Майклом и несколько человек из театрального класса; я предложила заплатить за себя, но он сказал, что никогда такого не допустит, все было нормально, в смысле, мы разговаривали о школе, всякой ерунде, футболе. Потом пошли на «Пятницу, тринадцатое», фильм седьмой, такая глупость, это на случай, если захочешь посмотреть.

– Я смотрел.

– Неужели? Странно. Не сказала бы, что это твой фильм.

– Причина та же – подружка хотела посмотреть.

– Кто твоя подружка?

– Ее звали Алекс.

– Какая она была?

– Банковская кассирша с огромными титьками, она любила, чтобы ее шлепали… – В ту секунду, когда слова соскакивают у меня с языка, я понимаю, что разговариваю с Клэр-подростком, а не со своей женой Клэр, и мысленно даю себе подзатыльник.

– Шлепали? – Клэр с улыбкой смотрит на меня, брови подняты на середину лба.

– Это ерунда. Итак, вы пошли в кино…

– О! Ну, потом он захотел поехать в Трэверс.

– Что это такое?

– Это ферма к северу отсюда. – Клэр говорит все тише, и я едва разбираю слова. – Туда ездят, чтобы… обжиматься… ну и всякое. – (Я молчу.) – Ну, я сказала, что устала и хочу домой, и тут он… как взбесился.

Клэр замолкает; какое-то время мы сидим, слушаем птиц, шум самолетов, ветер.

Внезапно Клэр произносит:

– Он *действительно* взбесился.

– И что потом?

– Он не отвез меня домой. Не знаю точно, где мы были: где-то на Двенадцатом шоссе, он просто ехал и ехал, по узким улочкам, господи, я не знаю. Он проехал по грязной дороге, и там стоял такой маленький коттедж. Там рядом было озеро, я слышала плеск воды. И у него были ключи от коттеджа.

Я начинаю нервничать. Клэр мне никогда этого не рассказывала, просто сказала, что как-то была на абсолютно кошмарном свидании с парнем по имени Джейсон и что он был футболистом.

Клэр снова замолкает.

– Клэр, он тебя изнасиловал?

– Нет. Сказал, что я… недостаточно хороша собой. Сказал… нет, не изнасиловал. Он просто… сделал мне больно. Заставил меня…

Она не может продолжать.

Я жду. Клэр расстегивает пальто и снимает его. Стаскивает рубашку, и я вижу, что спина у нее покрыта синяками. Они темные и пурпурные на фоне ее белой кожи. Клэр поворачивается, и я вижу на груди ожог от сигареты, вздувшийся и мерзкий. Как-то я спросил ее, откуда шрам, но она не ответила. Я убью этого парня. Я его инвалидом сделаю. Клэр сидит напротив меня, плечи опущены, вся в мурашках, и ждет. Я протягиваю ей рубашку, она ее надевает.

– Хорошо, – тихо говорю я. – Где можно его найти?

– Я тебя отвезу, – говорит она.

Я сажусь в ее «фиат» в конце подъездной дорожки, чтобы из дома не было видно. На ней темные очки, несмотря на пасмурный день, помада, волосы заколоты на затылке. На вид ей куда больше шестнадцати лет. Она выглядит, как будто вышла из «Окна во двор», хотя, будь она блондинкой, сходства было бы больше. Мы мчимся мимо осеннего леса, но не думаю, что я или она обращаем внимание на буйство красок. Отрезок пленки, показывающий, что произошло с Клэр в том маленьком коттедже, начал снова и снова прокручиваться в моей голове.

– Насколько он здоровый?

– На пару дюймов выше тебя, – прикидывает Клэр. – Намного тяжелее. Фунтов на пятьдесят?

– Господи.

– Я захватила вот это. – Клэр копается в сумочке и вытаскивает пистолет.

– Клэр!

– Это папин.

Я быстро все взвешиваю.

– Клэр, это плохая мысль. То есть я достаточно зол, чтобы пустить его в ход, но это будет глупо. Хотя, постой. – Беру у нее пистолет, вытаскиваю патроны и кладу ей в сумочку. – Вот так. Так-то лучше. Гениальная мысль, Клэр.

Она вопросительно смотрит на меня.

– Ты хочешь, чтобы я сделал это анонимно или чтобы он знал, что это от твоего имени?

– Я хочу присутствовать.

– Ясно.

Она заезжает на частную дорогу и останавливается.

– Я хочу куда-нибудь его увести. Хочу, чтобы ты ему сделал очень больно, а я буду смотреть. Хочу, чтобы он до смерти перепугался.

– Клэр, – вздыхаю я, – я обычно этим не занимаюсь. Обычно я дерусь, когда защищаюсь, и только тогда.

– Пожалуйста, – абсолютно отчужденно говорит она.

– Конечно.

Мы идем по дорожке и останавливаемся перед большим новым домом в колониальном стиле. Машин не видно. Из открытого окна на втором этаже гремит *Van Halen*. Мы подходим к передней двери, я встаю в сторонке, а Клэр нажимает кнопку звонка. Через секунду музыка резко обрывается, и кто-то тяжело спускается по лестнице. Дверь открывается, и после паузы низкий голос произносит: «Что? Пришла еще получить?» Это все, что мне нужно услышать. Я вытаскиваю пистолет и делаю шаг в сторону Клэр. Дуло смотрит в грудь парня.

– Привет, Джейсон, – говорит Клэр. – Я подумала, что ты с удовольствием прогуляешься с нами.

Он делает то же, что сделал бы на его месте я, – падает и откатывается, уходя от прицела. Но он движется не очень быстро. Я уже в дверях, подпрыгиваю, ударяю его в грудь, вышибая воздух. Встаю, ставлю ботинок ему на грудь, целясь в голову. Он смахивает на Тома Круза, симпатичный, настоящий американец.

– Кто он в команде?

– Полузащитник.

– Хм. Никогда бы не подумал. Вставай так, чтобы я руки видел, – радостно говорю ему я.

Он подчиняется, и я веду его из дома. Останавливаемся. У меня появляется мысль. Отсылаю Клэр в дом поискать веревку; она возвращается через несколько минут с ножницами и скотчем.

– Где ты хочешь это сделать?

– В лесу.

Джейсон тяжело дышит, пока мы ведем его в лес. Мы идем минут пять, и я вижу полянку, на краю которой растет подходящий молодой вяз.

– Может, здесь, Клэр?

– Пойдет.

Я смотрю на нее. Она абсолютно бесстрастная, холодная, как женщина-убийца из Раймонда Чандлера.

– Командуй, Клэр.

– Привяжи его к дереву.

Я отдаю ей пистолет, выкручиваю руки Джейсону, соединяя их за деревом, скручиваю руки скотчем. Скотча у меня почти целый рулон, и я намерен использовать его весь. Джейсон дышит напряженно, со свистом. Я отхожу от него и смотрю на Клэр. Она разглядывает Джейсона, как плохой пример концептуального искусства.

– У тебя астма?

Он кивает. Зрачки у него сузились, превратившись в две крошечные черные точки.

– Я принесу ингалятор, – говорит Клэр, передает мне пистолет и идет через лес по дорожке, по которой мы пришли.

Джейсон пытается дышать медленно и размеренно. Он хочет что-то сказать.

– Кто… кто ты такой? – хрипло спрашивает он.

– Я – друг Клэр. Я здесь, чтобы научить тебя хорошим манерам, раз их у тебя нет.

Тут я отбрасываю ехидный тон, подхожу к нему ближе и тихо говорю:

– Как ты мог такое с ней сделать? Она же такая молодая. Она ничего не знает, и ты просто все в ней убил…

– Она… дразнила меня.

– Не имея об этом понятия. Это все равно что мучить котенка, потому что он тебя укусил.

Джейсон не отвечает. Дыхание его переходит в длинные дрожащие стоны. Только я начинаю волноваться, как появляется Клэр. Она держит в руке ингалятор и смотрит на меня.

– Дорогой, ты знаешь, как этой штукой пользоваться?

– Думаю, его надо потрясти, вставить ему в рот и нажать сверху.

Она это делает, спрашивает, нужно ли еще, он кивает. После четырех ингаляций мы стоим и наблюдаем, как к нему постепенно возвращается нормальное дыхание.

– Готова? – спрашиваю я Клэр.

Она берет ножницы, несколько раз щелкает ими в воздухе. Джейсон вздрагивает. Клэр подходит к нему, становится на колени и начинает разрезать на нем одежду.

– Эй! – вскрикивает Джейсон.

– Тише, не кричи, – говорю я. – Никто тебя не трогает. Пока.

Клэр заканчивает с джинсами и принимается за футболку. Я начинаю приматывать его скотчем к дереву. Начинаю с лодыжек, очень аккуратно приматываю икры и бедра.

– Остановись тут, – говорит Клэр, указывая чуть ниже паха Джейсона.

Стаскивает с него трусы. Я начинаю приматывать туловище. Кожа у него очень липкая, очень загорелая, кроме части, явно обозначенной линией плавок «Спидо». Он сильно потеет. Я приматываю грудь и плечи и останавливаюсь, понимая, что ему нужно чем-то дышать.

Мы отступаем немного и наслаждаемся делом своих рук. Джейсон напоминает мумию, замотанную в скотч, со здоровым стоящим членом. Клэр начинает смеяться. Ее смех звучит жутко, отражаясь эхом от деревьев. Я пристально смотрю на нее. В смехе Клэр есть какое-то знание и жестокость, и мне кажется, что это переходный момент, своего рода становление взрослой Клэр.

– Что дальше? – спрашиваю я.

Часть меня хочет сделать из него отбивную, а другая – отказывается бить человека, привязанного к дереву.

Джейсон пунцово-красный. На фоне серого скотча это выглядит изумительно.

– Эй, – говорит Клэр. – Знаешь, я думаю, с него хватит.

Я вздыхаю с облегчением, но, конечно, добавляю:

– Ты уверена? Ну, я могу много чего с ним сделать. Проткнуть ему барабанные перепонки? А может, нос сломать? А, нет, он у него уже и так был сломан. Мы можем ему ахилловы сухожилия перерезать. В ближайшем будущем он тогда точно в футбол играть не будет.

– Нет! – Джейсон пытается бороться со скотчем.

– Тогда извинись, – говорю я.

Джейсон колеблется:

– Извини…

– Какой вежливый…

– Постой, я знаю, – говорит Клэр.

Выуживает из сумочки маркер, подходит к Джейсону с таким видом, как будто он – опасное животное в зоопарке, и начинает что-то писать на его обмотанной скотчем груди. Закончив, отходит обратно и закрывает маркер. Она изложила отчет об их свидании.

Клэр кладет маркер в сумочку и говорит:

– Пойдем.

– Знаешь, мы не можем его просто тут бросить. У него опять приступ астмы будет.

– Хм. Хорошо, я знаю. Я кому-нибудь позвоню.

– Подожди минутку, – говорит Джейсон.

– Что? – спрашивает Клэр.

– Кому ты хочешь позвонить? Позвони Робу.

– Нет, – смеется Клэр. – Я позвоню всем девчонкам, которых знаю.

Я подхожу к Джейсону и приставляю дуло к горлу.

– Если скажешь о моем существовании хоть одной живой душе и я об этом узнаю, я вернусь и уничтожу тебя. И когда я уйду, ты не сможешь ни ходить, ни говорить, ни есть, ни трахаться. Насколько ты знаешь, Клэр – милая девчонка, которая по какой-то необъяснимой причине не ходит на свидания. Так?

– Так! – Джейсон с ненавистью смотрит на меня.

– Сегодня мы с тобой обошлись очень мягко. Еще раз хоть как-нибудь навредишь Клэр, пожалеешь.

– Хорошо.

– Молодец. – Я кладу пистолет обратно в карман. – Было весело.

– Слушай, мудила…

Да долбись оно все конем! Я отступаю на шаг и со всей силы бью его ногой в пах. Джейсон кричит. Я поворачиваюсь к Клэр, на ней под макияжем лица нет. По лицу Джейсона текут слезы. Интересно, он сознание потеряет или нет?

– Пойдем, – говорю я Клэр.

Она кивает. Мы молча идем к машине. Я слышу, как в спину орет Джейсон. Мы садимся в машину, Клэр заводит двигатель, разворачивается и вылетает на дорогу.

Я смотрю, как она ведет машину. Начинается дождь. В уголках ее губ играет удовлетворенная улыбка.

– Ты этого хотела? – спрашиваю я.

– Да. Это было изумительно. Спасибо.

– Не за что. – Начинает кружиться голова. – Кажется, мне пора.

Клэр сворачивает с дороги. Дождь стучит по крыше машины. Это как ехать через автомойку.

– Поцелуй меня, – требует она.

Я целую и исчезаю.

28 сентября 1987 года, понедельник (Клэр 16)

КЛЭР: В понедельник в школе все таращат на меня глаза, но не заговаривают. Я чувствую себя как шпионка Гарриет, после того как одноклассники нашли ее шпионские записи[39]. Пройтись по коридору – все равно что пересечь расступающееся Красное море. Когда я захожу на английский, первый урок, все замолкают. Сажусь рядом с Рут. Она улыбается и выглядит взволнованной. Я ничего не говорю, затем чувствую ее руку под партой – горячую и маленькую. Рут секунду держит меня за руку, потом в класс входит мистер Партаки, и она отпускает мою руку, и мистер Партаки замечает, что все непривычно тихие. Он спокойно говорит:

– Как прошли выходные?

– О, *отлично,* – отвечает Сью Уонг, и по классу проносится нервный смешок.

Партаки озадачен, наступает ужасная пауза.

Потом он говорит:

– Вот и хорошо, тогда обратим внимание на «Билли Бадда». В тысяча восемьсот пятьдесят первом году Герман Мелвилл опубликовал роман «Моби Дик, или Белый Кит», который был встречен поразительным равнодушием американских читателей…

Я слушаю, но ничего не понимаю. Даже несмотря на хлопчатобумажную майку, мне кажется, что свитер жесткий, как наждачная бумага, ребра болят. Одноклассники с трудом продираются через обсуждение «Билли Бадда». Наконец звенит звонок, и все выбегают из класса. Я медленно иду следом. Ко мне подходит Рут.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

– В общем, да.

– Я сделала, как ты велела.

– Когда?

– Около шести. Я побоялась, что его родители приедут домой и найдут его. Его было трудно отвязать. Скотч ему все волосы на груди выдрал.

– Это хорошо. Его много людей видели?

– Да, все. Ну, все девчонки. Парней, насколько я знаю, не было.

В коридорах почти никого нет. Мы стоим напротив кабинета французского языка.

– Клэр, я понимаю, *почему* ты это сделала, но я не понимаю, *как* ты это сделала.

– Мне помогли.

Звенит звонок, и Рут подпрыгивает.

– Боже! Я уже пятый раз в спортивный зал опаздываю! – Она отходит от меня, как будто ее притягивает сильное магнитное поле. – Расскажешь мне за обедом! – кричит Рут, когда я поворачиваюсь, чтобы идти в кабинет мадам Симоны.

---

[39] Речь о детской книге «Шпионка Гарриет» (1964) Луизы Фитцхью (1928–1974); уже в 1996 г. вышла экранизация.

– *Ah, Mademoiselle Abshire, asseyez-vous, s'il vous plait!*[40]

Я сажусь между Лаурой и Хелен. Хелен пишет мне записку: «Молодец». Класс переводит Монтеня. Мы работаем тихо, и мадам ходит по кабинету, исправляя ошибки. Мне трудно сосредоточиться. Вспоминаю выражение лица Генри, когда он ударил Джейсона: абсолютно безразличное, как будто он только что пожал ему руку, как будто он ни о чем особенно и не думал; и потом он беспокоился, потому что не знал, как я отреагирую, и я поняла, что ему нравится издеваться над Джейсоном, но ведь Джейсону нравилось издеваться надо мной, а разве это не то же самое? Но Генри хороший. Значит, все в порядке? Это нормально, что я хотела, чтобы он это сделал?

– *Clare, attendez*[41], – говорит мадам, становясь рядом.

После звонка все снова выбегают из класса. Я иду с Хелен. Лаура сконфуженно обнимает меня и убегает на занятия по музыке в другое крыло здания. У нас с Хелен третий урок – в спортивном зале.

– Ну ты даешь, черт возьми, – смеется Хелен. – Я глазам не поверила. Как ты его привязала к дереву?

Я понимаю, что вскоре этот вопрос мне надоест.

– У меня есть друг, который делает подобные вещи. Он просто помог мне.

– Кто он такой?

– Клиент моего отца, – вру я.

– Ты не умеешь врать, – качает головой Хелен.

Я улыбаюсь и ничего не отвечаю.

– Это Генри, да?

Я трясу головой и прикладываю палец к губам. Мы пришли в женскую раздевалку. Проходим к шкафчикам, и – *абракадабра!* – все девочки перестают разговаривать. Наступает тишина, ни намека на шум и болтовню, обычно наполняющие комнату. У нас с Хелен шкафчики один над другим. Открываю свой и достаю спортивный костюм и кроссовки. Я продумала то, что собираюсь сделать сейчас. Раздеваюсь до трусиков. Лифчика на мне нет, потому что все слишком болит.

– Эй, Хелен, – говорю я и поворачиваюсь.

– Боже мой, Клэр!

Синяки выглядят еще хуже, чем вчера. Некоторые из них отливают зеленым. На бедрах рубцы от ремня Джейсона.

– О Клэр! – Хелен подходит ко мне и осторожно обнимает.

В комнате по-прежнему тишина, я смотрю через плечо Хелен и вижу, что все девочки собрались вокруг нас, все смотрят.

Хелен выпрямляется, смотрит на них и говорит:

– Ну?

И кто-то сзади начинает хлопать, все аплодируют, смеются, кричат, веселятся, и я чувствую себя легкой, легкой как воздух.

12 июля 1995 года, среда (Клэр 24, Генри 32)

КЛЭР: Лежу в постели, почти сплю, когда на мой живот плюхается рука Генри, и я понимаю, что он вернулся. Открываю глаза, он наклоняется ко мне и целует маленький шрам от сигаретного ожога, и в тусклом ночном свете я дотрагиваюсь до его лица.

---

[40] Ах, мадемуазель Эбшир, садитесь, пожалуйста! *(фр.)*

[41] Клэр, подожди *(фр.)*.

– Спасибо, – говорю я.

– Не за что, – отвечает он, и мы впервые говорим об этом.

11 сентября 1988 года, воскресенье (Генри 36, Клэр 17)

ГЕНРИ: Мы с Клэр во фруктовом саду теплым сентябрьским днем. В долине под золотыми лучами солнца жужжат насекомые. Стоит полное безветрие, и я смотрю сквозь сухую траву, как воздух колышется от зноя. Мы под яблоней. Клэр облокотилась на сумку с подушкой, чтобы корни дерева не были такими жесткими. Я лежу вытянувшись, головой на ее коленях. Мы поели, и остатки обеда валяются вокруг, вперемешку с опавшими яблоками. Я сонный и довольный. В моем настоящем сейчас январь, и мы с Клэр ссоримся. Эта летняя интерлюдия кажется идиллией.

– Я хочу нарисовать тебя вот таким, – говорит Клэр.

– Вверх ногами и сонного?

– Расслабленного. Ты выглядишь так умиротворяюще.

Почему бы и нет?

– Хорошо.

В первую очередь мы здесь потому, что Клэр нужно изобразить деревья для занятий по рисованию. Она берет альбом и вытаскивает уголь. Укладывает альбом на коленях.

– Хочешь, чтобы я перелег? – спрашиваю я.

– Нет, все сразу изменится. Оставайся как есть, хорошо?

Я продолжаю лениво разглядывать узоры из ветвей на фоне неба.

Неподвижность – это дисциплина. Я могу долго не двигаться, когда читаю, но позировать Клэр всегда на удивление трудно. Даже положение, которое сначала кажется удобным, через пятнадцать минут становится мучительным. Не поворачивая головы, я смотрю на Клэр. Она вся в работе. Когда Клэр рисует, она выглядит так, как будто мир вокруг исчез, оставив только ее и объект ее интереса. Поэтому мне нравится позировать Клэр: когда она смотрит на меня так внимательно, я чувствую, что я для нее – всё. Точно так же она глядит на меня, когда мы занимаемся любовью. Как раз сейчас она смотрит мне в глаза и улыбается.

– Я забыла спросить: откуда ты пришел?

– Январь двухтысячного.

– Правда? – У нее лицо вытягивается. – Я думала, что дальше.

– Почему? Я такой старый?

Клэр гладит меня по носу. Пальцы путешествуют по переносице и бровям.

– Нет, но ты такой счастливый и спокойный, а обычно, когда ты приходишь из девяносто восьмого, девяносто девятого или двухтысячного, ты расстроенный или напуганный и не говоришь почему. А когда ты из две тысячи первого, все в порядке.

– Ты говоришь как предсказательница судьбы, – смеюсь я. – Я никогда не думал, что ты так внимательно отслеживаешь мои настроения.

– А что мне еще остается?

– Ты же знаешь, что обычно сюда к тебе меня вызывает стресс. Поэтому не думай, что все эти годы наполнены для меня жутким кошмаром. Там есть и много приятного.

Клэр возвращается к наброску. Она перестала спрашивать меня о будущем. Вместо этого говорит:

– Генри, чего ты боишься?

Вопрос меня удивляет, я задумываюсь, прежде чем ответить.

– Холода, – говорю я. – Я боюсь зимы. Боюсь полиции. Боюсь попасть не в то время и не в то место, туда, где меня собьет машина или изобьет кто. Или что застряну во времени и не смогу вернуться. Боюсь потерять тебя.

– Как ты можешь потерять меня? – смеется Клэр. – Я же никуда не деваюсь.

– Я боюсь, что тебя достанут эти мои метания и ты меня бросишь.

Клэр откладывает в сторону альбом. Я сажусь.

– Я тебя никогда не брошу, – говорит она, – даже несмотря на то, что ты меня всегда бросаешь.

– Но я никогда не хочу бросать тебя.

Клэр показывает мне набросок. Я видел его раньше, он висит в мастерской Клэр, в нашем доме, рядом с ее рабочим столом. На рисунке я такой спокойный. Клэр подписывает его и собирается ставить дату.

– Не надо, – говорю я. – На нем нет даты.

– Нет?

– Я видел его раньше. Даты нет.

– Хорошо. – Клэр стирает дату и вместо этого пишет: «Медоуларк». – Готово. – Она озадаченно смотрит на меня. – Ты никогда, возвращаясь в настоящее, не замечал, что что-то изменилось? В смысле, если бы я написала сейчас дату? Что бы произошло?

– Не знаю. Попробуй.

Мне самому любопытно. Клэр стирает слово «Медоуларк» и пишет: «11 сентября 1988 года».

– Вот так, – говорит она. – Это было нетрудно.

Мы смотрим друг на друга, ужасно довольные.

– Даже если я нарушила пространственно-временное равновесие, это не очень заметно, – смеется Клэр.

– Я скажу тебе, если окажется, что ты стала причиной Третьей мировой войны.

Меня начинает трясти.

– Кажется, я ухожу, Клэр.

Она целует меня, и я исчезаю.

13 января 2000 года, четверг (Генри 36, Клэр 28)

ГЕНРИ: После обеда я все еще думаю о рисунке Клэр, поэтому иду в ее мастерскую взглянуть. Клэр делает большую скульптуру из крошечных кусочков пурпурной бумаги; это что-то среднее между тряпичной куклой и птичьим гнездом. Я осторожно обхожу ее и становлюсь напротив ее стола. Рисунка нет.

Подходит Клэр, держа полную пригоршню манильской пеньки.

– Привет. – Она бросает все на пол и подходит ко мне. – Что случилось?

– Где рисунок, который раньше висел здесь? Там я нарисован.

– Что? А, не знаю. Может, упал. – Клэр ныряет под стол. – Что-то не видно. А, подожди, вот он. – Она появляется, держа рисунок двумя пальцами. – Фу, весь в паутине.

Она протирает его и дает мне. Я смотрю на него. Даты нет.

– А где дата?

– Какая дата?

– Ты внизу написала дату, вот тут. Под подписью. Кажется, она стерта.

– Ладно, – смеется Клэр. – Каюсь. Я ее стерла.

– Почему?

– Меня напугало твое замечание о Третьей мировой. Я начала думать: а что, если мы никогда не встретимся в будущем, потому что я настояла на этом эксперименте?

– Я рад, что ты это сделала.

– Почему?

– Не знаю. Просто рад.

Мы смотрим друг на друга, Клэр улыбается, я пожимаю плечами, и все. Но почему у меня такое ощущение, как будто невероятное почти случилось? Почему я чувствую такое облегчение?

Канун Рождества, часть первая (постоянно разбиваясь на одной и той же машине)[42]

24 декабря 1988 года, суббота (Генри 40, Клэр 17)

ГЕНРИ: Темный зимний день. Я в подвале Медоуларка, в читальном зале. Клэр оставила мне поесть: ростбиф и сыр на куске цельного белого хлеба с горчицей, яблоко, кварта молока и большой пластиковый пакет рождественских кексов, снежков, корично-ореховых треугольников и арахисовых, с прилепленными шоколадными сердечками. На мне мои любимые джинсы и футболка *Sex Pistols*. Я должен быть счастлив, но увы: Клэр также оставила мне сегодняшний выпуск «Саут-Хейвен-дейли», датированный 24 декабря 1988 года. Канун Рождества. В этот вечер в баре «Гет Ми Хай»[43] в Чикаго мой двадцатипятилетний двойник напьется до такой степени, что свалится с табурета у стойки на пол и ему промоют желудок в больнице «Мерси». Сегодня девятнадцатая годовщина смерти моей матери.

Тихо сижу и думаю о маме. Забавно, как стирается память. Если бы у меня были только детские воспоминания, мои знания о ней были бы бледными и расплывчатыми, с несколькими яркими моментами. Когда мне было пять лет, я слышал, как она пела партию Лулу в Лирик-опере. Помню, как рядом со мной сидел отец, улыбаясь маме в конце первого акта, в полном восторге. Помню, как сидел с мамой в Оркестр-холле, глядя, как отец играет Бетховена в оркестре Булеза[44]. Помню, как мне позволили прийти в гостиную, когда у родителей были гости, и прочитать вслух «Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чащи» Блейка[45], взрыкивая по-тигриному в паузах; мне было четыре, и когда я закончил, мама схватила меня в объятия и поцеловала, и все аплодировали. У нее на губах была темная помада, и я настоял, чтобы идти спать с отпечатком на щеке. Помню, как она сидела на скамейке в Уоррен-парке, папа качал меня на качелях, и она то приближалась, то отдалялась, то приближалась, то отдалялась.

Одной из лучших и самых горьких возможностей моих путешествий во времени было видеть маму живой. Я даже несколько раз говорил с ней; просто пара фраз: «Паршивая погода сегодня, не так ли?» Я уступал ей место в метро, шел за ней в супермаркет, смотрел, как она поет. Болтался около дома, где до сих пор живет мой отец, и смотрел, как они – и иногда я в детстве вместе с ними – гуляют, ходят в рестораны, в кино. Это шестидесятые, они молодые, элегантные, великолепные музыканты, перед ними простирается целый мир. Они счастливы, они светятся успехом, радостью. Когда мы случайно сталкиваемся на улице, они машут мне рукой, думая, что я живу по соседству, люблю подолгу гулять, ношу странную прическу, таинственно исчезаю на какое-то время и меняю возраст. Однажды я слышал, как отец предположил, что у меня рак. До сих пор поражаюсь, но он так и не понял, что человек, болтающийся рядом в первые годы его женитьбы, – это его сын.

Я вижу свою маму и себя. Вот она беременная, вот они приносят меня из родильного дома, вот она ведет меня гулять в коляске и сидит, учит партитуры, тихонько напевая мне, качает рукой в такт, трясет надо мною игрушками. Вот мы идем за ручку и смотрим на белок, голубей, автомобили, на все, что движется. На ней пальто и мокасины, брюки капри. Темные

---

[42] «Always Crashing in the Same Car» – песня Дэвида Боуи с альбома «Low» (1977).

[43] Get Me High *(англ.)* – доставьте мне кайф.

[44] *Пьер Булез* (р. 1925) – видный французский композитор и дирижер.

[45] Перевод С. Маршака.

волосы обрамляют яркое лицо с полными губами и широко расставленными глазами; короткая стрижка; она похожа на итальянку, хотя на самом деле еврейка. Помада, подводка для глаз, тушь для ресниц, румяна и карандаш для бровей – макияж, чтобы пойти в прачечную. Папа такой, как всегда: высокий, худой, одет неброско, в шляпе. Только лицо другое. Счастливое. Они дотрагиваются друг до друга, держатся за руки, идут в ногу. На пляже у нас троих одинаковые темные очки, на мне идиотская голубая панамка. Мы лежим на солнце, намазавшись детским кремом. Пьем ром, колу и гавайский пунш.

Звезда моей матери разгорается ярче. Учится у Джейан Мек и Мэри Делакруа, которые осторожно ведут ее по тропинке славы; исполняет несколько небольших, но блестящих партий, привлекая внимание Луи Блэра из Лирик-оперы. Замещает Лини Уэверли в «Аиде». Потом получает предложение спеть Кармен. Другие компании замечают ее, и вскоре мы путешествуем по всему миру. Записывает Шуберта для «Декки», Верди для EMI, и мы едем в Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк. Помню только бесконечную череду гостиничных номеров и самолетов. Ее выступление в Линкольн-центре транслируют по телевидению; я смотрю его с бабушкой и дедушкой в Манси. Мне шесть, и я едва могу поверить, что это мама, там, на маленьком черно-белом экране. Она поет партию мадам Баттерфляй. Они планируют переехать в Вену после завершения сезона 1969/70 года в Лирик-опере. Папа проходит прослушивание в филармонии. Когда бы ни звонил телефон, это или дядя Иш, мамин менеджер, или кто-нибудь со студии грамзаписи.

Слышу, как открывается и захлопывается дверь наверху, медленные шаги вниз по лестнице. Клэр тихо стучит четыре раза, и я отодвигаю стул с прямой спинкой, подпирающий дверную ручку. У нее в волосах еще не растаял снег, щеки красные. Ей семнадцать лет. Клэр обнимает меня и взволнованно целует.

– С Рождеством, Генри! – говорит она. – Как здорово, что ты здесь!

Я целую ее в щеку; ее радость и суета распугали мои мысли, но ощущение грусти и утраты не уходит. Провожу рукой по ее волосам, на ладони остаются снежинки, которые моментально тают.

– Что случилось? – Клэр замечает нетронутую еду и мой невеселый вид. – Ты сердишься, что нет майонеза?

– Тише, тише.

Я сажусь на сломанную старую козетку, и Клэр втискивается рядом. Я обнимаю ее за плечи, она кладет руку на внутреннюю сторону моего бедра. Я убираю руку и держу ее. Рука холодная.

– Я тебе никогда не рассказывал о своей матери?

– Нет.

Клэр вся превращается в слух; она всегда жаждет узнать очередной кусочек моей биографии.

Встреч из списка остается все меньше, а наша двухлетняя разлука становится все ближе, и Клэр втайне убеждена, что сможет найти меня в реальном времени, если только я набросаю ей немного фактов. Конечно, она этого не сможет, потому что я не набросаю, так что не найдет.

Мы едим кексы.

– Хорошо. Когда-то у меня была мама. И папа тоже был, и они очень друг друга любили. И у них был я. Мы все были очень счастливы. Они оба были отличными профессионалами, особенно мама, и мы много путешествовали, жили во всевозможных отелях. И вот, было Рождество…

– В каком году?

– Мне было шесть. Было утро перед Рождеством, папа был в Вене, потому что мы собирались вскоре переехать туда, и он искал нам квартиру. Мы рассчитывали, что папа прилетит

в аэропорт, а мы с мамой поедем и заберем его и все вместе отправимся к бабушке на праздники… Было серое снежное утро, все улицы были во льду и еще не посыпаны солью. Мама была нервным водителем. Она ненавидела автострады, ненавидела дорогу к аэропорту и согласилась на это только потому, что так было удобнее всего. Мы встали рано, она сложила сумки в машину. На мне было зимнее пальто, вязаная шапка, ботинки, джинсы, пуловер, подштанники, шерстяные носки, немного тесноватые, и варежки. Она оделась во все черное, а тогда это выглядело более необычно, чем сейчас.

Клэр отпивает молоко прямо из пакета. На нем остается отпечаток светло-коричневой помады.

– А какая была машина?

– Белый «форд-фэрлейн» шестьдесят второго года.

– Что это такое?

– Посмотри в справочнике. Он был как танк. С «плавниками», все дела. Родители его любили – для них он был связан со многими событиями. В общем, мы сели в машину. Я сидел на переднем сиденье, оба пристегнуты ремнями. И мы поехали. Погода была просто отвратительная. Видимость плохая, а разморозка для стекол не самая лучшая. Мы пробрались через лабиринт жилых улиц и оказались на магистрали. Час пик уже закончился, но машин было полно, из-за погоды и праздников. Мы ехали, может, пятнадцать, может, двадцать миль в час. Мама шла в правом ряду и не перестраивалась. Может, не хотела рисковать при плохой видимости, а может, потому, что скоро уже был наш поворот на аэропорт. Мы ехали за грузовиком, довольно далеко, места между нами было достаточно. Когда мы проехали выезд на магистраль, за нами пристроился красный «корвет». За рулем «корвета» был дантист, немного нетрезвый, и это в половине одиннадцатого утра. Он просто слишком быстро ехал перед поворотом и из-за льда не смог как следует снизить скорость и врезался в нашу машину. При обычных погодных условиях «корвет» бы помялся, а на непробиваемом «форде» просто погнулось бы крыло и ничего особенного бы не произошло. Но погода была плохая, дорога скользкая, поэтому удар «корвета» придал ускорение нашей машине в тот момент, когда транспорт перед нами начал тормозить. Грузовик впереди еле двигался. Мама ударила по тормозам, но без толку. Мы врезались в грузовик практически как в замедленной съемке, или просто мне так казалось. В реальности мы ехали где-то сорок миль в час. Грузовик был открытым «пикапом», полным металлических обрезков. Когда мы в него врезались, большой стальной лист вылетел из грузовика, пробил наше ветровое стекло и отрубил маме голову.

– О нет! – Клэр закрывает глаза.

– Это правда.

– Но ты был там… а, ты был слишком маленький!

– Нет, не был, сталь врезалась в мое сиденье прямо там, где должен был быть мой лоб. У меня шрам остался в том месте, куда попал лист. – Я показываю Клэр шрам. – Шапка порвалась. Полиция не поняла, что случилось. Вся моя одежда была в машине, на сиденье и на полу, а меня нашли абсолютно голым у дороги.

– Ты переместился во времени.

– Да. Я исчез. – Секунду мы молчим. – Это случилось со мной всего во второй раз. Я понятия не имел, что происходит. Я видел, как мы врезаемся в грузовик, и потом оказался в больнице. На самом деле со мной ничего не случилось, просто шок был.

– Как… почему это случилось, что думаешь?

– Стресс, неподдельный страх. Думаю, мой организм прореагировал единственным возможным для него образом.

– И… – Клэр поворачивает ко мне лицо, грустное и взволнованное.

– Да… Мама погибла, а я – нет. Передняя половина «форда» смялась, руль проломил маме грудь, голова отлетела через выбитое ветровое стекло в грузовик, и крови было про-

сто море. Парень в «корвете» не получил ни царапины. Водитель грузовика вылез из кабины посмотреть, что случилось, увидел маму, упал на дорогу в обморок, и его переехал школьный автобус, водитель которого не видел тела на асфальте, уставившись на аварию. У водителя грузовика обе ноги были переломаны. А я в то время отсутствовал – десять минут и сорок семь секунд. Я не помню, где я был. Может, для меня прошла секунда-другая. Движение замерло окончательно. Машины «скорой помощи» пытались подъехать с трех различных направлений и не могли добраться до нас полчаса. Врачи подбежали пешком. Я очутился на обочине. Единственный человек, который видел, как я появился, была маленькая девочка; она сидела на заднем сиденье большого зеленого «шевроле». У нее рот открылся, и она просто таращилась на меня, не сводя глаз.

– Но… Генри, ты же… ты говорил, что ничего не помнишь. Как же ты узнал? Ну, про десять минут сорок семь секунд? Откуда такая точность?

Я молчу, подыскивая правильные слова, чтобы объяснить.

– Ты знаешь о гравитации, да? Чем что-то больше, чем больше масса, тем сильнее действует притяжение. Большие вещи притягивают маленькие, и они вращаются вокруг как по орбите?

– Да…

– Мама умирает… это центр всего… все вращается вокруг… Я думаю об этом – и я попадаю в этот момент. Снова и снова. Если попадешь туда, если зависнешь над всей сценой аварии, разглядишь каждую деталь, всех людей, машины, деревья, сугробы – если сумеешь рассмотреть абсолютно все, то увидишь меня. Я в машинах, за кустами, на мосту, на дереве. Я видел это со всех углов, я даже участвовал в том, что было дальше: позвонил в аэропорт с ближайшей заправки, попросил, чтобы моему отцу сразу же сказали ехать в больницу. Я сидел в приемной больницы и видел, как отец пришел за мной. Он серый и опустошенный. Я шел по обочине, ждал, когда появлюсь, накрывал одеялом свои худые плечи. Я смотрел в свое маленькое непонимающее лицо, и я думал… думал…

Я начинаю плакать. Клэр обнимает меня, и я плачу беззвучно, уткнувшись в ее обтянутую мохеровым свитером грудь.

– Что? Генри, что?

– Я думал: «Я тоже должен был умереть».

Мы сидим в обнимку. Я постепенно прихожу в себя. Свитер Клэр испорчен. Она идет в прачечную комнату и возвращается в белой полиэфирной блузке, в которой Алисия играет камерную музыку. Алисии всего четырнадцать, но она уже выше и полнее Клэр. Я смотрю на Клэр, стоящую передо мной, и жалею, что оказался тут, испортил ей Рождество.

– Извини, Клэр. Я не хотел все это на тебя свалить. Просто Рождество – это… трудно.

– О Генри! Я так рада, что ты здесь, хорошо, что ты рассказал мне, – в смысле, знаешь, ты приходишь ниоткуда и потом исчезаешь, и если я что-то знаю о тебе, о твоей жизни, ты кажешься… реальнее. Даже ужасные вещи… Мне нужно знать все, что ты хочешь рассказать мне.

Алисия из дома зовет Клэр. Ей пора возвращаться к семье, отмечать Рождество. Я встаю, мы осторожно целуемся, Клэр кричит: «Иду!» – улыбается мне и взбегает по ступеням. Я подпираю дверь стулом и устраиваюсь на долгую ночь.

Канун Рождества, часть вторая

24 декабря 1988 года, суббота (Генри 25)

ГЕНРИ: Я звоню отцу и спрашиваю, хочет ли он, чтобы я приехал на ужин после дневного рождественского концерта. Он делает неискреннюю попытку обрадоваться, но я, к его облегчению, отмазываюсь. В этом году Официальный День Траура семьи Детамбль пройдет в разных местах. Миссис Ким уехала в Корею навестить сестру; я поливаю ее цветы и забираю почту. Я звоню Ингрид Кармайкл и предлагаю встретиться, и она мне напоминает, довольно жестко, что сегодня канун Рождества и у некоторых людей есть семьи, с которыми нужно считаться. Я пробегаю взглядом страницы записной книжки. В городе никого не осталось или остались, но разбрелись по родственникам. Нужно было поехать к бабушке с дедушкой. Тут вспоминаю, что они во Флориде. Почти три часа дня, лавки начинают закрываться. «У Эла» покупаю бутылку шнапса и запихиваю ее в карман пальто. Потом запрыгиваю в вагон метро на Белмонт и еду по центру города. День серый и холодный. В вагоне довольно свободно, едут в основном родители с детьми, смотреть на рождественские окна «Маршалла Филда» и докупать что-то в последний момент в «Уотер-Тауэр-Плейс». Схожу на Рэндольф и иду на восток к Грант-парку. Ненадолго останавливаюсь на мосту над железной дорогой, пью и иду к катку. Катаются несколько парочек и маленькие дети. Дети гоняются друг за другом, пробуют кататься спиной вперед и выписывают восьмерки. В окошке выдачи мне находят коньки более или менее моего размера, и я тоже выхожу на лед. Катаюсь по периметру катка, гладко и стараясь ни о чем не думать. Повтор, движение, баланс, холодный воздух. Хорошо. Солнце садится. Я катаюсь час или около того, потом сдаю коньки, натягиваю ботинки и ухожу.

Я иду на запад по Рэндольф, на юг по Мичиган-авеню, мимо Института искусств. Львы украшены рождественскими гирляндами. Иду по Коламбус-драйв. Грант-парк пуст, только вороны важно вышагивают и кружатся в сумерках над синим снегом. Фонари окрашивают небо над головой оранжевым; над озером небо насыщенного синего цвета. Я стою у Букингемского фонтана, пока холод не становится невыносимым, смотрю на чаек, как они кружатся и пикируют, дерутся из-за брошенной им буханки хлеба. Конные полицейские медленно объезжают фонтан по кругу и спокойно отправляются дальше, в южную часть парка.

Я иду. Ботинки промокли, и, несмотря на несколько свитеров, пальто немного тонковато для понижающейся температуры. Жира на мне мало; с ноября по апрель я стабильно мерзну. Иду по Харрисон, к Стейт-стрит. Прохожу Пасифик-Гарден-Мишн, вокруг которого, в поисках тепла и еды, собрались нищие. Интересно, что у них на обед? А что-нибудь рождественское для них устраивается? Проезжает несколько машин. Часов у меня нет, но думаю, сейчас около семи. Недавно я заметил, что у меня другое ощущение времени; мне кажется, что оно течет медленнее, чем на самом деле. Для меня вечер – это как сутки; поездка в метро может быть эпическим путешествием. Сегодня состояние сносное. Я сегодня умудрился бóльшую часть дня особенно не думать о маме, об аварии, обо всем этом… но сейчас, вечером, пока гулял, все это нагнало меня.

Я понимаю, что хочу есть. Алкоголь выветрился. Я почти у «Адама» и, мысленно подсчитав имеющиеся при себе наличные, решаю потратиться на ужин в «Бергхоффе», достопочтенном немецком ресторане, славящемся своим отменным пивом.

Здесь тепло и шумно. Людей довольно много, кто-то ест, кто-то стоит в очереди. Легендарные официанты «Бергхоффа» важно проносятся от кухни к столикам. Стою в очереди среди оживленных семейств и парочек. Оттаиваю. Наконец меня проводят к маленькому сто-

лику в главном зале, у стены. Заказываю темное пиво и тарелку утиных колбасок со специями. Приносят заказ, начинаю медленно есть. Подбираю весь хлеб, думая о том, что обеда сегодня не упомню. Это хорошо, я забочусь о себе, я не дурак, я вспомнил, что нужно поужинать. Откидываюсь на стуле и обозреваю зал. Под высоким потолком, темными филенками и фресками с лодками обедают пары среднего возраста. Они весь вечер ходили по магазинам или слушали симфонию и теперь радостно разговаривают о купленных подарках, своих близких, билетах на самолет, ужине, Моцарте. Мне ужасно хочется попасть сегодня на симфонию, но вечером ничего нет. Наверное, отец сейчас возвращается домой из Оркестр-холла. Я бы сел на самый верхний ряд самого верхнего балкона (с акустической точки зрения – лучшее место) и слушал бы «Песнь о земле», или Бетховена, или что-нибудь такое же не рождественское. Хорошо бы. Может, на следующее Рождество. Внезапно все рождественские праздники выстраиваются передо мною в ряд, и все их нужно пережить. Меня затапливает отчаяние. Нет. На секунду хочется, чтобы время унесло меня отсюда в какой-нибудь более легкий день. Но потом мне становится стыдно за трусливую мысль избежать грусти; мертвым нужно, чтобы мы их помнили, даже если это съедает нас, даже если мы всего лишь можем повторять: «Прости», пока это не потеряет какой-либо смысл. Я не хочу омрачать этот теплый праздничный ресторан грустью, когда в следующий раз окажусь здесь с бабушкой и дедушкой, поэтому расплачиваюсь и ухожу.

Оказавшись вновь на улице, начинаю размышлять. Домой идти не хочу. Я хочу быть с людьми, хочу отвлечься. Внезапно на ум приходит бар «Гет Ми Хай», место, где может произойти все, что угодно, просто рай для эксцентрических выходок. Замечательно. Я иду к «Уотер-Тауэр-Плейс» и сажусь на шестьдесят шестой автобус на Чикаго-авеню, схожу на Дамен и пересаживаюсь на пятидесятый номер на север. В автобусе пахнет рвотой, из пассажиров только я. Водитель мягким церковным тенором напевает «Тихую ночь», и, сходя на Уэбансине, я желаю ему счастливого Рождества. Когда иду мимо «Фикс-ит», начинается снегопад, и я ловлю большие влажные хлопья кончиками пальцев. Слышу, как из бара просачивается музыка. Заброшенный железнодорожный виадук призрачно выступает над улицей из натриевого сияния, и, как только я открываю дверь бара, кто-то начинает играть на трубе и горячий джаз ударяет меня прямо в грудь. Я вхожу в него как в пучину, и это то, что мне нужно.

Здесь всего человек десять, включая Мию, барменшу. Три музыканта: труба, контрабас и кларнет – ютятся на крошечной сцене, а все посетители сидят за стойкой. Музыканты яростно играют, выжимая максимальную громкость, как звуковые дервиши. Прислушавшись, я угадываю в мелодии «Белое Рождество». Мия подходит и смотрит на меня. Я изо всех сил кричу:

– Виски с водой!

– Большой?

– Да!

Она отворачивается смешать напиток. Внезапно музыка смолкает. Звонит телефон, Мия хватает трубку и орет:

– «Гет Ми Хаааааааааааааааай»!

Она ставит передо мной стакан, я кладу на стойку двадцатку.

– Нет, – говорит она в трубку. – Ну, черт… Ну и хрен с тобой тоже.

Швыряет трубку обратно, как будто забивая мяч в баскетболе. Пару секунд стоит, пытаясь совладать с досадой, потом закуривает «Пэл-мэл» и выдыхает мне в лицо большой клуб дыма.

– О, извини.

Музыканты дружно подсаживаются за стойку, и она идет налить им пива. Дверь в туалет находится на сцене, и я, пользуясь случаем, иду отлить. Когда возвращаюсь, Мия ставит передо мною еще одну порцию.

– Ты ненормальная, – говорю я.

– А ты дохляк. – Она выставляет свою пепельницу и ныряет под стойку, что-то обдумывая. – Что потом делаешь?

Я прикидываю варианты. Пару раз я шел домой с Мией, с ней весело, и все такое, но сейчас у меня неподходящее настроение для случайных связей. С другой стороны, теплое тело под боком – не худший вариант, когда настроение ни к черту.

– Собираюсь надраться. А ты что предлагаешь?

– Ну, если ты надерешься не слишком сильно, мог бы заглянуть ко мне, а потом, если не помрешь и проснешься утром, мог бы оказать мне громадную услугу: пойти на рождественский обед к моим родителям в Гленкоу и отзываться на имя Рейф.

– Господи, Мия. Мне хочется сдохнуть при одной только мысли об этом. Извини.

Она наклоняется над стойкой и многозначительно добавляет:

– Ну, Генри. Выручи меня. Ты – презентабельный молодой человек. Черт, ты *библиотекарь*. Ты не струхнешь, когда тебя начнут спрашивать, кто твои родители и в какой колледж ты ходил.

– Если честно, как раз струхну. Я побегу сразу в женский туалет и сделаю себе харакири. И вообще, в чем дело? Даже если я им понравлюсь, они долгие годы будут изводить тебя вопросом: «А куда же подевался тот милый молодой библиотекарь, с которым ты встречалась?» А что будет, когда они встретят настоящего Рейфа?

– Думаю, об этом мне беспокоиться не придется. Да ладно тебе. Я тебе покажу в постели приемы «Три икс», о которых ты в жизни не слышал.

Я несколько месяцев отказывался встречаться с родителями Ингрид. Я отказался идти к ним завтра на рождественский обед. Ни за что не сделаю этого для Мии, которую едва знаю.

– Мия, в любой другой вечер в году… Слушай, сегодня моя цель – достичь такого уровня опьянения, при котором я едва буду стоять на ногах, и ничто другое у меня стоять точно не будет. Просто позвони родителям и скажи, что Рейфу миндалины вырезают или что-нибудь в этом роде.

Она идет на другой конец стойки, чтобы обслужить трех подозрительно молодых парней студенческого вида. Затем немного возится с бутылками, создавая что-то в высшей степени изысканное. Ставит передо мной высокий стакан.

– Вот. За счет заведения.

У напитка цвет клубничного сока.

– Что это?

Я отхлебываю. Вкус как у «Севен-ап».

Мия улыбается дьявольской улыбкой:

– Я это сама придумала. Хочешь улететь, это самый ранний рейс.

– О, спасибо, отлично. – Чокаюсь с ней, пью. Заливает волна жара и полного благополучия. – Боже, Мия, тебе надо это запатентовать. Ты могла бы по всему Чикаго маленькие палатки поставить и продавать это в пластиковых стаканчиках. Ты могла бы разбогатеть.

– Еще?

– Конечно.

Будучи подающим надежды младшим помощником «Общества вольных алкоголиков Детамбль и Детамбль», я еще не определил для себя максимально допустимый объем выпитого алкоголя. Еще несколько стаканов, и Мия пристально, с сомнением смотрит на меня через барную стойку.

– Генри?

– Да?

– Тебе хватит.

Возможно, мысль неплохая. Я пытаюсь кивнуть, соглашаясь с Мией, но вместо этого медленно, почти грациозно, сползаю на пол.

Гораздо позже просыпаюсь в больнице «Мерси». Мия сидит на моей постели. По всему лицу у нее растеклась тушь. Я подключен к капельнице и чувствую себя плохо. Очень плохо. Если честно, хуже не бывает. Поворачиваю голову, меня рвет в тазик. Мия протягивает руку и вытирает мне рот.

– Генри.

– Эй! Что за черт…

– Генри, мне так жаль…

– Ты не виновата. Что случилось?

– Ты вырубился, и я подсчитала… Сколько ты весишь?

– Сто семьдесят пять фунтов.

– Господи. Ты ужинал?

– Да, – отвечаю я, поразмыслив.

– Ну, все равно, то, что ты пил, было сорок градусов крепости. И еще два виски… но ты держался молодцом, а потом вдруг ужасно захмелел и вырубился, и я прикинула и поняла, что у тебя в желудке было полно бухла. Я позвонила девять один один, и вот ты здесь.

– Спасибо. Наверное.

– Генри, ты что, смерти хочешь?

– Да, – подумав, отвечаю я, отворачиваюсь к стене и притворяюсь спящим.

8 апреля 1989 года, суббота (Клэр 17, Генри 40)

КЛЭР: Я сижу в комнате бабушки Миагрэм, мы вместе разгадываем кроссворд из «Нью-Йорк таймс». Яркое прохладное апрельское утро, я вижу, как в саду на ветру колышутся красные тюльпаны. Мама что-то сажает, маленькое и белое, около форзиции. У нее шляпу почти сдуло, и она постоянно придерживает ее рукой, наконец снимает ее и прижимает корзиной.

Я не видела Генри два месяца, и до следующей встречи из списка почти три недели. Мы приближаемся ко времени, когда я не увижусь с ним более двух лет. Маленькой я воспринимала Генри так несерьезно, мне казалось таким естественным, что я его вижу. Но теперь каждое его появление означает, что стало еще на одну нашу встречу меньше. И все теперь по-другому. Я хочу чего-то… пусть Генри что-то скажет, что-то сделает, чтобы я убедилась: все это было не просто замысловатой шуткой. Я хочу. Вот и все. Я продолжаю хотеть.

Бабушка Миагрэм сидит в голубом кресле-качалке у окна. Я сижу на подоконнике, на коленях у меня газета. Мы уже перевалили за половину кроссворда. Мои мысли уходят в сторону.

– Детка, прочитай еще раз, – просит бабушка.

– Двадцать по вертикали. «Обезьянничающий монах». Семь букв, вторая «а», последняя «н».

– Капуцин. – Она улыбается, невидящие глаза обращены в мою сторону. Бабушке я кажусь темной тенью на чуть более светлом фоне. – Неплохо, а?

– Да, здорово. А ну-ка, попробуй вот это. Восемнадцать по горизонтали: «В окно не высовывай локоть – уедет твой локоть далёко». Девять букв, вторая «и».

– «Бирма-шейв». Ты тогда еще и не родилась[46].

– Ну нет… Я никогда так не сумею.

[46] Речь о придорожных рекламных плакатах крема для бритья «Бирма-шейв» (1927–1963) – рифмованных и часто содержавших призывы к аккуратному вождению.

Я встаю и потягиваюсь. Безумно хочется прогуляться. Комната у бабушки милая, но вызывает клаустрофобию. Потолок низкий, обои в изысканных голубых цветах, покрывало на кровати голубое ситцевое, ковер белый, пахнет пудрой, зубным протезом и старой кожей. Бабушка Миагрэм сидит нарядная, с прямой спиной. У нее красивые волосы, белые, но по-прежнему немного с рыжиной, унаследованной мною; они великолепно вьются и заколоты шиньоном. Глаза у бабушки похожи на голубые облака. Она ослепла девять лет назад и уже хорошо адаптировалась; прекрасно ориентируется в доме. Она все время пытается научить меня искусству разгадывать кроссворды, но одна я не могу заставить себя засесть за них. Бабушка всегда вписывала ответы ручкой. Генри любит разные головоломки.

– Сегодня чудесный день, не так ли? – спрашивает бабушка, откидываясь на спинку стула и потирая костяшки пальцев.

Я киваю, потом говорю:

– Да, но довольно свежо. Мама возится в саду, и ветер рвет все у нее из рук.

– Очень похоже на Люсиль, – говорит бабушка. – Знаешь, внучка, я бы хотела погулять.

– Я как раз об этом думала, – отвечаю я.

Она улыбается, протягивает руки, и я осторожно поднимаю ее из кресла. Достаю наши пальто, завязываю шарф вокруг ее головы, чтобы ветер не растрепал волосы. Потом мы медленно спускаемся по лестнице и выходим через главную дверь. Останавливаемся на дорожке, я поворачиваюсь к бабушке и спрашиваю:

– Куда пойдем?

– Пойдем в сад, – говорит она.

– Довольно далеко. О, вон мама рукой машет; помаши в ответ.

Мы машем маме, она там, далеко, у самого фонтана. Питер, наш садовник, стоит рядом с ней. Он перестает что-то говорить маме, поворачивается и смотрит на нас, ждет, когда мы пойдем дальше, чтобы он мог закончить спор, может быть, о нарциссах или о пионах. Питер любит спорить с мамой, но она в результате всегда все делает по-своему.

– До сада почти миля, бабушка.

– С ногами, Клэр, у меня все в порядке.

– Хорошо, тогда пойдем.

Я беру ее за руку, и мы отправляемся в путь. Добираемся до конца долины, я спрашиваю:

– По солнцу или по тени?

– Конечно по солнцу, – отвечает она, и мы направляемся к тропинке, которая проходит по середине долины и ведет к поляне.

Пока мы идем, я все описываю.

– Мы проходим мимо кострища. Здесь птицы – вон, полетели!

– Вороны. Скворцы. И голуби, – говорит бабушка.

– Да… И вот мы у ворот. Осторожно, на тропинке грязь. Я вижу собачьи следы, довольно крупные. Может, это аллингамсовский Джои? Все зеленеет. А вот и дикая роза.

– Трава в долине высокая? – спрашивает бабушка.

– Фут, не больше. Светло-светло-зеленая. А вот маленькие дубы.

Она поворачивается ко мне лицом, улыбается.

– Подойдем поздороваемся.

Я веду ее к дубам, растущим в нескольких футах от тропинки. Дедушка посадил три дуба в сороковые годы в честь Тедди, бабушкиного брата, погибшего на Второй мировой. Дубы по-прежнему не очень высокие, около пятнадцати футов в высоту. Бабушка прикладывает ладошку к среднему дубу и говорит:

– Здравствуй.

Не знаю, к кому она обращается – к дубу или к своему брату.

Мы идем дальше, поднимаемся на пригорок. Перед нами расстилается долина, и я вижу на поляне Генри. Я останавливаюсь.

– Что такое? – спрашивает бабушка.

– Ничего, – отвечаю я и веду ее дальше по тропинке.

– Кого ты увидела? – спрашивает она.

– Над лесом кружится ястреб.

– Сколько сейчас времени?

Я смотрю на часы.

– Почти полдень.

Мы вступаем на поляну. Генри стоит неподвижно и улыбается мне. Он выглядит усталым. Волосы с сединой. На нем черное пальто, он стоит весь темный на фоне яркой долины.

– Где камень? – спрашивает бабушка. – Я хочу присесть.

Я веду ее к камню, помогаю сесть. Она поворачивается в сторону Генри и замирает.

– Кто здесь? – властно спрашивает она.

– Никого, – вру я.

– Там стоит мужчина, – говорит она, кивая в сторону Генри.

Он смотрит на меня, как будто хочет сказать: «Ну же, скажи ей». В лесу лает собака. Я сомневаюсь.

– Клэр, – зовет бабушка. Голос испуганный.

– Представь нас, – тихо говорит Генри.

Бабушка замирает и ждет. Я обнимаю ее за плечи.

– Все в порядке, бабушка. Это мой друг Генри. Я тебе о нем рассказывала.

Генри подходит к нам и протягивает руку. Я вкладываю ладонь бабушки в его руку.

– Элизабет Миагрэм, – представляю я бабушку.

– Значит, это ты, – говорит бабушка.

– Да, – отвечает Генри, и это «да» проливается как бальзам на мою душу. Да.

– Можно? – Она протягивает руку в сторону Генри.

– Мне сесть рядом?

Генри присаживается на камень.

Я подвожу ладонь бабушки к его лицу. Она смотрит на меня, проводя по его лицу.

– Жестко, – говорит Генри бабушке.

– Наждачная бумага. – Она проводит кончиками пальцев по его небритому подбородку. – Ты не юноша.

– Нет.

– Сколько тебе?

– Я на восемь лет старше Клэр.

Она выглядит озадаченной.

– Двадцать пять?

Я смотрю на седые волосы Генри, на морщины вокруг глаз. Ему около сорока, может, больше.

– Двадцать пять, – твердо говорит он.

Где-то далеко это правда.

– Клэр рассказывала, что вы собираетесь пожениться, – говорит бабушка Генри.

– Да, – улыбается мне Генри, – мы собираемся пожениться. Через несколько лет, когда Клэр закончит учебу.

– В мое время джентльмены приходили к обеду и знакомились с семьей.

– У нас ситуация… необычная. Шанса не выпадало.

– Интересно почему. Если ты можешь прыгать с моей внучкой по лугам, то, конечно, можешь и в дом прийти, чтобы ее родители на тебя посмотрели.

– Я был бы счастлив, – говорит Генри, вставая, – но, боюсь, сейчас мне некогда, на поезд опаздываю.

– Минутку, молодой человек, – начинает бабушка, но Генри говорит:

– До свидания, миссис Миагрэм. Был очень рад наконец-то с вами познакомиться. Клэр, извини, мне пора…

Я протягиваю к нему руку, но тут раздается свист, Генри как будто затягивает в вакуум, и он исчезает. Я поворачиваюсь к бабушке. Она сидит на камне, руки вытянуты вперед, на лице выражение полнейшего недоумения.

– Что произошло? – спрашивает она.

Я начинаю объяснять. Когда я заканчиваю, она сидит, опустив голову, сжимая и разжимая сведенные артритом пальцы. Наконец поднимает голову и поворачивается ко мне.

– Но, Клэр, наверное, он демон.

Она произносит это абсолютно спокойно, таким голосом, словно сообщает, что у меня пальто криво застегнуто или что пора обедать.

Что ответить?

– Я думала об этом, – отвечаю я. Беру ее руки в свои, чтобы она перестала растирать их докрасна. – Но Генри хороший. Я *чувствую,* что он не демон.

– Ты говоришь так, как будто встречала десяток демонов, – смеется бабушка.

– Ты разве не думаешь, что настоящий демон был бы… ну, такой демонический?

– Я думаю, что, если бы он захотел, был бы славный, как ягненок.

Я тщательно подбираю слова.

– Однажды Генри сказал, что, по мнению его врача, он – новый тип человека. Знаешь, вроде следующего шага в эволюции.

– Это так же плохо, как и быть демоном, – качает головой бабушка. – Боже, Клэр, ну почему ты решила выйти замуж за такого? Подумай о детях, которые родятся у тебя! Прыгать в следующую неделю и возвращаться до завтрака!

– Но это будет так интересно, – смеюсь я. – Как Мэри Поппинс или Питер Пэн.

Она немного сжимает мои пальцы.

– Задумайся на минутку, дорогая: в сказках только дети наслаждаются приключениями. А их матери сидят дома и ждут, когда дети вернутся домой.

Я смотрю на смятую груду одежды на земле, там, где был Генри. Поднимаю и аккуратно сворачиваю.

– Я сейчас, – говорю бабушке, нахожу коробку и кладу в нее одежду Генри. – Пойдем домой. Уже скоро обед.

Я помогаю ей подняться с камня. Ветер воет в траве, и мы сгибаемся под ним, когда идем к дому. На вершине пригорка я поворачиваюсь и оглядываю поляну. Пусто.

Через несколько дней сижу с бабушкой и читаю ей «Миссис Дэллоуэй»[47]. Вечер. Я поднимаю взгляд: кажется, бабушка спит. Перестаю читать и закрываю книгу. Бабушка открывает глаза.

– Привет, – говорю я.

– Ты по нему скучаешь? – спрашивает она.

– Каждый день. Каждую минуту.

– Каждую минуту, – повторяет она. – Да. Вот так вот, да? – Она отворачивается и зарывается лицом в подушку.

– Спокойной ночи, – говорю я, выключая свет.

Стою в темноте, глядя на лежащую в постели бабушку, и меня заполняет что-то вроде жалости к себе, словно меня обидели. *Вот так вот, да?* Да.

---

[47] Выпущенный в 1923 г. роман Вирджинии Вулф (1882–1941).

Съешь сам, или съедят тебя

30 ноября 1991 года, суббота (Генри 28, Клэр 20)

ГЕНРИ: Клэр пригласила меня на ужин к себе. Еще ожидаются Кларисса, соседка Клэр по комнате, и Гомес, друг Клариссы. Без минуты семь по центральному поясному времени я стою в своем лучшем костюме в вестибюле дома Клэр, палец жмет на звонок, в другой руке нежные желтые фрезии и австралийское «Каберне», сердце выпрыгивает из груди. Раньше я у Клэр не был и с ее друзьями тоже не встречался. Я понятия не имею, чего ожидать.

Звонок разрешает тишину жутким хрипом, и я открываю дверь.

– Сюда, наверх! – раздается глубокий мужской голос.

Я иду четыре пролета вверх. Владелец голоса – высокий блондин с безукоризненной прической, с сигаретой и в футболке с надписью «Солидарность». Лицо знакомое, но я не припоминаю. Для человека по имени Гомес он выглядит слишком… по-польски. Позже я узнаю, что настоящее его имя – Ян Гомолинский.

– Привет, книжный мальчик! – орет Гомес.

– Привет, *товарищ,* – отвечаю я и вручаю ему цветы и вино.

Мы смотрит друг другу в глаза, доходим до *détente*[48], и изящным жестом Гомес приглашает меня в квартиру.

Это одна из чудесных, бесконечно длинных, как вагон, квартир из двадцатых годов – узкий коридор с комнатами, которые лепятся к нему как запоздалые мысли. Тут сталкиваются две эстетики – выпендрежная и викторианская: старинное вышитое кресло с тяжелыми выгнутыми ножками стоит под «бархатным Элвисом». Я слышу, как в конце коридора играет «I Got It Bad and That Ain't Good» Дюка Эллингтона. Гомес ведет меня в том направлении.

Клэр и Кларисса в кухне.

– Мои котята, я принес вам новую игрушку, – тянет Гомес. – Он откликается на имя Генри, но вы можете называть его книжным мальчиком.

Я взглядом встречаюсь с Клэр. Она пожимает плечами и тянется ко мне поцеловаться. Я быстро целую ее и поворачиваюсь пожать руку Клариссе, невысокой и приятно округлой в нужных местах, с длинными черными волосами. У нее такое лицо, что мне сразу хочется что-то ей рассказать, просто чтобы увидеть ее реакцию. Этакая маленькая филиппинская Мадонна. Сладким голоском невинной девочки она говорит:

– Боже, Гомес, заткнись, сделай милость. Привет, Генри. Я Кларисса Бонавант. Пожалуйста, не обращай внимания на Гомеса, я просто держу его здесь вместо грузчика.

– И для секса. Не забывай о сексе, – напоминает ей Гомес. Он смотрит на меня: – Пива?

– Конечно.

Он ныряет в холодильник и вручает мне бутылку «Блац». Я откручиваю крышку и делаю большой глоток. Кухня выглядит так, будто здесь взорвалась кастрюля с тестом. Клэр видит мое удивление. Я внезапно вспоминаю, что она не умеет готовить.

– Это промежуточная стадия, – говорит Клэр.

– Это инсталляция, – говорит Кларисса.

– Мы будем это есть? – спрашивает Гомес.

Я перевожу взгляд с одного на другого, и мы все начинаем смеяться.

– Кто-нибудь из вас умеет готовить?

---

[48] Разрядки *(фр.)*.

– Нет.

– Гомес может сварить рис.

– Только тот, который нужно залить кипятком.

– Клэр знает, как заказать пиццу.

– И еду из тайского ресторана – тоже заказать.

– Кларисса знает, как *есть*.

– Заткнись, Гомес! – в один голос говорят Кларисса и Клэр.

– Да уж… Ну, что это должно означать? – интересуюсь я, указывая на кошмар на столе.

Клэр вручает мне вырезку из журнала. Это рецепт курицы и рисотто с грибами шитаки, тыквой и соусом из кедровых орешков. Вырезка из «Гурмана», и ингредиентов штук двадцать.

– У вас это все есть?

– В магазин сходить я могу. – Клэр кивает. – Вот приготовить – это сложнее.

– Я что-нибудь из этого смог бы сделать, – говорю я, присматриваясь к кошмару поближе.

– Ты умеешь готовить?

– Да.

– Он умеет готовить! Ужин спасен! Возьми еще пива! – восклицает Гомес.

Кларисса смотрит с облегчением и тепло мне улыбается. Клэр, которая смотрела на меня почти испуганно, тихонько подходит и шепчет:

– Ты сильно злишься?

Я целую ее чуть дольше, чем полагается в присутствии посторонних. Выпрямляюсь, снимаю пиджак и закатываю рукава рубашки.

– Дай мне фартук, – командую я. – Гомес, открой вино. Клэр, вытри эту лужу, она сейчас окаменеет. Кларисса, накроешь на стол?

Через час сорок три минуты мы сидим за обеденным столом и едим блюдо из тушеного рисотто и цитрусов. Все блюда щедро заправлены сливочным маслом. Мы пьяные как суслики.

КЛЭР: Все время, пока Генри готовит обед, Гомес слоняется по кухне, отпускает шутки, курит и пьет пиво и, когда никто не смотрит, корчит мне жуткие рожи. Наконец Кларисса замечает это, угрожающе чиркает пальцем по своей шее, и он прекращает. Мы разговариваем в основном о банальных вещах: работа, учеба, детство и тому подобное, о чем говорят люди, встретившись впервые. Гомес рассказывает Генри, что он юрист, представляет интересы угнетенных и брошенных детей, находящихся под опекой государства. Кларисса потчует нас своими подвигами на ниве «Люсус Натуре», крошечной компании по разработке компьютерных программ, они там пытаются заставить компьютеры понимать, что им говорят люди, и историями о своем искусстве: она делает картинки, которые смотришь на компьютере. Генри рассказывал о библиотеке Ньюберри и странных людях, которые приходят читать книги.

– А в Ньюберри правда есть книга в переплете из человеческой кожи? – спрашивает Гомес у Генри.

– Ага. «Хроники Навата Вузера Хайдерабадского». Ее нашли во дворце великих моголов в Дели в тысяча восемьсот пятьдесят седьмом году. Приходи как-нибудь, и я тебе ее покажу.

Клариссу передергивает, и она корчит рожицу. Генри помешивает еду. Когда он говорит, что пора есть, мы все торопимся к столу. Все это время Гомес и Генри пили пиво, мы с Клариссой потягивали вино, и Гомес не уставал подливать нам, а еще мы ничего не ели, но я не осознаю, насколько все пьяные, пока чуть не промахиваюсь мимо стула, а Гомес едва не подпаливает себе волосы, зажигая свечи.

– За революцию! – Гомес поднимает стакан.

Мы с Клариссой поднимаем бокалы.

– За революцию! – присоединяется Генри.

Мы с энтузиазмом начинаем есть. Рисотто скользкое и пресное, цитрусы сладкие, курица плавает в масле. Мне хочется плакать, до того все вкусно.

Генри откусывает и указывает вилкой на Гомеса:

– За какую революцию?

– Что?

– За какую революцию мы пили?

Кларисса и я смотрим друг на дружку в тревоге, но слишком поздно.

– За следующую, – улыбается Гомес, и у меня падает сердце.

– За ту, где поднимется пролетариат, богатых съедят и капитализм уступит место бесклассовому обществу?

– Именно за эту.

– Думаю, Клэр придется нелегко, – невозмутимо смотрит на меня Генри. – А что вы собираетесь делать с интеллигенцией?

– Ну, – отвечает Гомес, – ее мы, наверное, тоже съедим. Но тебя оставим как повара. Жратва вышла потрясающе.

– На самом деле, – Кларисса доверительно дотрагивается до руки Генри, – есть мы никого не будем. Просто перераспределим активы.

– Рад слышать, – отвечает Генри. – Мне бы не хотелось готовить Клэр.

– Зря ты так, – отвечает Гомес. – Я уверен, что Клэр будет очень вкусной.

– Интересно, какая кухня у каннибалов? – спрашиваю я. – А кулинарная книга у них есть?

– «Сырое и вареное», – говорит Кларисса.

– Это не руководство, – возражает Генри. – Не думаю, что у Леви-Стросса есть рецепты[49].

– Мы могли бы придумать рецепты, – говорит Гомес и накладывает себе еще цыпленка. – Например, Клэр с грибами и соусом маринаро. Или грудка Клэр *à la Orange*. Или…

– Эй, – вмешиваюсь я. – А что, если я *не хочу,* чтобы меня съели?

– Извини, Клэр, – мрачно говорит Гомес. – Боюсь, тебя придется съесть во имя высшего блага.

– Не волнуйся, Клэр, – улыбается Генри, поймав мой взгляд, – придет революция, и я тебя спрячу в Ньюберри. Ты можешь жить в хранилище, я буду кормить тебя шоколадом и печеньем из библиотечной столовой. Там тебя никто не найдет.

– А как насчет такого: «Давайте сначала мы убьем всех юристов?» – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает Гомес. – Без юристов никуда. Вся революция провалится через десять минут, если не будет юристов, чтобы это все упорядочить.

– Но у меня отец юрист, – говорю ему я. – Поэтому съесть нас все же не удастся.

– Он неправильный юрист, – отвечает Гомес. – Он сколачивает собственность богачам. Я же, напротив, представляю интересы угнетенных бедных детей…

– Ой, Гомес, заткнись, – говорит Кларисса. – Ты обижаешь Клэр.

– Неправда! Клэр хочет, чтобы ее съели во имя революции, не так ли?

– Нет.

– Да?

– А как насчет категорического императива? – спрашивает Генри.

– О чем ты?

– О золотом правиле. Не ешь других людей, если сам не хочешь быть съеден.

– А ты не думаешь, – спрашивает Гомес, чистя под ногтем зубцом вилки, – что миром руководит другое правило: «Съешь или будешь съеден»?

– В основном да. Но ты сам разве не альтруист? – спрашивает Генри.

---

[49] Имеется в виду исследование французского этнографа и антрополога, основателя структурной антропологии Клода Леви-Стросса «Mythologiques. Vol. 1. Le cru et le luit» (русский перевод «Сырое и приготовленное». М., 1990).

– Конечно, но все знают, что я буйный и не лечусь, – говорит Гомес с притворным безразличием, а я замечаю, что Генри его озадачил. – Клэр, – говорит он, – как у нас насчет десерта?

– Боже, чуть не забыла, – говорю я, вставая слишком резко, и хватаюсь за стол, чтобы не упасть. – Сейчас принесу.

– Я тебе помогу, – говорит Гомес, следуя за мною на кухню.

Я на каблуках и, входя в кухню, цепляюсь за порог и начинаю падать вперед; Гомес меня ловит. На секунду мы замираем, прижавшись друг к другу, я чувствую его руки у меня на талии, наконец он их убирает.

– Ты пьяна, Клэр, – говорит мне Гомес.

– Знаю. И ты тоже.

Я нажимаю кнопку на кофеварке, и кофе начинает капать в сосуд. Я облокачиваюсь на стол и аккуратно снимаю целлофан с тарелки с шоколадными пирожными. Гомес стоит у меня за спиной и очень тихо говорит, наклоняясь так, что дыхание щекочет мне ухо:

– Это он.

– О чем ты?

– Это о нем я тебя предупреждал. Это Генри, он…

Появляется Кларисса, и Гомес отскакивает от меня, открывая холодильник.

– Привет, – говорит Кларисса. – Помощь не нужна?

– Да, возьми кофейные чашки…

Мы жонглируем чашками, блюдцами, тарелками и пирожными и аккуратно расставляем все это на столе. Генри ждет, будто он у зубного, взгляд как у перепуганного пациента. Мне становится смешно: он точно так же смотрел, когда я приносила ему еду в долину. Но он этого не помнит, для него это в будущем.

– Расслабься, – говорю я. – Это всего лишь шоколадные пирожные. Даже я их могу приготовить.

Все смеются и садятся за стол. Обнаруживается, что пирожные немного недопеченные.

– Сырые шоколадные пирожные, – говорит Кларисса.

– Пирог с сальмонеллой, – говорит Гомес.

– Мне всегда нравилось тесто, – говорит Генри и облизывает пальцы.

Гомес сворачивает сигарету, прикуривает и делает длинную затяжку.

ГЕНРИ: Гомес прикуривает и откидывается на спинку стула. Что-то такое есть в этом парне, что не дает мне покоя. Может, на меня действует это вальяжно-собственническое отношение к Клэр или его одомашненная разновидность марксизма? Я уверен, что видел его раньше. В прошлом или будущем? Решаю выяснить.

– У тебя такое лицо знакомое, – говорю я ему.

– Да? Вообще-то, думаю, мы могли где-то сталкиваться.

Вспомнил!

– Игги Поп в «Ривьере»?

– Да-а, – удивленно протягивает он. – Ты был с той блондинкой, Ингрид Кармайкл, я всегда тебя с ней встречал.

Мы с Гомесом одновременно смотрим на Клэр. Она твердо смотрит на Гомеса, он в ответ улыбается. Она отводит взгляд, но на меня не глядит.

– Ты ходил на Игги без меня? – приходит мне на выручку Кларисса.

– Так тебя в городе не было, – отвечает Гомес.

– Вечно я все пропускаю, – надувает губы Кларисса. – Я пропустила Патти Смит, а теперь она больше не выступает. И последнее турне *Talking Heads* прошло мимо меня.

– Патти Смит еще вернется.

– Правда? А ты откуда знаешь? – спрашивает Кларисса.

Мы с Клэр обмениваемся взглядами.

– Просто ощущение такое, – отвечаю я.

Мы начинаем выяснять, какие у кого музыкальные пристрастия, и обнаруживаем, что все глубоко преданы панку. Гомес рассказывает о том, как видел *New York Dolls* во Флориде незадолго до того, как Джонни Тандерс ушел из группы. Я описываю концерт Лин Лович, на который умудрился попасть в одно из своих путешествий во времени. Кларисса и Клэр очень рады, потому что *Violent Femmes* играют в «Арагоне» через несколько недель и Кларисса добыла бесплатные билеты. Вечер течет плавно, не встречая на пути препятствий. Клэр провожает меня. Мы стоим в холле между внутренней и внешней дверями.

– Извини, – говорит она.

– Ладно тебе. Было весело, и еда не так уж плоха.

– Нет, – говорит Клэр, глядя в пол, – я про Гомеса.

Холодно. Я обнимаю Клэр, она прислоняется ко мне.

– А что про Гомеса?

Она о чем-то задумывается. Но потом просто пожимает плечами.

– Все будет в порядке, – говорит она, и я ей верю.

Мы целуемся. Я открываю дверь на улицу, а Клэр – дверь на лестницу; я иду по дорожке и оглядываюсь. Клэр еще стоит перед полуоткрытой дверью и смотрит на меня. Я останавливаюсь, мне очень хочется вернуться и обнять ее, вернуться с ней наверх. Она поворачивается и начинает подниматься по лестнице, и я смотрю ей в спину, пока она не исчезает.

14 декабря 1991 года, суббота / 9 мая 2000 года, вторник (Генри 36)

ГЕНРИ: Я выбиваю дерьмо из здорового пижонистого алкаша, который имел наглость назвать меня гомиком, а затем полез в драку, чтобы доказать свою точку зрения. Мы в проулке рядом с театром «Вик». Через боковой выход из здания до меня доносится уханье басовых *The Smoking Popes*, а я тем временем методично луплю этого идиота по морде, а потом перехожу к ребрам. У меня ужасный вечер, и на долю этого дурака пришелся пик моего раздражения.

– Эй, книжный мальчик!

Я отворачиваюсь от стонущего яппи-гомофоба и вижу Гомеса, он облокотился на мусорный бак. Выглядит мрачно.

– Товарищ. – Я отступаю от парня, которого избивал, и он благодарно соскальзывает на тротуар, согнувшись пополам. – Как жизнь?

Я очень рад видеть Гомеса, да я просто в восторге. Но, кажется, он не разделяет моей радости.

– Эй, не хочу отвлекать тебя, не думай, но парень, которого ты колошматишь, мой друг.

Экая незадача.

– Знаешь, он сам напросился. Просто подошел ко мне и сказал: «Сэр, меня срочно нужно привести в форму».

– А-а. Ну, тогда хорошая работа. Ужасно артистично, правда.

– Спасибо.

– Не возражаешь, если я аккуратненько соскребу бедолагу Ника и отвезу в больницу?

– Да ради бога. – Черт! Я собирался взять у Ника одежду, особенно ботинки, новые фирменные «Док Мартенс», темно-красные, почти новые. – Гомес…

– Да? – Он перестает поднимать друга, который выплевывает зуб.

– Какое сегодня число?

– Четырнадцатое декабря.

– Какой год?

Он смотрит на меня с видом человека, у которого есть дела поважнее, чем шутить шутки с психами, и, крякнув, взваливает Ника на плечи, а тот тяжеленный. Ник начинает хныкать.

– Девяносто первый. Наверное, ты не такой трезвый, как кажешься.

Тяжело ступая, он исчезает в направлении входа в театр. Я быстро провожу в уме расчет. Выходит, что мы с Клэр только недавно начали встречаться, поэтому мы с Гомесом едва друг друга знаем. Неудивительно, что он глядит на меня косо.

Возвращается он один.

– Я отдал его Тренту, пусть возится. Ник – его брат. Он не был особенно счастлив. – Мы идем на восток по проулку. – Извини, что спрашиваю, милый книжный мальчик, но почему, черт тебя побери, ты так одет?

На мне голубые джинсы, детский голубой свитер с желтыми утятами, неоново-красная жилетка и розовые теннисные туфли. Если честно, неудивительно, что у кого-то могло появиться острое желание мне врезать.

– Ничего лучше я не смог раздобыть. – Надеюсь, что парень, с которого я это снял, живет неподалеку: на улице минус двадцать. – Зачем ты валандаешься с этой швалью?

– А, мы вместе учились на юрфаке.

Мы проходим мимо задворков магазина армейских неликвидов, и я испытываю острое желание нарядиться в нормальную одежду. Рискну-ка шокировать Гомеса; я знаю, что он это переживет.

Я останавливаюсь:

– Товарищ, подожди минутку. Мне нужно кое-что сделать. Ты не можешь постоять тут на стреме?

– Что ты задумал?

– Ничего особенного. Кража со взломом. Не обращай внимания на тень за занавесками.

– Не возражаешь, если я с тобой пойду?

– Возражаю. – (Он выглядит убитым.) – Хорошо. Давай так.

Захожу в нишу, скрывающую заднюю дверь. Я вламываюсь сюда уже третий раз, хотя две другие попытки – в будущем. В этом деле я достиг абсолютного мастерства. Сначала подбираю простой кодовый замок, на который заперта решетка, сдвигаю ее, открываю американский автоматический замок стержнем старой ручки и английской булавкой, которую нашел на Белмонт-авеню, а куском алюминия поднимаю защелку на двойных дверях. *Voilà*. Всего ушло не больше трех минут. Гомес смотрит на меня почти с религиозным ошеломлением.

– *Где* ты этому научился?

– Просто сноровка, – скромно отвечаю я.

Мы заходим внутрь. Видим панель с мигающими красными огоньками, которая притворяется сигнализацией, но я-то умнее. Внутри очень темно. Мысленно представляю себе расположение комнат и полок с товарами.

– Ничего не трогай, Гомес.

Я хочу, чтобы мне было тепло и наряд не вызывал подозрений. Осторожно иду между полок, глаза привыкают к темноте. Начинаю со штанов: черные «левисы». Выбираю темно-синюю фланелевую рубашку, тяжелое шерстяное пальто с двойной подкладкой, шерстяные носки, трусы, тяжелые перчатки для скалолазания и шапку с ушами. В обувном отделе с огромным удовлетворением нахожу «Док Мартенс», точно такие же, какие были у моего дружка Ника. Я готов к действию.

В это время Гомес шарит за прилавком.

– Расслабься, – говорю я ему. – Здесь на ночь наличные не оставляют. Пойдем.

Мы уходим тем же путем, каким пришли. Аккуратно закрываю дверь и защелкиваю щеколду. В пакете лежит моя бывшая одежда. Позднее я попытаюсь найти ящик для сбора

Армии спасения. Гомес выжидательно смотрит на меня, как большая собака, надеющаяся, что у меня еще есть кусочек мяса.

Тут я вспоминаю.

– Я жутко голодный. Пойдем в «Энн Сазер».

– «Энн Сазер»? Я думал, ты предложишь банк ограбить или убить кого-нибудь, по крайней мере. Тебе везет, парень, не останавливайся!

– Мне нужно взять паузу, чтобы заполнить баки. Пойдем.

Мы сворачиваем из проулка к парковке шведского ресторана «Энн Сазер». Швейцар молча кивает, когда мы переступаем порог его царства. Идем к Белмонт. Всего девять часов, и улица кишит привычной смесью беглецов, бездомных придурков, завсегдатаев ночных клубов и пригородных искателей приключений. «Энн Сазер» стоит особняком, как памятник разуму посреди тату-салонов и секс-шопов. Мы заходим и ждем, когда нас пригласят сесть. У меня желудок сжимается. Шведский интерьер успокаивает, все эти деревянные панели и крапчатая красная фактура под камень. Нас приглашают в зал для курящих, прямо напротив камина. Кажется, жизнь налаживается. Снимаем пальто, усаживаемся, читаем меню, хотя, будучи коренными чикагцами, мы могли бы продекламировать все меню наизусть дуэтом. Гомес выкладывает свои курительные принадлежности рядом со столовыми приборами.

– Не возражаешь?

– Возражаю. Но – кури.

Цена радости от компании Гомеса – постоянно коптиться в облаке сигаретного дыма, который он выпускает из ноздрей. Пальцы у него темно-желтого цвета; они нежно порхают над тонкими листками бумаги, когда он заворачивает табак «Драм» в толстенький цилиндр, облизывает уголок, скручивает его, засовывает между зубами и поджигает:

– Во-от.

Для Гомеса полчаса без сигареты – это аномалия. Мне всегда нравится наблюдать за тем, как люди утоляют свои страсти, даже если я таких страстей не разделяю.

– Ты не куришь? Ничего?

– Я бегаю.

– А-а. Да, черт, ты в отличной форме. Я думал, ты собираешься прикончить Ника, а ты даже не запыхался.

– Он был слишком пьян, чтобы драться. Просто рыхлая боксерская груша.

– За что ты его так?

– Просто глупость.

Появляется официант, говорит, что его зовут Лэнс и что сегодняшнее специальное блюдо – лосось с фасолью под белым соусом. Он принимает заказ на напитки и уносится прочь. Я играюсь с соусником.

– Он видел, как я был одет, решил, что я – легкая добыча, полез задираться, никак не понимал, что значит «нет», и был неприятно удивлен. Я просто шел своей дорогой, ни к кому не лез.

Гомес выглядит задумчивым.

– И что за дорога такая?

– В смысле?

– Генри, может, я выгляжу идиотом, но на самом деле твой старый дядюшка Гомес не совсем идиот. Я уже давненько за тобой приглядываю: на самом деле, еще до того, как наша малышка Клэр привела тебя в гости. В смысле, не знаю, отдаешь ли ты в этом отчет, но в определенных кругах о тебе идет умеренно громкая дурная слава. Я знаю многих людей, которые знают тебя. Людей, в смысле, женщин. Женщин, которые тебя знают. – Он пристально смотрит на меня через дымовую завесу. – Они говорят очень странные вещи.

Лэнс приносит мой кофе и молоко для Гомеса. Мы заказываем: чизбургер и фри для Гомеса, гороховый суп-пюре, лосося, сладкий картофель и сбитые фрукты для меня. Мне кажется, что если я немедленно не получу как можно больше калорий, то просто рухну замертво. Лэнс быстро исчезает. Мне трудно слишком вдумчиво осмысливать свои прошлые грешки, а уж тем более оправдываться за них перед Гомесом. В любом случае, это не его дело. Но он ждет ответа. Я вливаю сливки в кофе, наблюдая, как растворяется в водовороте тончайшая пенка. Отбрасываю всю осторожность. В конце концов это не важно.

– Что ты хочешь узнать, товарищ?

– Все. Я хочу знать, почему на вид скромный библиотекарь забивает парня до состояния комы просто так и при этом прикинут воспитателем детского сада. Я хочу знать, почему восемь дней назад Ингрид Кармайкл пыталась покончить с собой. Я хочу знать, почему сейчас ты выглядишь на десять лет старше, чем в предыдущий раз, когда я тебя видел. У тебя седина появляется. Я хочу знать, как ты взламываешь американские автоматические замки. Я хочу знать, почему у Клэр есть твоя фотография с тех времен, когда вы еще не встречались.

У Клэр есть моя фотография до 1991 года? Упс.

– Что за фотография?

Гомес размышляет.

– На ней ты такой же, как сейчас, а не как пару недель назад, когда ты пришел на обед. – («Это было две недели назад? Боже, получается, что мы с Гомесом встречаемся всего второй раз».) – Снято на улице. Ты улыбаешься. Дата – июнь одна тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года.

Приносят еду, и мы замолкаем, пока расставляем тарелки. Я набрасываюсь на еду, как будто в последний раз.

Гомес сидит, смотрит, как я ем, а сам не притрагивается к обеду. Я видел, как Гомес делает то же самое в суде, по отношению к свидетелям другой стороны. Он просто хочет, чтобы они рассказали все. Я не возражаю против полной правды, но сначала еда. На самом деле мне нужно, чтобы Гомес все знал, потому что в последующие годы он не раз будет спасать мою задницу.

Я уже почти покончил с лососем, а он так и сидит.

– Ешь, ешь, – говорю я, подражая миссис Ким; он окунает ломтик картошки в кетчуп и медленно пережевывает. – Не волнуйся, я сознаюсь. Просто дай мне спокойно насладиться последней едой приговоренного.

Он капитулирует и принимается за свой бургер. Ни один не произносит ни слова, пока я не приканчиваю фрукты. Лэнс приносит мне еще кофе. Я добавляю сливок, размешиваю. Гомес смотрит на меня так, будто схватит сейчас за плечи и начнет трясти. Ладно, товарищ, ты сам напросился.

– Ну хорошо. Получай: путешествия во времени.

Гомес закатывает глаза и корчит рожу, но ничего не говорит.

– Я – путешественник во времени. В настоящий момент мне тридцать шесть лет. Сегодня утром было девятое мая двухтысячного года. Вторник. Я был на работе и только что закончил экскурсию для группы из Кэкстон-клуба. Я ушел к стеллажам переставлять книги дальше, когда внезапно очутился на Скул-стрит, в девяносто первом году. Типичная проблема – где раздобыть одежду. Какое-то время я прятался под чьим-то крыльцом. Было холодно, никто не проходил мимо, и потом наконец я увидел паренька, одетого… ну, ты видел, что на мне было. Я на него напал, забрал деньги и все, во что он был одет, кроме трусов. Напугал до смерти; наверное, он подумал, что я его изнасиловать собираюсь или еще что. В любом случае, одежду я добыл. Хорошо. Но в этом районе нельзя ходить в таком прикиде и ожидать, что все отнесутся к этому с пониманием. Поэтому я весь вечер терпел всякое дерьмо от прохожих, и твой друг оказался последней каплей. Извини, если сильно его покалечил. Мне очень была нужна

его одежда, особенно обувь. – Гомес смотрит под стол на мои ноги. – Я постоянно оказываюсь в подобных ситуациях. Со мной что-то не так. Я теряюсь во времени и не знаю почему. Я не могу это контролировать, не знаю, когда это случится или где и когда я окажусь. Поэтому для того, чтобы выжить, я взламываю замки, ворую в магазинах, шарю по чужим карманам, нападаю на людей, попрошайничаю, вламываюсь в дома, ворую машины, вру, хожу по газонам и перебегаю пути перед поездом. В общем, я делаю все.

– Убиваешь?

– Ну, насколько я знаю, нет. И никогда никого не насиловал. – Я смотрю на него, говоря это. У него абсолютно бесстрастное лицо. – Ингрид. Ты и вправду ее знаешь?

– Я знаю Селию Аттли.

– Господи. Ну и компания у тебя. Как Ингрид пыталась покончить с собой?

– Передозировка валиума.

– Девяносто первый год? Ну да. Это будет ее четвертая попытка самоубийства.

– Что?

– А, ты не знаешь? Селия знает далеко не все. Ингрид удастся уйти из жизни второго января девяносто четвертого. Она выстрелит себе в грудь.

– Генри…

– Знаешь, это случилось шесть лет назад, и я все еще зол на нее. Вот же идиотка. Но она была в жуткой депрессии, и довольно давно, и ее это просто затянуло. Я ничего не мог сделать для нее. Из-за этого мы вечно ссорились.

– Это совсем не смешная шутка, книжный мальчик.

– Хочешь доказательств?

Улыбается.

– Как насчет фотографии? Той, которую ты видел у Клэр?

Улыбка исчезает.

– Хорошо. Я признаю, что это довольно-таки необъяснимо.

– Я встретил Клэр впервые в октябре девяносто первого. Она видела меня первый раз в сентябре семьдесят седьмого. Ей было шесть, а мне тогда будет тридцать восемь. Она знает меня всю жизнь. Сейчас, в девяносто первом году, я только начинаю ее узнавать. Кстати, можешь об этом спросить саму Клэр. Она тебе расскажет.

– Уже спросил. И она рассказала.

– Ну, Гомес, черт побери, зачем ты отнимаешь драгоценное время, заставляя меня рассказывать все снова! Ты ей не поверил?

– Нет. А ты бы поверил?

– Конечно. Клэр очень правдива. Вот что делает с людьми католическое воспитание. – (Подходит Лэнс, приносит еще кофе. Кофеина во мне уже достаточно, но еще немного не повредит.) – Итак? Какие тебе еще нужны доказательства?

– Клэр сказала, ты можешь исчезать.

– Да, это один из моих самых ярких светских талантов. Не отходи от меня ни на шаг, и рано или поздно я растворюсь. Может, понадобится минута, час или день, но в этом отношении я очень последователен.

– В двухтысячном году мы знакомы?

– Да. – Я ухмыляюсь ему. – Мы дружим.

– Расскажи мне о моем будущем.

Черт. Это плохая мысль.

– Нет.

– Почему?

– Гомес, чему быть, того не миновать. Если знать заранее, все становится… очень странно. В любом случае, изменить ничего нельзя.

– Почему?

– Причинно-следственная связь работает только в одну сторону – вперед. Все случается один раз, только один. Если знаешь заранее… Я почти всегда чувствую себя в ловушке. Если ты во времени, ты не знаешь, и ты… свободен. Поверь мне. – Он выглядит расстроенным. – Ты будешь свидетелем на нашей свадьбе. А я – на твоей. У тебя классная жизнь, Гомес. Но деталей ты от меня не дождешься.

– Биржевые наводки?

Да, почему бы и нет. В 2000 году биржа – это безумие, но можно на этом сколотить огромное состояние, и Гомес окажется одним из счастливчиков.

– Когда-нибудь об интернете слышал?

– Нет.

– Это компьютерная программа. Огромная всемирная сеть, в нее входит каждый, кто пожелает, и общается с другими по телефонным линиям через компьютер. Ты покупаешь акции. «Netscape», «America Online», «Sun Microsystems», «Yahoo!», «Microsoft», «Amazon.com».

Он лихорадочно строчит.

– Точка com?

– Не волнуйся. Просто хватай акции на первой же публичной эмиссии. – Я улыбаюсь. – Хлопни в ладоши, если веришь в фей.

– Я думал, ты зарежешь любого, кто хоть заикнется сегодня насчет фей.

– Это из «Питера Пэна», темнота.

Внезапно меня начинает мутить. Сегодня вечером мне не хочется устраивать шоу. Я подпрыгиваю.

– За мной! – говорю я и несусь в мужской туалет.

Гомес топочет по пятам. Я врываюсь в чудом оказавшуюся свободной кабинку. По лицу течет пот. Меня тошнит в унитаз.

– Господь мой милосердный, – говорит Гомес. – Черт, книжный…

Я не слышу окончания фразы, потому что лежу на боку, голый, на холодном линолеуме, в кромешной темноте. Кружится голова, поэтому какое-то время я просто лежу. Вытягиваю руку и натыкаюсь на корешки книг. Я в хранилище, в Ньюберри. Поднимаюсь и, пошатываясь, иду между стеллажей, включаю свет, который заливает все вокруг, и ничего не вижу. Моя одежда и тележка, с которой я вынимал книги, находятся в следующем проходе. Одеваюсь, расставляю книги и осторожно открываю дверь в хранилище. Я не знаю, который час. Может, уже включена сигнализация. Но ничего, все как и было. Изабель объясняет новичку правила работы в читальном зале; Мэтт проходит мимо и машет рукой. Солнце льется в окна, стрелки на часах в читальном зале показывают четверть пятого. Я отсутствовал меньше пятнадцати минут. Амелия замечает меня и указывает на дверь:

– Я собираюсь в «Старбакс». Кофе тебе принести?

– Ну нет, не надо. Но спасибо.

У меня ужасно болит голова. Просовываю голову в кабинет Роберто и говорю, что плохо себя чувствую. Он сочувственно кивает и показывает на телефон, в трубке кто-то очень быстро тараторит по-испански. Я собираю вещи и ухожу.

Самый рядовой будний день книжного мальчика.

15 декабря 1991 года, воскресенье (Клэр 20)

КЛЭР: Прекрасное солнечное воскресное утро, я еду домой из квартиры Генри. Улицы в инее, за ночь нападало несколько сантиметров снега. Все ослепительно-белое и чистое. Я под-

певаю Арете Франклин: «RESPECT!» – сворачивая с Эдисон на Хойн, и надо же, вот счастье, прямо перед собой вижу место на стоянке. Сегодня мне везет. Паркую машину, осторожно иду по скользкому тротуару, захожу в вестибюль, по-прежнему напевая. У меня по спине пробегают замечательные мурашки, это ощущение я начинаю ассоциировать с сексом, с тем, как просыпаюсь в постели Генри, с тем, как добираюсь до своего дома по утрам. Я взлетаю по ступенькам. Кларисса, должно быть, в церкви. Жду не дождусь отлежаться в ванне и почитать «Нью-Йорк таймс». Открываю дверь и понимаю, что я не одна. Гомес сидит в гостиной в облаке дыма, жалюзи закрыты. В окружении красных обоев, обитой красным плюшем мебели, в дыму, он выглядит как светловолосый польский дьявол. Он просто сидит, поэтому я молча иду в свою комнату. Я по-прежнему дико зла на него.

– Клэр.

– Что? – поворачиваюсь я.

– Прости. Я был не прав.

Никогда не слышала, чтобы Гомес признавал что-нибудь, кроме, может, папской непогрешимости. У него очень хриплый голос.

Прохожу в гостиную и распахиваю жалюзи. Солнечный свет с трудом продирается через дымовую завесу, поэтому я открываю окно.

– Не понимаю, как ты можешь столько курить, а индикатор дыма так и не срабатывает.

Гомес показывает мне девятивольтную батарейку:

– Буду уходить, вставлю обратно.

Я сажусь на диван. Жду, когда Гомес объяснит, почему он передумал. Он сворачивает еще одну сигарету. Наконец раскуривает ее и смотрит на меня.

– Я провел вчерашний вечер с твоим другом Генри.

– Я тоже.

– Ясно. Что вы делали?

– Ходили в «Фэсетс», смотрели фильм Питера Гринуэя, обедали, поехали к нему.

– И ты только что оттуда.

– Точно.

– Ну, у меня вечер прошел менее культурно, но более насыщенно. Я столкнулся с твоим великолепным другом в проулке у «Вика», он лупил Ника почем зря. Трент сказал мне сегодня утром, что у Ника нос сломанный, три ребра сломаны, пять костей в руке перебиты, множество повреждений мягких тканей и сорок шесть швов. И еще ему понадобится новый передний зуб. – (Я равнодушно пожимаю плечами. Ник – задира и бугай, сам напросился.) – Это нужно было видеть, Клэр. Твой парень работал над Ником, как над неодушевленным предметом. Как будто Ник – это скульптура, и он его ваял. Очень научно. Просто размышлял, что еще принесет максимальный результат, и – *бац.* Я был бы в полном восторге, если бы это был не Ник.

– Почему Генри бил Ника?

Гомес замялся.

– Вообще-то, похоже, что Ник сам виноват. Он любит поддевать… голубых, а Генри был одет как «малютка мисс Бумби»[50].

Представляю. Бедный Генри.

– А потом?

– Потом мы ограбили магазин армейских неликвидов.

Пока все сравнительно мирно.

– И?

– И пошли в «Энн Сазер» поужинать.

---

[50] Персонаж детского стишка из «Стихов Матушки Гусыни»: Малютка мисс Бумби Сидела на тумбе, Хлебала свою простоквашку. Но выглянул вдруг Свирепый паук И спугнул нашу Бумби, бедняжку. *(Перевод О. Седаковой)*

Я начинаю хохотать. Гомес улыбается.

– И он мне рассказал ту самую дикую историю, которую я слышал от тебя.

– Почему ты ему поверил?

– Ну, он такой жутко безразличный. Я понял, что он знает меня вдоль и поперек. Я видел, что он сделал, и ему было плевать. И потом он просто исчез, а я остался там стоять и… должен был… поверить.

Я сочувственно киваю:

– Исчезновения ужасно впечатляют. Помню, я увидела это в нашу самую первую встречу, когда была маленькой. Он пожал мне руку, и – *бах*! Он исчез. Эй, откуда он пришел?

– Из двухтысячного. Он выглядел намного старше.

– Ему там трудно.

Это так здорово – сидеть здесь и болтать о Генри с кем-то, кто знает. Я чувствую прилив благодарности к Гомесу, которая, впрочем, испаряется, когда он наклоняется ко мне и говорит:

– Не выходи за него, Клэр.

– Знаешь, он еще даже не предложил этого.

– Ты знаешь, о чем я.

Я сижу очень тихо, смотрю на свои руки, аккуратно сложенные на коленях. Я холодна и зла. Поднимаю глаза. Гомес взволнованно смотрит на меня.

– Я его люблю. Он – моя жизнь. Я жду его всю свою жизнь, и вот он здесь. – Не знаю, как это объяснить. – С Генри я вижу все горизонты, читаю жизнь как карту, прошлое и будущее, все сразу, как ангел… – Качаю головой. Не в силах это выразить. – Я могу дотронуться до него и ощутить время… Он меня любит. Мы женаты, потому что… мы – часть друг друга… – Я сбиваюсь. – Это уже случилось. Все сразу.

Я смотрю на Гомеса, пытаясь понять, слышит ли он меня.

– Клэр, мне он *нравится,* очень. Он потрясающий. Но он опасен. Все женщины, с которыми он был, ужасно страдают. Я просто не хочу, чтобы ты весело вальсировала в руках этого очаровательного психопата…

– Разве ты не видишь, что уже слишком поздно? Ты говоришь о человеке, которого я знаю с шестилетнего возраста. Я *знаю* его. Вы встречались дважды, и ты пытаешься убедить меня соскочить. Я не могу. Я видела свое будущее; я ничего не могу изменить и, даже если бы могла, не стала бы этого делать.

Гомес выглядит задумчивым.

– Он ничего мне не рассказал о моем будущем.

– Генри заботится о тебе; он с тобой так не поступит.

– Но с тобой поступил.

– С этим ничего нельзя было поделать; наши жизни связаны воедино. Все мое детство прошло не так из-за него, и он ничего не мог с этим поделать. Он сделал все, что мог.

Я слышу, как поворачивается в двери ключ Клариссы.

– Клэр, не злись, я просто хочу тебе помочь.

Я улыбаюсь.

– Ты можешь помочь нам. Вот увидишь.

Появляется Кларисса, она кашляет.

– О дорогой! Ты так долго ждешь.

– Мы болтали с Клэр. Насчет Генри.

– Уверена, ты рассказывал ей, насколько ты его обожаешь, – говорит Кларисса с ноткой предостережения в голосе.

– Я советовал ей убегать как можно быстрее в противоположном от него направлении.

– Господи, Гомес. Клэр, не слушай его. Он ничего не понимает в мужчинах.

Кларисса садится в футе от Гомеса, он протягивает руку и сажает ее себе на колени. Она смотрит на него.

– Вечно она после церкви такая.

– Я хочу завтракать.

– Конечно хочешь, мой голубок.

Они встают и бегут по коридору в кухню. Вскоре раздается высокий смех Клариссы, и Гомес пытается ее отшлепать номером «Таймс мэгэзин». Вздыхаю и иду в свою комнату. Солнце по-прежнему сияет. В ванной я пускаю горячую воду и снимаю вечернюю одежду. Залезая в ванну, кидаю взгляд на свое отражение в зеркале. Я, можно сказать, пухлая. Это меня радует, и я опускаюсь в воду, чувствуя себя энгровской одалиской. «Генри меня любит. Генри здесь, наконец-то он здесь. И я его люблю». Провожу руками по грудям, тонкая пленка слюны отделяется под воздействием воды и исчезает. «Почему все должно быть так сложно? Разве все самое сложное у нас не позади?» Окунаю в воду волосы, смотрю, как они плавают вокруг меня, темные, как сети. «Я никогда не выбирала Генри, и он не выбирал меня. Поэтому разве здесь может быть ошибка?» Снова прихожу к мысли, что проверить этого нельзя. Лежу в ванне, рассматривая кафель, пока вода не становится холодной. Кларисса стучит в дверь, спрашивает, не умерла ли я там и можно ли ей почистить зубы. Заматывая волосы полотенцем, смотрю на свое нечеткое из-за пара отражение в зеркале, и кажется, что время сворачивается, завиток за завитком, и я вижу себя во всех завитках, все прошедшие дни и годы и все время, которое предстоит, и внезапно я чувствую, как будто становлюсь невидимой. Но затем ощущение проходит так же быстро, как появилось, и я с минуту стою неподвижно, потом надеваю халат, открываю дверь и выхожу.

22 декабря 1991 года, суббота (Генри 28 и 33)

ГЕНРИ: На часах 5:25 утра, звонок в дверь, это всегда плохой знак. Бреду к домофону и нажимаю кнопку.

– Да?

– Эй! Пусти.

Нажимаю кнопку снова, и ужасное жужжание, означающее «заходите-в-мое-сердце-и-дом», передается по линии. Через сорок пять секунд раздается щелчок лифта, он начинается судорожно подниматься. Накидываю халат, выхожу за дверь и стою в коридоре, глядя, как в прорезях движутся лифтовые тросы. Кабина появляется снизу и замирает, и – кто бы сомневался – в ней стою я.

Он открывает дверь кабины и выходит в коридор, голый, заросший щетиной и щеголяющий почти бритой головой. Мы быстро идем по пустому коридору и ныряем в мою квартиру. Закрываю дверь, и мы стоим, разглядывая друг друга какое-то время.

– Ну, – говорю я, просто чтобы что-нибудь сказать. – Как оно?

– Так себе. Какой сегодня день?

– Двадцать второе декабря девяносто первого года. Суббота.

– Так… *Violent Femmes* сегодня в «Арагоне», да?

– Да.

Он смеется.

– Черт! Это был просто ужас что за вечер.

Он проходит к кровати – *моей* кровати – и залезает в нее, накрываясь с головой. Я шлепаюсь рядом с ним.

– Эй! – Молчит. – Ты откуда?

– Из тринадцатого ноября девяносто шестого года. Я собирался спать. Так что дай мне вздремнуть, а то через пять лет ты очень об этом пожалеешь.

Звучит довольно разумно. Я сбрасываю халат и ложусь обратно в постель. Я не на своей стороне кровати, а на стороне Клэр, как я думаю в эти дни, потому что мой *doppelgänger*[51] занял мою половину. С этой половины кровати все кажется немного не так. Будто закрываешь один глаз и смотришь какое-то время на что-нибудь вблизи, потом смотришь на это другим глазом. Я лежу, развлекаясь таким образом, глядя на кресло с разбросанной одеждой, на персиковую косточку в винном бокале на подоконнике, на тыльную сторону своей правой ладони. Ногти нужно подстричь, а в квартире царит полный хаос – хоть подавай на компенсацию в Федеральный центр помощи жертвам стихийных бедствий. Может, другой «я» захочет тут прибраться, подсобит немного по дому, отрабатывая свое проживание. Мысленно пробегаю содержимое холодильника и кладовки и прихожу к выводу, что мы неплохо запаслись. Я собирался сегодня вечером привезти Клэр к себе и не уверен, что делать со своим лишним телом. Мне приходит в голову, что Клэр может предпочесть его мне, потому что, в конце концов, они знают друг друга лучше. Не знаю почему, но эта мысль вселяет в меня ужас. Я пытаюсь не забывать, что вычтенное сейчас обязательно приплюсуется к будущему, но все же я в ужасе и хочу, чтобы один из нас просто взял и исчез.

Рассматриваю своего двойника. Он свернулся, как еж, спиной ко мне, – очевидно, спит. Я ему завидую. Он – это я, но я, увы, еще не он. Он уже прошел те пять лет, которые для меня загадка, по-прежнему тщательно скрученная, ожидающая своего часа, чтобы распрямиться и укусить. Конечно, радости, которые будут у меня, он уже тоже испытал; для меня же они пока что как запечатанная коробка конфет.

Пытаюсь увидеть его глазами Клэр. Почему стрижка такая короткая? Мне всегда нравились мои волосы, черные, волнистые, до плеч; я хожу с такой прической с момента окончания университета. Но рано или поздно придется их остричь. Мне приходит в голову, что его волосы – это одна из многих вещей, напоминающих Клэр, что я – не совсем тот парень, знакомый ей с раннего детства. Я – близкое подобие, которое она тайно направляет ко мне другому, существующему в ее воображении. Каким бы я был без нее?

Не тем мужчиной, который дышит медленно, глубоко, лежа на другой стороне кровати. Его шея и спина изгибаются в позвонках, ребрах. Кожа гладкая, почти без волос, плотно облегает мышцы и кости. Он вымотан и все же спит так, как будто в любой момент может вскочить и побежать. Неужели я тоже излучаю такое напряжение? Думаю, да. Клэр часто жалуется, что я не расслабляюсь, пока не выматываюсь до смерти, но на самом деле я часто расслаблен, когда я с ней. Мне кажется, что этот, который старше, – худее, более осунувшийся. Он мощный и спокойный. Но со мной он может и повыпендриваться: он настолько знает меня, что я могу только подчиняться, и в своих собственных интересах.

Времени 7:14, и очевидно, что уснуть мне не удастся. Вылезаю из постели и включаю кофеварку. Натягиваю трусы и штаны, делаю зарядку. Недавно у меня болели колени, поэтому заматываю их эластичным бинтом. Натягиваю носки, зашнуровываю поношенные кроссовки (может, это из-за них у меня колени болят?) и клянусь себе купить завтра новые. Нужно было спросить у своего гостя, какая погода за окном. А, ну да, декабрь в Чикаго: жуткая погода – это *de rigueur*[52]. Надеваю свою доисторическую футболку с надписью «Чикагский кинофестиваль», черный свитер и оранжевую флисовку с капюшоном и большими блестящими крестами, нашитыми на груди и спине. Хватаю перчатки и ключи и выбегаю в мир.

[51] Двойник *(нем.)*.

[52] Обязательно *(фр.)*.

Денек неплохой, обычный для начала зимы. На земле немного снега, ветер играет с ним, перегоняя то туда, то сюда. По Диэрборн тянется пробка, звучит какофония из автомобильных гудков, небо серое, рассветает медленно.

Привязываю ключи к шнуркам на кроссовке и решаю пробежаться вдоль берега. Медленно бегу на восток по Делавэр к Мичиган-авеню, пробегаю по переходу, начинаю движение вдоль велосипедной дорожки, направляюсь на север вдоль Оук-стрит-бич. Сегодня на улицах только несгибаемые бегуны и велосипедисты. Озеро Мичиган глубокого салатного цвета, сейчас отлив, открывающий темную коричневую полоску песка. Чайки летают в небе и уносятся далеко над водой. Я двигаюсь сдержанно; суставы холода не любят, и я потихоньку начинаю понимать, что тут, у озера, довольно зябко – возможно, ниже минус двадцати. Поэтому бегу немного медленнее, чем обычно, разогреваясь, напоминая своим бедным коленям и лодыжкам, что работа всей их жизни – это нести меня так далеко и быстро, как только требуется. Холод сушит воздух в легких, сердце бьется спокойно, и, когда я добегаю до Норт-авеню, мне уже совсем хорошо, и я начинаю прибавлять скорость. Бег дает мне очень многое: выживание, спокойствие, эйфорию, уединение. Это доказательство моего телесного бытия, способность контролировать свои движения в пространстве, а не во времени, и подчинение, хотя и временно, моего тела моей же воле. Когда я бегу, то смещаю пласты воздуха, и вещи движутся вокруг меня, и тропинка движется, как кинопленка, у меня под ногами. Я помню, как, будучи ребенком, еще до видеоигр и интернета, я вставлял пленку в проектор в школьной лаборатории и смотрел, поворачивая ручку, которая двигала рамку и пищала при этом. Я уже не помню эти пленки, о чем они были, но помню запах библиотеки и то, как писк заставлял меня каждый раз подпрыгивать. Сейчас я лечу – это золотое чувство, как будто я могу забежать по воздуху на небо, и я непобедим, ничто не может остановить меня, ничто не может меня остановить, ничто, ничто, ничто, ничто…

Вечер того же дня (Генри 28 и 33, Клэр 20)

КЛЭР: Мы едем на концерт *Violent Femmes* в «Арагоне». После небольшого сопротивления со стороны Генри, которое я понять не могу, потому что ему нравятся *les Femmes,* мы объезжаем квартал за кварталом в поисках свободного места. Я кружу и кружу, мимо «Грин Милл», баров, тускло освещенных жилых домов и прачечных, которые выглядят как игрушечные. Наконец я паркуюсь на Аргайл, и мы, дрожа от холода, идем по скользкому разбитому тротуару. Генри идет быстро, и я всегда немного задыхаюсь, когда мы идем вместе. Я заметила, что ему трудно приспособиться к моему шагу. Стягиваю перчатку и засовываю ладонь ему в карман. Я взволнована, потому что мы с Генри никогда раньше не танцевали, и я люблю «Арагон» во всем его упадническом псевдоиспанском великолепии. Моя бабушка Миагрэм рассказывала мне о танцах с биг-бендами в тридцатые годы, когда все было новым и милым, и на балконах никто не ширялся, и в мужском туалете не было рек мочи. Но – *c'est la vie*[53] – времена меняются, и нам досталось именно это время.

Мы стоим несколько минут в очереди. Генри кажется напряженным, он явно настороже. Он держит мою руку, но при этом пристально вглядывается в толпу. Я использую возможность посмотреть на него. Генри очень красив. Волосы до плеч, зачесаны назад, черные и гладкие. Он похож на кота, худой, излучающий неугомонность и физическое начало. Выглядит так, как будто может укусить. На Генри черное пальто и белая хлопковая рубашка с французскими манжетами, которые расстегнуты и болтаются под рукавами пальто, милый ядовито-зеленый шелковый галстук, который он приотпустил так, что я вижу мышцы на шее,

[53] Такова жизнь *(фр.)*.

черные джинсы и черные ботинки на каблуке. Генри собирает мои волосы в пучок и накручивает себе на запястье. На мгновение я его пленница, потом очередь продвигается вперед, и он отпускает меня.

Проходим внутрь и вливаемся в гущу народа. В «Арагоне» есть бесчисленные длинные коридоры, ниши и балконы, которые разбросаны вокруг главного зала. Это идеальное место для того, чтобы заблудиться или спрятаться. Мы с Генри поднимаемся на балкон поближе к сцене и садимся за крошечный столик. Снимаем пальто. Генри смотрит на меня.

– Ты очень красивая. Платье просто шикарное; не верится, что ты можешь в нем танцевать.

Платье обтягивает меня как вторая кожа, шелковое, лиловое, но растягивается достаточно, чтобы нормально двигаться. Сегодня днем я примерила его перед зеркалом, и все было нормально. Что меня беспокоит, так это волосы; из-за сухого воздуха и ветра их кажется в два раза больше, чем обычно. Начинаю заплетать волосы в косу, но Генри меня останавливает.

– Не надо, пожалуйста… Я хочу смотреть на тебя с распущенными волосами.

Начинается разогрев. Мы терпеливо слушаем. Все суетятся вокруг, разговаривают, курят. На главном этаже места только стоячие. Шум превосходит всякое понимание.

Генри наклоняется ко мне и орет в ухо:

– Хочешь выпить?

– Только колы.

Он уходит в бар. Я кладу руки на перила балкона и смотрю в толпу. Девушки в классических платьях и девушки в военной одежде, парни с ирокезами и парни во фланелевых рубашках. Люди обоих полов в футболках и джинсах. Студенты и ребята двадцати с небольшим лет, изредка мелькают люди постарше.

Генри нет уже давно. Разогревающая группа заканчивает под редкие аплодисменты, техники начинают разбирать их оборудование и выносить другое такое же. Наконец я устаю ждать, бросаю столик и вещи, протискиваюсь через тесную толпу людей на балконе к ступенькам вниз, в длинный темный коридор, в котором находится бар. Генри там нет. Медленно иду по коридорам и под арками, ищу его, но стараюсь, чтобы по мне этого не было заметно.

Я замечаю его в конце коридора. Он стоит так близко к женщине, что сначала мне кажется, будто они обнимаются; она прислонилась к стене, и Генри склоняется к ней, рука прижата к стене над ее плечом. Интимность их поз выбивает меня из колеи. Она блондинка и очень красива – немецкой красотой, высокая и эффектная.

Подойдя поближе, я понимаю, что они не целуются; они ссорятся. Генри использует свободную руку, чтобы жестикуляцией дополнять то, что он кричит ей в лицо. Внезапно ее бесстрастное лицо искажается злобой, она чуть не плачет. Кричит что-то ему в ответ. Генри отступает назад и вскидывает руки. Я слышу его последние слова, прежде чем он уходит.

– Я не могу, Ингрид, просто не могу. *Прости*…

– Генри!

Она бросается к нему, и тут они оба видят меня, неподвижно стоящую посреди коридора. Генри мрачно хватает меня за руку, и мы быстро идем к лестнице. Через три ступеньки я оборачиваюсь и вижу, что она смотрит на нас, руки опущены, беспомощная и напряженная. Генри оглядывается, после чего мы продолжаем подниматься.

Мы находим наш столик, который каким-то чудом по-прежнему пуст и на стульях по-прежнему висит наша одежда. Огни гаснут, Генри повышает голос, перекрикивая толпу:

– Извини. До бара я так и не дошел. Наткнулся на Ингрид…

Кто такая Ингрид? Я вспоминаю, как стояла в ванной Генри с помадой в руке, и мне нужно все выяснить, но темнота сгущается, и *Violent Femmes* появляются на сцене.

Гордон Гано стоит у микрофона, глядя на нас всех, раздаются угрожающие аккорды, он наклоняется и поет первые строчки «Blister in the Sun»; все взрываются от восторга. Мы с Генри сидим и слушаем, потом он наклоняется ко мне и орет:

– Хочешь уйти?

Перед сценой – сплошное месиво из человеческих тел.

– Я хочу танцевать!

Генри смотрит с облегчением:

– Класс! Конечно! Пойдем!

Стягивает свой галстук и засовывает в карман пальто. Мы продираемся вниз по лестнице и попадаем в основной зал. Я вижу Клариссу и Гомеса, они танцуют более или менее вместе. Кларисса в восторге, в эйфории, Гомес еле движется, сигарета зажата между зубами. Он видит меня и машет рукой. Двигаться через толпу – это как брести по озеру Мичиган; нас то утягивает, то отталкивает, мы плывем к сцене. Толпа скандирует: «Еще! Еще!» – и *Femmes* отвечают, заставляя свои инструменты издавать дикие звуки.

Генри движется, вибрируя в такт басам. Мы почти на краю «ямы», где танцующие на скорости сталкиваются друг с другом, качаясь из стороны в сторону, а с другой стороны люди трясут бедрами, размахивают руками, притопывают в такт музыке.

Мы танцуем. Музыка пробегает через меня, звуковые волны хватают за позвоночник, двигают моими ногами, бедрами, плечами; голова не участвует. *(«Красивая девчонка, классное платье, скромная улыбка, о да, где она теперь, знать бы мне».)* Открываю глаза и вижу, что Генри, танцуя, наблюдает за мной. Когда я поднимаю руки, он хватает меня за талию, и я подпрыгиваю. Целую вечность рассматриваю зал с высоты. Кто-то машет мне рукой, но я не вижу, кто это, потому что Генри ставит меня на место. Мы касаемся друг друга в танце, потом распадаемся. *(«Как объяснить свою боль?»)* Пот течет по мне. Генри трясет головой, черной волной разлетаются волосы, брызги пота летят мне в лицо. Музыка затягивает, играет мной *(«Мне незачем жить, мне незачем жить, мне незачем жить».)* Мы бросаемся в эту музыку. Мое тело эластично, ноги глухи, ощущение белого огня идет от паха к темени. Музыка разбивается о стену и останавливается. Мое сердце выпрыгивает из груди. Прикладываю ладонь к груди Генри и удивляюсь, что он лишь чуть запыхался.

Немного погодя захожу в женский туалет и вижу, что Ингрид сидит на раковине и плачет. Миниатюрная негритянка с красивыми длинными дредами стоит перед ней, тихо говорит что-то и гладит по голове. Рыдания Ингрид отдаются эхом от мокрой желтой плитки. Я начинаю пятиться из туалета, но мое движение привлекает их внимание. Они смотрят на меня. Ингрид выглядит ужасно. Вся ее тевтонская холодность исчезла, лицо красное и припухшее, тушь потекла. Она смотрит на меня, унылая и изможденная. Негритянка подходит ко мне. На лице ее, с точеными чертами, глубокая грусть. Подходит ко мне близко и тихо говорит:

– Сестренка, тебя как зовут?

– Клэр, – поколебавшись, отвечаю я.

Она оглядывается на Ингрид:

– Клэр, послушай мудрого совета. Ты лезешь туда, куда не надо лезть. Генри – это тяжелый случай, но это тяжелый случай Ингрид, и ты просто дурочка, что лезешь в это. Ты меня слышишь?

Я не хочу знать, но ничего не могу с собой поделать.

– О чем ты?

– Они собирались пожениться. Потом Генри все разрывает, говорит Ингрид, что ему жаль, просит *не обращать внимания,* просто забыть. Мне кажется, что ей будет так лучше, но она слышать ничего не хочет. Он ведет себя как свинья, пьет до беспамятства, исчезает

на несколько дней, потом возвращается как ни в чем не бывало, трахает все, что шевелится. Это Генри. Когда он заставит тебя рыдать и страдать, не говори, что тебя не предупреждали.

Она резко поворачивается и идет обратно к Ингрид, которая продолжает смотреть на меня с немым отчаянием.

Наверное, я слишком уж на нее таращусь.

– Извините, – говорю я и убегаю.

Брожу по коридорам и наконец нахожу нишу, где никого нет, кроме спящей готического вида девушки на виниловой кушетке с зажженной сигаретой между пальцев. Я забираю у нее бычок и тушу о грязный кафель. Сажусь на подлокотник кушетки и чувствую, как музыка вибрирует через копчик вверх по позвоночнику. Доходит до зубов. Я по-прежнему хочу писать, болит голова. Хочется плакать. Я не понимаю, что только что произошло. То есть понимаю, но не знаю, что с этим делать. Я не знаю, нужно ли мне это просто забыть, или обидеться на Генри и потребовать объяснений, или что. Чего я ждала? Как бы мне хотелось послать в прошлое открытку, тому хаму Генри, которого я не знаю: «Ничего не делай. Жди меня. Скучаю».

Генри высовывает голову из-за угла.

– Вот ты где. Я уж подумал, что потерял тебя.

Короткие волосы. Генри или постригся за последние полчаса, или я смотрю на своего любимого потерянного во времени человека. Я подпрыгиваю и бросаюсь к нему.

– Упс… эй, я *тоже* рад тебя видеть…

– Как же я скучала… – Теперь я *действительно* плачу.

– Я был с тобой последние несколько недель без перерыва.

– Я знаю, но… ты – это все же не *ты* – в смысле, ты не такой. Черт…

Я прислоняюсь к стене, и Генри прижимается ко мне. Мы целуемся, и потом Генри начинает облизывать мое лицо, как кошка своего котенка. Я стараюсь мурлыкать и начинаю смеяться.

– Ты придурок. Пытаешься отвлечь меня от своего позорного поведения…

– Какого поведения? Я не знал, что ты есть на свете. Я мучительно встречался с Ингрид. Я порвал с ней через неполные сутки после встречи с тобой. Я имею в виду – неверность ведь не обладает обратной силой, а?

– Она сказала…

– Кто сказал?

– Негритянка. – Я показываю, какая у нее прическа. – Невысокая, большие глаза, дреды…

– Боже. Это Селия Аттли. Она презирает меня. И влюблена в Ингрид.

– Она сказала, что ты собирался жениться на Ингрид. Что ты постоянно пьешь, трахаешь всех подряд и вообще плохой человек и что мне нужно бежать от тебя. Вот что она мне сказала.

Кажется, Генри не знает, смеяться ему или плакать.

– Ну, кое-что из этого правда. Я на самом деле трахал всех подряд, и много, и естественно, я был известен как алкаш-профессионал. Но мы не были помолвлены. Я никогда не был достаточно сумасшедшим, чтобы жениться на Ингрид. Мы немало крови попортили друг другу.

– Но тогда почему…

– Клэр, очень немного людей встречают свою любовь в возрасте шести лет. Поэтому ты должна понять. Ингрид была очень… терпеливой. Слишком терпеливой. Мирилась с моими закидонами, в надежде, что когда-нибудь я приду в себя и женюсь на ней, великомученице хре́новой. И когда кто-нибудь настолько терпелив, ты обязан чувствовать себя признательным, и потом ты хочешь причинить такому человеку зло. Понимаешь?

– Думаю, да. Нет, то есть для меня это невозможно, но я об этом не думаю.

– Как это мило, что извращенная логика большинства отношений для тебя темный лес, – вздыхает Генри. – Поверь мне. Когда мы встретились, я был разбит, уничтожен и про-

клят и потихоньку приходил в себя, потому что видел: ты – человек и я тоже стану таким. И я пытался делать это незаметно для тебя, потому что еще не выяснил, что притворяться без толку. Но для того, с кем ты общаешься в девяносто первом году, эта мысль еще далека, в девяносто шестом году я уже другой. Тебе нужно работать надо мной; один я не справлюсь.

– Да, но это трудно. Я не привыкла быть учителем.

– Ну, когда почувствуешь упадок сил, вспомни обо всех часах, которые я провел рядом с маленькой тобой. Математика и ботаника, правописание и история Америки. В смысле, ты можешь обругать меня по-французски, потому что я сидел и пытал тебя французскими глаголами.

– И то верно. *Il a les défauts de ses qualités*[54]. Но думаю, всему этому учить проще, чем мне научить тебя быть… счастливым.

– Но ты делаешь меня счастливым. Трудно быть достойным такого счастья. – Генри играет с моими волосами, завязывает их в маленькие узелки. – Послушай, Клэр, я собираюсь вернуть тебя бедному *imbécile*[55], с которым ты пришла. Я сижу наверху и чувствую себя ужасно и волнуюсь за тебя.

Я понимаю, что от радости видеть своего знакомого и будущего Генри я забыла о Генри настоящем, и мне становится стыдно. Я чувствую практически материнское желание пойти и утешить странного мальчика, который мужает у меня на глазах, который целует меня и оставляет с указанием вести себя хорошо. Поднимаясь по лестнице, я вижу, как Генри из моего будущего ныряет в бесноватую толпу танцующих, и я двигаюсь как во сне, чтобы найти Генри, который мой здесь и сейчас.

[54] Его недостатки неотрывны от его достоинств *(фр.)*.

[55] Идиоту *(фр.)*.

Канун Рождества, часть третья

24, 25, 26 декабря 1991 года, вторник, среда, четверг (Клэр 20, Генри 28)

КЛЭР: Сейчас 8:32 утра 24 декабря, и мы с Генри направляемся в Медоуларк на Рождество. Восхитительный ясный день, в Чикаго снега нет, но в Саут-Хейвене лежит не меньше шести дюймов. Перед выездом Генри переложил все вещи в машине, проверил покрышки, заглянул под капот. Вряд ли он понимал, что ищет. Моя машина – классная белая «хонда-сивик» 1990 года, и я ее обожаю, но Генри просто ненавидит ездить на машинах, особенно на маленьких. Он ужасный пассажир, все время, пока мы едем, держится за подлокотник и просит ехать помедленнее. Возможно, он бы меньше боялся, если бы сам сидел за рулем, но по очевидной причине водительских прав у Генри нет. В общем, мы едем по Индиана-Толлроуд прекрасным зимним днем; я спокойна и жду не дождусь увидеться с семьей, а Генри психует. Утром он не бегал, что ситуацию не облегчает; я заметила, что Генри для счастья нужно невероятное количество физической активности. Это все равно что бегать вместе с борзой. В реальном времени Генри другой. Когда я росла, Генри приходил и уходил, и наши встречи были насыщенными, яркими и тревожными. Генри много о чем не хотел говорить мне, и большую часть времени не позволял к себе приближаться, поэтому у меня постоянно было напряженное чувство неудовлетворенности. Обнаружив наконец его в настоящем, я подумала, что все будет так же. Но на самом деле во многих отношениях все гораздо лучше. Во-первых, и это самое главное, вместо того чтобы отказываться до меня дотрагиваться, Генри постоянно меня трогает, целует, занимается со мной любовью. Я чувствую себя абсолютно другим человеком, я словно купаюсь в теплом озере наслаждения. И он рассказывает мне все! Что я ни спрошу, о его жизни, семье, – он мне рассказывает, называет имена, места, даты. Все, что казалось мне бесконечно загадочным, пока я была маленькой, становится абсолютно логичным. Но самое замечательное то, что я могу видеть его долго – часы, дни напролет. Я знаю, где найти его. Он уходит на работу и возвращается. Иногда я открываю адресную книгу, просто чтобы увидеть в ней запись: Генри Детамбль, Диэрборн 714, 11-я ул., Чикаго, Иллинойс, 60610, 312-431-8313. И фамилия, и адрес, и номер телефона. *Я могу позвонить ему по телефону!* Это просто чудо. Я чувствую себя как Дороти, когда ее дом приземлился в стране Оз и мир превратился из черно-белого в цветной. Мы больше не в Канзасе.

На самом деле мы почти въехали в Мичиган, и здесь можно отдохнуть у дороги. Я сворачиваю на парковку, и мы выходим размять ноги. Идем внутрь павильончика, видим карты и брошюры для туристов и множество автоматов с продуктами.

– Ух ты! – говорит Генри.

Он внимательно изучает еду и начинает читать брошюры.

– Эй, давай поедем во Франкенмус! «Рождество триста шестьдесят пять дней в году!» Боже, да я там через час харакири сделаю. У тебя мелочь есть?

Я нахожу пригоршню мелочи на дне кошелька, и мы радостно спускаем ее на две банки колы, коробку печенья и шоколадку «Херши». Выходим обратно в холодный сухой воздух, держась за руки. В машине открываем колу и едим сласти. Генри смотрит на мои часы:

– Как грустно. Всего девять пятнадцать.

– Ну, еще пара минут, и будет десять пятнадцать.

– А точно, Мичиган же на час вперед. Так странно.

Я смотрю на него и говорю:

– Все странно. Не могу поверить, что ты собираешься познакомиться с моей семьей. Я столько времени *прятала* тебя от нее.

– Я делаю это только потому, что безумно тебя люблю. А сколько времени я избегал автомобильных поездок, знакомств с семьями девушек и Рождества? То, что я выношу все три вещи вместе, доказывает, как я тебя люблю.

– Генри… – Я поворачиваюсь к нему; мы целуемся.

Поцелуй начинает перерастать в нечто большее, когда краем глаза я замечаю троих подростков и большую собаку: стоят неподалеку и с интересом за нами наблюдают. Генри поворачивается, видит, на кого я смотрю, парни улыбаются и показывают знак: класс! Потом возвращаются в фургончик, где их ждут родители.

– Кстати… где мы в твоем доме будем спать?

– О боже! Этта звонила мне сегодня по этому поводу. Я – в своей комнате, а ты – в голубой. Мы в разных концах коридора, и между нами – комната родителей и Алисии.

– И что мы будем делать с этим несчастьем?

Я завожу машину, мы выезжаем на магистраль.

– Не знаю, потому что раньше у меня такой проблемы не было. Марк просто приводит девушек на первый этаж, в игровую комнату, и трахает их по утрам, а мы все делаем вид, что ничего не происходит. Если будет совсем тяжело, всегда можно пойти в читальню; я раньше тебя там прятала.

– Хм. Ну ладно. – Генри какое-то время смотрит в окно. – Знаешь, это не так уж и плохо.

– Что?

– Ехать. На машине. По шоссе.

– Ну и ну! Ты так и на самолете полетать захочешь.

– Никогда.

– Париж. Каир. Лондон. Киото.

– Ни за что. Я уверен, что обязательно перемещусь во время полета, и только Бог знает, смогу ли я вернуться на штуку, которая летит со скоростью триста пятьдесят миль в час. В результате упаду на землю, как Икар.

– Думаешь?

– Не хочу пробовать, чтобы убедиться.

– А через время ты сможешь попасть в Европу или еще куда?

– Ну, своя теория на этот счет у меня есть. Но это только «Специальная теория путешествий во времени» Генри Детамбля, а не «Общая теория путешествий во времени».

– Понятно.

– Во-первых, все это, наверное, от головы. Думаю, что-то похожее на эпилепсию, потому что происходит во время стресса, и есть физические сигналы – например, мигающий свет, который может это спровоцировать. И потому что, например, бег, секс, медитация помогают мне остаться в настоящем. Во-вторых, я абсолютно не контролирую то, где я и когда я, как долго я там нахожусь и когда возвращаюсь. Потому туристические путешествия во времени на Ривьеру маловероятны. Похоже, всем рулит мое подсознание, потому что я много времени провожу в собственном прошлом, вижу события, которые интересны или важны, и, очевидно, часто буду видеть тебя в путешествиях, и я ужасно этого жду. Я часто перемещаюсь туда, где был в реальном времени, хотя иногда мне приходится бывать и в других местах, время и место могут быть совершенно случайны. Я чаще перемещаюсь в прошлое, а не в будущее.

– Ты был в будущем? Я не знала, что ты это можешь.

Генри выглядит довольным собой.

– Пока что разброс в пятьдесят лет в каждом направлении. Но в будущем я оказываюсь очень редко и не думаю, что видел там хоть что-то полезное. Промежутки времени всегда короткие. И может, я просто не знаю, чего искать. Прошлое дает подсказки. В нем я чувствую

себя гораздо более цельным. Может, будущее само по себе менее материально? Не знаю. Я всегда чувствую, что вдыхаю разреженный воздух, там, в будущем. Именно так можно определить, что это действительно будущее: там по-другому, чем здесь… И бегать там труднее, – задумчиво добавляет Генри, и внезапно я понимаю ужас положения, когда находишься в чужом времени и месте, без одежды, без друзей…

– Поэтому подошвы у тебя…

– Как копыта. – (Подошвы у Генри – сплошная мозоль, как будто они хотят стать копытами.) – Я – копытное животное. Если с моими ногами что-нибудь случится, меня легче будет пристрелить.

Какое-то время мы едем молча. Дорога то в горку, то под горку, мертвые поля кукурузы пролетают мимо. Фермы стоят умытые зимним солнцем, возле каждой из них тележки, повозки и американские машины вдоль дороги. Я вздыхаю. Возвращение домой несет смешанные чувства. Я умираю от желания увидеть Алисию и Этту, и беспокоюсь насчет мамы, и не особенно хочу общаться с папой и Марком. Но мне интересно, как они отнесутся к Генри, а он – к ним. Я горжусь тем, что держала Генри в секрете так долго. Четырнадцать лет. Когда ты еще ребенок, четырнадцать лет – это целая вечность.

Мы проезжаем «Уол-Март», «Дейри-Квин», «Макдональдс». Опять кукурузные поля. Фруктовая роща. Клубника, голубика. Летом эта дорога – сплошной коридор фруктов, зерновых и капитализма. Но сейчас поля мертвы и сухи, машины проносятся по солнечной холодной магистрали, не обращая внимания на парковки.

Я никогда особенно не задумывалась о Саут-Хейвене, пока не переехала в Чикаго. Наш дом всегда казался островом, стоящим на ничьей территории на юге, в окружении долины, фруктовых садов, лесов, ферм. А Саут-Хейвен был просто городом, вроде как «давай поедем в город купить мороженого». Город – это продукты, скобяные товары, булочная Макензи, партитуры и пластинки в «Мьюзик-импориум» – любимом магазине Алисии. Мы останавливались у фотостудии «Эплъярд» и выдумывали истории о невестах, младенцах и семьях, хищно улыбавшихся из окна. Мы не думали, что библиотека выглядит смешно со всем псевдогреческим мрамором, не понимали, что выбор продуктов ограничен и неинтересен или что фильмы в кинотеатре «Мичиган» беспощадно американские и бездумные. К этому я пришла позднее, став постоянной жительницей Чикаго, экспатриантом, стремящимся проложить пропасть между собой настоящей и своим неотесанным прошлым. Внезапно берет тоска по маленькой девочке, которой я была, которая любила поля и верила в Бога, зимой, простудившись, лежала в постели, читала про Нэнси Дрю[56], и посасывала ментоловые леденцы от кашля, и хранила тайну. Бросаю взгляд на Генри и вижу, что он уснул.

Саут-Хейвен, пятьдесят миль.

Двадцать шесть, двенадцать, три, одна.

Феникс-роуд.

Магистраль Блю-Стар.

И затем: проезд Миагрэм. Протягиваю руку, чтобы разбудить Генри, но он уже проснулся. Нервно улыбается и смотрит из окна на бесконечный туннель голых зимних деревьев; когда мы подъезжаем к воротам, я лезу в бардачок, чтобы открыть их, ворота разъезжаются перед нами, и вот мы внутри.

Дом выпрыгивает, будто из книги-раскладушки. Генри вскрикивает и начинает смеяться.

– Что? – настороженно спрашиваю я.

– Я не думал, что он *настолько* огромен. Сколько комнат в этом чудовище?

– Двадцать четыре, – отвечаю я.

[56] Девочка-детектив, персонаж детских книжек, выходящих с 1930 г. и до сих пор.

Этта машет нам из окна, когда я въезжаю на подъездную аллею и останавливаюсь у главного входа. Волосы у нее еще поседели с того момента, как я ее видела, но лицо розовое от удовольствия. Мы вылезаем из машины, а она осторожно спускается с заледенелых ступеней – без пальто и в парадном платье цвета морской волны с кружевным воротничком, – осторожно переступает изящными каблучками, перенося вес с ноги на ногу, и я бегу, чтобы протянуть ей руку, но она отмахивается от меня и вот спускается донизу, обнимает меня и целует. (Я радостно вдыхаю запах «Нокзимы» и пудры.) Генри ждет в сторонке.

– А кто это здесь у нас? – спрашивает она, как будто Генри – маленький мальчик, которого я тайком привезла в дом.

– Этта Милбауэр – Генри Детамбль, – представляю я.

Я вижу удивление на лице Генри, и мне интересно, за кого он принял Этту.

Она улыбается Генри, когда мы поднимаемся по ступенькам. Открывает входную дверь.

Генри тихонько спрашивает меня:

– А как же наши вещи?

Я отвечаю, что Питер с ними разберется.

– Где все? – спрашиваю я, и Этта говорит, что обед через пятнадцать минут, мы можем снять пальто, помыть руки и сразу приходить.

Она оставляет нас в прихожей и уходит на кухню. Я поворачиваюсь к Генри и вижу, что он кому-то машет. Приглядываюсь и вижу Нелли, которая просунула свое широкое курносое лицо в дверь столовой и улыбается нам, и я бегу через прихожую, чтобы звонко чмокнуть ее; она смеется и говорит:

– Симпатичный парень, мартышка моя, – и ныряет обратно, прежде чем Генри успевает подойти.

– Нелли? – догадывается он.

Я киваю.

– Она не скромничает, просто занята, – объясняю.

Веду его наверх, на второй этаж.

– Ты живешь здесь, – говорю я, открывая дверь в голубую спальню. Он бросает взгляд внутрь и идет за мной по коридору. – А это моя комната, – говорю я, предвкушая.

Генри обнимает меня и встает посреди ковра, просто осматриваясь, потом поворачивается ко мне, и я вижу, что он ничего не узнаёт; ничто в этой комнате не знакомо этому человеку, и игла осознания проходит еще глубже: все маленькие знаки и сувениры в музее нашего прошлого для него – как любовные письма для безграмотного. Генри берет гнездо крапивника (это первое из многочисленных гнезд, которые он мне подарил много лет назад) и говорит:

– Мило.

Я киваю, открываю рот, чтобы рассказать ему, а он ставит гнездо на полку.

– Замок на двери есть?

Я закрываю защелку, и мы опаздываем на обед.

ГЕНРИ: Я почти спокоен, когда иду вслед за Клэр вниз по лестнице, через темный прохладный коридор и в столовую. Все уже за столом. Уютная комната с низким потолком, в стиле Уильяма Морриса[57]; воздух теплый из-за огня, дрожащего в маленьком камине, окна в морозных узорах, через них ничего не видно. Клэр подходит к худой женщине со светло-рыжими волосами, наверное, это мама; она наклоняет голову, Клэр ее целует, она приподнимается, чтобы пожать мне руку. Клэр представляет ее как «маму», я называю ее «миссис Эбшир», и она тут же говорит: «Нет, просто Люсиль, меня все так зовут» – и улыбается измученной, но теплой улыбкой, как будто она – яркое солнце из другой галактики. Мы садимся друг против друга

[57] См. примеч. на с. 15.

за стол. Клэр сидит между Марком и пожилой женщиной, которая оказывается ее двоюродной тетушкой Дульси; я сижу между Алисией и пухлой симпатичной блондинкой, которая представляется как Шерон, и, если не ошибаюсь, она с Марком. Отец Клэр сидит во главе стола, и поначалу мне кажется, что я его ужасно раздражаю. Симпатичный, резкий Марк также выглядит злым. Они видели меня раньше. Интересно, что я такого сделал, что они видели, вспомнили теперь и аж содрогнулись от отвращения, когда Клэр меня представила. Но Филип Эбшир юрист – и хозяин своих настроений, и через минуту он приветлив, улыбается, он хозяин дома, отец моей девушки, лысеющий мужчина среднего возраста в «пилотских» очках-каплях; некогда подтянутое тело заплыло жирком, живот выпирает, но руки сильные, руки игрока в теннис, серые глаза настороженно рассматривают меня, несмотря на уверенную улыбку. Марку нужно больше времени, чтобы скрыть свое замешательство, и каждый раз, когда я поднимаю на него глаза, он смотрит в тарелку. Алисия не такая, как я ожидал; она обычная и добрая, но немного странная, отсутствующая. У нее (и у Марка тоже) темные волосы, как у Филипа, и черты лица Люсиль, они очень похожи; Алисия выглядит так, будто кто-то попытался соединить черты Клэр и Марка, но сдался и некоторые фрагменты взял у Элеонор Рузвельт для заполнения пробелов. Филип говорит что-то, Алисия смеется и вдруг оказывается хорошенькой, и я удивленно смотрю на нее, когда она поднимается из-за стола.

– Мне нужно в церковь Сент-Бэзил, – говорит она мне. – У меня репетиция. Ты придешь в церковь?

Я бросаю взгляд на Клэр, она слегка кивает, и я говорю, что, конечно, приду, и все вздыхают с… чем? облегчением? Я вспоминаю, что сейчас, в конце концов, Рождество, христианский праздник, в добавление к моему личному дню расплаты. Алисия уходит. Я представляю, как бы смеялась моя мама, высоко подняв идеально выщипанные брови, при виде своего сына-полуеврея, угодившего на Рождество в мир гоев, и мысленно грожу ей пальцем: «Кто бы говорил! Ты вышла за члена епископальной церкви». Смотрю на свою тарелку. Окорок, горох и жалкая кучка салата. Я не ем свинину и ненавижу горох.

– Клэр говорит, вы библиотекарь, – бросает пробный шар Филип, и я признаю, что это так.

Мы живо беседуем о Ньюберри, ее доверительных собственниках, клиентах фирмы Филипа, которая явно расположена в Чикаго, так что я не совсем понимаю, почему семья Клэр живет здесь, в Мичигане.

– Летние коттеджи, – говорит он, и я вспоминаю, как Клэр рассказывала, что отец специализируется на завещаниях и доверительной собственности.

Я рисую в воображении картину стареющих богачей: вот они развалились на лежаках на собственных пляжах, втирают крем от загара и решают вычеркнуть младшего сына из завещания. Они протягивают руку к трубке мобильного телефона, чтобы позвонить Филипу. Я вспоминаю, что у Ави – второй скрипки в Чикагском симфоническом оркестре, где играет мой отец, – есть где-то здесь дом. Упоминаю об этом и вижу, как все навострили уши.

– Вы его знаете? – спрашивает Люсиль.

– Конечно. Он и мой отец сидят рядом.

– Сидят рядом?

– Ну… Первая и вторая скрипка.

– Ваш папа скрипач?

– Да.

Я смотрю на Клэр, которая уставилась на мать с выражением, будто хочет сказать: «Не позорь меня».

– И он играет в Чикагском симфоническом?

– Да.

Лицо Люсиль заливается розовым цветом; теперь я понял, в кого Клэр так краснеет.

– Думаете, он мог бы послушать записи Алисии? Если мы ему дадим кассету?

Я мрачно надеюсь, что Алисия окажется очень, очень хороша. Люди постоянно забрасывают отца кассетами. Вдруг мне приходит в голову идея получше.

– Алисия ведь виолончелистка?

– Да.

– Ей учитель не нужен?

– Она учится у Франка Уэйнрайта в Каламазу, – вмешивается Филип.

– Просто я мог бы отдать кассету Йоси Акаве. Один из его студентов только что уехал играть в Париж.

Йоси – классный парень и первый виолончелист. Я знаю, что он хотя бы послушает пленку; отец же, который не преподает, ее просто вышвырнет. Люсиль в восторге; кажется, даже Филип доволен. Клэр вздыхает с облегчением. Марк ест. Двоюродная тетушка Дульси, с розовыми волосами, худенькая, вообще не участвует в разговоре. Может, она глухая? Я смотрю на Шерон, которая сидит слева от меня и не сказала еще ни слова. Она выглядит потерянной. Филип и Люсиль обсуждают, какую пленку мне дать. Или, может, пусть Алисия запишет новую? Я спрашиваю Шерон, впервые ли она здесь, и она кивает. Только я собираюсь задать ей следующий вопрос, как Филип спрашивает меня, чем занимается моя мать, и я моргаю, смотрю на Клэр: «Ты им ничего не рассказала?»

– Моя мама была певицей. Она погибла.

– Мама Генри – Аннет Линн Робинсон, – тихо говорит Клэр.

С таким же успехом она могла сказать, что моя мама – Дева Мария. Лицо Филипа расцветает. Люсиль в волнении размахивает руками.

– Невероятно… просто невероятно! У нас есть все ее записи… – *Und so weiter*.

Но потом Люсиль говорит:

– Когда я была молода, я ее встречала. Отец водил меня послушать «Мадам Баттерфляй», и он знал человека, который после концерта смог отвести нас за сцену, мы пришли в ее гримерную, и она была там, и столько цветов! И с ней был маленький мальчик – боже, это были вы!

Я киваю, пытаясь прийти в себя.

– Как она выглядела? – спрашивает Клэр.

– Мы на лыжах кататься пойдем? – вмешивается Марк.

Филип кивает. Люсиль улыбается, она вся ушла в воспоминания.

– Она была *такая* красивая – в театральном парике – длинные черные волосы, и она щекотала ими сына, дразнила его, а он танцевал по гримерной. У нее были такие красивые руки, она была примерно моего роста, такая стройная, и она была еврейка, но я думала, что она больше похожа на итальянку… – Люсиль обрывает себя, прижимает руку к губам, взгляд упирается в мою тарелку, на которой ничего нет, кроме нескольких горошин.

– Ты иудей? – довольным голосом спрашивает Марк.

– Наверное, если бы захотел, я бы им стал, но никто на это не обращал внимания. Она умерла, когда мне было шесть, а отец раньше принадлежал к епископальной церкви.

– Ты очень на нее похож, – вмешивается Люсиль, и я ей благодарен.

Этта убирает наши тарелки, спрашивает Шерон и меня, пьем ли мы кофе. Мы оба отвечаем «да» так страстно, что все семейство Клэр начинает смеяться. Этта улыбается нам материнской улыбкой и через несколько минут ставит перед нами поднос с источающими пар чашками кофе. Мне приходит в голову, что, в общем, все идет неплохо. Все разговаривают насчет катания на лыжах, погоды, мы встаем, Филип и Марк выходят в коридор; я спрашиваю Клэр, собирается ли она кататься, Клэр пожимает плечами и спрашивает, хочу ли я. Объясняю ей, что не умею и учиться не хочется. Она решает все же пойти, после того как Люсиль просит кого-нибудь помочь ей с креплениями. Когда мы подходим к лестнице, я случайно слышу слова Марка: «…невероятное сходство…» – и улыбаюсь про себя.

Позднее, после того как все ушли и дом затих, я выбираюсь из своей холодной комнаты в поисках тепла и кофе. Прохожу через столовую в кухню и там натыкаюсь на потрясающее разнообразие стаканов, столового серебра, выпечки, очищенных овощей и сковород. Кухня выглядит как в четырехзвездочном ресторане. Посреди этого великолепия стоит Нелли, спиной ко мне, и напевает «Рудольф, красноносый олень», причмокивает пухлыми губами, машет наметкой в сторону черной девочки, которая молча показывает на меня. Нелли поворачивается и улыбается широкой беззубой улыбкой и потом говорит:

– Что вы делаете в моей кухне, мистер бойфренд?

– Я хотел узнать, не осталось ли немного кофе?

– Осталось? Вы что думаете, я держу кофе весь день, пока он вусмерть не выдохнется? Вон, сынок, убирайся и сиди в гостиной, позвони в звонок, и я сделаю тебе свежий кофе. Разве мама не учила тебя заказывать кофе?

– Вообще-то, мама не очень хорошо готовила, – говорю я ей, приближаясь к центру водоворота; запах чудесный. – Что вы готовите?

– То, что ты нюхаешь, – это индейка Томпсона, – отвечает Нелли.

Она открывает духовку, чтобы я посмотрел на огромную индейку, которая выглядит так, будто выбралась из Большого чикагского пожара[58]. Она абсолютно черная.

– Не смотри так подозрительно, сынок. Под этой корочкой – самая лучшая индейка на этой планете.

Мне хочется ей верить: аромат просто великолепный.

– Что такое индейка Томпсона? – спрашиваю я, и Нелли начинает расписывать магические свойства индейки Томпсона, изобретенной Мортоном Томпсоном, репортером, в 1930-е годы.

Очевидно, производство этого дивного зверя требует длительной набивки, сшивания и переворачивания. Нелли позволяет мне остаться в кухне, пока она готовит кофе, вытаскивает индейку из духовки, сажает ее на спину и артистично поливает сидровым соусом, прежде чем засунуть обратно в печь. Возле раковины в большом пластиковом тазу плавают двенадцать больших омаров.

– Домашние любимцы? – поддразниваю я, и она отвечает:

– Это твой рождественский ужин, сынок. Хочешь выбрать кусочек? Ты ведь не вегетарианец, нет?

Я уверяю, что, конечно, нет, что я хороший мальчик, который ест все, что предложат.

– Никогда бы не подумала, ты такой худой, – отвечает Нелли. – Я тебя откормлю.

– Поэтому Клэр и привезла меня сюда.

– Хм, – хмыкает Нелли, польщенная. – Ну хорошо. А теперь убирайся, чтобы я могла продолжить. Вот.

Я беру большую чашку ароматного кофе и бреду в гостиную, где стоит большая рождественская елка и горит огонь. Комната выглядит как реклама дизайнерской фирмы. Я усаживаюсь в оранжевое кресло у огня и просматриваю стопку газет, когда кто-то говорит:

– Где вы взяли кофе?

Я оглядываюсь и вижу Шерон, она сидит напротив меня в голубом кресле, с которым полностью сливается ее свитер.

– Привет, – говорю я. – Извини, я…

– Ничего.

– Я пошел на кухню, но, думаю, нужно позвонить в звонок, где бы он ни был.

Мы обыскиваем комнату, и точно – колокольчик висит в углу.

---

[58] Бушевал три дня в 1871 г., унес жизни трехсот человек.

– Это так дико, – говорит Шерон. – Мы здесь со вчерашнего дня, а я, знаешь, все хожу по дому на цыпочках, боюсь взять не ту вилку или еще что…

– Откуда ты?

– Из Флориды. – Она смеется. – Я никогда не видела снега на Рождество, пока не приехала в Гарвард. У моего отца заправочная станция в Джексонвилле. Думала, после колледжа я вернусь домой, потому что не люблю холод, но теперь, похоже, застряну здесь надолго.

– Почему?

– Разве тебе не сказали? – удивляется Шерон. – Мы с Марком женимся.

Интересно, знает ли Клэр; кажется, о таком она бы мне рассказала. Затем я замечаю бриллиант на пальце Шерон.

– Поздравляю.

– Надеюсь. В смысле, спасибо.

– Ты разве не уверена? Насчет свадьбы?

Шерон выглядит так, как будто она плакала; у нее припухшие глаза.

– Я… беременна. Поэтому…

– Ну, это не обязательно…

– Обязательно. Если ты католик.

Шерон вздыхает и съеживается в кресле. Я знаю нескольких католичек, которые делали аборты, и в них не ударяла молния, но, очевидно, у Шерон другие взгляды на этот вопрос.

– Что ж, поздравляю. И когда?..

– Одиннадцатого января. – Она видит удивление в моих глазах и говорит: – А, ребенок? В апреле. – Она корчит рожицу. – Надеюсь, после весенних каникул, иначе не знаю, как смогу… ну, не то чтобы это сильно значило…

– Какая у тебя специальность?

– Это подготовительные курсы при медицинской школе. Мои родители в ярости. Они хотят заставить меня отдать ребенка на усыновление.

– Разве им не нравится Марк?

– Они никогда его не видели, дело не в этом, они просто боятся, что я брошу медицинскую школу и ничего из меня не получится.

Парадная дверь открывается, возвращаются лыжники. Волна холодного воздуха пролетает через всю гостиную и накрывает нас. Это здорово, и я понимаю, что зажарился у огня не хуже индейки Нелли.

– Когда ужин? – спрашиваю я Шерон.

– В семь, но вчера мы сначала здесь сидели, с напитками. Марк только что сказал маме и папе, и они почему-то не бросились мне на шею от счастья. В смысле, они милые, знаешь, но как люди одновременно могут быть милыми и мерзкими, а? В смысле, можно подумать, что я забеременела сама по себе и Марк тут абсолютно ни при чем…

Я рад, когда входит Клэр. На ней смешная островерхая зеленая шапка с большой кисточкой, свисающей с макушки, ужасный желтый лыжный свитер и синие джинсы; ботинки она оставила в прихожей. Она раскраснелась от холода и улыбается. Волосы влажные. Когда она радостно идет по огромному персидскому ковру, я понимаю, что она принадлежит этому миру, что она не аномалия, она просто выбрала другую жизнь, и я рад этому. Я встаю, она кидается мне на шею, потом быстро поворачивается к Шерон и восклицает:

– Я только что узнала! Поздравляю!

И Клэр обнимает Шерон, которая через ее плечо смотрит на меня, испуганная, но улыбающаяся.

Позже Шерон говорит мне:

– Думаю, тебе досталась единственная милая из них.

Я качаю головой, но, кажется, понимаю, о чем она.

КЛЭР: Еще целый час до ужина, и никто не заметит, что мы ушли.

– Пойдем, – говорю я Генри. – Пойдем на улицу.

– Это обязательно? – стонет он в ответ.

– Я хочу тебе кое-что показать.

Мы надеваем куртки, шапки, перчатки, обуваемся и пробегаем через дом, через заднюю дверь. Небо чистое, ультрамариновое, снег на лугу кажется чуть светлее, и эти две синевы встречаются у черной полоски деревьев, там, где начинается лес. Слишком рано для звезд, но по небу летит самолет, мигая огоньком. Я представляю себе наш дом как крошечного светлячка, который с самолета кажется звездой.

– Сюда.

Тропинка к поляне укрыта шестью дюймами снега. Я думаю обо всех случаях, когда заметала следы босых ног, чтобы никто не увидел, как они ведут к дому. Сейчас я вижу следы оленя и большой собаки.

Стебли мертвых растений под снегом, ветер, хруст наших шагов. Поляна – как гладкая чаша голубого снега; камень – остров, расширяющийся кверху, как грибная шляпка.

– Вот здесь.

Генри стоит, держа руки в карманах куртки. Он осматривается, приглядывается.

– Значит, здесь, – говорит он.

Я ищу на его лице следы узнавания. Ничего.

– У тебя когда-нибудь бывает *déjà vu*?[59] – спрашиваю я его.

– Вся моя жизнь – сплошное *déjà vu,* – вздыхает он.

Мы разворачиваемся и по собственным следам возвращаемся в дом.

Позднее

Я предупредила Генри, чтобы он переоделся на рождественский ужин, поэтому, встретив его в холле, вижу на нем великолепный черный костюм, белую рубашку, красно-коричневый галстук и перламутровую булавку для галстука.

– Боже, – говорю я. – Ты начистил ботинки!

– Да, – признает он. – Трогательно, правда?

– Выглядишь великолепно, милый юноша.

– Хотя на самом деле я припанкованный библиотекарь, версия парадная. Родители, будьте осторожны.

– Они тебя полюбят.

– Я люблю тебя. Иди сюда.

Мы с Генри встаем перед большим зеркалом на верху лестницы, разглядывая себя. На мне светло-зеленое шелковое платье без бретелек, которое принадлежало моей бабушке. У меня есть фотография, где она стоит в нем на новогоднем балу 1941 года. Она улыбается. Губы накрашены темной помадой, в руке сигарета. Мужчина на фотографии – ее брат Тедди, который через шесть месяцев погибнет во Франции. Он тоже улыбается. Генри кладет руки мне на талию и делает удивленное лицо, обнаружив корсет под шелком. Я рассказываю ему про бабушку.

– Она была меньше, чем я. Неудобно только садиться: концы стальных прутьев просто впиваются в бедра.

[59] Уже виденное *(фр.)*.

Генри целует меня, но вдруг кто-то кашляет, и мы отпрыгиваем в разные стороны. Марк и Шерон стоят у двери комнаты Марка. Мама и папа неохотно признали факт, что глупо селить их в разных комнатах.

– Пожалуйста, ничего такого не надо, – говорит Марк своим раздражающим учительским тоном. – Разве мучительный опыт старших ничему вас не научил, мальчики и девочки?

– Научил, – отвечает Генри. – Всегда готов!

Он с улыбкой хлопает себя по карману брюк (на самом деле там ничего нет), и мы спускаемся по лестнице под хихиканье Шерон.

Все уже немного выпили, когда мы появляемся в гостиной. Алисия делает мне тайный знак: «Осторожно с мамой, она не в себе». Мама сидит на диване и выглядит мирно, волосы забраны в шиньон, на ней жемчуг и персиковое бархатное платье с кружевными рукавами. Она кажется довольной, когда Марк подходит и садится рядом, смеется его шуткам, и на секунду мне кажется, что Алисия ошиблась. Но потом я замечаю, как папа наблюдает за мамой, и понимаю, что она, наверное, сказала что-то ужасное прямо перед нашим приходом. Папа стоит у стола с напитками и поворачивается ко мне, вздыхает с облегчением, наливает мне колы и протягивает Марку бутылку пива и бокал. Он спрашивает Шерон и Генри, что они будут пить. Шерон просит «Ла Круа». Генри, мгновенье подумав, останавливается на скотче с водой. Отец смешивает напитки уверенной рукой и чуть выпучивает глаза, когда Генри опрокидывает в себя скотч залпом, даже не поморщившись.

– Еще?

– Нет, спасибо.

К этому моменту я знаю, что Генри предпочел бы просто взять бутылку и бокал и свернуться в постели с книгой и что отказывается от второй порции потому, что потом третья и четвертая лягут сами собой. Шерон не отходит от Генри, и я оставляю их, пересекаю комнату и сажусь рядом с тетушкой Дульси у окна.

– О детка, как мило… Я не видела этого платья с того момента, как Элизабет надевала его на вечеринку, которую Лихты устроили в «Планетарии»…

К нам присоединяется Алисия; на ней свитер цвета морской волны, с высоким горлом и дырочкой на рукаве у шва, старая запачканная юбка в складку и шерстяные носки, которые болтаются вокруг лодыжек, как у старухи. Я знаю, она это делает, чтобы поддеть отца, но все же…

– Что случилось с мамой?

– Она не в себе из-за Шерон, – пожимает плечами Алисия.

– Что не так с Шерон? – спрашивает Дульси, читая по губам. – Она выглядит очень милой. Лучше, чем Марк, если вас интересует мое мнение.

– Она беременна, – говорю я Дульси. – Они собираются пожениться. Мама думает, что она – «белое отребье», потому что первая в семье получает высшее образование.

Дульси резко смотрит на меня, и мы понимаем, что думаем об одном и том же.

– Люсиль, как никто другой, должна понимать эту девочку.

Алисия собирается спросить Дульси, что она имеет в виду, но тут звенит звонок на ужин, мы встаем, всё по Павлову, и идем в столовую.

Я шепчу Алисии:

– Она выпила?

– Думаю, она пила в своей комнате до обеда, – шепчет Алисия в ответ.

Я сжимаю руку Алисии, Генри отстает, мы идем в столовую, рассаживаемся, папа и мама сидят по разные стороны стола, Дульси, Шерон и Марк слева, Марк рядом с мамой; Алисия, Генри и я – справа, Алисия рядом с папой. Комната освещена свечами, маленькие цветы плавают в чашах граненого стекла, Этта выложила все столовое серебро и фарфор на вышитую бабушкину скатерть от монахинь в Провансе. В общем, Рождество такое, каким я его всегда

знала, за исключением того, что рядом со мной сидит Генри, робко склонив голову, когда мой отец читает молитву.

– Отец Небесный, мы воздаем благодарность в эту святую ночь за Твою милость и Твою доброту, за еще один год здоровья и счастья, за уют семьи и за новых друзей. Мы благодарим Тебя, что Ты послал нам своего Сына в виде беспомощного младенца, чтобы направлять нас и искупать наши грехи, и мы благодарны за ребенка, которого Марк и Шерон принесут в нашу семью. Мы молимся о любви и терпении в нашей семье. Аминь.

«Есть, – думаю я. – Он это сделал». Бросаю взгляд на маму, она взбешена. По ней никогда не скажешь, если не знаешь ее как следует: она очень тиха и смотрит в свою тарелку. Открывается дверь в кухню, заходит Этта с супом и ставит напротив каждого из нас по маленькой тарелке. Я ловлю взгляд Марка, он немного наклоняется к маме, поднимает брови, и я тихонько киваю. Он спрашивает ее об урожае яблок в этом году, она отвечает. Мы с Алисией немного успокаиваемся. Шерон наблюдает за мной, и я ей подмигиваю. Суп из каштанов и пастернака, звучит не очень, но только не в исполнении Нелли.

– Ух ты! – говорит Генри, и мы все смеемся, доедая суп.

Этта убирает тарелки, Нелли вносит индейку. Она золотистая, горячая и огромная, и мы все бешено аплодируем, как бывает каждый год.

Нелли сияет и, как всегда, говорит:

– Ну вот.

– О Нелли, она изумительна! – говорит мама со слезами на глазах.

Нелли смотрит на нее пристально, а потом на папу и говорит:

– Спасибо, миссис Люсиль.

Этта подает гарнир, глазированную морковь, картофельное пюре и лимонный творог, и мы передаем тарелки папе, который накладывает на них индейку. Я смотрю, как Генри откусывает первый кусок: удивление, потом восторг.

– Я видел свое будущее, – говорит он, и я застываю. – Я собираюсь бросить библиотеку, переехать сюда, жить в вашей кухне и поклоняться Нелли. Или просто женюсь на ней.

– Ты опоздал, – говорит Марк. – Она уже замужем.

– Ну что ж. Значит, буду поклоняться. Почему вы все не весите по триста фунтов?

– Я над этим работаю, – отвечает папа, похлопывая себя по животику.

– Я собираюсь весить триста фунтов, когда стану старой и мне не придется таскать свою виолончель, – говорит Генри Алисия. – Я собираюсь жить в Париже и ничего не есть, кроме шоколада, курить сигары, колоть героин и ничего не слушать, кроме Джими Хендрикса и *Doors*. Правда, мама?

– Я к тебе присоединюсь, – торжественно изрекает мама. – Но лучше буду слушать Джонни Мэтиса[60].

– Если будешь колоть героин, тебе есть вообще ничего не захочется, – говорит Генри Алисии, и она подозрительно смотрит на него. – Лучше попробуй марихуану.

Папа хмурится.

– Я слышал по радио, что сегодня будет восемь дюймов снега, – меняет разговор Марк.

– Восемь! – вскрикиваем мы хором.

– Я мечтаю о белом Рождестве, – неубедительно говорит Шерон.

– Надеюсь, нас не завалит, пока мы будем в церкви, – ворчит Алисия. – Мне после мессы так спать хочется.

Мы болтаем о снежных бурях, какие кто помнит. Дульси рассказывает, как попала в буран 1967 года в Чикаго:

---

[60] *Джонни Мэтис* (р. 1935) – поп-певец, исполнял преимущественно баллады и джазовые стандарты.

– Мне пришлось оставить машину на Лейк-Шор-драйв и идти пешком от Эдамс до Белмонта.

– И я попал в ту же самую бурю, – говорит Генри. – Чуть до смерти не замерз; в конце концов забрел в дом пастора Четвертой пресвитерианской церкви на Мичиган-авеню.

– Сколько тебе было лет? – спрашивает папа.

Генри колеблется:

– Три.

Смотрит на меня, и я понимаю, что это эпизод из его путешествий во времени.

– Я был с отцом, – добавляет он.

Для меня абсолютно очевидно, что он врет, но никто ничего не замечает. Входит Этта, уносит наши тарелки и ставит приборы для десерта. После небольшой заминки входит Нелли с пылающим сливовым пудингом.

– Ого! – говорит Генри.

Она ставит пудинг перед мамой, и пламя превращает бледные волосы мамы в пылающий костер, как у меня, но через секунду пламя умирает. Папа открывает шампанское (под посудным полотенцем, чтобы пробка не вышибла кому-нибудь глаз). Все передают ему бокалы, он их наполняет и возвращает обратно. Мама тонко нарезает сливовый пудинг, Этта разносит тарелки. На столе еще два бокала, для Этты и Нелли. Все встают перед тостом.

– За семью, – начинает отец.

– За Нелли и Этту, которые нам как родные, которые так много работают, любят этот дом и так талантливы, – безжизненным тоном говорит мама.

– За мир и справедливость, – говорит Дульси.

– За семью, – говорит Этта.

– За начинания, – говорит Марк, обращаясь к Шерон.

– За удачу, – отвечает она.

Моя очередь. Я смотрю на Генри:

– За счастье. За здесь и сейчас.

– За божий мир на больший срок, – серьезно отвечает он.

У меня сердце подпрыгивает, я удивляюсь, откуда он знает, но тут понимаю, что Марвелл – один из его любимых поэтов, и он не имеет в виду ничего, кроме будущего[61].

– За снег, за Иисуса, за маму, за папу, за струнные инструменты, за сахар и за мои новые сапоги, – выпаливает Алисия, и все начинают смеяться.

– За любовь, – говорит Нелли, глядя прямо на меня, улыбаясь во весь рот. – И за Мортона Томпсона, изобретателя лучшей индейки в мире.

ГЕНРИ: Весь вечер Люсиль бросало от грусти к восторгу и отчаянию. Вся семья пристально отслеживала ее настроения, направляя ее в нейтральные воды снова и снова, оберегая, защищая. Но когда мы садимся и принимаемся за десерт, она срывается, молча плачет, плечи дрожат, отвернулась, будто пытается спрятать лицо под мышку, как спящая птица. Сначала это замечаю только я и сижу застыв, не зная, что делать. Затем это видит Филип, и за столом наступает тишина.

– Люси? – шепчет он. – Люси, что такое?

Клэр подбегает к ней:

– Ну ладно, мама. Все в порядке, мама…

Люсиль качает головой: нет, нет, нет – и заламывает руки. Филип отступает. Клэр шепчет: «Тихо», и Люсиль быстро, невнятно начинает говорить.

---

[61] «Коль божий мир на больший срок нам щедрый выделил бы рок…» – начало стихотворения Эндрю Марвелла (1621–1678) «Застенчивой возлюбленной», перевод И. Бродского.

Я слышу неразборчивое бормотание, потом: «…все плохо…», потом: «…уничтожит его шансы…» и наконец: «…я никогда не признаю этих родственников…», «…ханжество…», и потом – рыдания. К моему удивлению, тишину за столом нарушает двоюродная тетушка Дульси.

– Деточка, если кто-то и ханжа, так это ты. Ты сделала то же самое, и я не вижу, чтобы это уничтожило шансы Филипа. Если вас интересует мое мнение, это их только улучшило.

Люсиль перестает плакать и поднимает глаза на тетушку, замерев от шока. Марк смотрит на отца, который кивает, и потом на Шерон, которая улыбается, как будто выиграла главный приз в лотерею. Я гляжу на Клэр, которая не выглядит особенно удивленной, и поражаюсь: как это она знала, если Марк понятия ни о чем не имел, и мне интересно, о чем она мне еще не рассказывала, и потом до меня доходит, что Клэр знает все – наше будущее, наше прошлое, все, и в теплой комнате по мне пробегает дрожь. Этта приносит кофе, но никто не засиживается.

КЛЭР: Мы с Эттой отводим маму в постель. Она продолжает извиняться, как обычно, и пытается убедить нас, что она в порядке и пойдет на мессу, но наконец мы убеждаем ее лечь, и она почти немедленно засыпает. Этта говорит, что останется дома, на случай если мама проснется, а я говорю, чтобы она не глупила, что я останусь, но Этта ужасно упряма, поэтому я оставляю ее у постели мамы читать Евангелие от Матфея. Иду по коридору, заглядываю в комнату Генри, но там темно. Открыв свою дверь, я вижу, что Генри лежит на спине в моей кровати и читает «Складку времени»[62]. Запираю дверь и присоединяюсь к нему.

– Что случилось с мамой? – спрашивает он, когда я аккуратно пристраиваюсь к нему рядышком, стараясь, чтобы корсет не пропорол меня насквозь.

– У нее маниакально-депрессивный психоз.

– Так всегда было?

– Когда я была маленькой, все было лучше. У нее был четвертый ребенок, он умер, когда мне было семь, и это было ужасно. Она пыталась покончить с собой. Я ее нашла.

Я вспоминаю кровь, она везде, вся ванна полна кровавой воды, полотенца пропитаны ею. Зову на помощь, но дома никого. Генри ничего не знает, я поворачиваю голову, он смотрит в потолок.

– Клэр, – наконец говорит он.

– Что?

– Почему ты мне не рассказала? В твоей семье столько всего разного, мне неплохо было бы знать заранее.

– Но ты знал… – Я замолкаю. Он не знал. Откуда ему знать? – Извини. Просто я сказала тебе, когда это случилось, и забыла, что *сейчас* это еще *до того как,* вот и думала, что ты все знаешь…

Генри молчит, потом говорит:

– Ну, я все рассказал про свою семью; все шкафы открыты, скелеты вынуты на твое рассмотрение, и я просто удивлен… Не знаю.

– Но ты не представил меня ему.

Мне дико хочется увидеть отца Генри, но я боюсь говорить на эту тему.

– Нет.

– А собираешься?

– В конце концов – да.

– Когда?

[62] Выпущенная в 1962 г. детская повесть Мадлен Л'Энгл (1918–2007) о путешествии во времени.

Я ожидаю, что Генри скажет, чтобы я не искушала судьбу, как он всегда говорил, когда я задавала слишком много вопросов, но вместо этого он садится и свешивает ноги с постели. Рубашка на спине вся измята.

– Не знаю, Клэр. Когда я смогу это вынести, наверное.

Я слышу звук шагов в коридоре, они останавливаются, ручка двери поворачивается туда и обратно.

– Клэр? – зовет папа. – Почему дверь заперта?

Я встаю и отпираю дверь. Папа открывает рот, но видит Генри и кивает, чтобы я вышла в коридор.

– Клэр, ты знаешь, нам с мамой не нравится, что ты приглашаешь своего друга в свою спальню, – тихо говорит он. – В доме полно комнат…

– Мы просто разговариваем…

– Разговаривать вы можете в гостиной.

– Я рассказывала о маме, не думаю, что в гостиной об этом говорить будет удобнее, правда?

– Дорогая, я не думаю, что ему обязательно знать о твоей маме…

– После представления, которое она только что устроила, что мне оставалось? Генри может решить, что она сумасшедшая, он неглупый…

Я говорю все громче, открывается дверь Алисии, и она прижимает палец к губам.

– Твоя мама не сумасшедшая, – серьезно говорит папа.

– Именно сумасшедшая, – подтверждает Алисия, включаясь в ссору.

– *Тебя* я бы попросил не вмешиваться…

– Ни черта подобного…

– Алисия!

У папы бордовое лицо, глаза красные, он говорит очень громко. Этта открывает дверь маминой комнаты и рассерженно смотрит на нас.

– Идите вниз, если хотите кричать, – шипит она и закрывает дверь.

Мы смотрим друг на друга в смущении.

– Потом, – говорю я папе. – Ты меня потом отчитаешь.

Генри во время всего разговора сидит на моей кровати, притворяясь, что его здесь нет.

– Пойдем, Генри. Пойдем посидим в другой комнате.

Генри, покорный, как проштрафившийся мальчишка, встает и идет за мной вниз. Алисия быстро идет следом. Спустившись с лестницы, я смотрю наверх и вижу, что папа беспомощно смотрит сверху. Он поворачивается, подходит к комнате мамы и стучит в дверь.

– Эй, давайте посмотрим «Эту чудную жизнь»[63], – говорит Алисия, глядя на часы. – Через пять минут на шестом канале начинается.

– Опять? Разве ты его не смотрела раз двести?

Алисия без ума от Джимми Стюарта.

– Я его не видел, – говорит Генри.

– Никогда? А почему? – Алисия ужасно удивляется.

– У меня нет телевизора.

Теперь Алисия просто в шоке.

– Ты его разбил, да?

– Нет, – смеется Генри. – Просто я ненавижу ящик. У меня от него голова болит.

На самом деле от телевизора он перемещается во времени. Все дело в мелькании кадров.

– Значит, ты не хочешь смотреть? – Алисия разочарована.

---

[63] Выпущенная в 1946 г. сентиментальная семейная драма Фрэнка Капры с Джеймсом Стюартом и Донной Рид в главных ролях.

Генри смотрит на меня; я не возражаю.

– Конечно, – говорю я. – Немного. Но до конца смотреть не будем; нам надо на мессу собираться.

Мы идем в комнату, где стоит телевизор, она рядом с гостиной. Алисия щелкает пультом. Хор поет «В ясную полночь».

– Фу, – презрительно ухмыляется она. – Гляньте только на эти ужасные пластиковые накидки. Похожи на желтые дождевики.

Алисия шлепается на пол, Генри садится на диван. Я сажусь рядом с ним. С того момента, как мы приехали сюда, я постоянно волнуюсь, не могу решить, как вести себя с Генри перед родными. Насколько близко к нему я могу сесть? Если бы здесь не было Алисии, я бы легла на диван и положила голову ему на колени. Генри решает эту проблему просто: придвигается ближе и обнимает меня. Это застенчивое объятие: в любой другой ситуации мы бы никогда так не сидели. Конечно, мы никогда не смотрим телевизор вместе. Может быть, если бы мы вместе смотрели телевизор, именно так мы и сидели бы.

Хор исчезает, начинается реклама. «Макдональдс», местный филиал «Бьюика», «Билл-сбери», «Ред лобстер»: все желают нам счастливого Рождества. Я смотрю на Генри, у него на лице мрачное изумление.

– Что? – тихо спрашиваю я.

– Монтаж. Каждую пару секунд – склейка, мне будет плохо. – Генри трет пальцами глаза. – Думаю, я лучше пойду почитаю.

Он встает и выходит из комнаты, и через минуту я слышу его шаги по лестнице. Я быстренько произношу молитву: «Пожалуйста, Господи, пусть Генри не переместится во времени, особенно когда мы будем в церкви, иначе я не смогу этого объяснить». Алисия залезает на диван, когда на экране появляются первые кадры фильма.

– Не надолго его хватило, – замечает она.

– У него правда очень сильно болит голова. Так, что можно только лежать в темноте не двигаясь, и, если кто-то произносит хоть слово, мозги взрываются.

– Да уж! – (Джеймс Стюарт раздает брошюры туристического агентства, но вот ему уже пора спешить на танцы.) – Он правда хорош.

– Джимми Стюарт?

– И он тоже. Я о твоем парне. О Генри.

– Да, – усмехаюсь я.

Я так горда, как будто это я сделала Генри таким. Донна Рид ослепительно улыбается Джимми Стюарту через заполненную людьми комнату. Вот они танцуют, и соперник Джимми Стюарта нажимает на кнопку, в результате чего пол танцевальной площадки уходит из-под ног, внизу открывается бассейн.

– Маме он очень нравится, – добавляю я.

– Аллилуйя!

Донна и Джимми танцуют в бассейне; вскоре люди в вечерних нарядах ныряют в воду, а оркестр продолжает играть.

– И Нелли с Эттой он тоже понравился.

– Класс. Теперь просто нужно выдержать следующие тридцать шесть часов и все не испортить.

– С чего бы это? Если только… нет, ты такой глупости не сделаешь… – Алисия подозрительно смотрит на меня. – Правда?

– Конечно нет.

– Конечно нет, – эхом повторяет она. – Господи, я просто не верю, что Марк… Ну и идиот.

Джимми и Донна поют «Девушек из Буффало», идя по улицам Бедфорд-Фоллз. Они ослепительны в футбольной форме и купальном халате соответственно.

– Жаль, тебя не было здесь вчера. Я думала, что папу удар хватит прямо под рождественской елкой. Я представляла, как он сшибает елку и врачам «скорой помощи» приходится стряхивать с него все елочные украшения, прежде чем начать оживлять…

Джимми предлагает Донне луну, и она соглашается.

– Я думала, тебя в школе учили искусственное дыхание делать.

– Искусственное дыхание мне пришлось бы делать маме… Это было тяжело, Клэр. Ор стоял просто чудовищный.

– Шерон там была?

– Смеешься? – мрачно спрашивает Алисия. – Мы с Шерон пытались здесь мирно поболтать, а Марк с родителями были в гостиной и орали друг на друга. Через какое-то время мы просто сели и начали слушать.

Мы с Алисией обменялись взглядом, который означает: «Что ж тут необычного?» Мы провели всю жизнь, слушая, как кричат родители друг на друга, на нас. Иногда мне кажется, что, если мама накричит на меня еще раз, я просто уйду и не вернусь. Прямо сейчас я хочу схватить Генри и умчаться обратно в Чикаго, где никто не кричит, никто не притворяется, что все в порядке и ничего не происходит. Раздражительный толстяк в нижней рубашке кричит на Джеймса Стюарта, чтобы тот перестал убалтывать Донну до смерти, а просто поцеловал ее. Я полностью согласна, а вот он – нет. Вместо этого он наступает на подол ее платья, она машинально делает шаг, и дальше мы видим, как она голая прячется за большим кустом гортензии.

Появляется реклама «Пицца-Хат», и Алисия убирает звук.

– Эй, Клэр.

– А?

– Генри здесь раньше был?

Упс.

– Нет, не думаю. А что?

Она неловко ерзает и на секунду отводит глаза.

– Значит, наверно, я сошла с ума.

– Что?

– Видишь ли, произошла странная вещь. Давно… мне было, наверное, двенадцать, и я должна была заниматься виолончелью, но потом вспомнила, что у меня нет чистой блузки для прослушивания или что-то в этом роде, а Этты не было, и вообще никого, а Марк должен был сидеть с ребенком, но он в своей комнате бонг раскуривал или что еще… Короче, я пошла вниз, в прачечную, искала свою блузку и услышала такой звук, знаешь, когда дверь в южной части подвала открывается, та, которая ведет в комнату с велосипедами, такой особый свист. В общем, я подумала, что это Питер. Поэтому я просто стояла на пороге в прачечную комнату, прислушиваясь, и тут дверь в комнату с велосипедами открылась, и, Клэр, ты просто не поверишь, там был абсолютно голый парень, который выглядел точно как Генри.

– Да ну тебя! – Я начинаю смеяться и понимаю, что смеюсь ненатурально.

– Видишь, – улыбается Алисия, – я так и знала, ты подумаешь, что я свихнулась. Но клянусь тебе, это чистая правда. И этот парень вроде немного удивился – в смысле, я стою в дверях с открытым ртом и размышляю, что он собирается сделать, изнасиловать, убить или что еще, а он просто смотрит на меня, бросает: «О, привет, Алисия», заходит в читальню и закрывает дверь.

– Что?

– Поэтому я бегу наверх, стучу в дверь Марка, а он орет, чтобы я отвалила; наконец я заставляю его открыть, он совсем обкуренный, и до него долго доходит, о чем я говорю, а потом, конечно, он заявляет, что не верит мне, но я все-таки затаскиваю его вниз, он стучит в читальню, и мы оба напуганы, это как про Нэнси Дрю, ну, когда думаешь: «Эти девушки действительно глупые, нужно было просто в полицию позвонить», – но ничего не происходит,

и потом Марк открывает дверь, и там никого нет, он дико злится, говорит, что я все выдумала, но потом мы решаем, что мужчина пошел наверх, и мы оба идем в кухню, сидим там у телефона с огромным тесаком Нелли.

– Почему ты никогда об этом мне не рассказывала?

– Ну, к тому времени, когда все вернулись домой, я чувствовала себя дурой, и я знала, что папа обязательно раздует из этого целую историю… но ведь на самом деле ничего не случилось… в общем, было как-то глупо, и мне не хотелось об этом вспоминать. – Алисия смеется. – Я однажды спросила бабушку, есть ли в нашем доме привидения, но она сказала, что о них не слышала.

– И этот парень, или привидение, был похож на Генри?

– Да! Клянусь, Клэр, я чуть не умерла, когда он сегодня вошел, ведь я его видела, в смысле, тогда, давно! Даже голос такой же. Ну у того, в подвале, волосы были короче, и он был старше, может, около сорока…

– Но если пять лет назад тому было сорок… Генри сейчас только двадцать восемь, то есть тогда ему было двадцать три.

– А! Да. Но, Клэр, это так дико – у него брата, случайно, нет?

– Нет. И с отцом они не похожи.

– Может, это было, знаешь, астральная проекция или что-то еще?

– Путешествие во времени, – смеясь, подсказываю я.

– Ну да, точно. Господи, ну и дичь.

На секунду экран телевизора темнеет, потом к нам возвращается Донна в кустах гортензии, и Джимми Стюарт ходит кругами, держа в одной руке ее платье. Он дразнит ее, говорит, что будет продавать билеты, чтобы люди на нее посмотрели. «Грубиян», – думаю я, краснея при воспоминаниях о том, что я говорила и делала с Генри *vis à vis*[64] насчет его одежды/наготы. Но затем подъезжает машина, и Джимми Стюарт бросает Донне ее платье. «У твоего отца был удар!» – говорит кто-то в машине, и он уходит, едва обернувшись, а Донна Рид, безутешная, стоит в зарослях. У меня глаза на мокром месте.

– Господи, Клэр, все в порядке, он же вернется, – напоминает мне Алисия.

Я смеюсь, мы усаживаемся смотреть, как хитрый мистер Поттер уговаривает бедного Джимми Стюарта бросить колледж и заняться обреченной ссудосберегательной кассой.

– Сволочь, – говорит Алисия.

– Сволочь, – соглашаюсь я.

ГЕНРИ: Когда мы заходим из холодной зимней ночи в тепло и свет церкви, у меня все внутри сжимается. Я никогда не был на католической мессе. Последнее религиозное действие, на котором я был, – это похороны моей матери. Когда Клэр ведет нас по центральному проходу, я держусь за ее руку, как слепой. Мы садимся на свободную скамью. Клэр и ее семья опускаются на колени, а я сажусь, как мне велела Клэр. Мы пришли рано. Алисия куда-то подевалась, Нелли сидит за нами со своим мужем и сыном, которого отпустили с флота на Рождество. Дульси сидит со своей подругой. Клэр, Марк, Шерон и Филип стоят на коленях рядышком: Клэр смущенная, Марк совершенно безразличный, Шерон спокойная и погруженная в себя, Филип усталый. В церкви полно пуансеттий. Пахнет воском и мокрыми куртками. Красочная сценка – Мария, Иосиф и их окружение – находится справа от алтаря. Люди приходят, выбирают места, приветствуют друг друга. Клэр садится рядом со мной, Марк и Филип синхронно встают; Шерон остается еще несколько минут на коленях, и потом мы тихонько усаживаемся рядком и ждем. На сцене – в смысле, у алтаря или как его там – появляется мужчина в костюме, проверяет микрофоны, прикрепленные к пюпитрам, и снова исчезает в темноте. Людей уже

[64] С глазу на глаз *(фр.)*.

много, не протолкнуться. Алисия в сопровождении двух женщин и одного мужчины появляется на сцене слева. Все несут свои инструменты. Блондинка – скрипачка, а невзрачная женщина с темными волосами – альтистка; мужчина, настолько старый, что еле передвигает ногами и шаркает при ходьбе, тоже скрипач. Все одеты в черное. Они садятся на раскладные стулья, включают свет над пюпитрами, шелестят нотами, перебирают струны и смотрят друг на друга, настраиваясь. Люди внезапно замолкают, и в этой тишине раздается длинная, медленная, низкая нота, которая заполняет пространство, она не относится ни к одному музыкальному произведению, она просто существует, замирает. Алисия ведет смычком так медленно, как это только в человеческих силах, и звук, который она производит, возникает, кажется, из ниоткуда, он словно зарождается у меня в голове, резонирует через череп, как пальцы, касающиеся мозга. Потом она останавливается. Последующая тишина короткая, но абсолютная. Затем вступают все четверо музыкантов. После простоты той одной ноты их музыка звучит диссонансом, современным и раздражающим, и я думаю: «Барток?» Но потом до меня доходит, что это «Тихая ночь». Не могу понять, почему она звучит так странно, пока не замечаю, как блондинка со скрипкой пинает стул Алисии, и после этого музыка звучит нормально. Клэр смотрит на меня и улыбается. Все в церкви вздыхают с облегчением. «Тихая ночь» сменяется гимном, который я не узнаю. Все встают. Поворачиваются ко входу в церковь, и в центральном проходе появляется священник со свитой маленьких мальчиков и нескольких мужчин в костюмах. Они торжественно идут к алтарю и занимают свои места. Музыка внезапно прекращается. Боже, думаю я, что будет дальше? Клэр берет мою руку, и мы стоим рядом, в толпе, и если Бог есть, то я прошу Его позволить мне остаться здесь, тихо и незаметно, здесь и сейчас, здесь и сейчас.

КЛЭР: Генри выглядит так, будто сейчас упадет в обморок. Господи, пожалуйста, не дай ему исчезнуть сейчас. Отец Комптон приветствует нас голосом радиоведущего. Я лезу в карман брюк Генри, просовываю пальцы в дыру в кармане, нащупываю член и крепко сжимаю. Генри вздрагивает, как от удара током. «Да пребудет с вами Господь», – говорит отец Комптон. «И с вами», – торжественно отвечаем мы все. То же самое, всегда одно и то же. И все же вот они мы, пусть все видят. Я чувствую, что мне в спину смотрит Хелен. Рут сидит пятью рядами после нас, с братом и родителями. Нэнси, Лаура, Мэри Кристина, Патти, Дейв и Крис и даже Джейсон Эверлайт; мне кажется, здесь все, с кем я ходила в школу. Я смотрю на Генри, который ничего об этом не знает. Он смотрит на меня, поднимает брови. Месса идет своим чередом. Чтение, «Господи, помилуй», «Да пребудет с вами Господь», «И с вами». Все встают, когда дело доходит до Евангелия от Луки, глава вторая. Все в Римской империи должны были быть переписаны. Иосиф и Мария, «которая была беременна», рождение, волшебное, скромное. Пеленание, ясли. Никогда не могла понять этой логики, но красоту зрелища нельзя не признать. Пастухи, ожидающие в полях. Ангел: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость…» Генри раздражающе покачивает ногой. Глаза у него закрыты, губа прикушена. Многочисленное воинство небесное. Отец Комптон произносит: «А Мария сохраняла все слова сии, слагая в сердце своем». – «Аминь», – говорим мы и садимся перед проповедью. Генри наклоняется ко мне и шепчет: «Где туалет?» – «За той дверью», – отвечаю я, указывая на дверь, через которую пришли Алисия, Фрэнк и все остальные. «Как туда попасть?» – «Иди к двери церкви, потом обратно, по боковому проходу». – «Если я не вернусь…» – «Ты должен вернуться». Когда отец Комптон говорит: «В эту самую радостную из ночей…» – Генри встает и быстро уходит. Отец следит за ним глазами, пока он идет по боковому проходу. Я смотрю, как он проскальзывает в дверь, и она закрывается за ним.

ГЕНРИ: Я стою, как мне кажется, в коридоре начальной школы. Спокойно, повторяю я про себя. Тебя никто не видит. Спрячься. Я быстро оглядываюсь и вижу надпись: «Туалет

для мальчиков». Открываю дверь и оказываюсь в миниатюрном мужском туалете, с коричневой плиткой, все приспособления маленькие и расположены близко к полу, шумит отопление, пахнет казенным мылом. Открываю на несколько дюймов окно и прижимаюсь лицом к щели. Сосны загораживают вид, холодный ветер, который я вдыхаю, пахнет хвоей. Через несколько минут немного прихожу в себя. Ложусь на плитку, сворачиваюсь, прижимая колени к подбородку. Вот и я. Цел и невредим. Сейчас. Здесь, на этом коричневом плиточном полу. Кажется, я прошу о такой малости. О целостности. Конечно, если Бог есть, он хочет, чтобы мы были хорошими, и, разумеется, было бы неразумно ожидать, что все будут хорошими просто так, а Клэр очень, очень хорошая, и она даже верит в Бога, и зачем тогда он решил опозорить ее перед всеми этими людьми…

Открываю глаза. Весь крошечный санфаянс расплывается, плавает в синем, зеленом, фиолетовом свете, и я сопротивляюсь исчезновению, но остановиться уже нельзя, я дрожу, кричу: «Нет!» – но все равно исчезаю.

КЛЭР: Священник заканчивает проповедь, в которой говорится о мире на земле. Папа наклоняется через Шерон и Марка и шепчет:

– Твой друг болен?

– Да, – шепчу я в ответ. – У него головные боли, и иногда его тошнит.

– Может, мне пойти посмотреть, как он там?

– Нет! С ним все будет в порядке.

Кажется, я его не убедила, но он остается на месте. Священник благословляет силы небесные. Я пытаюсь подавить желание выбежать и самой найти Генри. Первые два ряда встают для причащения. Алисия играет сюиту Баха номер два для виолончели. Она грустна и прекрасна. Вернись, Генри. Вернись.

ГЕНРИ: Я в своей квартире в Чикаго. Темно, я стою на коленях посреди гостиной. Поднимаюсь, пошатываясь, и ударяюсь локтем о книжный стеллаж. Черт! Поверить не могу. Я даже одного дня с семьей Клэр не выдержал, и меня засосало и выплюнуло в собственную чертову квартиру, как чертов мячик…

– Эй!

Я поворачиваюсь – и вот он я, сижу сонный на кровати.

– Какое число? – требую я.

– Двадцать восьмое декабря девяносто первого года.

Четыре дня вперед.

– Это невыносимо, – говорю я, плюхаясь на кровать.

– Успокойся. Через несколько минут ты вернешься. Никто не заметит. Все остальное пройдет без сучка без задоринки.

– Правда?

– Правда. Хватит ныть, – говорит второй «я», идеально подражая тону отца.

Мне хочется избить его, но зачем? Вдалеке играет музыка.

– Это Бах?

– Что? А, это в твоей голове. Это Алисия.

– Странно… О!

Я бегу в ванную и почти успеваю.

КЛЭР: Почти все уже причастились, когда из двери появляется Генри, немного бледный, но идет сам. Возвращается обратно к центральному проходу и втискивается рядом со мной.

– Месса закончена, идите с миром, – говорит отец Комптон.

– Аминь, – отвечаем мы.

Мальчики у алтаря собираются, как косяк рыб, вокруг отца, и торжественно идут по проходу; мы выходим следом. Я слышу, как Шерон спрашивает Генри, все ли в порядке, но не разбираю его ответа, потому что Хелен и Рут нас перехватывают, и я представляю им Генри.

– Но мы же встречались раньше! – хлопает глазами Хелен.

Генри встревоженно смотрит на меня. Я качаю головой, Хелен хитро улыбается.

– Ну, может, и нет. Приятно познакомиться… Генри.

Рут застенчиво протягивает Генри руку.

К моему удивлению, он пожимает ее и говорит:

– Привет, Рут, – прежде чем я успеваю их познакомить.

Насколько я вижу, она его не узнает. Лаура присоединяется к нам в тот момент, когда подходит Алисия, распихивая всех своей виолончелью.

– Приходите завтра ко мне, – приглашает Лаура. – Мои родители в четыре улетают на Багамы.

Все соглашаются с энтузиазмом; каждый год после Рождества родители Лауры улетают куда-нибудь в тропики, как только все подарки оказываются открыты, и каждый год мы слетаемся к ним, как только их машина скрывается за углом. Мы прощаемся с криками: «Счастливого Рождества!» – и, выходя из боковой двери церкви на парковку, Алисия говорит:

– Фу! Я так и знала!

Везде глубокий снег, мир стал заново белым. Я стою неподвижно, смотрю на деревья и машины, через улицу, которая ведет к озеру и резко обрывается на берегу далеко за церковью. Генри стоит рядом и ждет.

Марк говорит:

– Пойдем, Клэр.

И я иду.

ГЕНРИ: Когда мы подходим к двери Медоуларк-хауса, уже около 1:30 ночи. Всю дорогу Филип ругал Алисию за «ошибку» в начале «Тихой ночи», а она лишь молчала, глядя на темные дома и деревья. Все идут наверх, расходятся по комнатам, повторяя «Счастливого Рождества» раз пятьдесят; все, кроме Клэр и Алисии, которые исчезают в конце коридора на первом этаже. Я не знаю, куда деваться, потом вдруг поднимаюсь и иду за ними.

– …полный придурок, – говорит Алисия, когда я просовываю голову в дверь.

В комнате бросается в глаза огромный бильярдный стол, купающийся в бриллиантовом свете подвесной лампы. Клэр выставляет шары, в то время как Алисия шагает туда-сюда в тени на границе света лампы.

– Ну, если ты специально его злишь, а он начинает злиться, не знаю, что тебя огорчает, – говорит Клэр.

– Он просто такой *чопорный,* – говорит Алисия, рассекая кулаками воздух.

Я кашляю. Обе подпрыгивают, потом Клэр говорит:

– О, Генри, слава богу. Я думала, это папа.

– Хочешь сыграть? – спрашивает Алисия.

– Нет, просто хочу посмотреть.

У стола стоит высокий табурет, и я сажусь на него. Клэр передает Алисии кий. Та натирает его мелом и резко разбивает. Два полосатых шара падают в угловые лузы. Алисия отправляет туда же еще два, прежде чем промахивается, случайно, комбинированный триплет.

– О нет, – стонет Клэр. – Не повезло.

Клэр загоняет в лузу легкий шар, шар номер два, который стоял на краю лузы. На второй удар она посылает биток в лузу после номера третьего, и Алисия загоняет оба шара и выстраивает удары. Она загоняет все полосатые шары без колебаний.

– Восьмой шар, боковая луза, – говорит Алисия, и все кончено.

– О нет, – вздыхает Клэр. – Точно не хочешь сыграть? – Она предлагает мне кий.

– Давай, Генри, – говорит Алисия. – Эй, вы хотите чего-нибудь выпить?

– Нет, – говорит Клэр.

– А что у тебя есть? – спрашиваю я.

Алисия включает свет, и в дальнем конце комнаты появляется прекрасный старинный бар. Мы с Алисией подходим к нему, и – о чудо! – здесь есть практически все, о чем можно мечтать. Алисия смешивает себе ром с колой. Я колеблюсь при виде такого богатого выбора, но наконец наливаю себе чистый виски. Клэр тоже решает что-нибудь выпить, и, когда она выщелкивает в стакан кубики льда для своего «Калуа», открывается дверь и мы все застываем.

Это Марк.

– Где Шерон? – спрашивает его Клэр.

– Запри дверь, – командует Алисия.

Он поворачивается, запирает и подходит к бару.

– Шерон спит, – говорит он, вытягивая из крошечного холодильника бутылку «Хайнекена». Отвинчивает пробку и медленно идет к столу. – Кто играет?

– Алисия и Генри, – говорит Клэр.

– Хм. Его предупредили?

– Заткнись, Марк, – говорит Алисия.

– Она – переодетый Джеки Глисон[65], – уверяет меня Марк.

– Давай начинать, – говорю я, поворачиваясь к Алисии.

Клэр снова расставляет шары. Алисия разбивает. Виски окутал все мои синапсы, все видится остро и резко. Шары разлетаются как фейерверк и расцветают новым узором. Тринадцатый номер кружится на краешке угловой лузы и падает.

– Опять полосатые, – говорит Алисия.

Она загоняет пятнадцатый, двенадцатый и девятый номера, прежде чем неудачная постановка заставляет ее предпринять нереальную попытку дуплета.

Клэр стоит на границе света, так что ее лицо в тени, но тело выходит из мрака, руки сложены на груди. Я снова смотрю на стол. Плохо дело. Загоняю номера второй, третий и шестой легко и ищу, что бы еще загнать. Первый номер притягательно смотрится прямо перед лузой в противоположном конце стола, я посылаю биток в семерку, и он забивает первый номер. Посылаю четверку в боковую лузу дуплетом, и случайно мне удается карамболем еще и пятерку загнать. Это просто удача, но все равно Алисия присвистывает. Семерка уходит без проблем.

– Восьмерку в угол, – указываю я кием, и она идет туда.

Вокруг стола раздается дружный вздох.

– Эх, это было прекрасно, – говорит Алисия. – Давай еще.

Клэр улыбается в темноте.

– Щегольнуть тебе не удалось, – говорит Марк Алисии.

– Я слишком устала, чтобы сосредоточиться. И слишком зла.

– Из-за отца?

– Да.

– Ну, если ты его шпыняешь, он шпыняет в ответ.

– Любой имеет право на ошибку, – надувает губы Алисия.

– Где-то с минуту это звучало как Терри Райли, – говорю я Алисии.

– Это и *был* Терри Райли, – улыбается она. – Из «Танца Саломеи ради мира»[66].

– Как Саломея попала в «Тихую ночь»? – смеется Клэр.

---

[65] *Джеки Глисон* (1916–1987) играл соперника Пола Ньюмена в фильме Роберта Россена «Игрок в бильярд» (1961), экранизации одноименного романа Уолтера Тивиса-мл. по сценарию Сидни Кэрролла (отца Джонатана Кэрролла).

[66] Двухчасовой цикл из пяти струнных квартетов, написанный калифорнийским композитором-минималистом Терри Райли (р. 1935) для «Кронос-квартета» и впервые исполненный в 1989 г.

– Ну, знаешь, Иоанн Креститель и тэ пэ, вот я и подумала, что связь прямая, а если первую партию виолончели опустить на октаву пониже, звучит просто здорово, ля-ля-ля-ЛЯ…

– Но нельзя винить отца, что он обозлился, – говорит Марк. – В смысле, он знает, что случайно ты бы такое не сыграла.

Я наливаю себе вторую порцию.

– Что сказал Фрэнк? – спрашивает Клэр.

– Ну, он-то врубился сразу. Пытался еще понять, как подстроиться под это дело, вроде соединить «Тихую ночь» и Стравинского. Фрэнку ведь восемьдесят семь, и ему плевать, что я валяю дурака, если ему от этого весело. Арабелла и Эшли здорово разозлились.

– Да уж, не слишком профессионально, – сказал Марк.

– Какая разница? Это всего лишь церковь Сент-Бэзил, так ведь? – Алисия смотрит на меня. – А ты что думаешь?

– На самом деле мне все равно, – отвечаю я, подумав. – Но если бы мой отец это услышал, он бы очень разозлился.

– Правда? А почему?

– Он думает, что нужно уважительно относиться к каждому музыкальному произведению, даже если оно ему не очень нравится. То есть он не любит, например, Чайковского или Штрауса, но будет играть их очень серьезно. Поэтому он великий; он играет все так, будто любит это всем сердцем.

– Ясно. – Алисия подходит к бару, смешивает себе еще один коктейль, обдумывает мои слова. – Знаешь, тебе повезло, что у тебя есть великий отец, который любит что-то, кроме денег.

Я стою за спиной Клэр, в темноте провожу пальцами по ее позвоночнику. Она заводит руку за спину, и я хватаю ее.

– Я бы посмотрел, как ты запела, если бы хоть немного знала мою семью. К тому же твой отец, кажется, очень о тебе заботится.

– Нет, – качает головой Алисия. – Он просто хочет, чтобы перед его друзьями я была идеальной дочерью. На меня ему плевать. – Алисия накрывает шары треугольником и ставит их на место. – Кто хочет сыграть?

– Я, – говорит Марк. – Генри?

– Конечно.

Мы с Марком натираем кии мелом и встаем друг против друга у стола.

Я разбиваю. Номера четвертый и пятнадцатый закатываются сразу.

– Сплошные, – говорю я, видя двойку в углу.

Закатываю ее, но случайно цепляю тройку. Я начинаю уставать, координация нарушена из-за виски. Марк играет напористо, но без особого таланта и забивает десятый и одиннадцатый. Мы быстро продолжаем, и вскоре я забиваю все сплошные. Тринадцатый номер Марка зависает над угловой лузой.

– Восьмерка, – указываю я.

– Знаешь, если шар Марка упадет, ты проиграешь, – говорит Алисия.

– Знаю.

Аккуратно пускаю биток через стол, он любовно целует восьмерку и мягко посылает ее к тринадцатому номеру, и кажется, что он сейчас объедет тринадцатый как по рельсам и благородно упадет в лузу. Клэр смеется, но потом тринадцатый качается и падает.

– Ну что ж, как пришло, так и ушло.

– Хорошая игра, – говорит Марк.

– Господи, где ты так научился играть? – спрашивает Алисия.

– Это одна из вещей, которой я учился в колледже. – Наряду с пьянством, английской и немецкой поэзией и наркотиками.

Мы убираем кии, берем бутылки и бокалы.

– Какая специальность? – Марк отпирает дверь, и мы все идем по коридору к гостиной.

– Английская литература.

– Почему не музыка?

Алисия осторожно берет в одну руку свой бокал и бокал Клэр и открывает дверь в гостиную.

– Не поверишь, насколько я немузыкален, – смеюсь я. – Родители были уверены, что им из роддома принесли чужого ребенка.

– Нелегко, наверное, – говорит Марк. – Но, по крайней мере, тебя отец не заставляет быть юристом, – говорит он Алисии.

Мы заходим на кухню, Клэр включает свет.

– Тебя он тоже не заставляет, – отвечает Алисия. – Тебе это нравится.

– Ну и я об этом говорю. Он никого из нас не заставляет делать то, чего мы не хотим.

– Нелегко было? – спрашивает Алисия. – Я бы ловила каждое слово твоего отца.

– До того как умерла мама, было хорошо. После этого все стало ужасно. Если бы я был скрипачом-вундеркиндом, может быть… Не знаю. – Я смотрю на Клэр и пожимаю плечами. – В любом случае, мы с отцом не уживаемся. Вообще.

– Почему?

– Пора спать, – говорит Клэр.

Она хочет сказать, что хватит расспросов. Алисия ждет ответа.

– Ты когда-нибудь видела фотографию моей мамы? – спрашиваю я Клэр. – Я похож на нее.

– Ну?

Алисия моет под краном бокалы. Клэр вытирает.

– Он не может смотреть на меня. Конечно, это только одна причина из многих.

– Но…

– Алисия… – пытается сказать Клэр, но Алисию не остановить.

– Но он твой *отец*.

– То, что делаешь ты, чтобы позлить отца, – это просто мелочь по сравнению с тем, что мы с отцом вытворяли друг с другом, – улыбаюсь я.

– Например?

– Например, он бесчисленное количество раз запирал квартиру, чтобы я не мог попасть внутрь, в любую погоду. А я, например, как-то выкинул ключи от его машины в реку. Вот так.

– Но почему?

– Я не хотел, чтобы он разбился. Он был пьян.

Алисия, Марк и Клэр смотрят на меня и кивают. Они все прекрасно понимают.

– Пора спать, – говорит Алисия, мы выходим из кухни и разбредаемся по комнатам, пожелав друг другу спокойной ночи.

КЛЭР: 3:14 утра на моем будильнике, и только я начала согреваться в холодной постели, как открывается дверь и очень тихо заходит Генри. Я откидываю одеяло, и он запрыгивает ко мне. Кровать скрипит, когда мы пытаемся улечься поудобнее.

– Привет, – шепчу я.

– Привет, – шепчет в ответ Генри.

– Это плохая мысль.

– У меня в комнате так холодно.

– Ой!

Генри дотрагивается по моей щеки, и я стараюсь не содрогнуться. Пальцы у него просто ледяные. Я растираю их ладонями. Генри поглубже зарывается в одеяла, а я прижимаюсь к нему, пытаясь согреть.

– Ты в носках? – тихо спрашивает он.

– Да.

Он ныряет вниз и стягивает их с моих ног. Через несколько минут, наполненных писком и возней, мы оба оказываемся голыми.

– Где ты был, когда исчез из церкви?

– В своей квартире. Через четыре дня, минут пять посидел.

– Почему?

– Усталость. Напряжение.

– Нет, почему там?

– Не знаю. Что-то не так сработало. Может, в управлении полетами во времени решили, что там я буду больше к месту. – Генри зарывает пальцы в мои волосы.

За окном светает.

– Счастливого Рождества, – шепчу я.

Генри не отвечает, я лежу в его объятиях, думая о многочисленном воинстве небесном, прислушиваясь к его размеренному дыханию и стуку своего сердца.

ГЕНРИ: Рано утром я встаю в туалет; стоя в уборной Клэр и сонно отливая при свете медного ночника, я слышу женский голос: «Клэр?» – и прежде чем до меня доходит, что он идет из-за двери, ведущей, как я думал, в кладовку, дверь открывается, и я оказываюсь абсолютно голый перед носом Алисии. «О!» – вскрикивает она, когда я запоздало хватаю полотенце, чтобы прикрыться. «О, Алисия, привет», – шепчу я, и мы оба ухмыляемся. Она исчезает в своей комнате так же быстро, как и появилась.

КЛЭР: Я дремлю, прислушиваясь к звукам просыпающегося дома. Нелли что-то напевает в кухне и гремит сковородками. Кто-то идет по коридору мимо моей двери. Я поворачиваюсь: Генри по-прежнему крепко спит, и внезапно я понимаю, что должна его отсюда выгнать, пока никто не увидел.

Я высвобождаюсь от Генри и одеял и осторожно вылезаю из кровати. Поднимаю с пола свою ночную рубашку и только собираюсь натянуть ее через голову, как Этта говорит:

– Клэр! Проснись и пой! Рождество! – и просовывает голову в дверь.

Я слышу, как Алисия зовет Этту, и, просовывая голову в ворот пижамы, вижу, что Этта поворачивается и что-то ей говорит. Тоже поворачиваюсь – к постели: Генри нет. Пижамные штаны лежат на ковре, и я пинком отправляю их под кровать. Этта заходит в комнату в своем желтом купальном халате, косы болтаются на плечах. Я говорю: «С Рождеством!» – и она начинает рассказывать что-то о маме, но я едва слушаю, опасаясь, что Генри может материализоваться перед Эттой.

– Клэр? – подозрительно смотрит на меня Этта.

– Что? О, прости. Наверное, я еще не проснулась.

– Иди пить кофе. – Этта убирает кровать. Выглядит озадаченной.

– Я уберу сама, Этта. Иди вниз.

Этта подходит к другой стороне кровати. В комнату просовывает голову мама. Выглядит она прелестно, такая спокойная после вчерашней бури.

– С Рождеством, дорогая.

Я подхожу к ней и целую в щеку.

– С Рождеством, мама.

Очень трудно злиться на нее, когда она такая привычная, такая милая мама.

– Этта, не спустишься со мною вниз? – спрашивает мама.

Этта сминает подушку обеими руками, и следы от наших двух голов исчезают. Смотрит на меня, подняв брови, но ничего не говорит.

– Этта?

– Иду… – Этта торопится следом за мамой.

Закрываю за ними дверь, облокачиваюсь на нее и тут вижу, как из-под кровати выкатывается Генри. Встает и начинает надевать пижаму. Я запираю дверь.

– Где ты был? – спрашиваю шепотом.

– Под кроватью, – шепчет в ответ Генри, как будто я спросила очевидную глупость.

– Все время?

– Да.

Не знаю почему, но мне это кажется ужасно смешным, и я начинаю хихикать. Генри прижимает ладонь к моим губам, и вскоре мы оба трясемся от беззвучного хохота.

ГЕНРИ: Рождество странно спокойно после ураганов прошлого дня. Мы собираемся у елки, немного застенчивые, в купальных халатах и тапочках, подарки уже открыты, восторги выражены. После бурных взаимных благодарностей садимся завтракать. Потом наступает затишье, потом рождественский ужин, все восхищаются Нелли и ее омарами. Все улыбаются, ведут себя идеально и так же выглядят. Мы – образец счастливой семьи, реклама буржуазии. Мы едим все то, о чем я так мечтал, сидя в ресторане «Веселый котелок» с папой, мистером и миссис Ким и притворяясь, что мне все очень нравится, в то время как взрослые настороженно на меня смотрели. Но даже когда мы, сытые, отправляемся в гостиную, смотрим футбол по телевизору и читаем книги, которые друг другу подарили, и пытаемся разобраться с подарками, которые требуют батареек и/или розетки, ощущение натянутости не проходит. Кажется, будто где-то, в одной из дальних комнат, было подписано соглашение о перемирии, и теперь все стороны пытаются его соблюдать, по крайней мере, до завтра, по крайней мере, пока не подвезут новые боеприпасы. Мы все играем, притворяемся расслабленными, воплощаем образы идеальной матери, отца, сестер, брата, молодого человека и невесты. Я вздыхаю с облегчением, когда Клэр смотрит на часы, встает с дивана и говорит:

– Пойдем, пора к Лауре.

КЛЭР: Когда мы приходим, у Лауры вечеринка уже в разгаре. Генри напряжен, бледен и, как только мы снимаем куртки, направляется за выпивкой. Я после выпитого вчера вина все еще сонная, поэтому качаю головой, когда он спрашивает, что мне принести, и он приносит мне колу. За пиво он держится как за спасительный якорь.

– Ни при каких обстоятельствах не бросай меня тут одного, – требует Генри, глядя через мое плечо, и, прежде чем я успеваю повернуться, около нас уже стоит Хелен.

На секунду наступает неловкое молчание.

– Итак, Генри, – говорит Хелен, – мы слышали, что ты библиотекарь. Но ты *не похож* на библиотекаря.

– На самом деле я демонстрирую нижнее белье от Кельвина Кляйна. А библиотека – просто ширма.

Я никогда не видела недоумения на лице Хелен. Жаль, у меня нет фотоаппарата. Однако она быстро приходит в себя, рассматривает Генри с головы до ног и говорит:

– Хорошо, Клэр, можешь его оставить.

– Какое облегчение, – отвечаю я. – Я потеряла чек.

Лаура, Рут и Нэнси стекаются к нам, выглядят настойчивыми и начинают допрос: как мы познакомились, где работает Генри, в каком колледже он учился, и так далее и тому подоб-

ное. Никогда не думала, что, когда мы с Генри окажемся в обществе, это будет одновременно настолько скучным и раздражающим. Я снова включаюсь в разговор, как только Нэнси говорит:

– Так странно, что тебя зовут Генри.

– Да? – спрашивает Генри. – Почему?

Нэнси рассказывает о ночном девичнике у Мэри-Кристины, когда планшетка сказала, что я выйду замуж за парня по имени Генри. Генри, кажется, впечатлен.

– Это правда? – спрашивает он меня.

– Ну да. – И я вдруг понимаю, что у меня вот-вот лопнет мочевой пузырь. – Извините, – говорю я и проталкиваюсь через кольцо любопытных, игнорируя умоляющее лицо Генри.

Хелен гонится за мной по пятам вверх по лестнице. Мне приходится захлопнуть дверь у нее перед носом, чтобы она не поперлась за мной в уборную.

– Открой, Клэр, – говорит она, поворачивая ручку двери.

Я не отвечаю, писаю, мою руки, поправляю помаду на губах.

– Клэр, – ворчит Хелен, – я сейчас пойду вниз и расскажу твоему другу об абсолютно всех ужасных вещах, которые ты делала в жизни, если ты немедленно не откро…

Я распахиваю дверь, и Хелен вваливается в ванную, чуть не падая.

– Отлично, Клэр Эбшир, – зловеще говорит Хелен. Закрывает дверь. Я сажусь на край ванны, она облокачивается на раковину, нависая надо мной на своих шпильках. – Сознавайся. Что у тебя на самом деле происходит с этим Генри? В смысле, ты там стояла и плела полнейшую чушь. Ты не знакомилась с этим парнем три месяца назад, ты его знала много лет! Зачем такая таинственность?

Я не знаю, что ей сказать. Рассказать Хелен правду? Нет. Почему нет? Насколько я знаю, Хелен видела Генри только один раз, и тогда он не сильно отличался от себя нынешнего. Я люблю Хелен. Она сильная, сумасшедшая, ее трудно надуть. Но я знаю, что она не поверит, скажи я: знаешь, Хелен, он – путешественник во времени. Чтобы поверить в это, нужно увидеть самой.

– Хорошо, – отвечаю я, призываю всю смекалку. – Да, я знаю его давно.

– Насколько давно?

– С шестилетнего возраста.

Глаза у Хелен вылезают, как у мультяшного персонажа. Я смеюсь.

– Но почему… как… а сколько вы с ним *встречаетесь*?

– Не знаю. В смысле, было время, когда мы были на грани этого, но не перешли ее; то есть Генри был очень благородным и не собирался совращать невинного ребенка, поэтому я просто безумно на него злилась…

– Но… почему мы ничего о нем не знали? Не понимаю, зачем такая жуткая секретность. Мне ты могла бы и сказать.

– Ну, ты вроде бы знала. – Сама понимаю, что звучит глупо.

Хелен выглядит уязвленной.

– Это не то же самое, как если бы ты мне сказала.

– Я знаю. Извини.

– Хм. Так в чем дело?

– Ну, он на восемь лет старше меня.

– И что с того?

– Поэтому, когда мне было двенадцать, а ему двадцать, это была проблема. – Не говоря уже о том, когда мне было шесть, а ему – сорок.

– Все равно не въезжаю. В смысле, я понимаю, почему ты не хотела, чтобы твои *родители* знали, как вы играете в Лолиту и Гумберта Гумберта, но не понимаю, почему ты не могла сказать *нам*. Мы были бы только за. В смысле, мы все это время волновались за тебя, жалели

и думали, почему ты такая *монашка*… – Хелен качает головой. – А ты вот, значит, как: все это время трахалась с этим Марио Библиотекарем…

Ничего не могу с собой поделать: я ужасно краснею.

– Я *не* трахалась с ним все время.

– Ой, да ладно тебе!

– Правда! Мы ждали, когда мне исполнится восемнадцать. Это произошло на мой день рождения.

– Все равно, Клэр… – начала Хелен, но тут в дверь сильно постучали, и низкий мужской голос спросил:

– Что это вы там, девушки, делаете?

– Продолжение следует, – прошипела мне Хелен, когда мы вышли из ванной под аплодисменты парней, выстроившихся в коридоре в очередь.

Я нахожу Генри на кухне, он терпеливо слушает, как один из этих жлобоватых приятелей Лауры (где она таких только выискивает) вещает о футболе. Я ловлю взгляд его блондинистой подружки с носом-пуговкой, и та утаскивает его выпить.

– Смотри, Клэр, младенцы-панки! – говорит Генри.

Я поворачиваюсь и вижу, что он показывает на Джоди, четырнадцатилетнюю сестру Лауры, и ее друга Бобби Хардгроува. Бобби щеголяет зеленым ирокезом, порезанной на лоскуты футболкой и массой булавок, а Джоди пытается выглядеть как Лидия Ланч, но вместо этого похожа на лохматого енота. Почему-то создается впечатление, что они пришли на Хеллоуин, а не на Рождество. Они сидят как на иголках – с показным независимым видом. Но Генри таращится на них с интересом.

– Ничего себе! Сколько им лет? Двенадцать?

– Четырнадцать.

– Значит, четырнадцать, отнять от девяносто одного, это получается… Господи, они родились в семьдесят седьмом! Ну и старик же я. Мне нужно еще выпить.

Через кухню проходит Лаура с подносом «Джелло». Генри берет два и опустошает один за другим, тут же корчит рожу.

– Фу. Жуть какая! – (Я смеюсь.) – Как думаешь, что они слушают? – спрашивает Генри.

– Не знаю. Подойди и спроси.

– Нет, я не могу, – волнуется Генри. – Я их напугаю.

– Я думаю, они напугают *тебя*.

– Ну, может, ты и права. Они выглядят такими нежными, молодыми, зелеными, как молодой горошек или что-то в этом роде.

– Ты когда-нибудь так одевался?

Генри фыркает.

– Как ты себе это представляешь? Конечно нет. Эти дети копируют британских панков. А я американский панк. Нет, я косил под Ричарда Хелла.

– Почему бы тебе не поговорить с ними? Кажется, они скучают.

– Подойди к ним, и представь меня, и держи меня за руку.

Мы осторожно направляемся через кухню, как Леви-Стросс к парочке людоедов. Джоди и Бобби выглядят словно олени на канале «Природа» – то ли дадут стрекача, то ли начнут бодаться.

– Эй, привет, Джоди, Бобби.

– Привет, Клэр, – отвечает Джоди.

Я знаю ее всю жизнь, но она вдруг смущается, и я решаю, что неопанковский наряд – это, наверно, идея Бобби.

– Ребята, у вас какой-то скучающий вид, и я привела Генри познакомиться. Ему нравится, как вы… одеты.

– Привет, – говорит Генри ужасно смущенно. – Я просто хотел спросить, мне интересно: а что вы слушаете?

– Слушаем? – переспрашивает Бобби.

– Музыку. Какую музыку вы любите?

– Ну, – расцветает Бобби. – *Sex Pistols*, – говорит он и замолкает.

– Конечно, – кивает Генри. – А *Clash*?

– Да. И еще – *Nirvana*…

– *Nirvana* – это здорово.

– *Blondie?* – говорит Джоди, как будто ответ может быть неправильным.

– Мне нравится *Blondie*, – говорю я. – А Генри нравится Дебби Харри.

– *Ramones?* – спрашивает Генри; они одновременно кивают. – А как насчет Патти Смит?

И Джоди, и Бобби глядят непонимающе.

– Игги Поп?

Бобби мотает головой.

– *Pearl Jam*, – предлагает он.

– Местная радиостанция так себе, – вмешиваюсь я. – У них просто нет возможности узнать обо всем этом.

– Ясно, – отвечает Генри. – Слушайте, вы хотите, чтобы я вам кое-что записал? Чтобы вы послушали?

Джоди пожимает плечами. Бобби кивает, серьезно и взволнованно. Я достаю из сумочки бумагу и ручку. Генри садится за кухонный стол, Бобби пристраивается с другой стороны стола.

– Ну вот, – говорит Генри. – Придется вернуться в шестидесятые, так? Начните с *Velvet Underground*, Нью-Йорк. Потом прямо сюда, в Детройт, тут у нас *MC5*, Игги Поп и *Stooges*. И потом обратно в Нью-Йорк, и тут *New York Dolls, Heartbreakers*…

– Том Петти? – спрашивает Джоди. – Мы о нем слышали.

– Э, нет, это совсем другие *Heartbreakers*, – объясняет Генри. – Большинство из них умерли в восьмидесятые.

– Разбились на самолете? – спрашивает Бобби.

– Героин, – поправляет Генри. – В общем, тут *Television*, Ричард Хелл и его *Voidoids*, Патти Смит.

– *Talking Heads*, – добавляю я.

– Хм. Не знаю. Думаешь, они правда панки?

– Они там были.

– Хорошо. – Генри добавляет их в список. – *Talking Heads*. Итак, потом мы переходим в Англию…

– Я думал, панки появились в Лондоне, – говорит Бобби.

– Нет, конечно, – отвечает Генри, отодвигая свой стол. – Некоторые, включая меня, полагают, что панки – просто последнее проявление этого духа, чувства, знаешь, что все вокруг неправильно и все настолько плохо, что остается единственное – просто повторять: «К черту», снова и снова, очень громко, пока кто-нибудь нас не остановит.

– *Да,* – тихо говорит Бобби, его лицо светится почти религиозным жаром под взлохмаченными волосами. – Да.

– Это называется растление малолетних, – говорю я Генри.

– О, он бы и так туда попал, без меня. Разве нет?

– Я пытаюсь, но это нелегко здесь.

– Я это ценю, – говорит Генри. И продолжает список.

Я смотрю через его плечо. *Sex Pistols, The Clash, Gang of Four, Buzzcocks, Dead Kennedys, X, The Mekons, The Raincoats, The Dead Boys, New Order, The Smiths,* Лора Логик, *The Au Pairs, Big Black, PIL, The Pixies, The Breeders, Sonic Youth*…

– Генри, они не смогут ничего из этого найти здесь.

Он кивает и быстро записывает внизу страницы номер телефона и адрес «Винтедж-винила».

– У вас проигрыватель есть?

– У родителей есть, – отвечает Бобби.

Генри морщится.

– А что тебе *действительно* нравится? – спрашиваю я Джоди.

Мне кажется, что она выпала из разговора, пока между Генри и Бобби происходит ритуал зарождения мужской дружбы.

– Принс, – признается она.

Мы с Генри одновременно выкрикиваем: «Ух ты!» – и я начинаю во весь голос петь «1999». Генри подскакивает, и мы начинаем шуметь и греметь всем подряд на кухне. Лаура слышит нас, выбегает поставить кассету, и все начинают танцевать.

ГЕНРИ: Мы едем обратно от Лауры.

– Что ты молчишь? – спрашивает Клэр.

– Я думаю об этих ребятах. Младенцах-панках.

– Да уж. И что?

– Я пытался понять, что могло заставить того парня…

– Бобби.

– …Бобби – резко повернуть, подсесть на музыку, которая была написана в тот год, когда он родился…

– Ну, мне «битлы» очень нравились, – замечает Клэр. – Они распались за год до моего рождения.

– Да, ну и все же почему? В смысле, тебе нужно было тащиться от *Depeche Mode*, или Стинга, или еще кого-нибудь. Бобби и его подруга, если уж хотят вырядиться почуднее, должны слушать *The Cure*, но вместо этого ударились в панк, хотя они ничего об этом не знают…

– Уверена, основная причина – позлить родителей. Лаура рассказывала, что отец не разрешает Джоди выходить в таком виде из дома. Она кладет все в рюкзак и переодевается в женском туалете в школе, – говорит Клэр.

– Но именно так все и поступали, тогда, раньше. В смысле, главное – утвердить свой индивидуализм, это я понимаю, но зачем отправляться за ним в семьдесят седьмой год? Вместо того, чтобы носить фланель-шотландку.

– Какое тебе дело? – спрашивает Клэр.

– Это меня угнетает. Напоминает, что мое время умерло, и не просто умерло, а уже забыто. Ничего из этого больше не гоняют по радио, и я не могу понять почему. Как будто этого никогда не было. Поэтому я так радуюсь, когда вижу, что дети притворяются панками. Я не хочу, чтобы это исчезло без следа.

– Ну, ты всегда можешь вернуться назад. Большинство людей привязано к настоящему; ты же можешь возвращаться туда снова и снова.

– Просто грустно, Клэр, – отвечаю я, подумав. – Даже когда со мной случается что-то классное, например я попадаю на концерт, который раньше пропустил – или группа успела распасться, или кто-то умер, – мне грустно оттого, что я знаю их будущее.

– Но как это отличается от всего остального в твоей жизни?

– Никак.

Мы подъезжаем к частной дороге, ведущей к дому Клэр. Сворачиваем.

– Генри?

– Да?

– Если бы ты мог остановиться сейчас… если бы ты мог больше не перемещаться во времени, и без последствий для себя, ты бы это сделал?

– Остался бы и все равно встретил тебя?

– Ты уже встретил меня.

– Да, я бы остался.

Я смотрю на Клэр, в темноте машины кажущуюся призраком.

– Было бы забавно, – говорит она. – Я бы хранила все воспоминания, которые ты бы никогда не разделил. Это было бы как – то есть это *так и есть,* – как будто живешь с человеком, лишившимся памяти. У меня все время такое чувство, с того момента, как мы встретились здесь.

– Значит, в будущем ты сможешь наблюдать, как я натыкаюсь на каждое воспоминание, пока не соберу их все. Полный набор, – смеюсь я.

– Думаю, да, – улыбается Клэр. Она подъезжает и поворачивает перед домом. – Дом, милый дом.

Позднее, после того как мы забрались наверх и разбрелись по своим комнатам, я надел пижаму, почистил зубы, проскользнул в комнату Клэр, не забыв запереть замок, и мы согрелись в ее узкой постели; она шепчет:

– Я не хочу, чтобы ты это пропустил.

– Что пропустил?

– Все то, что случилось. Когда я была маленькой. В смысле, пока это случилось только наполовину, потому что тебя там еще не было. Вот когда ты там побываешь, все будет настоящим.

– Я уже в пути.

Я пробегаю пальцами по ее животику, вниз, провожу между ног. Клэр вскрикивает.

– Молчи.

– У тебя рука *ледяная*.

– Извини.

Мы занимаемся любовью осторожно, тихо. Когда я наконец кончаю, напряжение такое, что у меня начинает жутко болеть голова, и я пугаюсь, что исчезну, но нет. Вместо этого я лежу в объятиях Клэр, оцепенев от боли. Клэр храпит, тихо и нежно, и ощущение такое, что через мою голову проползает бульдозер. Я хочу в свою кровать, в свою квартиру. Дом, милый дом. В гостях хорошо, а дома лучше. Приведите меня домой, дороги[67]. Дом там, где твое сердце. Но мое сердце здесь. Значит, я дома. Клэр вздыхает, поворачивает голову и затихает. Привет, дорогая, я дома. Я дома.

КЛЭР: Чистое, холодное утро. Завтрак съеден. Вещи уже в машине. Марк и Шерон уже уехали с папой в аэропорт в Каламазу. Генри в гостиной прощается с Алисией; я бегу наверх в комнату мамы.

– О, уже так поздно? – спрашивает она, увидев меня в пальто и ботинках. – Я думала, вы останетесь на обед.

Мама сидит за столом, как всегда заваленным обрывками бумаги, исчерканными ее экстравагантным почерком.

– Над чем ты работаешь?

Что бы это ни было, там полно вычеркнутых слов и машинальных каракулей.

Мама переворачивает страницу текстом вниз. Она очень ревностно скрывает свои творения.

[67] «Take Me Home, Country Roads» – песня Джона Денвера (1971).

– Ни над чем. Это стихотворение о саде под снегом. Ничего хорошего не выходит. – Мама встает и идет к окну. – Странно, что стихотворения никогда не бывают так же хороши, как настоящий сад. По крайней мере, мои стихи.

Я не могу ничего ответить, потому что мама никогда не давала мне прочитать ничего из написанного. И поэтому я говорю:

– Сад прекрасный.

Она отмахивается от комплимента. Похвала ничего не значит для мамы, она ей не верит. Только критика может окрасить ее щеки румянцем или привлечь ее внимание. Если бы я сказала что-нибудь пренебрежительное, она бы запомнила навсегда. Наступает неловкая пауза. Я понимаю, что она ждет, когда я уйду, чтобы продолжить писать.

– Пока, мама, – говорю я, целую ее холодную щеку и с облегчением убегаю.

ГЕНРИ: Мы едем уже около часа. На протяжении нескольких миль дорогу обрамляли сосны; теперь мы едем по равнине, полной изгородей из колючей проволоки. За это время никто из нас не произнес ни слова. Как только я замечаю, что эта тишина неспроста, решаю что-нибудь сказать.

– Было не так плохо.

Голос у меня слишком жизнерадостный, слишком громкий в маленькой машине. Клэр не отвечает, и я смотрю на нее. Она плачет, слезы бегут по ее щекам, она ведет машину и делает вид, что все в порядке. Я никогда раньше не видел, чтобы она плакала, и эти стоические тихие слезы убивают меня.

– Клэр. Клэр, может… может, на минутку остановимся?

Не глядя на меня, она притормаживает, съезжает на обочину и останавливается. Мы где-то в Индиане. Небо голубое, на поле в стороне от дороги полно ворон. Клэр упирается лбом в руль и длинно всхлипывает.

– Клэр. – Я разговариваю с ее затылком. – Клэр, извини. Это… я что-то испортил? Что случилось? Я…

– Дело не в тебе, – говорит она из-под завесы волос.

Мы сидим так несколько минут.

– В чем тогда дело?

Клэр качает головой, я сижу и смотрю на нее. Наконец набираюсь мужества и дотрагиваюсь до нее. Глажу по волосам, чувствуя через плотные мерцающие локоны вздрагивающие плечи. Она поворачивается, я неловко обнимаю ее, и она плачет навзрыд, содрогаясь всем телом.

Наконец она затихает. Потом говорит:

– Черт бы побрал маму!

Позже мы стоит в пробке на Дэн-Райан-экспрессвей, слушаем Ирму Томас.

– Генри? Все было… было плохо?

– Ты о чем? – спрашиваю я, думая, что это она про свои слезы.

– Моя семья, – говорит она вместо этого. – Они… они показались…

– Все нормально, Клэр. Они мне правда понравились. Особенно Алисия.

– Иногда мне просто хочется загнать их всех в озеро Мичиган и утопить.

– Хм, знакомое чувство. Слушай, мне кажется, твой отец и брат видели меня раньше. И Алисия сказала кое-что очень странное перед тем, как мы уезжали.

– Я видела тебя с папой и Марком однажды. А Алисия как-то раз видела тебя в подвале, когда ей было двенадцать.

– Стоит ждать неприятностей?

– Нет, потому что объяснение слишком дикое, чтобы в него поверить.

Мы оба смеемся, и напряжение, не отпускавшее нас всю дорогу до Чикаго, исчезает. Пробка начинает рассасываться. Вскоре Клэр останавливается у моего дома. Я забираю сумку из багажника, смотрю, как Клэр выезжает с парковки и скользит по Диэрборн, и чувствую в горле комок.

Через час я понимаю, что мое чувство напоминает одиночество и что Рождество в этом году официально закончилось.

Дом там, где преклонишь голову

9 мая 1992 года, суббота (Генри 28)

ГЕНРИ: Я решил, что лучше всего будет прямо спросить; он ответит или да, или нет. Сел на железнодорожную ветку Рейвенсвуд до дома отца, дома моей юности. В последнее время я бывал здесь нечасто; отец редко приглашает меня, и я никогда не приезжаю без предупреждения, так, как собираюсь сделать в этот раз. Но он не отвечает на звонки, так что пусть не удивляется. Схожу на станции Вестерн и иду на запад по Лоуренс. Дом стоит на Виргиния-авеню; заднее крыльцо выходит на реку Чикаго. Я топчусь в холле и ищу в кармане ключ, в это время из своей двери выглядывает миссис Ким и яростно машет мне рукой, приглашая войти. Я встревожен; Кимми обычно очень сердечная, громкая, любящая и, хотя она все знает о нашей ситуации, никогда не вмешивается. Ну почти никогда. На самом деле она играет довольно большую роль в нашей жизни, но нам это нравится. Я чувствую, что она действительно расстроена.

– Колы хочешь? – спрашивает она, уже отправляясь на кухню.

– Конечно.

Оставляю рюкзак у входной двери и иду за ней. В кухне она разбивает кусок льда, который лежит на старомодном подносе. Я всегда поражался силе Кимми. Ей уже, наверное, семьдесят, а выглядит, кажется, точно так же, как в те времена, когда я был маленьким. Я много времени провел здесь, помогал ей готовить ужин для мистера Кима (он умер пять лет назад), читал, делал уроки и смотрел телевизор. Теперь я сижу за кухонным столом, она ставит передо мною бокал колы, в котором гремит лед. На столе перед ней стоит чашка из костяного фарфора, по окружности которой порхают колибри. Я помню первый раз, когда она позволила мне выпить кофе из такой чашки; мне было тринадцать. Я чувствовал себя совсем взрослым.

– Давненько не виделись, дружок.

И правда.

– Я знаю. Мне жаль… Время летит, не успеваешь глазом моргнуть.

Она рассматривает меня. У Кимми блестящие черные глаза, которые, кажется, видят каждый мой позвонок. Ее плоское корейское лицо скрывает все эмоции, если только она не хочет, чтобы вы их заметили. Она потрясающе играет в бридж.

– Ты путешествовал во времени?

– Нет. Если честно, я уже несколько месяцев нигде не был. Это здорово.

– Появилась подружка?

Я только усмехаюсь.

– Хо-хо, отлично, мне нужно все о ней знать. Как ее зовут? Почему ты ее не привозишь?

– Зовут ее Клэр. Я несколько раз предлагал привезти ее сюда, но отец постоянно отказывался.

– А вот *мне* ты ничего не предлагал. Приезжайте, и Ричард будет. Я приготовлю утку с яблоками.

Как всегда, меня поражает собственная глупость. Миссис Ким точно знает, как разрешить все противоречия. Отец не испытывает ни малейших угрызений совести, ведя себя со мною как идиот, но ради миссис Ким он, как обычно, будет вести себя нормально, потому что она практически воспитала его ребенка и, возможно, берет с него меньше денег за квартиру.

– Ты – гений.

– Я знаю. Почему я не получила Макартуровскую стипендию?[68] Я тебя спрашивала?

– Не знаю. Может, ты недостаточно часто выходишь на люди. Вряд ли макартуровцы заглядывают в лотерейные киоски.

– Нет, у них уже достаточно денег. Так когда вы поженитесь?

Кола попадает не в то горло, потому что я начинаю хохотать как сумасшедший. Кимми подходит ко мне и начинает хлопать по спине. Я успокаиваюсь, она садится обратно, смотрит сердито.

– Что такого смешного я сказала? Я просто спросила. Я же должна была спросить, а?

– Нет, не в этом дело, просто… я смеюсь не потому, что это глупо, а потому, что ты просто читаешь мои мысли. Я приехал попросить отца разрешить взять кольца мамы.

– О господи, ну я прямо не знаю. Боже, ты женишься! Эй! Просто класс! А она согласится?

– Думаю, да. Уверен на девяносто девять процентов.

– Ну, это совсем хорошо. Хотя насчет колец мамы я не уверена. Слушай, я хочу сказать тебе кое-что… – Она смотрит на потолок. – Твой отец… с ним не все хорошо. Он много кричит, швыряет вещи и не играет.

– Что ж, ничего удивительного. Но и хорошего мало. Ты у него там была в последнее время?

Обычно Кимми частенько бывает у отца. Думаю, она тайно там убирается. Я видел, как она демонстративно гладила его концертные рубашки, как будто ждала, что я скажу.

– Он меня не пускает! – Она чуть не плачет.

Это очень плохо. Конечно, у отца куча проблем, но с его стороны просто ужасно вовлекать в них Кимми.

– А когда его там нет?

Обычно я притворяюсь, будто не знаю, что Кимми в отсутствие отца частенько заходит в его квартиру; она же притворяется, будто ей такое никогда и в голову не пришло бы. Но на самом деле, переехав отсюда, я начал это ценить. Кто-то должен за ним присматривать.

Кимми выглядит виноватой, хитрой и слегка встревоженной, когда я говорю это.

– Ладно, *один* раз я там была, потому что беспокоилась за него. У него везде мусор; если так будет продолжаться, заведутся мошки. В холодильнике ничего нет, кроме пива и лимонов. На кровати столько одежды навалено, не думаю, что он на ней спит. Я не знаю, что он делает. Я никогда не видела его таким плохим после смерти твоей мамы.

– О боже. И что ты об этом думаешь?

Над головами раздается жуткий грохот – значит отец что-то уронил в кухне. Возможно, он только проснулся.

– Думаю, мне лучше туда пойти.

– Да. – Кимми горит от нетерпения. – Он такой милый, твой отец; не знаю, почему он так себя запустил.

– Он алкоголик. Именно так поступают алкоголики. Это записано в их руководстве: «Упасть на дно и продолжать катиться вниз».

– Кстати, о работе… – Она смотрит мне в глаза своим удивительным взглядом.

– Да? – «О черт!»

– Не думаю, что он работает.

– Ну, сейчас не сезон. В мае он никогда не работает.

– Оркестр сейчас в Европе, а он здесь. И еще: он уже два месяца не платит за квартиру.

Черт, черт, черт!

---

[68] Так называемая премия за гениальность, присуждается фондом Макартура.

– Кимми, почему ты мне не позвонила? Это ужасно. Черт! – Я вскакиваю и несусь по коридору, хватаю рюкзак и возвращаюсь на кухню. Шарю в рюкзаке и нахожу чековую книжку. – Сколько он тебе должен?

– Нет, Генри, – миссис Ким ужасно смущена, – не надо. Он заплатит.

– Он может заплатить потом мне. Давай, родная, все в порядке. Ну, не стесняйся, скажи, сколько.

– Тысяча двести долларов, – тихо говорит она, не глядя на меня.

– Всего-то? Что ты делаешь, старушка, руководишь «Обществом филантропов в поддержку заблудших Детамблей»? – Я ставлю сумму на чеке и засовываю под блюдечко. – Лучше обналичь побыстрее, а то я тебе покоя не дам.

– Ну, тогда не буду обналичивать, чтобы ты приезжал в гости.

– Я в любом случае приеду. – «Господи, как я виноват!» – И привезу Клэр.

– Надеюсь, – сияет в ответ Кимми. – Я буду у вас свидетельницей, да?

– Если отец не придет в себя, именно ты будешь меня женить. Вообще идея классная: ты ведешь меня по проходу, Клэр ждет во фраке, органист играет «Лоэнгрина»…

– Я лучше себе платье куплю.

– Эй! Не покупай никаких платьев, пока я не дам отмашку. Думаю, мне лучше сходить поговорить с ним.

Я со вздохом встаю. В кухне миссис Ким я вдруг чувствую себя огромным, как будто приехал в свою начальную школу и умиляюсь, глядя на крошечные парты. Она медленно поднимается и идет за мной к двери. Мы обнимаемся. На мгновение она кажется хрупкой и тонкой, и я думаю о ее жизни, вспоминаю, как мы убирались, занимались садом, играли в бридж, но затем все проблемы вдруг наваливаются на меня снова. Я скоро вернусь; не могу же я всю жизнь прятаться с Клэр в кровати. Кимми смотрит, как я открываю дверь в квартиру отца.

– Эй, отец! Ты дома?

Тишина, затем вопль:

– УХОДИ!

Я поднимаюсь по лестнице, и миссис Ким закрывает свою дверь.

Первое, что поражает, – это запах: здесь явно что-то гниет. Гостиная пуста. Где все книги? У моих родителей были сотни книг по музыке, истории, романы на французском, немецком, итальянском: где они? Даже коллекция пластинок и компакт-дисков кажется меньше. Везде валяется бумага: рекламные брошюры, газеты, ноты устилают весь пол. На мамином пианино ровный слой пыли, в вазе на подоконнике – давно высохшие гладиолусы. Иду по коридору, заглядывая в спальни. Полный хаос; одежда, мусор, опять газеты. В ванной под раковиной лежит бутылка «Мишлоб», плитку покрывает глянцевитый слой пролитого пива.

Мой отец сидит на кухне за столом, спиной ко мне, глядя в окно на реку. Он не поворачивается, когда я вхожу. Не смотрит на меня, когда я сажусь за стол. Но не встает и не уходит, что я понимаю как согласие поговорить.

– Привет, отец.

Молчание.

– Только что видел миссис Ким. Она говорит, что дела у тебя не очень.

Молчание.

– Я слышал, ты не работаешь.

– Сейчас май.

– Почему ты не на гастролях?

Наконец он смотрит на меня. Под упрямством притаился страх.

– Я на больничном.

– Давно?

– С марта.

– Больничный оплачивается?

Молчание.

– Ты болен? Что с тобой?

Я думаю, что он ничего не ответит, но он просто вытягивает вперед руки. Они трясутся, будто в ритме собственного крошечного землетрясения. Все, это конец. Двадцать три года целенаправленного пьянства, и он больше не может играть на скрипке.

– Господи, отец. Что говорит Стэн?

– Он говорит, что всё. Нервы нарушены и восстановлению не подлежат.

– Господи.

Мы смотрим друг на друга какую-то невыносимо долгую минуту. На его лице написано страдание, и до меня начинает доходить, что у него ничего нет. Ничто его больше не держит, не заботит, его жизнь кончена. Сначала мама, потом музыка, они ушли, ушли. Я никогда не был для него настолько важен, поэтому держаться за меня ему смысла нет.

– И что теперь?

Молчание. Теперь уже ничего.

– Ты не можешь просто сидеть здесь и пить следующие двадцать лет.

Он смотрит в стол.

– А что насчет пенсии? Профсоюз? Страхование здоровья престарелых? Общество анонимных алкоголиков?

Он ничего не сделал, пустил все на самотек. А где был я?

– Я заплатил за тебя аренду.

– Да? – смущенно говорит он. – А я разве не заплатил?

– Ты задолжал за два месяца. Миссис Ким была очень смущена. Не хотела мне говорить и не хотела, чтобы я давал ей эти деньги. Но зачем перекладывать твои проблемы на ее плечи.

– Бедная миссис Ким.

У отца по щекам текут слезы. Он старик. Другого слова здесь не подберешь. Ему пятьдесят семь, и он старик. Я уже не злюсь. Мне его жаль, и я за него боюсь.

– Отец. – (Он снова смотрит на меня.) – Послушай. Ты должен позволить мне кое-что сделать, ладно? – (Он отводит глаза, снова смотрит в окно, на бесконечно более интересные деревья на другом берегу реки.) – Дай мне навести порядок в твоих бумагах насчет пенсии, выписках из банковских счетов и тому подобном. Ты должен позволить миссис Ким и мне здесь прибраться. И ты должен перестать пить.

– Нет.

– Что нет? Все или только что-то одно?

Тишина. Я начинаю терять терпение, поэтому меняю тему.

– Папа, я собираюсь жениться.

Наконец-то я привлек его внимание.

– На ком? Кто за тебя пойдет-то? – спрашивает он без намерения уязвить. Кажется, ему и вправду любопытно.

Я вынимаю свой бумажник и достаю из кармашка фотографию Клэр. На ней Клэр невозмутимо смотрит на Лайтхаус-Бич. Волосы развеваются, как флаг на ветру, и в раннем утреннем свете она словно сияет на фоне темных деревьев. Папа берет фотографию и внимательно ее изучает.

– Ее зовут Клэр Эбшир. Она художница.

– Что ж. Красивая, – нехотя говорит он.

Сойдет за отцово благословение.

– Мне бы хотелось… мне бы очень хотелось подарить ей свадебное кольцо мамы и кольцо на помолвку. Думаю, маме бы это понравилось.

– Ты-то откуда знаешь? Ты, наверное, вообще ее не помнишь.

Сначала мне спорить не хочется, но потом вдруг решаю настоять на своем.

– Я постоянно вижу ее. Я видел ее сотни раз с того времени, как она умерла. Я вижу, как она гуляет по округе, с тобой и со мной. Она идет в парк разучивать ноты, ходит по магазинам, пьет кофе с Марой у Тии. Я вижу ее с дядей Ишем. Я вижу ее в Джиллиарде. *Я слышу, как она поет!* – (Отец смотрит, открыв рот; я убиваю его, но ничего не могу с собой поделать.) – Я разговаривал с ней. Однажды, стоя рядом в переполненной электричке, я до нее дотронулся. – (Отец плачет.) – Это ведь не только проклятие, так? Иногда перемещение во времени – это благословение. Мне *нужно* ее видеть, и иногда у меня это получается. Клэр бы ей понравилась, она бы хотела, чтобы я был счастлив, и она бы переживала из-за того, что ты послал к черту свою жизнь только потому, что она умерла.

Он сидит за кухонным столом и плачет. Плачет, не закрывая лица; просто опустил голову, и слезы текут ручьями. Я какое-то время смотрю на него, на результат своей несдержанности. Потом иду в ванную и возвращаюсь с рулоном туалетной бумаги. Он отрывает кусок, как слепой, и сморкается. Несколько минут мы просто молча сидим.

– Почему ты мне ничего не рассказывал?

– В смысле?

– Почему не рассказывал, что видишь ее? Мне бы хотелось… это знать.

Почему я не рассказывал? Потому что любой нормальный отец сразу бы сообразил, что незнакомец, шатающийся по соседству в первые годы его женитьбы, это его родной сын, путешественник во времени. Потому что я боялся: он ведь ненавидел меня за то, что я выжил. Потому что я втайне чувствовал, что могущественнее его, а он считал, что я ущербный. В общем, все причины довольно некрасивые.

– Я думал, что тебя это огорчит.

– О нет. Это меня… не огорчает. Я… хорошо, что я знаю: она здесь, где-то рядом. В смысле… самое плохое – это то, что она ушла. Поэтому хорошо, что на самом деле она здесь. Даже если я ее не вижу.

– Обычно она выглядит счастливой.

– Да, она была очень счастлива… *мы* были очень счастливы.

– Да. Такое ощущение, что ты был совсем другим. Я всегда гадал, каким бы я вырос рядом с тобой тем, прежним.

Он медленно поднимается. Я остаюсь сидеть, а он нетвердой походкой идет по коридору в свою спальню. Я слышу, как он шарит по комнате и потом медленно возвращается с маленькой атласной коробочкой. Открывает ее и достает темно-синий футляр для драгоценностей. Достает из него два тонких кольца. Они лежат как семечки на его длинной трясущейся ладони. Отец накрывает левой ладонью правую, как будто кольца теперь – это светлячки, и он не отпускает их. Глаза закрыты. Потом открывает глаза, протягивает ладони ко мне: я подставляю руки, и он высыпает в них кольца.

Кольцо на помолвку с изумрудом, и тусклый свет из окна преломляет в нем зеленые и белые искры. Кольца серебряные, их нужно почистить. Их нужно носить, и я точно знаю девушку, которая будет носить их.

День рождения

24 мая 1992 года, воскресенье (Клэр 21, Генри 28)

КЛЭР: Сегодня мне исполнился двадцать один год. Прекрасный летний вечер. Я в комнате Генри, в его постели, читаю «Лунный камень». Генри готовит ужин в крохотной кухоньке. Надеваю его купальный халат, иду в ванную и слышу, как он костерит миксер. Я не тороплюсь, мою голову, все зеркала запотевают. Подумываю о том, чтобы постричься. Как было бы здорово быстренько вымыть волосы, быстренько провести по ним щеткой, и – раз! – все в порядке, я готова к выходу. Я вздыхаю. Генри любит мои волосы, как будто они живые, как будто у них есть душа, как будто они могут любить его в ответ. Я знаю, что он любит их как часть меня, но я также знаю, что он ужасно расстроится, если я их отрежу. И мне тоже будет грустно… С другой стороны, требуется столько усилий, что иногда мне хочется снять их, как парик, и отложить в сторону, пока я буду наслаждаться жизнью. Тщательно расчесываюсь, распутываю узлы. Когда волосы мокрые, они такие тяжелые. Кожа на голове болит от тяжести. Оставляю дверь в ванной открытой, чтобы пар вышел. Генри напевает что-то из «Кармины Бураны»; песня звучит дико и мимо нот. Я появляюсь из ванной, когда он накрывает на стол.

– Ты как раз вовремя. Ужин готов.

– Сейчас, только оденусь.

– Ты и так ужасно хороша. Правда.

Генри обходит стол, распахивает на мне халат и слегка пробегает пальцами по моей груди.

– Ммм. Ужин, кажется, остынет.

– Ужин и так холодный. В смысле, так и было задумано.

– А… Ладно, давай есть. – Внезапно накатывают раздражение и усталость.

– Хорошо.

Генри отпускает меня без лишних вопросов. Продолжает раскладывать столовые приборы. Я смотрю на него какое-то время, потом собираю по всей комнате свою одежду на полу и одеваюсь. Сажусь за стол; Генри приносит две тарелки супа, светлого и густого.

– «Вишисуаз». Это рецепт моей бабушки.

Пробую. Суп – просто восторг, маслянистый и холодный. На второе у нас лосось с длинными кусочками спаржи в оливковом масле и маринаде из розмарина. Я открываю рот, чтобы сказать, как мне нравятся блюда, и вместо этого говорю:

– Генри… а другие люди столько же занимаются сексом, сколько и мы?

– В основном, – подумав, отвечает Генри, – думаю, нет. Наверное, только те, кто знают друг друга недавно и до сих пор не могут поверить в свою удачу. А что, слишком много?

– Не знаю. Может быть, – отвечаю я, глядя в тарелку.

Просто поверить не могу, что говорю это; всю свою юность я провела, умоляя Генри сделать это, и теперь говорю, что мне слишком много. Генри сидит очень тихо.

– Клэр, извини. Я не думал… я просто не думал.

Я поднимаю на него глаза. Генри выглядит испуганным. Начинаю хохотать. Он улыбается, немного виновато, но в глазах пробегают искорки.

– Просто… знаешь, иногда я сидеть не могу.

– Ну… тогда просто скажи. Например: «Сегодня, дорогой, мы уже занимались этим двадцать три раза, и я лучше почитаю „Холодный дом“[69]».

[69] Опубликованный в 1852–1853 гг. роман Ч. Диккенса.

– И ты так просто отступишь и сдашься?

– Я ведь только что это сделал, так? Я был просто сама покорность.

– Да. Но тогда я буду чувствовать себя виноватой.

– Ну, тут я тебе помочь не могу, – смеется Генри. – Это же мое единственное желание. День за днем, неделю за неделей, я буду изнывать, жаждать поцелуя, увядать без минета, и через какое-то время ты выглянешь из-за книги и поймешь, что я просто скончаюсь у твоих ног, если ты немедленно меня не трахнешь, но я и слова не скажу. Может, только поскулю немного.

– Но… не знаю… иногда я уже ничего не могу, а ты кажешься… в порядке. Со мной что-то не так, что ли?

Генри наклоняется через стол и протягивает руки. Я кладу свои ладони в его.

– Клэр.

– Да?

– Может быть, нехорошо говорить об этом, но, если ты позволишь, я скажу, что твоя выносливость в плане секса превосходит *почти* всех женщин, с которыми я встречался. Большинство уже кричали бы «Мамочка!» и выключили автоответчик много месяцев назад. Мне нужно было догадаться… но, казалось, ты всегда была за. Но если тебе слишком много или не хочется, ты должна просто сказать, потому что иначе я буду ходить вокруг да около на цыпочках, думая, что раздражаю тебя своими неприличными домогательствами.

– Но сколько секса достаточно?

– Для меня? О боже. Мое представление об идеальной жизни – это если бы мы оставались в постели все время. Мы бы занимались любовью более или менее постоянно и вылезали бы из постели, только чтобы пополнить провиант, ну свежей воды принести и фруктов, чтобы не загнуться, и еще ходили бы в ванную время от времени, помыться и побриться, чтобы потом нырнуть обратно в постель. Иногда могли бы менять постельное белье. И еще в кино ходить, чтобы пролежни не появились. И на пробежки. Потому что в любом случае мне придется бегать каждое утро.

Бег для Генри – это святое.

– Почему бег? Ведь ты и так столько упражняешься каждый день.

Внезапно он становится серьезным.

– Потому что довольно часто моя жизнь зависит от того, насколько я быстрее своих преследователей.

– Ну да. – Теперь моя очередь смущаться, потому что я уже знала это. – Но… как это сказать?.. Ты ведь больше не перемещаешься… то есть с тех пор, как я встретила тебя в настоящем, ты почти все время здесь. Так ведь?

– Ну, на Рождество, ты сама видела. И на День благодарения. Ты была в Мичигане, и я не стал говорить тебе, потому что все было очень грустно.

– Опять видел аварию?

– Да, вообще-то. – Генри смотрит озадаченно. – Ты откуда знаешь?

– Несколько лет назад ты появился в Медоуларке в канун Рождества и рассказал мне. Ты был так расстроен.

– Да. Я помню, что огорчался, даже просто при виде даты в календаре, думал: черт, еще одно Рождество надо пережить. К тому же я еще и алкоголем отравился, меня отвезли в больницу и промыли желудок. Надеюсь, твое Рождество я тогда не испортил.

– Нет… Я была так счастлива тебя увидеть. И ты рассказывал что-то, что было очень важно для тебя, что-то очень личное, хотя ты ужасно старался не называть ни имен, ни мест. И все же это была твоя настоящая жизнь, и я отчаянно хотела узнать что-то, что помогло бы мне поверить, что ты настоящий, что ты не плод моего больного воображения. Поэтому я до тебя постоянно дотрагивалась. – Я смеюсь. – Никогда не думала, что я настолько усложняю тебе

жизнь. В смысле, я делала все, что только могла вообразить, а ты был холоден как лед. Наверное, ты просто *умирал.*

– А что ты делала?

– А что на десерт?

Генри проворно поднимается и приносит десерт. Это манговое мороженое с малиной. С одной стороны блюда торчит свеча, Генри поет «С днем рожденья тебя», и я смеюсь, потому что он жутко фальшивит. Загадываю желание и задуваю свечу. Мороженое просто восхитительное; я ужасно довольна и пытаюсь вспомнить какую-нибудь особенно вопиющую попытку его соблазнить.

– Ладно. Вот тебе самый ужасный случай. Мне было шестнадцать, и я ждала тебя однажды вечером. Было часов одиннадцать и новолуние, поэтому на поляне было довольно темно. Я сильно на тебя злилась, потому что ты относился ко мне как… к ребенку, или другу, или кому там еще… а мне *безумно* хотелось расстаться с девственностью. И вдруг мне пришло в голову, что, если я спрячу твою одежду…

– О нет.

– Да. В общем, я перепрятала твои вещи… – Мне немного стыдно вспоминать об этом, но уже слишком поздно.

– Ну?

– Ну, ты появился, и я дразнила тебя, пока ты не вышел из себя.

– И?

– И ты набросился на меня и придавил, и где-то секунд тридцать мы оба думали: «Вот оно». В смысле, это не выглядело как изнасилование, потому что я была полностью за. Но потом у тебя на лице появилось такое выражение, и ты сказал: «Нет», поднялся и ушел. Ушел прямо через долину, к лесу, и я не видела тебя три недели.

– Ух ты! Не думал, что я такой благородный.

– Меня эта история до того расстроила, что следующие два года я изо всех сил старалась вести себя подобающим образом.

– Слава богу. Не могу представить, что мне пришлось бы так испытывать свою волю постоянно.

– Да, но тебе придется, и это так здорово. Долгое время я на самом деле думала, что не нравлюсь тебе. Конечно, если мы собираемся провести всю нашу жизнь в постели, думаю, тебе будет не очень трудно удержать свои страсти в моем прошлом.

– Ну, знаешь, я не шучу, мне действительно хочется так много секса. Я понимаю, что это нереально. Но я хотел сказать тебе, что теперь я совсем другой. Просто… я чувствую, что не могу без тебя. И думаю, именно это удерживает меня в настоящем. Физическая связь, такая, как у нас сейчас, делает меня другим человеком. – Генри поглаживает мою руку своими пальцами. Поднимает взгляд. – У меня кое-что для тебя есть. Иди сюда и сядь.

Я встаю и иду за ним в гостиную. Он превращает кровать в диван, я опускаюсь на него. Солнце садится, и комнату заливает розово-оранжевый свет. Генри открывает ящик стола, лезет в картотечную папку и достает маленькую атласную коробочку. Садится немного в стороне от меня; наши колени соприкасаются. «Наверное, он слышит, как бьется мое сердце, – думаю я. – Неужели это случилось?» Генри берет мои руки и серьезно смотрит мне в глаза. «Я ждала этого так долго, и вот этот момент настал, и мне так страшно».

– Клэр?

– Да? – Голос у меня тихий и напуганный.

– Ты знаешь, что я люблю тебя. Ты выйдешь за меня замуж?

– Да… Генри. – У меня появляется мощнейшее ощущение *déjà vu*. – Но знаешь, ведь это уже случилось.

31 мая 1992 года, воскресенье (Клэр 21, Генри 28)

КЛЭР: Мы с Генри стоим в вестибюле дома, в котором он вырос. Мы уже немного опоздали, но не торопимся, просто стоим. Генри облокотился на почтовые ящики и медленно дышит с закрытыми глазами.

– Не волнуйся, – говорю я. – Ничего хуже, чем встреча с моей мамой, быть не может.

– Твои родители были очень добры ко мне.

– Но мама… непредсказуема.

– Мой отец – тоже.

Генри вставляет ключ в замочную скважину, мы проходим наверх, Генри стучит в дверь. Она немедленно распахивается, и на пороге стоит крошечная пожилая кореянка – Кимми. На ней синее шелковое платье и ярко-красная помада, брови подведены немного неровно. Черные волосы с проседью заплетены в косы и закручены в кольца над ушами. По какой-то причине она напоминает мне Рут Гордон[70]. Она подходит к моему плечу, откидывает назад голову и говорит:

– О, Генри! Какая она красивая!!!

Я чувствую, что краснею.

Генри говорит:

– Кимми, где твои хорошие манеры?

– Добрый день, мисс Клэр Эбшир! – смеется она.

– Добрый день, миссис Ким, – отвечаю я, и мы улыбаемся друг другу.

– О, называй меня просто Кимми, все зовут меня Кимми.

Я киваю и иду за ней в гостиную, где в кресле сидит отец Генри.

Он ничего не говорит, просто смотрит на меня. Отец Генри худой, высокий, угловатый и уставший. Он не очень похож на Генри. У него короткие седые волосы, темные глаза, длинный нос и тонкие губы с немного опущенными уголками. Он сидит в кресле сгорбившись, я вижу его руки, длинные элегантные руки, которые лежат на коленях, как свернувшаяся клубком кошка.

– Папа, это Клэр Эбшир, – говорит Генри. – Клэр, это мой отец, Ричард Детамбль.

Мистер Детамбль медленно протягивает руку, я делаю шаг вперед и пожимаю ее. Рука холодная как лед.

– Добрый день, мистер Детамбль. Очень рада познакомиться с вами.

– Правда? Значит, Генри не много обо мне рассказывал. – Голос у него хриплый и саркастический. – Мне придется соответствовать вашему оптимизму. Присаживайтесь рядом. Кимми, принесешь нам немного выпить?

– Я как раз собиралась спросить… Клэр, что ты будешь? Я приготовила сангрию, ты ее любишь? Генри, а ты как? Сангрию? Хорошо. Ричард, тебе пиво?

На секунду все замирают. Потом мистер Детамбль отвечает:

– Нет, Кимми. Думаю, мне просто чай. Приготовь, будь добра. – Кимми улыбается и исчезает на кухне, а мистер Детамбль поворачивается ко мне и говорит: – Я немного простыл. Принял какой-то порошок от простуды, но, боюсь, с него мне захочется спать.

Генри сидит на диване и смотрит на нас. Вся мебель в комнате белая и выглядит так, будто ее купили на распродаже году где-то в сорок пятом. Обивка защищена прозрачным цел-

---

[70] *Рут Гордон* (1896–1985) – американская актриса, писательница и драматург, лауреат «Оскара» за роль второго плана в «Ребенке Розмари» (1968) Романа Полански; также прославилась главной ролью в черной комедии Хэла Эшби «Гарольд и Мод» (1971).

лофаном, на белом ковре виниловые дорожки. Еще камин, который выглядит так, будто им никогда не пользовались; над ним – прекрасная картина тушью: бамбук в ветреную погоду.

– Какая красивая картина, – говорю я, потому что остальные молчат.

– Вам понравилось? – Мистер Детамбль выглядит польщенным. – Мы с Аннетой привезли ее из Японии в шестьдесят втором. Купили ее в Киото, но вообще она из Китая. Мы думали, что Кимми и Донгу она понравится. Это копия семнадцатого века, с еще более старой картины.

– Расскажи Клэр стихотворение, – говорит Генри.

– Да. Стихотворение звучит примерно так: «Бамбук неразумен, хотя его мысли кружат в облаках. Стоит на одинокой горе, тихий, исполненный достоинства, он олицетворяет волю благородного господина. Нарисовано и написано с легким сердцем, Ву Чен».

– Как прекрасно, – говорю я.

Появляется Кимми с подносом напитков, мы с Генри берем по бокалу сангрии, а мистер Детамбль аккуратно берет чай двумя руками; чашка звенит о блюдечко, когда он ставит их перед собой. Кимми садится в маленькое кресло у камина и потягивает сангрию. Я пробую и понимаю, что напиток очень крепкий. Генри бросает на меня взгляд и поднимает брови.

– Тебе нравятся сады, Клэр? – спрашивает Кимми.

– О да. Моя мама увлекается садоводством.

– Тебе нужно пойти посмотреть на наш садик. У меня сейчас все пионы цветут, и мы обязательно покажем тебе реку.

– Звучит заманчиво.

Все выходят в сад. Я восхищаюсь зрелищем того, как Чикаго мирно течет рекой у подножия шаткой лестницы; любуюсь пионами.

– А какой сад у твоей мамы? – спрашивает Кимми. – Она розы выращивает?

У Кимми есть крошечный, но ухоженный розарий, там все гибридные чайные розы, насколько я понимаю.

– У нее тоже есть розарий. Вообще-то, мама обожает ирисы.

– О! У меня ирисы тоже есть. Они вон там. – Кимми указывает на кучку ирисов. – Их пора рассадить, твоей маме не нужны?

– Не знаю. Я спрошу у нее. – У мамы больше двух сотен разновидностей ирисов. Я замечаю, что Генри улыбается за спиной Кимми, и хмурюсь. – Я спрошу, может, она вам своих ирисов даст; у нее есть некоторые виды, которые она сама вырастила, и она любит раздавать их друзьям.

– Твоя мама выращивает ирисы? – спрашивает мистер Детамбль.

– Ага. И еще тюльпаны, но ирисы – ее любимые.

– Она профессиональный садовод?

– Нет, просто любитель. У нее есть садовник, который делает основную работу, и еще несколько человек приходят время от времени постричь газон или сорняки прополоть, например.

– Наверное, у вас большой сад, – замечает Кимми.

Она ведет нас обратно в дом. В кухне как раз звенит таймер.

– Отлично, – говорит Кимми. – Время обеда.

Я спрашиваю, нужно ли помочь, но Кимми дружелюбно отмахивается. Я сажусь напротив Генри. Его отец садится по правую сторону от меня, а место Кимми – по левую. Замечаю, что на мистере Детамбле свитер, хотя довольно тепло. У Кимми очень красивый фарфор, разрисованный колибри. Перед каждым на столе стоит запотевший стакан с холодной водой. Кимми наливает нам белого вина. Она немного замешкалась у бокала отца Генри, но он качает головой, и она не наливает ему. Приносит салаты и садится. Мистер Детамбль поднимает свой стакан с водой.

– За счастливую пару, – говорит он.

– За счастливую пару, – отвечает Кимми, мы чокаемся и пьем. – Итак, Клэр, Генри сказал, что ты художница. А чем ты занимаешься?

– Бумагой. Скульптурами из бумаги.

– О! Покажешь как-нибудь, потому что я такого не представляю. Это как оригами?

– Нет, не совсем.

– Похоже на тех немецких художников, которых мы видели в Институте искусств, – вмешивается Генри. – Ну, Ансельм Кайфер. Большие, темные, пугающие скульптуры из бумаги.

– Зачем такой милой девушке заниматься такими ужасными вещами? – озадаченно спрашивает Кимми.

– Это искусство, Кимми, – смеется Генри. – К тому же это красиво.

– Я использую много цветов, – говорю я Кимми. – Если вы дадите мне сушеные розы, я прикреплю их на композицию, которой занимаюсь сейчас.

– Хорошо, – говорит она. – А над чем ты работаешь?

– Это огромная ворона из роз, волос и волокон лилейника.

– Ух ты! А почему ворона? Вороны предвещают неудачу.

– Разве? Мне кажется, они прекрасны.

Мистер Детамбль поднимает одну бровь и на мгновение выглядит совершенно как Генри.

– У вас оригинальное представление о красоте, – говорит он.

Кимми поднимается и убирает наши пустые тарелки, приносит блюдо с зелеными бобами и пышущую жаром «жареную утку под розовым соусом с малиной и перцем». Просто волшебно. Я понимаю, где Генри научился готовить.

– Ну, как вам? – спрашивает Кимми.

– Великолепно, – отвечает мистер Детамбль, и я присоединяюсь к похвалам.

– Может, немного поменьше сахара? – спрашивает Генри.

– Да, думаю, так и надо, – отвечает Кимми.

– Ну просто на удивление нежно, – добавляет Генри, и Кимми улыбается.

Я протягиваю руку за бокалом вина. Мистер Детамбль кивает мне и говорит:

– Кольцо Аннеты тебе очень идет.

– Оно прекрасно. Спасибо, что позволили мне его носить.

– Это кольцо хранит много историй. Оно было изготовлено в Париже в тысяча восемьсот двадцать третьем году для моей прапрапрабабушки Джоан, приехало в Америку в тысяча девятьсот двадцатом с моей бабушкой Иветтой и лежало в ящике с шестьдесят девятого, когда умерла Аннета. Приятно видеть, что оно наконец снова увидело свет.

Я смотрю на кольцо и думаю: «Оно было на маме Генри, когда она погибла». Бросаю взгляд на Генри, который, кажется, думает о том же, и на мистера Детамбля, который ест утку.

– Расскажите мне об Аннете, – прошу я мистера Детамбля.

Он откладывает вилку и ставит локти на стол, прикладывая ладони ко лбу. Смотрит на меня из-под ладоней.

– Ну, уверен, Генри тебе уже кое-что рассказал.

– Да, немного. Я выросла, слушая ее пластинки; мои родители – ее большие поклонники.

– А, – улыбается мистер Детамбль, – ну тогда ты знаешь, что у Аннеты был самый восхитительный голос… богатый и чистый, такой голос, такой диапазон… Она могла излить свою душу в голосе, и, слушая ее, я чувствовал, что состою не только из атомов… Она действительно слышала, понимала структуру и могла точно сказать, что именно в этом музыкальном произведении заставляет его звучать так… Она была очень эмоциональным человеком, моя Аннета. И она заражала этим других. После того как она умерла, я не думал, что смогу снова чувствовать что-либо.

Он останавливается. Я не могу смотреть на него, перевожу взгляд на Генри. А он смотрит на отца с такой непередаваемой грустью, что я опускаю глаза.

– Но вы спросили об Аннете, а не обо мне, – продолжает мистер Детамбль. – Она была доброй – и великолепным артистом; такое сочетание встретишь нечасто. Аннета делала людей счастливыми; и сама была счастлива. Она любила жизнь. Я только два раза видел, как она плачет: первый раз, когда я подарил ей это кольцо, и второй – когда родился Генри.

Опять пауза. Наконец я говорю:

– Вам очень повезло.

Он улыбается, все еще закрыв руками лицо.

– Ну, и да и нет. Сначала у нас было все, о чем только можно мечтать, и потом в одно мгновение ее разметало по тому шоссе.

Генри морщится.

– Но разве вы не думаете, – настаиваю я, – что лучше недолго быть невероятно счастливым, даже если потом это теряешь, чем жить долго и не испытать подобного?

Мистер Детамбль молчит. Убирает руки от лица и смотрит на меня:

– Я сам часто об этом думал. Вы верите в это?

Я размышляю о своем детстве, обо всех ожиданиях, вопросах, радости оттого, что вижу Генри, который идет по долине и которого я не видела недели, месяцы, и думаю, каково это было – не видеть его два года и потом вдруг встретить в читальном зале библиотеки в Ньюберри. Вспоминаю радость оттого, что могу до него дотронуться, восторг, потому что знаю, где он, знаю, что он меня любит.

– Да, – отвечаю я. – Я верю.

Встречаюсь взглядом с Генри и улыбаюсь ему.

– Генри сделал правильный выбор, – кивает мистер Детамбль.

Кимми уходит, чтобы принести кофе, и, пока она на кухне, мистер Детамбль продолжает:

– Он не способен принести человеку покой. Вообще-то, во многом он противоположен своей матери: ненадежный, изменчивый и на самом деле не особенно заботится о ком-то, кроме себя. Скажите, Клэр, почему такая очаровательная девушка, как вы, хотите быть его женой?

Кажется, все в комнате затаило дыхание. Генри застыл и молчит. Я наклоняюсь над столом поближе к мистеру Детамблю и восторженно говорю, как будто он меня спросил, какое мороженое мне нравится:

– Потому что он очень, *очень* хорош в постели.

Из кухни раздается взрыв хохота. Мистер Детамбль бросает взгляд на Генри, тот поднимает брови и улыбается; и даже Детамбль наконец улыбается и говорит:

– *Touché*[71], дорогая.

Потом, после того как мы выпили кофе и съели восхитительный миндальный пирог Кимми, после того как Кимми показала мне фотографии: маленький Генри, потом чуть подросший, потом на школьном выпуске (к величайшему смущению Генри); после того как Кимми вытащила из меня побольше сведений о моей семье («Сколько комнат? Так много! Эй, приятель, ты почему не сказал мне, что она красивая *и* богатая?»), все подошли к входной двери, я благодарю Кимми за обед, и она желает спокойной ночи мистеру Детамблю.

– Было приятно познакомиться, Клэр, – говорит он. – Но ты должна называть меня Ричардом.

– Спасибо… Ричард.

Он жмет мне руку, и на секунду, всего на одну секунду я вижу его таким, каким видела его Аннета много лет назад, – и потом это исчезает, он неловко кивает Генри, тот целует Кимми,

[71] Не в бровь, а в глаз *(фр.)*.

и мы выходим в летний вечер. Кажется, что с того момента, когда мы зашли внутрь, прошли годы.

– Уф-ф, – говорит Генри. – Я умер тысячу раз, кошмар.

– Я справилась?

– Справилась? Ты была великолепна! Ты ему понравилась!

Мы идем по улице, держась за руки. В конце квартала детская площадка, я бегу к качелям и сажусь, Генри садится на соседние лицом ко мне, и мы раскачиваемся сильнее и сильнее, пролетаем друг мимо друга, иногда в унисон, иногда проносимся так быстро, что кажется, сейчас столкнемся, и мы смеемся, смеемся, и нет грусти, и нет утрат, и смерти, и расставания: прямо сейчас мы здесь, и ничто не может помешать нашему восторгу или украсть радость этого идеального момента.

10 июня 1992 года, среда (Клэр 21)

КЛЭР: Я сижу одна за крошечным столиком у окна кафе «Перголезе», маленькой крысиной норы с репутацией и прекрасным кофе. Предполагается, что я работаю над курсовой по «Алисе в Стране чудес», курс истории гротеска, который сдаю этим летом; но вместо этого я мечтаю, лениво смотрю на людей, спешащих по Халстед-стрит в конце рабочего дня. Я нечасто захожу в «Город мальчиков». Мне кажется, что я сделаю больше, если буду где-то, где меня никто не подумает искать. Генри исчез. Его нет дома и сегодня не было на работе. Пытаюсь не беспокоиться о нем. Пытаюсь развить в себе это беззаботное отношение. Генри сам позаботится о себе. Если я не знаю, где он, это не означает, что с ним что-то случилось. Кто знает? Может, он со мной.

Кто-то стоит на другой стороне улицы и машет мне рукой. Прищуриваюсь и понимаю, что это та самая коротышка-негритянка, которая была с Ингрид тогда в «Арагоне». Селия. Я машу в ответ, и она переходит через дорогу. Внезапно она оказывается перед моим носом. Она такая маленькая, одного роста со мной, хотя я сижу, а она стоит.

– Привет, Клэр, – говорит Селия.

Голос медовый. Хочется завернуться в ее голос и уснуть.

– Привет, Селия. Присаживайся.

Она садится напротив меня, и я понимаю, что у нее очень короткие ноги: усевшись, она стала выглядеть как нормальный человек.

– Я слышала, что ты обручилась.

Я поднимаю руку и показываю ей кольцо. Подходит официант, и Селия заказывает кофе по-турецки. Она смотрит на меня и коварно улыбается. Зубы у нее белые, длинные и кривые. Глаза большие, ресницы наполовину прикрывают глаза, как будто она засыпает. Дреды собраны и высоко заколоты розовыми палочками для еды, которые сочетаются с ее блестящим розовым платьем.

– Ты или храбрая, или сумасшедшая, – говорит она.

– Все так говорят.

– Ну, теперь-то ты должна знать.

Я улыбаюсь, пожимаю плечами, делаю глоток кофе, который остыл и слишком сладкий.

– Ты знаешь, где сейчас Генри?

– Нет. А ты знаешь, где сейчас Ингрид?

– Ага. Она сидит у барной стойки в Берлине, ждет меня. – Селия смотрит на часы. – Я опаздываю. – Свет от фонарей превращает ее загар сначала в синий, а потом в бордовый. Она выглядит как чарующая марсианка и улыбается мне. – Генри бежит по Бродвею голый с оравой скинхедов на хвосте.

«О нет!»

Официант приносит кофе Селии, и я указываю на свою чашку. Он доливает кофе, я аккуратно насыпаю сахар и размешиваю. Селия ставит ложечку прямо в своей крошечной чашке кофе по-турецки. Он черный и густой, как патока. «Жили-были три сестрички… а жили они на дне колодца… Так почему же они жили на дне колодца?.. Потому что в колодце была патока».

Селия ждет, когда я что-нибудь отвечу. «Размешивай сахар, пока думаешь, что сказать. Это растягивает время».

– Правда? – «О, гениально, Клэр».

– Кажется, ты не очень расстроена. Если бы мой мужчина бегал нагишом, я бы немного удивилась.

– Ну, Генри – не обыкновенный мужчина.

– Да ты что, сестренка? – смеется Селия.

Что она знает? Что знает Ингрид? Селия наклоняется ко мне, потягивает кофе, широко открывает глаза, поднимает брови и сжимает губы:

– Ты действительно *выйдешь за него*?

– Если не веришь, приходи на свадьбу, убедишься лично, – говорю я, не думая.

– На свадьбу? – качает головой Селия. – Ты же знаешь, я Генри не нравлюсь. Ничуть.

– Ну, кажется, ты тоже от него не в восторге.

– Сейчас – в самом что ни на есть восторге, – ухмыляется Селия. – Он кинул мисс Ингрид Кармайкл, *здорово кинул,* и я теперь собираю кусочки. – Она снова бросает взгляд на часы. – Кстати, об Ингрид. Я опаздываю на встречу. – Селия встает и говорит: – Хочешь, пойдем вместе.

– О нет, спасибо.

– Давай, детка. Вам с Ингрид следует познакомиться поближе. У вас столько общего. Устроим маленький девичник.

– В Берлине?

– Не в городе, – смеется Селия. – Это бар.

Смех у нее карамельный; кажется, он должен принадлежать более мощному телу. Я не хочу идти с ней, но…

– Не думаю, что это хорошая идея, – говорю я, глядя Селии в глаза. – Это подло.

Она смотрит в ответ, и я думаю о змеях, о кошках. «Едят ли кошки мошек?.. Едят ли мошки кошек?»

Селия бросает взгляд на мою тетрадь.

– Это что, домашняя работа? А, ты ж у нас студентка! Так вот, послушай свою старшую сестренку Селию, которая лучше знает, что хорошо для маленьких школьниц… Эй, а тебе пить-то можно?

– Да, – гордо отвечаю я. – Уже три недели.

– Пойдем-пойдем-пойдем. – Селия наклоняется ко мне. От нее пахнет корицей. – Тебе нужно пожить своей жизнью, прежде чем станешь женушкой мистера библиотекаря. Пойдем, пойде-е-ем, Клэр. Не успеешь глазом моргнуть, окажешься по уши в библиотекарских детишках и памперсах, провонявших десятичной системой Дьюи.

– Я правда не думаю…

– Тогда ничего не говори, просто *пойдем*.

Селия собирает мои книги и умудряется опрокинуть маленький молочник. Я начинаю вытирать лужицу, но Селия разворачивается и выходит из кафе с моими книгами. Я бегу за ней.

– Селия, не надо, мне нужно…

Для человека с короткими ногами и на шпильках она идет очень быстро.

– И не думай, не отдам, пока не пообещаешь пойти со мной.

– Ингрид это не понравится.

Мы идем нога в ногу, направляясь на юг по Халстед, к Белмонту. Я не хочу видеть Ингрид. Первый и последний раз, когда я ее видела, были на *Violent Femmes*, и мне хватило.

– Конечно понравится. Ингрид очень тобой интересовалась.

Мы поворачиваем на Белмонт, проходим мимо тату-салонов, индийских ресторанов, магазинов кожаной одежды и магазина церковной утвари. Проходим под очередной вывеской, и вот он, «Берлин». Снаружи выглядит не очень заманчиво; окна выкрашены в черный цвет, и я слышу, как внутри, в темноте, за тощим веснушчатым мальчишкой, который проверяет удостоверение личности у меня, а не у Селии, гремит диско. Парень ставит нам штампики на запястья и дозволяет окунуться в хаос.

Когда глаза привыкают к темноте, я понимаю, что в зале одни женщины. Женщины столпились у крошечной сцены, глядя, как стриптизерша извивается в блестящих стрингах и колпачках на сосках. Женщины смеются и флиртуют в баре. Это «Ночь женщин». Селия тянет меня к столику. Ингрид сидит одна, перед ней высокий стакан небесно-голубой жидкости. Она поднимает глаза, и я понимаю, что она не очень рада видеть меня. Селия целует Ингрид и указывает мне на стул. Я по-прежнему стою.

– Привет, детка, – говорит Селия Ингрид.

– Ты шутишь, что ли? Зачем ты ее притащила?

Обе не обращают на меня внимания. Селия по-прежнему прижимает к себе мои книжки.

– Все в порядке, Ингрид. Она нормальная. Я решила, что ты захочешь получше познакомиться с ней, вот и все.

Селия вроде как извиняется, но даже я вижу, что ей в радость замешательство Ингрид.

– Зачем ты пришла? Посмеяться? – спрашивает меня Ингрид.

Она откидывается на своем стуле и задирает подбородок. Ингрид выглядит как блондинка-вампирша: черный бархатный жакет, кровавая помада. Она восхитительна. Я чувствую себя деревенской школьницей. Протягиваю руку Селии, и она отдает мои книги.

– Я не хотела идти сюда. Сейчас уйду.

Начинаю поворачиваться, но Ингрид выбрасывает вперед руку и хватает меня за кисть.

– Подожди…

Она дергает меня за левую руку, я теряю равновесие, книги падают. Я пытаюсь вырваться, а Ингрид говорит:

– Ты *обручена*?

И я понимаю, что она смотрит на кольцо Генри.

Я молчу. Ингрид поворачивается к Селии:

– Ты знала, так? – (Селия смотрит вниз и молчит.) – Ты привела ее сюда, чтобы растоптать меня, сука!

Она говорит очень тихо. Я едва слышу через громкую музыку.

– Нет, Инг, я просто…

– Да пошла ты, Селия.

Ингрид встает. На секунду ее лицо оказывается очень близко к моему, и я представляю, как Генри целует эти красные губы. Ингрид смотрит на меня и говорит:

– Передай Генри, чтобы шел к черту. Я его в гробу видела.

И уходит. Селия сидит, закрыв лицо руками.

Я начинаю собирать книги. Поворачиваюсь уходить, и Селия говорит:

– Подожди.

Останавливаюсь.

– Прости, Клэр.

Пожимаю плечами. Иду к двери, поворачиваюсь и вижу, что Селия сидит за столиком одна, пьет напиток Ингрид, подперев голову рукой. На меня не смотрит.

На улице я иду быстрее и быстрее, пока не дохожу до машины, еду домой, иду в свою комнату, ложусь на постель, звоню Генри, но его нет дома. Я выключаю свет, но не сплю.

Химия поможет

5 сентября 1993 года, воскресенье (Клэр 22, Генри 30)

КЛЭР: Генри погружен в зачитанный «Справочник практикующего терапевта». Нехороший признак.

– Никогда не думала, что ты наркоман.

– Я не наркоман. Я алкоголик.

– Ты не алкоголик.

– Конечно алкоголик.

Я ложусь на его диван и кладу ноги ему на колени. Генри ставит книгу на мои голени и продолжает пролистывать страницы.

– Ты совсем немного пьешь.

– Раньше больше. Я снизил дозу после того, как чуть не убился. Ну и отцовский пример перед глазами.

– Что ты ищешь?

– Что-нибудь на свадьбу. Не хочу оставить тебя стоять перед алтарем на глазах у четырех сотен людей.

– Да. Мысль неплохая. – Я представляю себе ситуацию и вздрагиваю. – Давай сбежим.

– Давай. – Он смотрит на меня. – Я только за.

– Родители от меня отрекутся.

– Ни за что.

– Ты просто внимания не обращал. Это крупная бродвейская постановка. Мы – просто способ для моего отца щедро развлечь своих дружков-юристов и произвести на них впечатление. Если мы пойдем на попятную, им придется нанять актеров, чтобы нас заменить.

– Давай пойдем в ратушу и поженимся до этого. И потом, что бы ни случилось, мы, по крайней мере, будем уже женаты.

– Да, но… мне это не по душе. Это будет обман… и это мне не нравится. Как насчет того, чтобы пойти в ратушу после, если на венчании что-нибудь случится?

– Отлично. План Б.

Он протягивает руку, и я ее пожимаю.

– И как, нашел что-нибудь в справочнике?

– Ну, в идеале мне нужно что-то типа нейролептика под названием риспедал, но на рынке он появится только в девяносто четвертом. Еще есть хорошая вещь клозарил и, третьим номером, хардол.

– Названия как у хайтековских средств от кашля.

– Это все антипсихотики.

– Правда?

– Да.

– Но ты же не псих.

Генри смотрит на меня, корчит жуткую рожу и царапает воздух, как оборотень в немом кино. Потом довольно спокойно говорит:

– На электроэнцефалограмме у меня мозг как у шизофреника. Не один врач настаивал, что моя галлюцинация о перемещении во времени имеет шизофреническую природу. Эти препараты блокируют рецепторы допаминов.

– Побочные эффекты есть?

– Ну… дистония, акатизия, псевдопаркинсонизм. То есть непроизвольные мышечные сокращения, беспокойство, судороги, нервные движения, бессонница, неподвижность, неконтролируемое выражение лица. И также – поздняя дискенсия, хроническая неспособность контролировать лицевые мышцы, агранулоцитоз, хроническая неспособность организма вырабатывать белые кровяные тела. И потом, потеря сексуальных функций. Дело в том, что все препараты, доступные на данный момент, по сути транки.

– Ты же не собираешься на самом деле принимать их, да?

– Ну, раньше я принимал хардол. И торазин.

– И?..

– Просто ужас. Я был как натуральный зомби. Казалось, что вместо мозгов у меня – резиновый клей.

– А еще что?

– Валиум. Либриум. Ксанакс.

– Мама их принимает. Ксанакс и валиум.

– Да, это логично.

Он корчит рожу, отбрасывает справочник терапевта и говорит:

– Иди сюда.

Мы возимся на диване, пока не прижимаемся друг к другу. Очень уютно.

– Не принимай ничего.

– Почему?

– Ты не болен.

– Вот за это я тебя люблю, – смеется Генри. – За твою слепоту к моим ужасным порокам.

Он расстегивает на мне блузку, и я обнимаю его. Он смотрит на меня, выжидая. Я немного злюсь.

– Я не понимаю, почему ты так об этом говоришь. Ты постоянно говоришь о себе ужасные вещи. Ты же не такой. Ты хороший.

Генри смотрит на мою руку и прижимает меня ближе.

– Я не хороший, – тихо говорит он мне на ухо. – Но, может, я им стану, мм?

– Да уж стань, пожалуйста.

– Я хороший для тебя. – (Это точно.) – Клэр?

– Мм?

– Тебе никогда не мешала заснуть мысль о том, что я – шутка, которую играет над тобой Господь?

– Нет. Я не могу заснуть только от беспокойства, что ты можешь исчезнуть и никогда не вернуться. Я не могу заснуть, размышляя о вещах, которые я вроде как знаю о будущем. Но вот в чем я абсолютно уверена: мы созданы, чтобы быть вместе.

– Абсолютно уверена…

– А ты разве нет?

Генри целует меня.

– «Ни время, ни судьба, ни смерть сама / Желанья моего не умалят»[72].

– Что?

– Это про меня.

– Хвастун.

– Ну и кто говорит обо мне ужасные вещи?

[72] Из стихотворения Фрэнсиса Куорлза (1592–1644) «Возлюбленный мой принадлежит мне», в 1947 г. положенного на музыку Бенджамином Бриттеном. Перевод Валерия Вотрина.

6 сентября 1993 года, понедельник (Генри 30)

ГЕНРИ: Сижу на ступенях грязно-белого алюминиевого домика в Гумбольдт-Парке. Утро, понедельник, часов десять. Я жду, когда вернется Бен. Интересно, где его носит. Мне не очень нравится этот район; я чувствую себя вроде как незащищенным, сидя у двери Бена, но он нечеловечески пунктуален, поэтому я продолжаю ждать. Смотрю, как две пуэрториканки катят детские коляски по разбитому и неровному тротуару. Размышляя о перекосе в работе городских служб, я вдруг слышу вопль: «Книжный мальчик!» Поворачиваюсь на голос, и, разумеется, это Гомес. Невольно издаю стон; у Гомеса потрясающий талант натыкаться на меня, когда я собираюсь сделать что-то особенно неприглядное. Надо избавиться от него, пока не показался Бен.

Гомес подходит ко мне со счастливой улыбкой. На нем костюм, в руке атташе-кейс. Я вздыхаю.

– *Ça va*[73], товарищ.

– *Ça va*. Что ты здесь делаешь?

Хороший вопрос.

– Жду приятеля. Сколько сейчас времени?

– Пятнадцать минут одиннадцатого. Шестое сентября тысяча девятьсот девяносто третьего года, – любезно подсказывает он.

– Я знаю, Гомес. Но все равно спасибо. Ты от клиента идешь?

– Да. Девочка, десять лет. Дружок матери заставил ее выпить «Драно»[74]. Как я устал от людей.

– Да. Слишком много маньяков и дефицит Микеланджело.

– Ты обедал? Или, наверное, надо спросить: завтракал?

– Да. Мне нужно тут остаться, я друга жду.

– Не знал, что твои друзья живут здесь. Все люди отсюда, которых я знаю, ужасно нуждаются в услугах юриста.

– Приятель по школе библиотекарей.

А вот и он. Бен подъезжает на своем серебристом «мерседесе» шестьдесят второго года. Внутри всё в лохмотьях, но снаружи машина – просто конфетка. Гомес тихо присвистывает.

– Извини, что опоздал, – говорит Бен, подъезжая к нам. – Вызов на дом.

Гомес пристально смотрит на меня. Я не обращаю внимания. Бен смотрит на Гомеса, потом на меня.

– Гомес, Бен. Бен, Гомес. Извини, друг, но мне пора.

– Вообще-то, у меня пара часов свободных…

Бен принимает подачу:

– Приятно познакомиться, Гомес. В другой раз, ладно?

У Бена плохое зрение, и он добродушно смотрит на Гомеса сквозь толстые линзы очков, увеличивающие глаза раза в два. Бен позвякивает ключами в руке. Меня это нервирует. Мы оба стоит молча, ожидая, когда Гомес уйдет.

– Хорошо. Ну, тогда пока, – говорит Гомес.

– Я позвоню после обеда, – говорю я.

Он поворачивается и уходит, не глядя на меня. Я чувствую себя неловко, но есть вещи, о которых Гомес знать не должен, и это одна из них. Мы с Беном обмениваемся взглядом, озна-

---

[73] Привет *(фр.)*.

[74] Жидкость для прочистки труб.

чающим: мы знаем друг о друге такое, что в случае огласки возникнут проблемы. Он открывает входную дверь. У меня всегда руки чесались попробовать вломиться к Бену в дом, потому что там так много разных замков и защитных устройств. Проходим в темный узкий коридор. Здесь всегда пахнет капустой, хотя я точно знаю, что Бен никогда ничего съедобного не готовит, тем более капусту. Мы проходим к лестнице в конце дома, наверх, в другой коридор, через одну спальню в другую, где Бен устроил свою лабораторию. Он ставит сумку и снимает куртку. Я почти жду, что он наденет теннисные туфли а-ля мистер Роджерс[75], но вместо этого он начинает возиться с кофеваркой. Сажусь на складной стул и жду, когда Бен закончит.

Бен похож на библиотекаря больше всех остальных моих знакомых. И я действительно встретил его впервые в Розарии, но он ушел оттуда перед окончанием института. Он похудел с прошлого раза, когда я его видел, и волосы еще поредели. У Бена СПИД, и каждый раз, когда я его вижу, я отмечаю изменения, потому что не знаю, что будет с ним.

– Выглядишь хорошо, – говорю я ему.

– Убойные дозы АЗТ. Витамины, йога, медитация. Что я могу для тебя сделать?

– Я женюсь.

Бен сначала удивлен, потом приходит в восторг.

– Поздравляю. На ком?

– Клэр. Ты ее встречал. Девушка с очень длинными рыжими волосами.

– А, да… – Бен мрачнеет. – Она знает?

– Да.

– Ну, отлично. – Он смотрит на меня, как будто хочет сказать, что все очень мило, но онто при чем?

– И ее родители планируют большую свадьбу в Мичигане. Церковь, подружки невесты, рис, кучу денег вбухали. Плюс торжественный прием в яхт-клубе после венчания. Во фраках, никак не меньше.

Бен наливает кофе и протягивает мне кружку с Винни-Пухом. Я насыпаю в чашку порошковые сливки. Здесь, наверху, довольно холодно, кофе пахнет горечью, но, в общем, на вкус ничего.

– Мне нужно быть там. Мне нужно пережить этот восьмичасовой изнуряющий стресс и не исчезнуть.

– А-а. – Бен всегда принимает проблему такой, какая она есть, и меня это очень успокаивает.

– Мне нужно как-то заблокировать все рецепторы допамина, которые во мне есть.

– Наван, халдол, торазин, серентил, мелларил, стелазин…

Бен протирает стекла очков свитером. Без очков он похож на большую лысую мышь.

– Я надеялся, что ты сделаешь для меня вот это. – Я шарю по карманам джинсов в поисках бумажки, нахожу ее и вручаю Бену.

– «3-[2-[4-96-фтор-1,2-бензоксазол-3-у1]… коллоидальная двуокись кремния, гидроксипропил метилцеллюлоза… пропиленгликоль…» – Он читает прищурившись. Затем спрашивает ошеломленно: – Что это?

– Это новое антипсихотическое средство под названием риперидон, на рынке известно как риспедал. Его разрешат продавать в девяносто восьмом году, но я бы хотел попробовать сейчас. Он относится к новому классу препаратов под названием «вторичные бензисоксахолы».

– Где ты это достал?

– «Медицинский вестник». Издание двухтысячного года.

---

[75] *Фред Роджерс* (1928–2003) – автор и ведущий популярнейшей американской телепрограммы для детей «Соседи мистера Роджерса» (1968–2001), а также предшествовавшей ей канадской программы «Мистер Роджерс» (1962–1964).

– Кто его делает?

– «Янссен».

– Генри, ты знаешь, что не очень переносишь антипсихотики. Если, конечно, этот не работает на каком-нибудь радикально ином принципе?

– Они не знают, как он работает. «Избирательный моноаминергический антагонист с высокой близостью к серотонину второго типа, допамину второго типа и так далее».

– В общем, те же яйца, вид сбоку. Почему ты думаешь, что это лучше, чем халдол?

– Это догадка, основанная на массе эмпирических данных, – терпеливо улыбаюсь я. – Наверняка я не знаю. Ты можешь это сделать?

– Да… могу, – поколебавшись, отвечает Бен.

– Насколько быстро? Там эффект кумулятивный, надо, чтобы в организме успела накопиться концентрация.

– Я тебе скажу. Когда свадьба?

– Двадцать третьего октября.

– Хм. А доза?

– Начни пока с одного миллиграмма.

Бен встает и потягивается. В тусклом свете холодной комнаты он кажется старым, больным, кожа как будто бумажная. Часть Бена любит принимать вызов («Эй, давай синтезируем этот чумовой препарат, который еще даже не изобрели»), но другая часть не любит рисковать.

– Генри, ты даже не знаешь, точно ли твоя проблема в допамине.

– Ты видел снимки.

– Да, да. Но почему просто не смириться? Лечение может оказаться хуже самой проблемы.

– Бен, что, если бы я вот так щелкнул пальцами, – я встаю, наклоняюсь к нему и щелкаю пальцами, – и прямо *сейчас* ты оказался бы в спальне Аллена, в восемьдесят шестом году…

– Я б убил этого пидора.

– Но ты не можешь, потому что ты его не убивал. – (Бен закрывает глаза и трясет головой.) – И ты ничего не можешь изменить: он все равно заболеет, и ты заболеешь, *und so weiter*. Что, если бы тебе пришлось смотреть, как он умирает, снова и снова? – (Бен садится на складной стул. На меня он не смотрит.) – Вот каково это, Бен. Да, это здорово. Но в основном это означает растерянность, воровство и попытки просто…

– Справиться. – Бен вздыхает. – Боже, ну почему я иду у тебя на поводу?

– Новизна? Моя мальчишеская привлекательность?

– Помечтай. Эй, а я на свадьбу приглашен?

Я в шоке. Мне никогда не приходило в голову, что Бен захочет прийти.

– Да! Конечно! Правда придешь?

– Это ж лучше, чем похороны.

– Класс! Моя сторона в церкви быстро наполняется. Ты будешь моим восьмым гостем.

– Пригласи всех бывших подружек, – смеется Бен. – Ряды будут ломиться.

– Я бы этого не пережил. Большинство мечтают убить меня.

– Хм.

Бен встает и шарит в одном из ящиков стола. Вытягивает пустой пузырек из-под таблеток, открывает другой ящик, вынимает большую банку с капсулами, открывает ее и перекладывает три капсулы в пустой пузырек. Протягивает мне.

– Что это? – спрашиваю я, открывая банку и вытряхивая таблетки на ладонь.

– Это стабилизатор эндорфина плюс антидепрессант. Это… эй, не надо… – (Я бросаю таблетку в рот и глотаю.) – В основе у него морфий. – Бен вздыхает. – Поосторожней бы ты с таблетками.

– Мне нравятся опиаты.

– Надо думать. Но не надейся, что я позволю тебе съесть их тонну. Дай знать, если решишь, что это сработает на свадьбе. На случай, если это твое средство не получится. Действуют они около четырех часов, поэтому тебе понадобится две штуки. – Бен кивает на оставшиеся две таблетки. – Не жри их просто ради прикола, ладно?

– Честное скаутское.

Бен хмыкает. Я плачу ему за таблетки и ухожу. Спускаясь вниз, чувствую, что меня накрывает, останавливаюсь у подножия лестницы, чтобы насладиться. Проходит какое-то время. Что бы Бен сюда ни примешал, это просто кайф. Это как десятикратный оргазм плюс кокаин, и, кажется, накрывает все сильнее. Выйдя на улицу, я чуть не натыкаюсь на Гомеса. Он ждал меня.

– Тебя подвезти?

– Конечно.

Я глубоко тронут его заботой. Или его любопытством. Или чем бы то ни было. Мы идем к его машине, «шевроле-нова» с двумя битыми фарами. Сажусь на пассажирское сиденье. Гомес садится за руль и захлопывает дверцу. Заводит машину, и мы выезжаем.

Город серый и мрачный, начинается дождь. Жирные капли шлепаются о ветровое стекло, мимо пролетают дома, заколоченные досками или вообще заброшенные. Гомес включает Эн-пи-ар[76], там играет Чарльз Мингус, композиция кажется мне немного растянутой, но почему бы и нет? Это свободная страна. На Эшленд-авеню полно мерзких выбоин, но все остальное просто отлично, довольно хорошо, у меня голова плавная и подвижная, как вытекающая из разбитого градусника жидкая ртуть, и я сдерживаюсь, чтобы не замурлыкать от наслаждения, когда наркотик ласкает все нервные окончания своими крошечными химическими язычками. Мы проезжаем мимо вывесок «Экстрасенс читает карты», «Автомобильные шины Педро», «Бургер-Кинг», «Пицца-Хат», и в голове моей начинает звучать «Я – пассажир»[77], сливаясь с Мингусом. Гомес что-то говорит, но я не улавливаю, потом резко бросает:

– Генри!

– Да?

– Что он тебе дал?

– Точно не знаю. Научный эксперимент, вроде того.

– Зачем?

– Вопрос на пять баллов. Следите за дальнейшими объявлениями.

Мы ничего больше не говорим, пока машина не останавливается напротив квартиры Клэр и Клариссы. Я смущенно смотрю на Гомеса.

– Одного тебя оставлять нельзя, – тихо говорит он мне.

Я не спорю. Гомес открывает входную дверь, и мы поднимаемся наверх. Клэр открывает дверь, и при виде меня лицо ее становится расстроенным, радостным, веселым, все вместе.

КЛЭР: Я уговорила Генри пойти в мою комнату спать, и вот мы с Гомесом сидим в гостиной, пьем чай и едим сэндвичи с ореховым маслом и желе из киви.

– Учись готовить, женщина, – поучает Гомес.

Он выглядит как Чарльтон Хестон, читающий десять заповедей[78].

– Непременно, но в другой раз. – Я размешиваю сахар в чае. – Спасибо, что приехал и привез его.

– Ради тебя, котенок, все, что угодно.

---

[76] NPR (National Public Radio) – Национальное общественное радио – крупнейшая государственная радиостанция США.

[77] «I am a passenger» – из песни Игги Попа «Passenger» (1977).

[78] В библейском эпосе Сесила Б. Демилля «Десять заповедей» Чарльтон Хестон играл Моисея (а Юл Бриннер – фараона Рамзеса).

Он начинает сворачивать сигарету. Гомес – единственный из известных мне людей, кто курит во время еды. Я решаю промолчать. Он прикуривает. Смотрит на меня, и я мысленно готовлюсь.

– Итак, в чем там было дело, а? Большинство людей, которые ездят в благотворительную фармакопею, больны или СПИДом, или раком.

– Ты знаешь Бена?

Не знаю, почему я удивлена. Гомес знает всех.

– Я *слышал* про Бена. Моя мама ездила к Бену, когда сидела на химиотерапии.

– А-а… – Я взвешиваю ситуацию, думая, о чем могу упомянуть без последствий.

– Что бы Бен ему ни дал, Генри начал жутко тормозить.

– Мы пытаемся найти что-то, что поможет Генри оставаться в настоящем.

– Кажется, сейчас его в настоящем можно только как мебель использовать.

– Согласна.

Может, дозу снизить?

– Зачем ты это делаешь?

– Что именно?

– Помогаешь и содействуешь мистеру Мочилову. Выходишь за него замуж, ни больше ни меньше.

Генри зовет меня. Я поднимаюсь. Гомес протягивает руку и хватает меня за локоть.

– Клэр, пожалуйста…

– Гомес, пусти меня.

Я смотрю на него. После длинного, ужасного момента он отводит взгляд и отпускает меня. Бегу по коридору в свою комнату и закрываю дверь.

Генри вытянулся, как кот, по диагонали на кровати, лицом вниз. Я скидываю туфли и вытягиваюсь рядом с ним.

– Как ты? – спрашиваю я у него.

Он переворачивается и улыбается:

– Божественно. – Он гладит меня по лицу. – Хочешь присоединиться?

– Нет.

– Ты такая хорошая, – вздыхает Генри. – Не нужно было пытаться совратить тебя.

– Я не хорошая. Мне страшно.

Мы лежим вместе в тишине очень долго. За окном светит солнце, и я вижу свою спальню в свете дня: изгиб кровати из орехового дерева, фиолетовый с золотом восточный ковер, расческа, губная помада и банка с кремом для рук на ночном столике. Копия «Искусства в Америке» с Леоном Голубом[79] на обложке лежит на сиденье моего старого кресла с распродажи, частично скрытое «A Rebours»[80]. На Генри черные носки. Длинные костлявые ступни свисают с кровати. Он кажется мне таким худым. Глаза Генри закрыты; возможно, он чувствует, что я на него смотрю, потому что открывает глаза и улыбается мне. Волосы падают на его лицо, и я убираю их назад. Генри берет мою руку и целует ладонь. Я расстегиваю его джинсы и нащупываю член, но Генри трясет головой, убирает мою руку и держит ее.

– Извини, Клэр, – тихо говорит он. – В этой штуке есть что-то такое, что закорачивает все системы. Может, попозже.

– Да, в брачную ночь это будет весьма кстати.

Генри трясет головой.

– На свадьбу я это принять не смогу. Слишком весело. В смысле, Бен, конечно, гений, но он привык работать со смертельно больными. Что бы он сюда ни добавил, ощущение –

---

[79] *Леон Голуб* (1922–2004) – американский художник-авангардист и антивоенный активист.

[80] «Наоборот» *(фр.)* – выпущенный в 1884 г. роман французского писателя Жориса Карла Гюисманса (1848–1907).

как будто умираешь. – Он вздыхает и ставит пузырек с таблетками на тумбочку. – Нужно послать это Ингрид. Для нее это то, что надо.

Я слышу, как открывается и захлопывается входная дверь; Гомес ушел.

– Хочешь поесть?

– Нет, спасибо.

– Бен согласен сделать то, другое лекарство для тебя?

– Он собирается попробовать.

– А если оно не подойдет?

– В смысле, если Бен все запорет?

– Да.

– Что бы ни случилось, мы точно будем вместе, пока мне не стукнет сорок три. Поэтому не волнуйся.

«Сорок три?»

– А что случится после этого?

– Не знаю, Клэр. Может, я выясню, как остаться в настоящем.

Он обнимает меня, и мы лежим неподвижно. Когда я просыпаюсь, уже темно, Генри спит рядом со мной. На пузырьке с таблетками блестят красные отсветы цифр электронного будильника. «Сорок три?»

27 сентября 1993 года, понедельник (Клэр 22, Генри 30)

КЛЭР: Я захожу в квартиру Генри и включаю свет. Мы сегодня идем в оперу, на «Призраков Версаля»[81]. Опоздавших в Лирик-оперу не пускают на свои законные места, поэтому я волнуюсь и сначала даже не понимаю, что свет выключен, то есть Генри нет. Когда до меня это доходит, я начинаю злиться, потому что теперь мы точно опоздаем. Затем – мелькает мысль, что он мог исчезнуть. Но тут я слышу дыхание.

Замираю. Дыхание доносится из кухни. Бегу туда, включаю свет и вижу Генри, лежащего на полу, при полном параде, в странной, судорожной позе и с открытыми невидящими глазами. Я замираю, он издает низкий, нечеловеческий звук, это стон, который вибрирует в его горле, прорывается сквозь сжатые зубы.

– О боже, господи!

Звоню 911. Оператор уверяет меня, что «скорая» будет через пару минут. Я сижу на полу в кухне, глядя на Генри, и меня захлестывает волна злости. Нахожу в столе его записную книжку и набираю номер.

– Да? – Голос кажется высоким и далеким.

– Это Бен Мэттесон?

– Да. А кто вы?

– Клэр Эбшир. Послушайте, Бен, Генри лежит на полу, сведенный судорогой, и не может говорить. *Какого черта?*

– Что? Черт! Звони девять один один!

– Уже…

– Препарат симулирует болезнь Паркинсона, ему нужен допамин! Скажи им… черт! Позвони мне из больницы…

– Они уже здесь…

– Отлично! Позвони мне…

Я вешаю трубку, и тут появляются парамедики.

---

[81] Опера американского композитора Джона Корильяно, впервые поставленная в 1991 г.

Позднее, после того как «скорая» приехала в больницу «Мерси», после того как Генри приняли, сделали ему интубацию, подключили к системе и он лежит на больничной койке, прикрепленный к датчикам, расслабленный и спящий, я поднимаю глаза, вижу высокого костлявого парня у двери палаты Генри и вспоминаю, что забыла позвонить Бену. Он входит в палату и встает по другую сторону койки. В комнате темно, и свет, падающий из коридора, очерчивает силуэт Бена, когда он наклоняет голову и говорит:

– Прости. Мне очень жаль.

Я протягиваю руку и дотрагиваюсь до руки Бена.

– Все в порядке. С ним все хорошо. Правда.

– Это полностью моя вина, – качает головой Бен. – Не нужно было делать этого для него.

– Что произошло?

Бен вздыхает и садится на стул. Я сажусь на постель.

– Возможно несколько причин. Может, просто побочный эффект, это могло случиться с любым. Но может, Генри неправильно записал рецепт. В смысле, запомнить его сложно. А проверить нельзя.

Мы оба сидим молча. Капельница качает жидкость в руку Генри. Проходит дежурная с каталкой.

Наконец я говорю:

– Бен?

– Да, Клэр?

– Можешь кое-что для меня сделать?

– Все, что угодно.

– Сними его с этого. Больше никаких препаратов. Таблетки не работают.

Бен улыбается облегченно.

– Просто скажи, что запрещаешь.

– Именно.

Мы смеемся. Бен какое-то время сидит со мной. Когда он собирается уходить, берет меня за руку и говорит:

– Спасибо, что отнеслась к этому с пониманием. Он бы запросто умер.

– Но не умер ведь.

– Да, не умер.

– Увидимся на свадьбе.

– Да.

Мы стоим в холле. В ярком свете дневной лампы Бен кажется усталым и больным. Он кивает и поворачивается, идет по коридору, а я возвращаюсь в палату, где спит Генри.

Поворотный момент

22 октября 1993 года, пятница (Генри 30)

ГЕНРИ: Я прогуливаюсь по Линден-стрит, в Саут-Хейвене, уже около часа, пока Клэр с мамой сидят у флориста. Свадьба завтра, но как у жениха у меня и обязанностей-то никаких нет. В списке моих обязанностей главный пункт – прийти. Клэр постоянно бегает по примеркам, консультациям, подгонкам. Когда я ее вижу, она выглядит довольно грустной.

Сегодня ясный холодный день, и я просто шатаюсь. Жалко, что в Саут-Хейвене нет приличного книжного. Даже в библиотеке здесь в основном Барбара Картленд и Джон Гришэм. У меня с собой Клейст «пингвиновского» издания, но настроение не то. Прохожу мимо магазина антиквариата, булочной, банка, еще одного антикварного. У парикмахерской заглядываю в витрину: там какого-то старичка бреет проворный маленький лысеющий парикмахер, и я сразу понимаю, что нужно сделать.

Маленькие колокольчики звенят над дверью, когда я захожу внутрь. Пахнет мылом, паром, шампунем и стареющей плотью. Все покрашено в бледно-зеленый. Кресло старое, с хромированным орнаментом, вдоль деревянных полок стоят изысканные бутылочки, подносы с ножницами, расческами и бритвами. Атмосфера почти больничная; это очень в стиле Нормана Рокуэлла[82].

Парикмахер смотрит на меня:

– Стрижка?

Я киваю. Он указывает на ряд пустых кресел с прямыми спинками, рядом с которыми с одной стороны на тумбочке аккуратно сложены журналы. По радио передают Синатру. Я сажусь и пролистываю «Ридерз дайджест». Парикмахер стирает следы пены с подбородка старика и наносит лосьон после бритья. Старик осторожно встает с кресла и расплачивается. Парикмахер помогает ему надеть пальто и вручает трость.

– Увидимся, Джордж, – говорит старик, переступая порог.

– Пока, Эд, – отвечает парикмахер. Поворачивается ко мне и спрашивает: – Как будем стричься?

Я прыгаю в кресло, он подходит ко мне очень быстро и разворачивает меня лицом к зеркалу. Я бросаю последний долгий взгляд на свои волосы. Показываю ему большим и указательным пальцами расстояние примерно в дюйм:

– Режьте все.

Он одобрительно кивает и завязывает мне на шее целлофановую накидку. Вскоре его ножницы звенят у меня над головой, и волосы падают на пол. Когда все закончено, он отряхивает меня и снимает накидку. *Voilà,* я обернулся собою будущим.

[82] *Норман Рокуэлл* (1894–1978) – американский художник, чьи сентиментальные идиллические картины часто украшали обложки журналов.

Пусть я буду в церкви вовремя[83]

23 октября 1993 года, суббота (Генри 30, Клэр 22) (6 утра)

ГЕНРИ: Я просыпаюсь в шесть утра. Идет дождь. Я в уютной маленькой зеленой комнате под карнизом, в удобном маленьком мотеле «У Блейка», который находится прямо на южном берегу Саут-Хейвена. Родители Клэр выбрали это место; мой отец спит в такой же милой розовой комнате этажом ниже, рядом с миссис Ким, у которой комната прелестного желтого цвета; бабушка и дедушка в *über*-[84] милой голубой главной комнате. Я лежу на супермягкой кровати под простыней от Лоры Эшли и слышу, как ветер набрасывается на дом. Дождь льет как из ведра. Размышляю, стоит ли побегать под таким ливнем. Слышу, как вода шумит в водосточных желобах и стучит по крыше, находящейся примерно в двух футах от моего лица. Эта комната как чердак. Здесь есть тщедушный маленький стол и письменные принадлежности, на случай если мне в день свадьбы понадобится ручка и дамский блокнотик. Фарфоровый кувшин и таз стоят на комоде; надумай я воспользоваться ими, пришлось бы, видимо, сперва разбить лед на поверхности кувшина, потому что здесь очень холодно. Я чувствую себя как розовый червь в сердцевине этого зеленого дома, как будто я прогрыз путь сюда и теперь должен работать над тем, чтобы превратиться в бабочку или что-нибудь еще. Я еще не совсем проснулся, здесь, сейчас. Слышу чей-то кашель. Слышу, как мое сердце бьется и тот высокий звук, который производит моя нервная система. О боже, пусть это будет нормальный день. Пусть я буду нормально переживать, нормально нервничать; пусть я буду в церкви вовремя, и в этом времени. Пусть я не стану никого пугать, особенно себя. Пусть я проживу этот день свадьбы наилучшим из возможных образов, без спецэффектов. Пусть я не заставлю Клэр страдать. Аминь.

(7 утра)

КЛЭР: Я просыпаюсь в своей постели, в постели своего детства. Выплывая на поверхность из сна, я не могу вспомнить, какое сейчас время: может, Рождество? Или День благодарения? Что, снова третий класс? Или я больна? Почему идет дождь? За желтыми занавесками небо как мертвое, ветер срывает последние листья с большого вяза за окном. Мне всю ночь что-то снилось. Вспоминаю. В одной части сна я плыла по океану, я была русалкой. Я была вроде как новенькой, и более опытная русалка учила меня всему; она объясняла мне, как быть русалкой. Я боялась дышать под водой. Вода попадала мне в легкие, и я не могла понять, как это работает, ощущение было ужасное, и я постоянно выныривала на поверхность и дышала, а одна русалка вечно повторяла мне: «Нет, Клэр, вот так…» – пока наконец я не поняла, что у нее есть жабры на шее, и у меня они тоже есть, и после этого дело пошло веселее. Плавать – это как летать, а рыбы – как птицы… На поверхности океана была лодка, и мы все поплыли смотреть на эту лодку. Это была просто маленькая рыбацкая лодка, и в ней была мама, совсем одна. Я подплыла к ней, и она так удивилась и сказала: «Но, Клэр, я думала, что ты сегодня выходишь замуж», и вдруг я поняла, как это случается в снах, что не смогу выйти за Генри, если буду

---

[83] «Get Me to the Church on Time» – песня Фредерика Лоу на стихи Алана Джея Лернера из их мюзикла «Моя прекрасная леди» (1956).

[84] Сверх– *(нем.)*.

русалкой, и я начала плакать и проснулась посреди ночи. Потом я немного полежала в темноте и решила, что я стала нормальной женщиной, как маленькая русалочка, разве только обошлось без этой ужасной боли в ногах и вырезания языка. Ганс Христиан Андерсен, должно быть, был ужасно странным и грустным человеком. Потом я опять уснула, и вот я лежу в постели, и мы с Генри сегодня женимся.

(7:16)

ГЕНРИ: Церемония начинается в два часа, мне нужно полчаса, чтобы одеться, и двадцать минут, чтобы добраться до Сент-Бэзила. Сейчас 7:16, то есть я должен как-то убить пять часов сорок четыре минуты. Влезаю в джинсы и жуткую старую фланелевую рубашку, сапоги и как можно тише пробираюсь вниз в поисках кофе. Отец меня опередил; он сидит в комнате для завтрака, грея руки об изящную чашку, из которой идет пар. Наливаю себе чашку и сажусь напротив него. Свет, падающий через кружевные занавески на окне, делает отца похожим на привидение; он выглядит как раскрашенная версия черно-белого себя. Волосы у него торчат в разные стороны, и я, не думая, приглаживаю свои волосы, как будто посмотревшись в зеркало. Он делает то же самое, и мы улыбаемся друг другу.

(8:17)

КЛЭР: Алисия сидит на моей постели и тычет меня в бок.

– Ну же, Клэр. Утро настало, птички поют, – (ничего подобного), – лягушки скачут, и пора вставать!

Алисия меня щекочет. Она сбрасывает одеяло, мы боремся, и только я умудряюсь прижать ее, как в комнату просовывает голову Этта и шипит:

– Девочки! Что это еще за грохот? Ваш отец думает, что на дом упало дерево, но нет, это вы, глупышки, пытаетесь убить друг друга. Завтрак почти готов.

После этого Этта резко исчезает, мы слышим, как она топает по ступенькам, и начинаем хохотать.

(8:32)

ГЕНРИ: На улице по-прежнему настоящий ураган, но я все равно собираюсь на пробежку. Изучаю карту Саут-Хейвена («Яркая жемчужина побережья озера Мичиган!»), которую мне дала Клэр. Вчера я бегал по берегу, и это было здорово, но только не сегодня. Я вижу шестифутовые волны, разбивающиеся о берег. Измеряю расстояние в милях и прикидываю, какими кругами буду бегать; если там совсем ужасно, то срежу путь. Я потягиваюсь. Каждый сустав хрустит. Я почти слышу – напряжение вырывается из моих нервов, как шипение из телефонной трубки. Одеваюсь и выбегаю на улицу.

Дождь хлещет по лицу. Моментально промокаю насквозь. Медленно шагаю по Мейпл-стрит. Работа предстоит нелегкая; борюсь с ветром и никак не могу набрать скорость. Прохожу мимо женщины, которая стоит у тротуара со своим бульдогом. Она смотрит на меня с изумлением. Это не просто пробежка, мысленно говорю я ей. Это безысходность.

(8:54)

КЛЭР: Все собираемся на завтрак. Из окон веет холодом, за окнами почти ничего не видно, такой ливень. Интересно, как Генри побежит в такую погоду?

– Идеальная погода для свадьбы, – шутит мама.

– *Я* ее не выбирала, – пожимаю плечами я.

– Правда?

– Выбрал *папа*.

– Ну, я и плачу за это, – раздраженно замечает папа.

– Тоже верно. – Я жую тост.

Мама критически смотрит на мою тарелку:

– Дорогая, возьми немного бекона. И яичницу, а?

Одна мысль о еде заставляет желудок сворачиваться.

– Не могу. Правда. Пожалуйста.

– Ну, хотя бы орехового масла на тост намажь. Тебе нужен белок.

Я переглядываюсь с Эттой, которая уходит в кухню и возвращается через минуту с крошечной хрустальной масленкой. Я благодарю ее и намазываю ореховое масло на тост.

– У меня будет время перед приходом Дженис? – спрашиваю я маму.

Дженис собирается сделать что-то ужасное с моим лицом и волосами.

– Она придет в одиннадцать, а что?

– Мне нужно съездить в город кое за чем.

– Я могу съездить вместо тебя, дорогая.

Она как будто испытывает облегчение при мысли, что можно выбраться из дома.

– Я бы хотела сама съездить.

– Мы можем поехать вместе.

– Нет, я сама.

Я мысленно умоляю ее отступить. Она озадачена, но перестает спорить.

– Ну хорошо, милая.

– Здорово. Я быстро обернусь.

Встаю, чтобы уйти. Папа тихонько кашляет.

– Можно?

– Конечно.

– Спасибо. – И я убегаю.

(9:35)

ГЕНРИ: Я стою в огромной пустой ванной, пытаясь стащить холодную, мокрую насквозь одежду. Новые кроссовки приобрели абсолютно другую форму, напоминают каких-то глубоководных тварей. Я оставил мокрый след от самой входной двери до ванной и надеюсь, что миссис Блейк не будет очень возмущаться.

Кто-то стучит в мою дверь.

– Секунду! – кричу я.

Добираюсь до двери и приоткрываю ее. Это Клэр, я просто глазам своим не верю.

– Пароль? – тихо говорю я.

– Трахни меня! – отвечает Клэр.

Я распахиваю дверь пошире. Клэр заходит, садится на постель и начинает снимать ботинки.

– Ты не шутишь?

– Поторопись, о мой почти-что-муж. К одиннадцати мне нужно вернуться. – Она осматривает меня с головы до ног. – Ты бегал! Не думала, что ты отважишься в такой дождь.

– Отчаянные времена требуют отчаянных решений. – Я стаскиваю футболку и бросаю ее в ванну. Она приземляется со шлепком. – Разве это не плохая примета, когда жених видит невесту до свадьбы?

– Так закрой глаза.

Клэр бежит в ванную и хватает полотенце. Я наклоняюсь, и она вытирает мне волосы. Ощущение великолепное. Я мог бы за этим занятием провести всю жизнь. Да, конечно.

– Тут правда холодно, – говорит Клэр.

– Пойдем в постель, почти жена. Это единственное теплое место здесь.

Мы залезаем в постель.

– Мы все делаем не по порядку, так?

– Тебя это волнует?

– Нет. Я тебя люблю.

– Хорошо. Ты обратилась по адресу со своими несвоевременными потребностями.

(11:15)

КЛЭР: Я возвращаюсь через заднюю дверь и бросаю зонт в кладовку. В прихожей сталкиваюсь с Алисией.

– Где ты была? Дженис уже приехала.

– Сколько времени?

– Одиннадцать пятнадцать. Эй, у тебя рубашка надета задом наперед и наизнанку.

– Кажется, это к удаче, так?

– Может, но лучше переодень нормально, прежде чем пойдешь наверх.

Я ныряю в кладовку и переодеваю рубашку. Потом бегу наверх. Мама и Дженис стоят в коридоре перед моей дверью. У Дженис в руках большая сумка с косметикой и другими пыточными орудиями.

– Вот ты где. Я уже начала волноваться. – Мама ведет меня в мою комнату, Дженис идет следом. – Мне нужно кое-что сказать на кухне.

Она почти заламывает руки, уходя.

Я поворачиваюсь к Дженис, которая критично меня рассматривает:

– У тебя все волосы мокрые и спутанные. Причешись, а я пока все приготовлю.

Она начинает вынимать миллионы тюбиков и бутылочек из сумки и расставлять их на туалетном столике.

– Дженис, – я даю ей репродукцию из Уффици, – ты можешь вот такое сделать?

Мне всегда нравилась эта маленькая Изабелла Медичи, с волосами, похожими на мои; у нее было много косичек, и жемчужины блестели в великолепной гриве золотистых волос. Художник, Аньоло Бронзино, тоже, наверно, ее любил. Как ее можно было не любить?

Дженис задумывается.

– Это не то, на что рассчитывает твоя мама.

– Угу. Но это моя свадьба. И мои волосы. И я хорошо заплачу тебе, если сделаешь по-моему.

– Тогда у меня не хватит времени на макияж: все эти косички займут уйму времени.

Аллилуйя!

– Хорошо. Макияж я сама.

– Что ж, тогда давай. Просто расчеши волосы, и мы начнем.

Я начинаю распутывать узлы. Мне это начинает нравиться. Передавая волосы в тонкие коричневые руки Дженис, я раздумываю, что сейчас делает Генри.

(11:36)

ГЕНРИ: Смокинг и все причиндалы разложены на кровати. Я в этой комнате себе всю задницу отморожу. Вынимаю мокрую одежду из ванны и бросаю в раковину. Эта ванная такая же большая, как спальня, и бескомпромиссно псевдовикторианская, с ковром на полу.

Ванна представляет собой чудовище на когтистых лапах в окружении различных банок и стопок полотенец, комода и большой репродукции «Пробуждающейся совести» Ханта[85] в раме. Подоконник находится шестью дюймами выше пола, на окне белые прозрачные муслиновые занавески, через которые я вижу Мейпл-стрит во всем ее голом, мертвом великолепии. Бежевый «линкольн-континентал» медленно едет по улице. Я пускаю горячую воду в ванну, которая так велика, что я устаю ждать, пока она наберется. Сажусь в воду. Развлекаюсь изготовленной в европейском стиле головкой душа, снимаю колпачки с десятков шампуней, гелей для душа и кондиционеров для волос, и все нюхаю; к пятому пузырьку у меня начинает болеть голова. Я напеваю «Желтую подводную лодку». В радиусе четырех футов все мокрое.

(12:35)

КЛЭР: Дженис отпускает меня, и ко мне устремляются мама и Этта.

– О Клэр, – говорит Этта, – как красиво!

– Но это не та прическа, которую мы выбрали, – говорит мама, отчитывает Дженис и платит ей.

Я даю Дженис чаевые, пока мама не видит. Мы договорились, что оденусь я в церкви, поэтому меня сажают в машину и мы едем к Сент-Бэзил.

(12:55)
(Генри 38)

ГЕНРИ: Я иду по 12-му шоссе, в двух милях от Саут-Хейвена. Нечеловечески мерзкая погода. Осень, дождь льет как из ведра, холодно и ветрено. На мне ничего нет, кроме джинсов, я босиком и промок до костей. Понятия не имею, в каком времени я очутился. Иду к Медоуларк-хаусу, надеясь просохнуть в читальне и, может, съесть что-нибудь. У меня нет денег, но когда я вижу розовую неоновую рекламу: «Бензин по сниженной цене», я сворачиваю туда. Захожу на заправку и на секунду останавливаюсь, стряхивая потоки воды на линолеум и переводя дыхание.

– Хороший денек для прогулки, – говорит пожилой мужчина за прилавком.

– Да уж.

– Машина сломалась?

– Что? А, нет.

Он получше присматривается ко мне, отмечает босые ноги, одежду не по сезону.

Я замираю, изображая смущение:

– Подружка вышвырнула меня из дома.

Он отвечает что-то, но я не слышу. Я смотрю на «Саут-Хейвен дейли». Сегодня 23 октября 1993 года, суббота. День нашей свадьбы. Часы над сигаретным прилавком показывают час десять.

– Пора бежать, – говорю я старику и срываюсь с места.

(13:42)

КЛЭР: Я стою в своей бывшей классной комнате в свадебном платье. Оно цвета слоновой кости, шелковое, все в кружевах и жемчужинах. Платье плотно облегает тело и руки, но юбка огромная, до пола, со шлейфом. Целых двадцать ярдов ткани. Я могла бы спрятать под ней с десяток карликов. Чувствую себя похожей на карнавальную платформу, но мама

[85] Написанная в 1853 г. картина художника-прерафаэлита Уильяма Холмена Ханта (1827–1910).

суетится вокруг, фотографирует и пытается заставить меня накраситься поярче. Алисия, Кларисса, Хелен и Рут – все собрались вокруг в одинаковых зеленых бархатных платьях подружек невесты. Поскольку Кларисса и Рут довольно невысокие, а Алисия и Хелен длинные, они выглядят как странным образом подобранные герл-скауты, но мы решили не говорить об этом при маме. Они сравнивают узоры на туфлях и спорят насчет того, кто должен поймать букет невесты.

– Кларисса, ты уже обручена, тебе не нужно даже пытаться его поймать, – говорит Хелен.

– Для страховки, – пожимает плечами Кларисса. – С Гомесом никогда точно не знаешь.

(13:48)

ГЕНРИ: Я сижу на батарее в затхлой комнате, полной коробок с молитвенниками. Гомес шагает туда-сюда, курит. В смокинге он выглядит просто потрясно. Я же как будто выдаю себя за телеведущего. Гомес мелькает у меня перед носом и стряхивает пепел в чайную чашку. Он заставляет меня нервничать еще сильнее, хотя, казалось, сильнее некуда.

– Кольцо у тебя? – спрашиваю я в миллиардный раз.

– Да. Кольцо у меня.

Он на секунду останавливается и смотрит на меня.

– Выпить хочешь?

– Да.

Гомес вытаскивает фляжку и протягивает мне. Отвинчиваю колпачок и делаю глоток. Очень мягкий скотч. Делаю еще глоток и отдаю фляжку. Из вестибюля доносятся смех и разговоры. Я весь потный, голова раскалывается. В комнате слишком жарко. Я встаю, открываю окно, высовываю наружу голову и глубоко дышу. По-прежнему идет дождь.

В кустах раздается шелест. Открываю окно пошире и смотрю вниз. Вот он я, сижу в грязи, под окном, насквозь мокрый, тяжело дышу. Он ухмыляется мне и показывает знак «о'кей».

(13:55)

КЛЭР: Все стоим в вестибюле церкви.

– Пора начинать представление, – говорит папа и стучит в дверь комнаты Генри.

Гомес высовывает голову и говорит:

– Еще минутку, пожалуйста.

Он бросает на меня взгляд, от которого у меня внутри все сжимается, убирает голову и захлопывает дверь. Я иду к двери, когда Гомес открывает ее опять, и появляется Генри, застегивающий запонки. Он мокрый, грязный и небритый. На вид ему лет сорок. Но он *здесь,* и он улыбается улыбкой победителя, шагая к двери церкви и вниз по проходу.

30 июня 1976 года, воскресенье (Генри 30)

ГЕНРИ: Я лежу на полу в своей старой спальне. Я один, за окном идеальная летняя ночь непонятно какого года. Я лежу и ругаюсь, чувствуя себя идиотом. Потом поднимаюсь, иду в кухню и выпиваю несколько бутылок отцовского пива.

23 октября 1993 года, суббота (Генри 38 и 30, Клэр 22)

КЛЭР: Мы стоим перед алтарем. Генри поворачивается ко мне и говорит:

– Я, Генри, беру тебя, Клэр, в жены. Клянусь быть верным тебе в горе и в радости, в болезни и в здравии. Я буду любить тебя и уважать всю свою жизнь.

«Помни это», – думаю я. И повторяю клятву.

Отец Комптон улыбается нам и говорит:

– Что соединил Господь, люди не могут разделить.

«Это не проблема», – думаю я.

Генри надевает тонкое серебряное кольцо на мой палец, тот, где уже красуется кольцо на помолвку. На его руку я надеваю простой золотой ободок, это единственный раз, когда он его наденет.

Церемония продолжается, и я думаю: «Только это имеет значение: он здесь, я здесь, и не важно как, пока он со мной».

Отец Комптон благословляет нас и говорит:

– Церемония закончена, идите с миром.

Мы идем по проходу, рука к руке, вместе.

(18:26)

ГЕНРИ: Прием в самом разгаре. Официанты носятся туда-сюда со стальными тележками и закрытыми подносами. Люди приходят, сдают пальто. Дождь наконец-то прекратился. Яхт-клуб в Саут-Хейвене находится на северном берегу, здание 1920-х годов отделано панелями и кожей, везде красные ковры и картины с кораблями. На улице уже темно, но далеко на причале мигает маяк. Я стою у окна, пью глинтвейн, жду Клэр, которую по какой-то надобности умыкнула мама, и мне с ними было нельзя.

Я вижу отражения Гомеса и Бена, которые подходят ко мне, и поворачиваюсь.

– Как ты? – Бен смотрит беспокойно.

– Нормально. Можете кое-что сделать для меня? – (Они кивают.) – Гомес, вернись в церковь. Я там, жду в вестибюле. Привези меня сюда, хорошо? Проведи в туалет внизу и оставь там. Бен, присматривай за мной, – я показываю на себя, – и когда скажу, хватай мой смокинг и принеси мне в туалет. Хорошо?

– Сколько у нас времени? – спрашивает Гомес.

– Не много.

Он кивает и уходит. Приближается Кларисса, Гомес целует ее в лоб и идет дальше. Я поворачиваюсь к Бену, он выглядит уставшим.

– Ты как? – спрашиваю я его.

– Немного устал, – вздыхает Бен. – Слушай, Генри…

– Да?

– Откуда ты пришел?

– Из две тысячи второго.

– Ты… Слушай, я знаю, тебе это не нравится, но…

– Что? Да ладно, Бен. Все, что пожелаешь. Сегодня особый случай.

– Скажи: я еще жив?

Бен не смотрит на меня; он смотрит на группу, настраивающуюся в бальной зале.

– Да. Ты держишься молодцом. Я видел тебя пару дней назад, мы играли в бильярд.

– Спасибо, – резко выдыхает Бен.

– Без проблем.

В глазах у Бена набухают слезы. Я протягиваю ему носовой платок, он берет его, но потом возвращает, так и не вытерев слез, и уходит искать мужской туалет.

(19:04)

КЛЭР: Все садятся за стол, и никто не может найти Генри. Я спрашиваю Гомеса, видел ли он его, и Гомес посылает мне один из своих коронных взглядов и говорит, что Генри будет с минуты на минуту. К нам подходит Кимми, такая хрупкая и беспокойная в своем розовом шелковом платье.

– Где Генри? – спрашивает она меня.

– Не знаю, Кимми.

Она подтягивает меня к себе и шепчет на ухо:

– Я видела его молодого друга Бена, он тащил стопку одежды в туалет.

О нет! Если Генри вернулся в свое настоящее, это будет трудно объяснить. Может, мне сказать, что у него срочное дело? Что-то вроде библиотечного аврала, который требует его обязательного присутствия. Но все его коллеги здесь. Может, сказать, что у Генри амнезия, и он ушел…

– Вот он, – говорит Кимми и сжимает мою руку.

Генри стоит в дверном проеме, осматривается и тут видит нас. Подбегает ко мне.

Я целую его:

– Привет, незнакомец.

Он вернулся в настоящее, мой более молодой Генри, тот, который здесь свой. Генри берет за руки меня и Кимми и ведет нас ужинать. Кимми хихикает и что-то говорит Генри, чего я не слышу.

– Что она сказала? – спрашиваю я, усаживаясь.

– Она спросила, планируем ли мы в брачную ночь *ménage à trois*[86].

Я краснею как рак. Кимми мне подмигивает.

(19:16)

ГЕНРИ: Я болтаюсь в библиотеке клуба, жую канапе и читаю первое издание «Сердца тьмы»[87] в роскошном переплете, которое, наверно, никто ни разу не открывал. Боковым зрением замечаю управляющего клубом, который спешит ко мне. Закрываю книгу и ставлю ее на полку.

– Извините, сэр, боюсь, я вынужден попросить вас уйти. – Рубашки нет, ботинок тоже, значит и обслуживания не будет.

– Хорошо.

Я встаю, и, когда менеджер поворачивается, кровь ударяет мне в голову, и я исчезаю. Я появляюсь на полу нашей кухни 2 марта 2002 года. Я смеюсь: всегда хотел так поступить.

(19:21)

КЛЭР: Гомес произносит речь.

– Дорогие Клэр, Генри, родственники и друзья и присяжные заседатели… стоп, последнее вычеркнуть. Милые наши, мы собрались сегодня на берегу Одиночества, чтобы помахать носовыми платками вслед Клэр и Генри, отплывающим в совместное путешествие на корабле Семейственности. И, с грустью наблюдая, как они прощаются с радостями одинокой жизни, мы уверены, что столь превозносимое Свадебное Блаженство будет более чем адекватным

[86] Любовь втроем *(фр.)*.

[87] Опубликованная в 1902 г. знаменитая повесть Джозефа Конрада (1857–1924).

их новым адресом. Некоторые из нас в скором времени смогут присоединиться к ним, если не придумают способа отвертеться. Итак, давайте выпьем: за Клэр Эбшир Детамбль, прекрасную художницу, достойную того счастья, которое выпадет ей в этой жизни. И за Генри Детамбля, чертовски хорошего парня и везучего сукина сына: пусть океан Жизни ляжет у ваших ног как стекло, и пусть ветра будут попутны вам. За счастливую пару!

Гомес наклоняется и целует меня в губы. На мгновение я ловлю его взгляд, но потом это мгновение проходит.

(20:48)

ГЕНРИ: Мы разрезали и съели свадебный торт. Клэр бросила букет (его поймала Кларисса), и я бросил подвязку Клэр (ее поймал не кто иной, как Бен). Группа играет «Take the A Train»[88], люди танцуют. Я потанцевал с Клэр, Кимми, Алисией и Клариссой; теперь я танцую с Хелен, она та еще штучка, а Клэр танцует с Гомесом. Я кружу Хелен и вижу, как Селия Аттли уводит Клэр у Гомеса, который в свою очередь уводит у меня Хелен. Я присоединяюсь к народу у барной стойки и смотрю, как Клэр танцует с Селией. Ко мне подходит Бен. Он пьет сельтерскую воду. Я заказываю водку с тоником. Бен надел подвязку Клэр на рукав, как будто он в трауре.

– Кто это? – спрашивает он меня.

– Селия Аттли. Подружка Ингрид.

– Странно.

– Да уж.

– А что с этим парнем, с Гомесом?

– В смысле?

Бен смотрит на меня, потом отворачивается:

– Ничего.

(22:23)

КЛЭР: Все закончилось. Мы перецеловались и переобнимались со всеми на пути из клуба и отъехали на нашей свадебной машине: она вся вымазана кремом для бритья и за ней тянется хвост из консервных банок. Я подъезжаю к «Капле росы», крошечному грязному мотелю на Силвер-Лейк. Генри спит. Я выхожу, регистрируюсь, прошу парня за стойкой помочь мне довести Генри до нашей комнаты и свалить его на постель. Парень приносит наш багаж, с выпученными глазами рассматривая мое свадебное платье и лежащего в отключке Генри, и улыбается мне. Я даю ему чаевые. Он уходит. Снимаю ботинки с Генри, ослабляю галстук. Снимаю платье и бросаю его на кресло.

Стою в ванной, дрожа от холода в ночной рубашке, и чищу зубы. В зеркале я вижу, как Генри лежит на кровати. Он храпит. Выплевываю зубную пасту и полощу рот. Внезапно до меня доходит: вот оно, счастье. И понимание: мы женаты. Ну, по крайней мере, *я* замужем.

Возвращаюсь в комнату, выключаю свет и целую Генри. От него пахнет алкоголем и духами Хелен. Спи спокойно, крепко спи. И я тоже засыпаю, глубоким, счастливым сном.

[88] «Сядь на поезд „А“» *(англ.)* – композиция Билли Стрейхорна 1939 г., написанная им для оркестра Дюка Эллингтона, джазовый стандарт.

25 октября 1993 года, понедельник (Генри 30, Клэр 22)

ГЕНРИ: В понедельник после нашей свадьбы мы с Клэр идем в Чикагскую ратушу, где нас регистрирует судья. Свидетели – Гомес и Кларисса. После этого мы все идем ужинать в «Чарли Троттер», ресторан настолько дорогой, что его обстановка напоминает салон первого класса в самолете или минималистскую скульптуру. К счастью, хотя блюда здесь и выглядят произведением искусства, они ужасно вкусные. Кларисса фотографирует каждое блюдо, которое появляется перед нами на столе.

– Как оно, быть замужем? – спрашивает она у Клэр.

– Я чувствую себя *очень* замужем, – отвечает Клэр.

– Вы можете продолжить, – говорит Гомес. – Попробуйте разные церемонии: буддистскую, нудистскую…

– Интересно, я двоемужница? – спрашивает Клэр, поедая что-то цвета фисташек, украшенное несколькими большими креветками, похожими на близоруких стариков, читающих газету.

– Думаю, можно выходить замуж за одного и того же человека столько раз, сколько пожелаешь, – говорит Кларисса.

– А ты точно тот же самый человек? – интересуется Гомес.

То, что ем я, покрыто тонкими кусочками сырого тунца, которые тают во рту. Я наслаждаюсь вкусом, после чего отвечаю:

– Точно, и даже более того.

Гомес возмущенно что-то бормочет про чертовы дзенские коаны, но Клэр улыбается мне и поднимает свой бокал. Я чокаюсь с ней: тонкий хрустальный звук раздается и тает в гуле ресторана.

Итак, мы женаты.

II. Капля крови в чашке с молоком

– Что? Что такое, радость моя?

– Как мы можем, как можем мы это выносить?

– Выносить что?

– Короткое. Время такое короткое. Как мы можем его терять во сне?

– Мы можем вместе затаить дыханье и притвориться – поскольку все только еще начинается, – что у нас впереди целая вечность.

– И с каждым днем у нас будет оставаться меньше и меньше. А потом вообще не останется.

– Это значит, ты предпочла бы… не покидать своего дома в Лондоне?

– Нет. Вся моя жизнь устремлена была сюда! С тех пор как стало отсчитываться мое время. И когда я отсюда уеду, эти дни будут для меня срединной точкой, к которой все шло и от которой все пойдет дальше. Но теперь, любовь моя, мы здесь, мы здесь, в нашем сейчас, и все прочие времена пусть текут себе где-то еще.

А. Байетт. Обладать[89]

Семейная жизнь

Март 1994 года (Клэр 22, Генри 30)

КЛЭР: Итак, мы женаты.

Сначала мы живем в двухкомнатной квартире двухэтажного дома в Рейвенсвуде. Квартира светлая, паркетные полы теплого масляного цвета, в кухне полно старинных шкафчиков и древних приспособлений. Мы покупаем вещи, проводим воскресные дни в «Крейт-энд-Баррел», обменивая свадебные подарки, заказываем диван, который не проходит в дверь квартиры и его приходится отправить обратно. Квартира – это лаборатория, в которой мы проводим эксперименты, проводим исследования друг с другом. Мы обнаруживаем, что Генри терпеть не может, когда я в задумчивости стучу вилкой по зубам, читая утром газету. Мы решаем, что я могу слушать Джони Митчелл, а Генри – *The Shags*, пока другой этого не слышит. Мы приходим к выводу, что Генри должен готовить, а я буду ответственна за стирку, и никто не хочет пылесосить, поэтому нанимаем уборщицу.

Мы окунаемся в рутину. Генри работает со вторника по субботу в Ньюберри. Встает в половине восьмого, готовит кофе, надевает кроссовки и отправляется на пробежку. Когда он возвращается, принимает душ и одевается, я вылезаю из постели и болтаю с ним, пока он готовит завтрак. После этого мы едим, он чистит зубы и убегает на работу, чтобы успеть на электричку, а я возвращаюсь в постель и сплю еще час или два.

Когда я встаю опять, в квартире тихо. Принимаю ванну, расчесываю волосы и надеваю рабочую одежду. Наливаю себе еще кофе, иду в дальнюю спальню, которую превратила в свою мастерскую, и закрываю дверь.

---

[89] Перевод В. Ланчикова, Д. Псурцева.

У меня нелегкое время, здесь, в крошечной мастерской, в начале моей семейной жизни. Пространство, которое я могу назвать своим, которое не занято Генри, слишком маленькое, и мои мысли тоже маленькие. Я – как гусеница в коконе из бумаги; вокруг меня сплошные наброски скульптур, небольшие рисунки, похожие на мошек, мечущихся у стекол, бьющих крылышками, чтобы вырваться из замкнутого пространства. Я делаю макеты, крошечные скульптуры, пробники для больших скульптур. С каждым новым днем идеи приходят все менее охотно, как будто знают, что я буду морить их голодом и стеснять рамками. По ночам мне снятся краски, снится, как я окунаю руки в бак с бумажными волокнами. Мне снятся крошечные садики, в которых я не могу гулять, потому что я слишком большая.

Непреодолимый момент в творении искусства – в творении чего угодно, я думаю, – это момент, когда колебания, нематериальная идея превращается в твердое *что-то*, в вещь, в вещество, принадлежащее этому миру веществ. Цирцея, Нимуэ, Артемида, Афина, все древние волшебницы – им, должно быть, знакомо это чувство, когда они превращали простых людей в волшебных существ, крали секреты магов, побеждали армии: ах, посмотрите, вот оно, вот оно, новое. Называйте это безобразием, войной, лавровым деревом. Называйте это искусством. Волшебство, которое я могу сделать сейчас, – это волшебство замедленное. Каждый день я работаю, но ничего так и не появляется. Я чувствую себя Пенелопой, прядущей и распускающей полотно.

А что же Генри, мой Одиссей? Генри – мастер другого рода, мастер исчезновения. Наша жизнь в этой слишком маленькой квартире отмечена кратковременными отсутствиями Генри. Иногда он исчезает незаметно; я могу идти из кухни в коридор и найти на полу кучу одежды. Я могу встать утром и найти кроссовки, а в них никого нет. Иногда это пугает. Однажды я работаю в своей мастерской и слышу, как кто-то стонет с той стороны двери; открыв дверь, я вижу Генри, на четвереньках, голого, в коридоре, с окровавленной головой. Он открывает глаза, видит меня и исчезает. Иногда я просыпаюсь ночью, а Генри нет. Утром он расскажет, где был, как другие мужья могли бы рассказывать своим женам увиденные сны: «Знаешь, я был ночью в библиотеке Зельцер, в восемьдесят девятом году». Или: «Меня гоняла по чьему-то двору немецкая овчарка, и пришлось залезть на дерево». Или: «Я стоял в дождь под окном родителей и слушал, как поет мама». Я жду, когда Генри расскажет, что он видел меня в детстве, но пока этого не случилось. Когда я была маленькой, то всегда с нетерпением ждала прихода Генри. Каждое его появление было событием. Теперь каждое его отсутствие – это пробел, минус, приключение, о котором я услышу, когда он появится у моих ног, истекающий кровью или насвистывающий, улыбающийся или дрожащий. Теперь мне страшно, когда его нет.

ГЕНРИ: Когда живешь с женщиной, узнаешь каждый день что-то новое. Пока я узнал, что длинные волосы забивают сток в душе быстрее, чем успеваешь глазом моргнуть; что не рекомендуется вырезать что-либо из газеты, пока твоя жена ее не прочитала, даже если это газета недельной давности; что я – единственный человек в нашей семье, который может есть одно и то же три вечера подряд без недовольной гримасы, и что наушники были изобретены, чтобы спасти супругов от музыкальных пристрастий друг друга. (Как Клэр может слушать *Cheap Trick*? Почему ей нравятся *Eagles*? Узнать не могу, потому что она сразу же оскорбляется, стоит только спросить. Как получилось, что женщина, которую я люблю, не хочет слушать «Musique du Garrot et de la Ferraille»?[90]) Самое тяжелое испытание – это уединение Клэр. Иногда я прихожу домой, и Клэр кажется мне раздраженной; я прервал какой-то поток мысли, ворвался в сонную тишину ее дня. Иногда лицо у Клэр становится как закрытая дверь. Она уходит вглубь своего сознания, захлопнув дверь, и сидит там, вяжет или делает что-то другое. Я обнаружил,

[90] Выпущенный в 1994 г. альбом бельгийского этноавангардного дуэта *Jardin D'Usure* (Марк Медея и Габриэль Северин) на стихи поэтов-дадаистов Гуго Балля и Рауля Хаусманна.

что Клэр любит бывать одна. Но когда я возвращаюсь домой из своих путешествий, она всегда облегченно вздыхает.

Когда женщина, с которой живешь, – художница, каждый день – это неожиданность. Клэр превратила вторую спальню в превосходный кабинет, полный маленьких скульптур и рисунков, пришпиленных на каждом дюйме на стенах. Здесь есть мотки провода и рулоны бумаги, торчащие с полок и из ящиков стола. Скульптуры напоминают мне воздушных змеев или модели аэропланов. Я говорю это Клэр однажды вечером, стоя в дверях ее мастерской в костюме и галстуке, вернувшись домой с работы и собираясь готовить ужин, и Клэр швыряет в меня одной из скульптур – она летит на удивление хорошо; и вскоре мы стоим в разных концах коридора и швыряем друг в друга скульптуры, проверяя их аэродинамические свойства. На следующий день я возвращаюсь с работы и вижу, что Клэр сделала стаю птиц из бумаги и проводов (и подвесила к потолку в гостиной). Через неделю на окнах нашей спальни появляются абстрактные голубые светящиеся фигуры, которые солнце проецирует на стены, рисуя облака для птиц. Это так красиво.

На следующий вечер я стою в дверях мастерской Клэр, наблюдая, как она заканчивает рисунок – клубок черных линий вокруг маленькой красной птицы. Внезапно я вижу Клэр в ее крошечной комнатке, заваленной всеми приспособлениями, и понимаю, что она пытается что-то сказать, и я знаю, что должен сделать.

13 апреля 1994 года, среда (Клэр 22, Генри 30)

КЛЭР: Я слышу, как в двери поворачивается ключ Генри, и выхожу из мастерской ему навстречу. К моему удивлению, он несет коробку с телевизором. У нас нет телевизора, потому что Генри не может его смотреть, а мне неинтересно смотреть одной. Телевизор старый, маленький, черно-белый, с пыльным экраном и сломанной антенной.

– Привет, дорогая, я вернулся, – говорит Генри, ставя телевизор на стол.

– Фу, ну и хлам. Ты его на помойке нашел?

Генри выглядит обиженным:

– Я купил его в «Юник». За десятку.

– Зачем?

– Сегодня показывают программу, которую, мне кажется, нам стоит посмотреть.

– Но… – Не могу себе представить программу, ради которой Генри готов рискнуть перемещением.

– Все в порядке, я не буду сидеть и смотреть на экран. Я хочу, чтобы ты посмотрела.

– Ясно. И что же это? – Я совсем отстала и понятия не имею, что показывают по телевизору.

– Сюрприз. В восемь часов.

Телевизор стоит на полу в столовой, пока мы ужинаем. Генри отказывается отвечать на вопросы и дразнит меня, спрашивая, что бы я сделала, будь у меня большая мастерская.

– Какая разница? У меня же кладовка. Может, занялась бы оригами.

– Да ладно, а серьезно?

– Не знаю. – Я наматываю спагетти на вилку. – Сделала бы все макеты в сто раз больше. Нарисовала бы на кусках картона размером десять футов на десять футов. Надевала бы ролики, чтобы добраться из одного конца мастерской в другой. Поставила бы большие чаны, японскую сушилку, десятифунтовую мешалку Рейна… – Эти образы захватывают меня, но тут я вспоминаю мою настоящую мастерскую и содрогаюсь. – Ну, может, когда-нибудь.

Мы неплохо живем на зарплату Генри и проценты от моего вклада, но позволить себе настоящую мастерскую я смогу, только получив работу, а тогда у меня не будет времени, чтобы

работать в мастерской. Это порочный круг. Все мои друзья-художники страдают от нехватки времени, или денег, или того и другого. Кларисса разрабатывает компьютерные программы днем и занимается искусством ночью. Они с Гомесом решили пожениться в следующем месяце.

– Что мы подарим Гомесу на свадьбу?

– Что? Ой, я не знаю. А мы не можем просто передарить им все наши эспрессницы?

– Мы же обменяли их на микроволновку и хлебопечку.

– А, да. Эй, уже почти восемь. Хватай кофе, пойдем в гостиную.

Генри отодвигает стул и торопится к телевизору. Я несу обе чашки с кофе в гостиную. Он ставит телевизор на журнальный столик, и, повозившись с удлинителем и кнопками, мы садимся на диван смотреть рекламу водяной кровати по девятому каналу. В павильоне с водяной кроватью, кажется, идет снег.

– Черт, – говорит Генри, бросая быстрый взгляд на экран. – В магазине он работал лучше.

На экране вспыхивает заставка Иллинойской лотереи. Генри лезет в карман брюк и вручает мне маленький белый листок бумаги:

– Держи.

Это лотерейный билет.

– Господи! Ты же не…

– Шш! Смотри.

Под громкие фанфары представители лотереи, серьезные люди в костюмах, объявляют номера, значащиеся на вытащенных наугад розовых шариках; номера появляются один за другим на экране. 43, 2, 26, 51, 10, 11. Конечно, они совпадают с номерами на билете, который я держу в руке. С экрана нам несутся поздравления. Мы только что выиграли восемь миллионов долларов.

Генри выключает телевизор и улыбается:

– Неплохо, да?

– Я не знаю, что сказать.

Генри понимает, что я не прыгаю от радости.

– Скажи: «Спасибо, дорогой, что раздобыл баксы, на которые мы сможем купить дом». Этого будет достаточно.

– Но… Генри… это ненастоящее.

– Конечно настоящее. Это настоящий лотерейный билет. Если отнесешь его в «Кэтс-Дели», Минни тебя от души обнимет, а штат Иллинойс выпишет тебе настоящий чек.

– Но ты знал.

– Конечно. Разумеется. Просто нужно было посмотреть номер в завтрашней «Трибьюн».

– Мы не можем… Это нечестно.

Генри драматически ударяет себя по лбу.

– Какой же я дурак! Я совершенно забыл, что ты привыкла покупать билеты, не зная, какие номера выпадут. Ну, это мы сейчас исправим.

Он выбегает в коридор, на кухню и возвращается с коробком спичек. Зажигает одну и подносит к билету.

– Нет!

Генри задувает спичку:

– Клэр, это не важно. Если бы мы хотели, мы могли вы выигрывать в лотерею хоть каждую неделю весь следующий год. Если тебе это не по душе, ничего страшного.

Билет немного подпален с уголка. Генри садится рядом со мной на диван.

– Вот что я скажу. Почему бы тебе просто не взять его, и если захочешь, мы его обналичим, а если решишь отдать его первому встречному бомжу – пожалуйста…

– Это нечестно.

– Что нечестно?

– Ты не можешь свалить на меня такую огромную ответственность.

– Ну, мне-то все равно. Так что, если ты думаешь, что мы обманули штат Иллинойс на эту сумму, которую они вытянули из работяг, давай просто забудем об этом. Уверен, можно найти и другие способы заработать на большую мастерскую.

Боже. Большая мастерская. До меня доходит – вот дура! – что Генри мог выигрывать в лотерею хоть каждый день, но никогда не делал этого, потому что это *ненормально*. Он решил забыть о своей фанатичной решимости жить как *нормальный* человек, чтобы я могла получить большую мастерскую и кататься по ней на роликах. А я веду себя как неблагодарная дрянь!

– Клэр? Что ты…

– Спасибо, – слишком резко говорю я.

– Это означает, что мы обналичим билет? – поднимает брови Генри.

– Не знаю. Это означает «Спасибо».

– Пожалуйста. – Неловкая тишина. – Эй, а что там по телевизору?

– Снег.

Генри смеется и поднимает меня с дивана:

– Давай пойдем тратить заработанное неправедным путем.

– Куда пойдем?

– Не знаю. – Генри открывает шкаф в коридоре и достает мою куртку. – Эй, давай купим Гомесу и Клариссе машину на свадьбу.

– Кажется, они подарили нам винные бокалы.

Мы скатываемся вниз по лестнице. На улице великолепный весенний вечер. Мы стоим на тротуаре напротив нашего дома, Генри берет меня за руку, я смотрю на него, поднимаю наши сплетенные руки, Генри кружит меня, и вот мы уже танцуем на Бель-Плейн-авеню. Вместо музыки – шум проезжающих машин и наш смех. Запах цветущих вишен, засыпающих мостовую лепестками, как снегом. Мы кружимся под деревьями.

18 мая 1994 года, среда (Клэр 22, Генри 30)

КЛЭР: Мы пытаемся купить дом. Выбирать дома – это потрясающе. Люди, которые ни под каким соусом вас и на порог не пустили бы, широко распахивают двери, разрешают заглядывать в кладовые, щупать обои, задавать язвительные вопросы о водосточных желобах.

Мы с Генри очень по-разному оцениваем дома. Я медленно обхожу весь дом, рассматриваю деревянные панели, оборудование кухни, спрашиваю об отоплении, ищу пятна сырости в подвале. Генри сразу проходит к задней части дома, выглядывает из окна и качает головой. Наш риелтор Кэрол думает, что он псих. Я говорю ей, что он фанатик-садовод. Проведя таким образом весь день, мы едем домой из офиса Кэрол, и я решаю спросить о его концепции выбора.

– Какого черта ты делаешь? – вежливо начинаю я.

– Ну, – Генри выглядит пристыженным, – не знал, хотела ли ты это узнать, но я уже был в нашем будущем доме. Не знаю когда, но я был – буду – там одним прекрасным осенним днем, скорее даже – вечером. Я стою у окна, выходящего на задний дворик, рядом с мраморным столиком, который тебе достался от бабушки, и смотрю через задний дворик на окно кирпичного здания, наверное твоей мастерской. Ты там вытаскиваешь листы бумаги. Они синие. На тебе желтая бандана, чтобы волосы не мешали, и зеленый свитер, и твой обычный резиновый фартук, и все такое. Во дворе увитая плющом беседка. Я был там всего пару минут. И я пытаюсь высмотреть этот пейзаж, чтобы знать: это наш дом.

– Боже. Почему ты не сказал? Я чувствую себя дурой.

– Нет. Не надо. Я просто подумал, что тебе захочется выбрать его обычным путем. В смысле, ты так этим увлечена, тебе правда нравятся эти книги про то, как выбрать дом, и я подумал, что тебе хочется, ну, *выбирать,* а не оказаться перед фактом.

– Кто-то должен спрашивать про термитов, асбест, сухую гниль и водоотливные насосы…

– Конечно. Поэтому давай продолжать выбирать по отдельности, и я уверен, что в конце концов мы сойдемся на одном и том же.

И наконец это происходит, хотя до этого была пара неприятных моментов. Я прихожу в восторг от настоящего монстра в Ист-Роджерс-Парк, кошмарном квартале на северной окраине города. Это особняк, викторианское чудище, в котором запросто разместится семья из двенадцати человек со слугами. Даже не спрашивая, понимаю, что это не наш дом. Генри приходит в ужас еще на улице. Задний дворик выходит на аптечную парковку. Внутри – скелет некогда прекрасного дома: высокие потолки, камины, отделанные мрамором, резное дерево…

– Пожалуйста, – ною я. – Это просто невероятно.

– Да, точнее слова не подберешь. Нас тут раз в неделю будут насиловать и грабить. К тому же здесь все надо с нуля поднимать: провода, сантехнику, новые печи, и еще крышу в придачу… Это не он.

Его слово решающее, голос человека, видевшего будущее и не желающего его менять. Пару дней после этого я на него дуюсь. Генри ведет меня есть суси.

– *Tchotchka*[91]. *Amorta*[92]. Душа души моей. Поговори со мной.

– Я с тобой не так чтобы не разговариваю.

– Знаю. Ты просто дуешься. А мне это не нравится, тем более что я лишь озвучил очевидное.

Появляется официантка, и мы быстренько листаем меню. Я не хочу ругаться в «Катсу», моем любимом суси-ресторане, куда мы часто приходим поесть. Интересно, на это рассчитывал Генри – и на то, что я подобрею от суси? Мы заказываем салат из шпината, морскую капусту, футомаки, огуречные рулеты и впечатляющий набор разных сырых вкусностей на рисовых прямоугольниках. Кико, официантка, исчезает с нашим заказом.

– Я не злюсь на тебя. – Это правда, но только отчасти.

– Хорошо, – поднимает брови Генри. – Отлично. В чем же тогда дело?

– Ты абсолютно уверен, что был тогда именно в нашем доме? Что, если ты ошибся, и мы откажемся от чего-то абсолютно потрясающего просто потому, что тебе незнаком вид из окна?

– Там было слишком много наших вещей, чтобы это оказался чей-то еще дом. Я допускаю, что это может быть не *первый* наш дом – я был слишком далеко, чтобы увидеть, сколько тебе лет. Мне показалось, ты была достаточно молодой, но, может, ты просто хорошо сохранилась. Клянусь, там было очень мило, и разве не прекрасно будет иметь мастерскую во дворе, а?

– Да, – вздыхаю я. – Прекрасно. Боже. Жаль, у тебя нет фотографий с твоих экскурсий. Я бы хотела поглядеть на это место. Ты что, не мог на адрес посмотреть, пока был там?

– Извини. Это было буквально пару минут.

Иногда мне кажется, что я бы все отдала, чтобы открыть мозг Генри и просмотреть его память, как фильм. Помню, когда я только училась работать на компьютере, мне было четырнадцать, и Марк пытался научить меня рисовать на своем «Макинтоше». Минут через десять мне захотелось просунуть руки в экран и добраться до того, что там внутри. Мне нравится иметь дело с самими вещами, щупать ткань, видеть цвета. Поиски дома в компании с Генри просто сводят меня с ума. Это как играться с одной из этих жутких машинок с дистанционным управлением. Я всегда загоняю их в стены. Специально.

– Генри. Ты не возражаешь, если я какое-то время поищу дом одна?

---

[91] Безделушка *(идиш)*.

[92] Любовь-смерть *(ит.)*.

– Думаю, нет. – Он выглядит немного обиженным. – Если тебе этого действительно хочется.

– Ну, в результате ведь мы все равно там окажемся, так? В смысле, изменить ничего нельзя.

– Это точно. Да, не обращай на меня внимания. Но постарайся больше не влюбляться в адские местечки, ладно?

Наконец где-то через месяц и двадцать домов я нахожу этот дом. Он в Эйнсли, на площади Линкольн-сквер, бунгало из красного кирпича 1926 года постройки. Кэрол открывает коробку с ключом и вставляет ключ в замок, и, когда дверь открывается, меня охватывает невыразимое чувство *правильности*… Я иду сразу к заднему окну, выглядываю во двор, и вот она – моя будущая мастерская – и беседка с плющом. Я поворачиваюсь к Кэрол, которая вопросительно смотрит на меня, и говорю:

– Мы его берем.

Сказать, что она удивлена, это не то слово.

– Вы не хотите посмотреть остальные помещения? Или с мужем посоветоваться?

– О, он его уже видел. Но да, конечно, давайте осмотрим весь дом.

9 июля 1994 года, суббота (Генри 31, Клэр 23)

ГЕНРИ: Сегодня переезд. Весь день была жара; рубашки у грузчиков прилипли к спинам, когда они утром шли вверх по лестнице на наш второй этаж, улыбаясь, потому что думали, что двухкомнатная квартира не займет много времени и к обеду они уже закончат. Улыбки слетели, когда они увидели тяжеленную викторианскую мебель Клэр и семьдесят восемь коробок с моими книгами. Сейчас уже темно, и мы с Клэр бродим по дому, дотрагиваемся до стен, проводим пальцами по вишневым подоконникам. Босые ноги шлепают по деревянным полам. Пускаем воду в ванну на подпорках в виде лап, включаем и выключаем конфорки на огромной плите «Юниверсал». Занавесок нет; мы выключаем лампу, и через мутные окна на пустой камин льется свет фонарей. Клэр ходит из комнаты в комнату, лаская свой дом, наш дом. Я иду следом, смотрю, как она открывает кладовки, окна, шкафчики. Встает на цыпочки в столовой, дотрагивается кончиками пальцев до узорчатого стекла шкафчика. Затем снимает рубашку. Я провожу языком по ее груди. Дом окружает нас, смотрит на нас, разглядывает, как мы в первый раз занимаемся в нем любовью, в первый раз из многих, и после этого, когда мы лежим на голом полу в окружении коробок, я чувствую, что мы нашли свой дом.

28 августа 1994 года, воскресенье (Клэр 23, Генри 31)

КЛЭР: Воскресенье, жаркий липкий влажный день. Генри, Гомес и я болтаемся в Эвантоне. Мы провели утро на Лайтхаус-Бич, резвились в озере Мичиган и поджаривались на солнце. Гомес захотел закопаться в песок, и мы с Генри помогли ему. Съели бутерброды и подремали. И сейчас идем по теневой стороне Черч-стрит, лижем мороженое, одурманенные солнцем.

– Клэр, у тебя в волосах полно песка, – говорит Генри.

Я останавливаюсь, наклоняюсь и бью по волосам рукой, как будто выбиваю ковер. Такое ощущение, будто я притащила сюда весь песок с пляжа.

– У меня в ушах тоже полно песка. И в других местах, – говорит Гомес.

– Я бы с радостью врезала тебе по башке, но остальное придется проделать самому, – отвечаю я.

Поднимается небольшой бриз, и мы ловим его с радостью. Я закручиваю волосы в шишку и сразу чувствую себя лучше.

– Что будем дальше делать? – спрашивает Гомес.

Мы с Генри переглядываемся.

– «Книжный переулок», – хором говорим мы.

– О боже! – стонет Гомес. – Только не книжный магазин. Боже, Матерь Божья, сжалься над своим жалким слугой…

– Значит, «Книжный переулок», – радостно констатирует Генри.

– Только пообещайте, что мы застрянем там не дольше чем, скажем, часа на три…

– Вроде бы они закрываются в пять, – отвечаю я. – А уже половина третьего.

– Иди пока пива попей, – говорит Генри.

– Я думал, в Эванстоне сухой закон.

– Нет, кажется, его отменили. Если сможешь доказать, что ты не член молодежной христианской ассоциации, пиво тебе продадут.

– Я пойду с вами. Один за всех и все за одного.

Мы сворачиваем на Шерман, идем мимо бывшего «Маршалла Филда», сейчас здесь лавка по доставке пиццы, мимо бывшего Уорсити-театра, а сейчас тут «Гэп». Сворачиваем на улочку, в которой располагаются цветочный магазин и починка обуви, и вот наконец «Книжный переулок». Я толкаю дверь, и мы проходим в тусклый прохладный магазин, как будто вторгаемся в прошлое.

Роджер сидит за своим захламленным столиком, болтая с седым джентльменом насчет, кажется, камерной музыки. Он улыбается, увидев нас.

– Клэр, у меня есть кое-что, что вам понравится, – говорит он.

Генри устремляется в дальний угол, где шкаф с антикварными изданиями и материалы по книгопечатанию. Гомес бродит вокруг, рассматривая декоративные атрибуты разных секций: седло в отделе «Вестерны», охотничью шляпу в «Детективах». Берет круглый леденец из огромной тарелки в детском отделе, не понимая, что они там пролежали долгие годы и о них можно зубы сломать. Книга, которую дает мне Роджер, это голландский каталог декоративной бумаги, причем с приклеенными образцами. Я сразу же понимаю, что это редкая находка, и кладу каталог ему на столик в качестве фундамента очередной стопки, которая сейчас явно нарастет. Затем принимаюсь задумчиво копаться на полках, вдыхая глубокий пыльный аромат книг, клея, старых ковров и дерева. Я вижу, что Генри сидит на полу в отделе искусства, у него на коленях раскрытый альбом. Генри красный от загара, волосы торчат в разные стороны. Я рада, что он постригся. Так он кажется мне гораздо более самим собой, с короткой стрижкой. Я смотрю, как он машинально берет прядь и пытается по старой привычке накрутить ее на палец, понимает, что не выйдет, и чешет ухо. Я хочу дотронуться до него, пробежаться пальцами по смешно торчащим волосам, но вместо этого разворачиваюсь и зарываюсь в отдел «Путешествия».

ГЕНРИ: Клэр стоит в главном зале у большой стопки новых, еще не обработанных поступлений. Роджер не любит, когда люди шарят по книгам без ценников, но я заметил, что он разрешает Клэр делать в своем магазине все, что угодно. Она склонила голову над маленькой красной книжкой. Волосы пытаются вырваться из пучка на затылке, одна лямка сарафана съехала с плеча, открывая небольшой кусок купальника. Это настолько пикантно, настолько притягательно, что я чувствую невероятную потребность подойти к ней, дотронуться до нее и, если получится и никто не будет смотреть, укусить за плечо, но в то же время я не хочу, чтобы этот момент кончился; и вдруг я замечаю Гомеса, который стоит в отделе «Тайны», глядя на Клэр с выражением, настолько отражающим мое собственное, что я четко понимаю…

В этот момент Клэр поднимает глаза на меня и говорит:

– Смотри, Генри, это Помпеи.

Она протягивает крошечную книгу открыток, и что-то в ее голосе говорит: «Видишь, я выбрала тебя». Я подхожу к ней, обнимаю за плечи, поправляю лямку. Поднимая через секунду взгляд, вижу, что Гомес отвернулся от нас и сосредоточенно рассматривает томики Агаты Кристи.

15 января 1995 года, воскресенье (Клэр 23, Генри 31)

КЛЭР: Я мою посуду, а Генри режет зеленые перцы. Закатное солнце окрашивает январский снег на нашем заднем дворике в невероятно розовый цвет, мы готовим чили и напеваем «Желтую подводную лодку»:

В нашем славном городке
Жил один моряк седой…[93]

В кастрюле на плите шипят перцы. На строчке: «И друзья от нас теперь не выходят через дверь» – я внезапно понимаю, что пою одна, поворачиваюсь и вижу горку одежды Генри на полу и нож на кухонном столе. Половинка перца слегка покачивается на разделочной доске.

Выключаю огонь и накрываю перцы. Сажусь рядом с грудой одежды, поднимаю ее, все еще теплую, и сижу, прижимая вещи к себе, пока тепло Генри не уходит. Потом встаю, иду в спальню, аккуратно складываю вещи и оставляю на нашей кровати. Возвращаюсь и стараюсь доделать ужин; ужинаю одна, жду и волнуюсь.

3 февраля 1995 года, пятница (Клэр 23, Генри 31 и 39)

КЛЭР: Гомес, Кларисса, Генри и я сидим за столом у нас в гостиной и играем в «Заворот мозгов современного капиталиста». Это игра, которую придумали Гомес с Клариссой на основе «Монополии». Здесь нужно отвечать на вопросы, получать очки, набирать деньги и эксплуатировать других игроков. Очередь Гомеса. Он трясет кубик, выпадает шестерка, и он оказывается на клетке «Объединенный благотворительный фонд». Вытягивает карточку с вопросом.

– Итак, внимание. Какое современное техническое изобретение вы бы похерили ради блага общества?

– Телевизор, – отвечаю я.

– Кондиционер для белья, – говорит Кларисса.

– Датчики движения! – страстно восклицает Генри.

– А я говорю – порох.

– Вряд ли его можно назвать современным, – возражаю я.

– Ладно. Правильные ответы…

– Двух правильных ответов не может быть, – говорит Генри.

– Может. И вообще, что за дурацкий ответ – датчики движения!

– Они меня уже достали в Ньюберри. За эту неделю я дважды оказывался в наших фондах после конца рабочего дня, и, как только я материализуюсь, тут же появляется охранник с проверкой. Это меня просто бесит.

– Не думаю, что пролетария должна особенно беспокоить проблема датчиков движения.

[93] Перевод И. Бродского.

Мы с Генри получаем по десять очков за правильный ответ, Кларисса – пять за творческую мысль, а Генри возвращается на три клетки назад за то, что ставит личные цели выше общественных.

– Тогда я оказываюсь на «Старте». Банкир, дай двести баксов.

Кларисса дает Генри деньги.

– Черт, – говорит Гомес.

Я улыбаюсь ему. Сейчас моя очередь. Я выбрасываю четверку.

– Парк-Плейс. Покупаю.

Для того чтобы купить Парк-Плейс, мне нужно правильно ответить на вопрос. Генри достает карточку из пачки «Шанс».

– С кем и почему ты предпочла бы поужинать: Адам Смит, Карл Маркс, Роза Люксембург, Алан Гринспен?[94]

– Роза.

– Почему?

– Самая интересная смерть.

Генри, Кларисса и Гомес соглашаются и разрешают мне купить Парк-Плейс. Я отдаю Клариссе деньги, и она вручает мне карточку. Генри кидает кубик и оказывается на «Подоходном налоге». На этот случай есть особые карточки. Все напряглись в ожидании.

Генри зачитывает:

– «Большой скачок».

– Черт.

Все отдаем Клариссе свою недвижимость, и она кладет карточки, включая свои, в «Банк».

– Плакал мой Парк-Плейс.

– Извини. – Генри передвигает фишку по доске и останавливается на «Сент-Джеймсе». – Я покупаю.

– Бедный мой маленький «Сент-Джеймс», – хнычет Кларисса.

Я вытягиваю карточку из стопки «Свободная парковка».

– Какое соотношение сегодня между японской иеной и долларом?

– Без понятия. Откуда такой вопрос?

– Я придумала, – улыбается Кларисса.

– И какой ответ?

– Девяносто девять и восемь десятых иен к доллару.

– Хорошо. «Сент-Джеймс» остается. Твоя очередь.

Генри вручает кубик Клариссе. Она выкидывает четверку и оказывается в «Тюрьме». Берет карту и зачитывает нам свое преступление: «Инсайдерские торговые операции с ценными бумагами». Все смеются.

– Скорее, это относится к вам, ребята, – говорит Гомес.

Мы с Генри скромно улыбаемся. На этой неделе мы просто чудеса творим на бирже. Для того чтобы выбраться из «Тюрьмы», Клариссе нужно ответить на три вопроса.

Гомес берет карточки из пачки «Шанс».

– Вопрос первый: назови двух известных художников, которых Троцкий встречал в Мексике.

– Диего Ривера и Фрида Кало.

– Молодец. Вопрос второй: сколько «Найк» платит своим вьетнамским работникам в день за эти невероятно дорогие кроссовки?

– О боже! Не знаю. Три доллара? Десять центов?

---

[94] *Алан Гринспен* (р. 1926) – видный американский экономист, в 1987–2006 гг. председатель Федерального резервного банка США.

– Так какой ответ?

В кухне раздается невероятный грохот. Все подпрыгивают, и Генри говорит:

– Сидите здесь!

Голос настолько твердый, что мы подчиняемся. Он убегает на кухню. Кларисса и Гомес в ужасе смотрят на меня.

Я качаю головой:

– Я не знаю.

Но это не так. Я слышу бормотание и чей-то стон. Встаю и тихо иду за Генри.

Он стоит на коленях, прижав кухонное полотенце к голове обнаженного человека, лежащего на линолеуме. Конечно, это Генри. Стенной шкафчик с тарелками валяется на полу; стекло разбито, все тарелки вылетели и разбились. Генри лежит на груде осколков, истекая кровью и засыпанный стеклом. Оба Генри смотрят на меня, один жалко, другой настойчиво.

– Откуда столько крови? – шепчу я.

– Вроде бы от ссадины на голове, – шепчет в ответ Генри.

– Давай «скорую» вызывать, – предлагаю я.

Начинаю собирать осколки с груди Генри. Он открывает глаза и говорит:

– Не надо.

Я останавливаюсь.

– Господь милосердный!

В дверях показывается Гомес. Я вижу, что Кларисса стоит за ним на цыпочках, пытаясь заглянуть через его плечо.

– Ух ты! – говорит она, протискиваясь мимо Гомеса.

Генри накидывает полотенце на гениталии своего двойника.

– Генри, не волнуйся насчет этого, я рисовала миллиарды моделей…

– Я пытаюсь сохранить видимость приличий, – огрызается Генри.

Кларисса сжимается, как будто он ее ударил.

– Слушай, Генри… – бормочет Гомес.

Я не могу думать в таком шуме.

– Так, заткнитесь все, пожалуйста, – требую я, выходя из себя.

К моему удивлению, они замолкают.

– Что случилось? – спрашиваю я Генри, который лежит на полу, морщится и старается не шевелиться.

Он открывает глаза и какое-то время смотрит на меня, прежде чем ответить.

– Через несколько минут я уйду, – наконец тихо отвечает он. Смотрит на Генри: – Дай выпить.

Генри вскакивает и возвращается с полным стаканом «Джека Дэниелса». Я держу голову Генри, и он умудряется выпить почти треть.

– Ты уверен? – спрашивает Гомес.

– Не знаю. Плевать, – отвечает Генри с пола. – Больно, черт. – Он вздрагивает. – Отойдите! Закройте глаза…

– Зачем?.. – начинает Гомес.

Генри трясется на полу, как будто через него пропускают ток. Голова яростно дергается, он кричит: «Клэр!» – и я закрываю глаза. Раздается звук, как будто рвется простыня, но намного громче, в разные стороны разлетаются осколки фарфора, и Генри исчезает.

– Боже мой, – произносит Кларисса.

Мы с Генри смотрим друг на друга. «Что-то не так, Генри. Это было кроваво и страшно. Что с тобой происходит?» По выражению его белого лица я понимаю, что он тоже не знает. Он смотрит, нет ли в виски осколков, и выпивает до дна.

– А стекло почему разлетелось? – спрашивает Гомес, осторожно отряхиваясь.

Генри встает и подает мне руку. Он весь в каплях крови и осколках стекла и фарфора. Я встаю и смотрю на Клариссу. У нее на лице глубокий порез, кровь течет по щеке, как слеза.

– Все, что не часть моего тела, остается на месте, – объясняет Генри.

Он показывает дыру – ему пришлось выдернуть зуб, потому что пломба постоянно вылетала.

– Поэтому, где бы я сейчас ни оказался, им там не придется сидеть и собирать все пинцетом.

– Да, но нам придется, – отвечает Гомес, осторожно вынимая стекло из щеки Клариссы.

По-своему, он прав.

Библиотечная фантастика

8 марта 1995 года, среда (Генри 31)

ГЕНРИ: Мы с Мэттом играем в прятки среди стеллажей в Особой коллекции. Он ищет меня, потому что мы должны проводить семинар по каллиграфии для одной доверительницы Ньюберри и ее «Женского клуба чистописания». Я прячусь, потому что пытаюсь одеться, прежде чем он меня найдет.

– Ну же, Генри, они ждут, – зовет Мэтт откуда-то из «Ранних американских плакатов».

Я надеваю штаны в «Биографиях французских художников двадцатого века».

– Секундочку, я просто хочу кое-что найти! – кричу я.

Делаю заметку на память – выучиться чревовещанию на такие случаи. Голос Мэтта приближается, он говорит:

– Слушай, миссис Коннелли совсем изведется… да ладно тебе, вылезай оттуда… – Он просовывает голову в мой ряд, я застегиваю рубашку. – Что ты делаешь?

– В смысле?

– Опять бегал голый между стеллажей, так?

– Ну, может быть. – Я стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

– Господи, Генри. Дай мне тележку.

Мэтт хватает заваленную книгами тележку и толкает ее к читальному залу. Тяжелая металлическая дверь открывается и закрывается. Я надеваю носки и ботинки, завязываю галстук, отряхиваю от пыли пиджак и надеваю его. Затем выхожу в читальный зал, вижу Мэтта на другом конце длинного стола в окружении богатых дамочек среднего возраста и начинаю рассказывать о различных почерках по «Книге символов» Рудольфа Коха[95]. Мэтт достает книги и открывает каталоги, вставляя мудрые изречения о Кохе, и к концу часа мне начинает казаться, что на этот раз он меня не убьет. Счастливые дамочки убегают на обед. Мы с Мэттом движемся вдоль стола, засовываем книги в коробки и складываем на тележку.

– Извини, что опоздал, – говорю я.

– Не будь ты бесценным специалистом, – отвечает Мэтт, – мы бы давно сняли с тебя кожу, выдубили и пустили на переплет «Das Manifest der Nachtkultur»[96].

– Такой книги нет.

– Поспорим?

– Нет.

Мы толкаем тележку обратно в хранилище и начинаем расставлять каталоги и книги по местам. Я угощаю Мэтта обедом в «Бью Тай», и все прощено, но не забыто.

11 апреля 1995 года, вторник (Генри 31)

ГЕНРИ: В библиотеке Ньюберри есть лестница, которой я боюсь. Она расположена в восточном конце длинного коридора, отделяющего читальный зал от хранилища. Она не такая великолепная, как главная лестница с мраморными ступенями и резными балю-

[95] *Рудольф Кох* (1876–1934) – немецкий каллиграф, проектировщик наборных шрифтов.

[96] «Манифест ночной культуры» *(нем.)*.

страдами. Здесь нет окон. Лампы дневного света, стены из шлакобетона, цементные ступени с желтыми полосками. На каждом этаже – глухие железные двери. Но не это пугает меня. Что мне не нравится в этой лестнице, так это клетка.

Клетка высотой в четыре этажа, находящаяся в середине. На первый взгляд она кажется клеткой лифта, но лифта там нет и никогда не было. Кажется, в Ньюберри никто не знает, зачем эта клетка нужна и зачем ее сделали. Я думаю, чтобы люди не падали и не разбивались насмерть. Стальная клетка покрашена в бежевый цвет.

Когда я только пришел работать в Ньюберри, Кэтрин устроила мне экскурсию по всем закуткам и щелям. Она гордо показывала мне хранилище, специальный фонд, пустую комнату в восточном крыле, где Мэтт упражняется в пении, ужасающе захламленный кабинет Макаллистера, комнаты для научной работы, столовую для персонала. Когда Кэтрин открыла дверь на лестницу, по пути в комнату охраны, я на секунду запаниковал. Разглядел белые прутья крест-накрест и шарахнулся, как испуганная лошадь.

– Что это? – спросил я Кэтрин.

– А, это клетка, – спокойно ответила она.

– Это лифт?

– Нет, просто клетка. Вроде бы ею никогда и не пользовались.

– А-а. – Я подошел к ней и заглянул внутрь. – А дверь там, внизу, есть?

– Нет. В нее попасть нельзя.

– Ясно. – Мы поднялись по лестнице и продолжили нашу экскурсию.

С тех пор я стараюсь не пользоваться этой лестницей. Стараюсь не думать о клетке; я не хочу вообще помнить о ней. Но если когда-нибудь окажусь в ней, я точно не смогу выбраться.

8 июня 1995 года, пятница (Генри 31)

ГЕНРИ: Я материализуюсь на полу в мужском туалете в Ньюберри на четвертом этаже. На несколько дней я застрял в 1973 году, в деревне в Индиане, я устал, голоден и небрит; хуже всего то, что у меня синяк под глазом и я не могу найти свою одежду. Встаю и запираюсь в кабинке, сажусь и начинаю думать. Пока думаю, кто-то входит, расстегивает ширинку и встает у писсуара. Когда он застегивает молнию и на секунду останавливается, я чихаю.

– Кто здесь? – спрашивает Роберто.

Я сижу тихо. Через щель между дверью и стенкой я вижу, как Роберто медленно нагибается и смотрит из-под двери на мои ноги.

– Генри? – спрашивает он. – Мэтт принесет тебе одежду. Пожалуйста, одевайся, и я жду тебя в своем кабинете.

Я проскальзываю в кабинет Роберто и сажусь напротив него. Он разговаривает по телефону, поэтому я бросаю взгляд на календарь. Сегодня пятница. Часы над столом показывают семнадцать минут третьего. Меня не было чуть больше двадцати двух часов. Роберто аккуратно кладет на аппарат телефонную трубку и поворачивается ко мне.

– Закрой дверь, – говорит он.

Это простая формальность, потому что стены в наших кабинетах не доходят до потолка, но я подчиняюсь.

Роберто Кейл – выдающийся специалист по итальянскому Возрождению и заведует отделом редких книг. Обычно он большой оптимист – загорелый, бородатый, задорный; сейчас он грустно смотрит на меня из-за очков и говорит:

– Ты понимаешь, что это совершенно недопустимо.

– Да, понимаю.

– Можно узнать, где ты получил такой впечатляющий синяк? – Голос Роберто угрюмый.

– Думаю, напоролся на дерево.

– Конечно. Глупо, что я сам не догадался.

Мы сидим и смотрим друг на друга.

Роберто говорит:

– Вчера я заметил, что Мэтт идет в твой офис и тащит стопку одежды. Поскольку я уже не первый раз замечаю его за этим занятием, я спросил, где он раздобыл эти вещи, и он ответил, что нашел на полу в туалете. Я спросил, почему он решил оттащить эти вещи именно в твой кабинет, и он ответил, что одежда похожа на ту, что ты носил в тот день, и это правда так. И поскольку тебя никто не мог найти, мы просто оставили твою одежду у тебя на столе.

Он замолкает, как будто думает, что я хочу что-то сказать, но мне ничего подходящего в голову не приходит.

Он продолжает:

– Сегодня утром звонила Клэр. Она сказала Изабель, что у тебя грипп и тебя не будет.

Я опускаю голову на руку. У меня дергается глаз.

– Объясни, – требует Роберто.

Мне очень хочется ответить: «Роберто, я застрял в семьдесят третьем году и не мог выбраться. Я был в Манси, штат Индиана, несколько дней жил в сарае и подрался с его хозяином, который решил, что я что-то делаю с его овцами». Но, конечно, такого я сказать не могу.

Я говорю:

– Я не помню, Роберто. Извините.

– А, ну думаю, тогда выиграл Мэтт.

– Что выиграл?

Роберто улыбается, и мне кажется, что он не собирается меня увольнять.

– Мэтт поспорил, что ты даже не попытаешься объясниться. Амелия поставила на похищение инопланетянами. Изабель – на то, что ты ввязался в международный наркокартель и тебя похитила и убила мафия.

– А Кэтрин?

– О, Кэтрин и я убеждены, что причиной всему – невероятно гротескное сексуальное расстройство, связанное с нудизмом и книгами.

– Скорее, это эпилепсия, – говорю я, глубоко вздохнув.

– Эпилепсия? – скептически спрашивает Роберто. – Ты исчез вчера после обеда. У тебя фингал, и все руки и лицо расцарапаны. Я заставил охрану обыскать здание от подвала до чердака, чтобы найти тебя; говорят, что у тебя есть привычка раздеваться за стеллажами.

Я смотрю на ногти на руках. Подняв глаза, вижу, что Роберто уставился в окно.

– Я не знаю, что с тобой делать, Генри. Мне бы очень не хотелось тебя потерять; когда ты здесь и одетый, ты бываешь довольно… компетентным. Но это просто недопустимо.

Несколько минут мы сидим и смотрим друг на друга. Наконец Роберто говорит:

– Скажи, что этого больше не повторится.

– Не могу. Это от меня не зависит.

Роберто вздыхает и машет рукой:

– Иди. Иди и составляй каталог коллекции Квигли, на какое-то время это тебя отвлечет.

Коллекция Квигли – недавний дар библиотеке, содержащий более двух тысяч викторианских рекламок и т. п., в основном связанных с мылом. Я послушно киваю и встаю.

Когда я открываю дверь, Роберто говорит:

– Генри, неужели все так плохо, что ты не можешь мне сказать?

– Да, – отвечаю я, поколебавшись.

Роберто молчит. Я закрываю за собой дверь и иду в свой кабинет.

Мэтт сидит за моим столом, переписывая данные из своего календаря в мой. Он поднимает на меня глаза:

– Он тебя уволил?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю.

– Странно. Кстати, я провел твое занятие для чикагских переплетчиков.

– Спасибо. Тебе завтра обед купить?

– Конечно. – Мэтт сверяется с календарем. – У нас через сорок пять минут лекция-показ по истории печатного дела.

Я киваю и начинаю шарить в столе в поисках списка того, что мы собирались показывать.

– Генри?

– Да?

– Где ты был?

– Манси, Индиана. Семьдесят третий год.

– Ну да, конечно. – Мэтт закатывает глаза и ехидно улыбается. – Я понял.

17 декабря 1995 года, воскресенье (Клэр 24, Генри 8)

КЛЭР: Я в гостях у Кимми. Декабрь, снежный воскресный день. Я ходила за покупками к Рождеству, и сейчас сижу на кухне у Кимми, пью горячий шоколад, грею ноги у батареи, забавляя ее рассказами о том, где что ухватила и с какими скидками. Кимми раскладывает пасьянс по ходу разговора; я восхищаюсь ее уверенностью, тем, как решительно она кладет красную карту на черную. На плите булькает кастрюля с жарким. В гостиной что-то шумит, падает стул. Кимми поворачивается и смотрит туда.

– Кимми, – шепчу я, – у тебя под столом в гостиной маленький мальчик.

Кто-то хихикает.

– Генри? – зовет Кимми.

Ответа нет. Она встает и подходит к двери.

– Эй, приятель! Прекрати! Оденься, мистер.

Кимми исчезает в гостиной. Шепот. Хихиканье. Тишина. Внезапно на меня из дверей смотрит маленький голый мальчик и вдруг исчезает. Возвращается Кимми, садится за стол и продолжает раскладывать карты.

– Ух ты! – говорю я.

– Сейчас это уже не так часто происходит, – улыбается Кимми. – Сейчас он появляется уже взрослым. Но не так часто, как раньше.

– Я никогда не видела, чтобы он слишком далеко попадал в будущее.

– Ну, у тебя с ним еще не много будущего было.

Несколько секунд я пытаюсь понять, что она имеет в виду. Понимаю и задумываюсь о том, что за будущее нас ждет, и вдруг представляю себе, как оно расширяется, открывается постепенно, и Генри приходит через него из своего прошлого. Я пью шоколад и смотрю на замерзший садик Кимми.

– Вы по нему скучаете?

– Да, скучаю. Но теперь он вырос. Когда он приходит ребенком, это как привидение, понимаешь?

Я киваю. Кимми заканчивает пасьянс, собирает карты. Смотрит на меня и улыбается:

– Когда у вас ребеночек-то будет?

– Не знаю, Кимми. Не уверена, что получится.

Она встает, подходит к плите и помешивает жаркое.

– Ну, никогда ведь не знаешь.

– Действительно. – «Никогда не знаешь».

Позднее мы с Генри лежим в постели. Снег все идет; батареи несильно гудят. Я поворачиваюсь к нему, он смотрит на меня, и я говорю:

– Я хочу ребенка.

11 марта 1996 года, понедельник (Генри 32)

ГЕНРИ: Я вышел на доктора Кендрика; он связан с больницей при Чикагском университете. Март, мерзкий холодный мокрый день. Март в Чикаго, кажется, должен быть лучше, чем февраль, но иногда это не так. Я сажусь в автобус, спиной по ходу движения. Чикаго пролетает мимо нас, и вот мы уже на 59-й улице. Я выхожу и иду, преодолевая сопротивление дождя со снегом. Девять утра, понедельник. Все погружены в себя, борются с нерабочим настроением. Мне нравится Гайд-парк. Здесь я чувствую себя так, будто выпал из Чикаго в другой город, может в Кембридж. Серые каменные дома потемнели от дождя, деревья роняют на прохожих жирные ледяные капли. Я чувствую пустую безмятежность свершившегося факта: я смогу убедить Кендрика, хотя с другими врачами не вышло; я и правда *смогу убедить его*. Он *будет* меня лечить, потому что в будущем так и *будет*.

Я вхожу в маленькое здание рядом с больницей. Сажусь в лифт, нажимаю кнопку третьего этажа, открываю стеклянную дверь с золотистой надписью: «Доктора С. П. Слоун и Д. Л. Кендрик», называю секретарю свою фамилию и сажусь в глубокое бледно-лиловое зачехленное кресло. Приемная в розовых и фиолетовых тонах – наверное, чтобы пациенты не волновались. Доктор Кендрик – генетик и (не случайно) философ; второе, мне кажется, должно быть полезно при работе с жесткими реалиями первого. Сегодня здесь никого, кроме меня, нет. Я пришел на десять минут раньше. Обои в широкую полоску цвета пепто-бисмола[97]. Они плохо гармонируют с картиной, что висит напротив меня: водяная мельница, в основном в коричневых и зеленых тонах. Мебель псевдоколониальная, но коврик довольно милый, вроде персидского ковра, и мне немного жаль его, оставленного в этой жуткой приемной. Секретарь – симпатичная женщина средних лет с очень глубокими морщинами от многолетнего загара; она и сейчас очень загорелая – в марте, в Чикаго.

В девять тридцать пять я слышу голоса в коридоре, и в приемную заходит блондинка с маленьким мальчиком в инвалидном кресле. Кажется, у мальчика церебральный паралич или что-то в этом роде. Женщина мне улыбается; я улыбаюсь в ответ. Когда она поворачивается, я вижу, что она беременна. Секретарь говорит:

– Можете заходить, мистер Детамбль, – и я улыбаюсь мальчику, проходя мимо.

Он таращит на меня огромные глаза, но не улыбается.

Когда я захожу в кабинет доктора Кендрика, он что-то записывает в книге. Я сажусь, он продолжает писать. Он моложе, чем я ожидал, ему немного за тридцать. Мне всегда кажется, что врачи должны быть пожилыми. Ничего не могу с этим поделать, это у меня осталось из детства, наполненного бесконечными врачами.

У Кендрика рыжие волосы, узкое лицо, борода, толстые стекла очков в тонкой оправе. Он немного похож на Д. Г. Лоуренса[98]. На нем симпатичный пепельно-серый костюм и узкий темно-зеленый галстук с заколкой в виде радужной форели. У его локтя битком набитая

---

[97] Препарат от расстройства желудка, имеет характерный розовый цвет.

[98] *Дэвид Герберт Лоуренс* (1885–1930) – английский писатель, автор романов «Сыновья и любовники» (1913), «Радуга» (1915), «Любовник леди Чаттерлей» (1928) и др.

пепельница; комната тонет в сигаретном дыме, хотя прямо сейчас он не курит. Все очень современно: трубчатая сталь, бежевый твил, белое дерево. Он поднимает на меня глаза и улыбается.

– Доброе утро, мистер Детамбль. Чем могу вам помочь? – Он смотрит в календарь. – Кажется, у меня о вас никакой информации нет, верно? В чем проблема?

– *Dasein.*

Кендрик замирает.

– *Dasein?* Бытие? Не понимаю.

– У меня заболевание, которое назовут хронодислокацией. Мне трудно оставаться в настоящем.

– Простите?

– Я перемещаюсь во времени. Не добровольно.

Кендрик волнуется, но подавляет это чувство. Мне он нравится. Он пытается вести себя со мной, как подобает обращаться с нормальным человеком, хотя, уверен, он раздумывает, к какому бы из знакомых психиатров меня направить.

– Но зачем вам генетик? Или, может, вы обратились ко мне как к философу?

– Это генетическое заболевание. Хотя будет приятно поболтать с кем-нибудь о глубинных проблемах этого недуга.

– Мистер Детамбль, очевидно, что вы разумный мужчина… Я никогда не слышал об этом заболевании. Я ничем не могу помочь вам.

– Вы мне не верите.

– Правильно. Не верю.

Теперь я улыбаюсь, грустно. Мне плохо при одной мысли, но придется это сделать.

– Что ж. Я видел очень много врачей в своей жизни, но это первый раз, когда у меня есть что предложить в качестве доказательства. Конечно, никто никогда мне не верит. Вы с женой ожидаете через месяц ребенка?

– Да. – Он насторожен. – Откуда вы знаете?

– Через несколько лет я загляну в свидетельство о рождении вашего ребенка. Я перемещался в прошлое моей жены и записал информацию, она в этом конверте. Жена отдала его мне, когда мы встретились в прошлом. Теперь я отдаю его вам. Откройте его после рождения сына.

– Но у нас будет дочь.

– Вообще-то, нет, – мягко говорю я. – Но давайте не будем препираться на этот счет. Сохраните конверт, откройте его после рождения ребенка. Не выбрасывайте его. После того как прочитаете, позвоните мне, если захотите.

Я встаю, чтобы уйти.

– Удачи, – говорю я, хотя в удачу не верю.

Мне искренне жаль его, но другого пути нет.

– До свидания, мистер Детамбль, – холодно отвечает доктор Кендрик.

Я ухожу. Садясь в лифт, представляю себе, что он сейчас, наверное, открывает конверт. Внутри – листок бумаги. На нем написано:

Колин Джозеф Кендрик
6 апреля 1996, 1:18 ночи
6 фунтов 8 унций, белый,
мужской синдром Дауна

6 апреля 1996 года, суббота
(Генри 32, Клэр 24)
(5:32 утра)

ГЕНРИ: Мы спим, обнявшись; всю ночь мы просыпались, ворочались, вставали, возвращались в постель. Ребенок Кендрика родился сегодня поздно ночью. Вскоре зазвонит телефон. Вот он звонит. Телефон стоит со стороны Клэр, она поднимает трубку, тихо говорит: «Да?» – и передает ее мне.

– Откуда вы знали? *Откуда вы знали?* – Кендрик почти шепчет.

– Мне жаль. Мне очень жаль.

Какое-то время мы оба молчим. Мне кажется, что Кендрик плачет.

– Приходите в мой офис.

– Когда?

– Завтра, – говорит он и вешает трубку.

7 апреля 1996 года, воскресенье
(Генри 32 и 8, Клэр 24)

ГЕНРИ: Мы с Клэр едем по Гайд-парку. Почти всю дорогу молчим. Идет дождь, «дворники» ритмично разбрызгивают воду, которая стекает с машины. Шумит ветер.

Как будто продолжая разговор, который мы не вели, Клэр говорит:

– Это несправедливо.

– Что? Кендрик?

– Да.

– Природа несправедлива.

– Нет. То есть да, грустно, что с ребенком так, но я имела в виду нас. Несправедливо, что мы пользуемся этим.

– В смысле, непорядочно?

– Угу.

Я вздыхаю. Появляется знак поворота на 57-ю улицу, Клэр перестраивается и сворачивает.

– Я согласен, но уже поздно. И я устал…

– Ну, в любом случае поздно.

– Да уж.

Мы снова погружаемся в тишину. Я говорю Клэр, как пробраться через лабиринт улиц с односторонним движением, и вскоре мы останавливаемся напротив здания, где офис Кендрика.

– Удачи.

– Спасибо. – Я нервничаю.

– Не волнуйся. – Клэр меня целует.

Мы смотрим друг на друга, все наши мечты сплелись в чувство вины из-за Кендрика. Клэр улыбается и отводит взгляд. Я выхожу из машины и смотрю, как Клэр медленно едет по 59-й улице и пересекает Мидуэй. У нее есть дело в галерее «Смарт».

Главная дверь открыта, я поднимаюсь в лифте на третий этаж. В приемной у Кендрика никого нет, я прохожу через нее и иду по коридору. Дверь в кабинет открыта. Свет не горит. Кендрик стоит за столом, спиной ко мне, глядя на дождь за окном. Я молча стою в дверях, довольно долго. Наконец прохожу в кабинет.

Кендрик поворачивается, и я поражаюсь произошедшей в нем перемене. Опустошен – не то слово. Он уничтожен; в нем не осталось ничего, что было. Защищенности, убежденности, уверенности. Я так привык жить на метафизической трапеции, что забыл: другие люди привычны к постоянству.

– Генри Детамбль, – говорит Кендрик.

– Здравствуйте.

– Почему вы пришли *ко мне*?

– Потому что к вам. Это не выбор.

– Судьба?

– Называйте как хотите. В моей жизни все замкнуто. Причина и следствие перемешаны.

Кендрик садится за стол. Стул скрипит. За окном шумит дождь. Кендрик лезет в карман за сигаретами, находит, смотрит на меня. Я пожимаю плечами. Он закуривает и долго молча курит. Я смотрю на него.

– Откуда вы знали?

– Я уже говорил. Я видел свидетельство о рождении.

– Когда?

– В девяносто девятом году.

– Это невозможно.

– Тогда объясните сами.

– Не могу, – качает головой Кендрик. – Я пытался и не смог. Все… все сходится. Час, день, вес… отклонение. – Он смотрит на меня с отчаянием. – А что, если бы мы решили назвать его по-другому – Алекс, Фрэд, Сэм?..

Я качаю головой и останавливаюсь, понимая, что копирую его.

– Но вы этого не сделали. Не стану утверждать, что вы этого вообще не могли, – но не сделали. И я только принес вам сообщение. Я не экстрасенс.

– У вас есть дети?

– Нет. – Я не хочу обсуждать это, хотя в конце концов придется. – Мне жаль, что Колин… Но знаете, он действительно чудесный мальчик.

Кендрик смотрит на меня:

– Я отследил ошибку. Наши результаты анализов случайно перепутали с другой парой, Кенвиков.

– Что бы вы сделали, если бы знали?

– Не знаю. – Он отводит глаза. – Мы с женой католики, поэтому, думаю, результат был бы такой же. И смех и грех…

– Да.

Кендрик тушит бычок и зажигает новую сигарету. Я смиряюсь с неизбежной головной болью от дыма.

– Как это работает?

– Что?

– Это ваше перемещение во времени. – Голос злой. – Вы говорите заклинания? Забираетесь в машину?

Я пытаюсь объяснить спокойно:

– Нет. Я ничего не делаю. Это просто происходит. Я не контролирую это, просто… сейчас все в порядке – а через секунду я где-то еще, в другом времени. Как будто канал переключили. Я просто внезапно оказываюсь в другом времени и другом месте.

– Ну и что вы хотите, чтобы я сделал?

Я наклоняюсь вперед, для большей внушительности:

– Я хочу, чтобы вы выяснили, почему это происходит, и остановили это.

Кендрик улыбается. Это недобрая улыбка.

– А зачем вам? Кажется, для вас это вполне удобно. Знать все вещи, которых никто больше не знает.

– Это опасно. Рано или поздно это меня убьет.

– Не могу сказать, что меня это огорчает.

Продолжать бессмысленно. Я встаю и иду к двери.

– До свидания, доктор Кендрик.

Я медленно иду по коридору, давая ему возможность окликнуть меня, но этого не происходит. Зайдя в лифт, я отчаянно прокручиваю ситуацию в голове, пытаясь понять, что пошло не так; все должно было получиться, и рано или поздно так и будет.

Открыв дверь, я вижу, что Клэр ждет меня через дорогу в машине. Она поворачивается, и на ее лице я читаю такую надежду, такую тревогу, что меня переполняет грусть, я боюсь говорить с ней и, переходя через дорогу, слышу шум в ушах, теряю равновесие и падаю – но не на асфальт, а на ковер. Я лежу, пока не слышу знакомый голос:

– Генри, ты в порядке?

Открываю глаза и вижу себя, восьмилетнего, сидящего на постели и глядящего на меня.

– Я в порядке, Генри. – (Он смотрит подозрительно.) – Правда, в порядке.

– Хочешь овалтина?

– Конечно.

Он встает с кровати, идет через спальню в кухню и наконец возвращается с двумя чашками горячего шоколада. Мы медленно пьем, не произнося ни слова. Допив, Генри относит чашки обратно в кухню и моет их. Уничтожает улики.

Когда он возвращается, я спрашиваю:

– Как вообще дела?

– Да как обычно. Ходили еще к одному врачу.

– Надо же, я тоже. К которому?

– Не помню, как зовут. Старик, и в ушах у него полно волос.

– И как оно?

– Он мне не поверил, – пожимает плечами Генри.

– Угу. Ты просто не расстраивайся. Ни один из них тебе не поверит. Ну, я видел сегодня одного, он поверил, но не думаю, что он захочет помочь.

– Как это?

– Я ему просто не понравился, наверное.

– Ясно. Эй, хочешь, я тебе одеяло дам?

– Ну можно, только одно.

Я стаскиваю покрывало с кровати Генри и сворачиваюсь на полу.

– Спокойной ночи. Спи крепко.

Я вижу, как в темноте комнаты блеснули белые зубы моего младшего «я», потом он сворачивается в маленький комочек, а я смотрю на свой старый потолок и мечтаю вернуться к Клэр.

КЛЭР: Генри выходит из здания несчастный и – вдруг вскрикивает, и его уже нет. Я выскакиваю из машины, бегу туда, где он был всего мгновение назад, но, конечно, там только одежда. Я собираю все, стою несколько секунд посреди улицы и вдруг замечаю, что из окна третьего этажа на меня смотрит мужчина. Вот он исчезает. Я иду к машине, сажусь и смотрю на голубую рубашку Генри и черные штаны, думая, имеет ли смысл оставаться здесь. У меня в сумке «Возвращение в Брайдсхед»[99], поэтому я решаю какое-то время посидеть здесь, на случай если Генри появится. Я поворачиваюсь, чтобы взять книгу, и вижу, что к машине

[99] Опубликованный в 1945 г. роман Ивлина Во (1902–1966).

бежит какой-то рыжеволосый. Он останавливается у пассажирского окошка и смотрит на меня. Должно быть, это Кендрик. Я отпираю дверцу, он садится, но не знает, что сказать.

– Здравствуйте, – говорю я. – Вы, должно быть, доктор Кендрик. Я Клэр Детамбль.

– Да… – Он в полной растерянности. – Да-да. Ваш муж…

– Просто испарился на ровном месте.

– Да!

– Кажется, вы удивлены.

– Ну…

– Разве он вам не рассказал? Он такое делает. – Пока что он меня не очень впечатлил, но я не подаю виду. – Мне очень жаль вашего ребенка. Но Генри говорит, что это милый малыш, он очень хорошо рисует, и у него богатое воображение. И ваша дочь тоже одаренная, и все будет в порядке. Вот увидите.

Он таращится на меня.

– Но у нас нет дочери. Только… Колин.

– Но будет. Ее зовут Надя.

– Это был такой шок. Моя жена очень расстроена…

– Но все будет отлично. Правда.

К моему удивлению, этот незнакомый мужчина принимается плакать, плечи ходят ходуном, лицо спрятано в ладонях. Через несколько минут он останавливается и поднимает голову. Я даю ему «клинекс», он сморкается.

– Извините, – начинает он.

– Ничего. Что там случилось между вами и Генри? Он вышел такой расстроенный.

– Откуда вы знаете?

– Он перенервничал и не смог удержаться в настоящем.

– Где он?

Кендрик оглядывается вокруг, как будто думает, что я прячу Генри между сиденьями.

– Не знаю. Не здесь. Мы надеялись, что вы нам поможете, но, видимо, нет.

– Ну, я не понимаю, как…

В это самое мгновение Генри появляется точно на том же месте, откуда исчез. В двадцати футах от него – автомобиль, водитель врезает по тормозам, и Генри запрыгивает на капот моей машины. Водитель опускает стекло, Генри садится, мотает головой, слышит в ответ ругань, и автомобиль уезжает. У меня в голове шумит кровь. Я смотрю на Кендрика, он в шоке. Выпрыгиваю из машины, Генри слезает с капота.

– Привет, Клэр. Было жарко, да? – (Я обнимаю его; он дрожит.) – Ты мою одежду забрала?

– Да, она здесь… эй, и Кендрик здесь.

– Что? Где?

– В машине.

– Но как?..

– Он увидел, как ты исчез, и до него, видимо, что-то дошло.

Генри просовывает голову в окошко со стороны водителя.

– Привет.

Хватает одежду и начинает одеваться. Кендрик вылезает из машины, обходит ее.

– Где вы были?

– Семьдесят первый год. Я пил овалтин сам с собой, восьмилетним, в моей старой спальне, в час ночи. Я был там где-то час. А почему вас это интересует? – Генри обращается к Кендрику холодно, завязывая галстук.

– Невероятно.

– Можете повторять это сколько угодно, но, к сожалению, это так.

– То есть вы стали восьмилетним?

– Нет. Я сидел в своей старой спальне в квартире отца, в семьдесят первом году, тридцатидвухлетний, в компании самого себя, восьмилетнего. Пил овалтин. Мы болтали о недоверчивости врачей. – Генри обходит машину и открывает дверцу. – Клэр, пора сматываться. Это бесполезно.

Я иду к дверце водителя.

– До свидания, доктор Кендрик. Удачи с Колином.

– Подождите… – Кендрик останавливается, собираясь с мыслями. – Это генетическое заболевание?

– Да, – говорит Генри. – Это генетическое заболевание, а мы хотим ребенка.

– Непредсказуемая вещь, – грустно улыбается Кендрик.

– Мы привыкли к непредсказуемости, – улыбаюсь я в ответ. – До свидания.

Мы с Генри садимся в машину и уезжаем. Сворачивая на Лейк-Шор-драйв, я бросаю взгляд на Генри. К моему удивлению, он широко улыбается.

– Почему это ты такой довольный?

– Кендрик. Он заглотил крючок.

– Думаешь?

– Уверен.

– Ну, тогда прекрасно. Но по-моему, он какой-то тормоз.

– Он не тормоз.

– Тогда хорошо.

Мы молча едем домой, но это абсолютно другое молчание, нежели по дороге сюда. Кендрик позвонит Генри тем же вечером, и они договорятся о встрече, чтобы начать выяснять, как удержать Генри здесь и сейчас.

12 апреля 1996 года, пятница (Генри 32)

ГЕНРИ: Кендрик сидит опустив голову. Большие пальцы беспокойно ерзают вдоль ладоней, как будто хотят удрать. Солнце садится, и кабинет освещен золотом; Кендрик сидит неподвижно, движутся только пальцы, и слушает, как я говорю. Красный индийский ковер, бежевые твиловые кресла с нестерпимо блестящими стальными ножками; сигареты Кендрика, пачка «Кэмела» лежит нетронутая, пока он слушает. Золотые ободки круглых очков освещены солнцем; край правого уха Кендрика светится красным, рыжие волосы и розовая кожа отражают желтый свет хризантем, что стоят в медной вазе на столе между нами. Весь день Кендрик сидит в своем кресле и слушает.

Я рассказал ему все. Как все началось, как я учился, как старался выжить и радовался, что многое знаю наперед, как ужасно знать и не иметь возможности ничего исправить, каково это – страдание от потери. Теперь мы сидим в тишине, и наконец он поднимает голову и смотрит на меня. В глазах Кендрика грусть, которую мне трудно видеть; выложив ему все, я хочу забрать это назад и уйти, избавить его от тяжелой необходимости думать об этом. Он берет пачку, достает сигарету, прикуривает, затягивается и потом выдыхает голубое облако, которое превращается в белое, проходя через грань света и тени.

– Проблемы со сном есть? – спрашивает он меня, голос звучит хрипло после долгого молчания.

– Да.

– Есть ли какое-то определенное время суток, в которое вы чаще всего… исчезаете?

– Нет… ну, может быть, ранним утром чаще всего.

– Головные боли бывают?

– Да.

– Мигрени?

– Нет. Сильные головные боли. С нарушением зрения, аурами.

– Хм.

Кендрик встает. Колени хрустят. Он ходит по кабинету, курит, обходит по краю ковер.

– Послушайте, – говорит он нахмурившись. – Есть такая вещь – часовые гены. Они поддерживают в организме суточные ритмы, синхронизируют вас по солнцу и так далее. Мы обнаружили их во многих типах клеток, по всему телу, но особенно они связаны со зрением, как и ваши симптомы, судя по всему. Супрахиазматическое ядро гипоталамуса, которое расположено прямо над зрительной хиазмой, служит как кнопка «ресет» для вашего ощущения времени – думаю, начнем мы отсюда.

– Да, конечно, – говорю я, потому что он смотрит так, будто ждет ответа.

Кендрик шагает к двери, которую я раньше не замечал, открывает ее и на минуту исчезает. Возвращается он с резиновыми перчатками и шприцем.

– Закатайте рукав, – требует Кендрик.

– Что вы делаете? – спрашиваю я, закатывая рукав до локтя.

Он не отвечает, снимает колпачок, смазывает руку, перевязывает и вкалывает иглу.

Я отворачиваюсь. Солнце зашло, и кабинет остался во мраке.

– У вас медицинский полис есть? – спрашивает он, вынимая иглу и разматывая жгут. Прикладывает вату и пластырь на место прокола.

– Нет. Я сам за все заплачу.

Я прижимаю пальцы к ранке, сгибаю руку.

– Нет-нет, – улыбается Кендрик. – Вы будете моим маленьким научным экспериментом, поедете автостопом на моем гранте Национального института здравоохранения.

– Зачем?

– Мы не будем ходить вокруг да около. – Кендрик замолкает, держа в руке использованные перчатки и колбу с моей только что взятой кровью. – Займемся расшифровкой вашей ДНК.

– Я думал, на это нужны годы.

– Вы правы, но это если брать полный геном. А мы начнем с наиболее вероятных мест, с хромосомы семнадцать например.

Кендрик бросает перчатки и иголку в ванночку с надписью «Биологические отходы» и что-то пишет на маленькой колбе. Он садится напротив меня и ставит колбу на стол рядом с сигаретами.

– Но человеческий геном не будет расшифрован до двухтысячного года. С чем вы будете сравнивать?

– Двухтысячного? Так скоро? Вы уверены? Видимо, да. Но, отвечая на ваш вопрос: болезнь, настолько… опустошительная… как ваша, зачастую вызвана своего рода запинкой, повторяющимся фрагментом кода, который говорит: «Плохие новости». Болезнь Хантингтона, например, – это просто несколько лишних ЦАГ-триплетов на хромосоме четыре.

Я сажусь и потягиваюсь. Мне бы кофе.

– Значит, все? Мне можно отправляться играть во двор?

– Ну, я хочу сделать томограмму мозга, но не сегодня. Я выпишу вам направление в больницу. Магнитно-резонансная томография, компьютерная томография и рентген. И еще я направлю вас к своему другу, Алану Ларсону; у него здесь, при университете, своя гипнологическая лаборатория.

– Отлично, – говорю я, медленно поднимаясь, чтобы кровь не ударила в голову.

Кендрик поворачивается ко мне. Я не вижу его глаз, на стеклах очков матовые блики.

– И правда, отлично. Это великая загадка, и наконец у нас есть способы выяснить…

– Выяснить что?

– Что бы это ни было. Кто бы вы ни были.

Кендрик улыбается, и я замечаю, что зубы у него желтые и неровные. Он встает, протягивает руку, я ее пожимаю, благодарю его; наступает неловкое молчание: мы снова чужие после того, что узнали друг о друге сегодня; потом я выхожу из его кабинета, иду вниз по лестнице, на улицу, где меня давно ждет солнце. Кто бы я ни был. Кто я? *Кто я?*

Очень маленький ботинок

Весна 1996 года
(Клэр 24, Генри 32)

КЛЭР: Когда мы с Генри были женаты чуть больше двух лет, мы решили, особо не рассуждая, попробовать завести ребенка. Я знала, что Генри не испытывает по этому поводу особого оптимизма, и не спрашивала его или себя почему. Я боялась, что он видел наше будущее без ребенка, и просто не хотела ничего об этом знать. И я не хотела думать о том, что проблемы Генри с перемещением во времени могут быть наследственными или хоть как-то помешать нашим планам насчет ребенка. Поэтому я просто не думала обо всех этих важных вещах, я была опьянена мыслью о ребенке: ребенке, который был бы похож на Генри, с черными волосами и упорным взглядом, и, может, очень бледном, как и я, пахнущем молоком, тальком и плотью, об этаком пельмешке, булькающем и смеющемся при виде разных вещей, о маленькой мартышке, маленьком воркующем ребенке. Мне снились дети. В своих снах я забиралась на дерево и видела в гнезде очень маленький ботинок; вдруг я обнаруживала, что кошка/книга/сэндвич, которые я держала в руке, – это ребенок; я плыла по озеру и находила колонию детей, растущих на дне.

Я начала вдруг видеть детей везде: чихающая рыжеволосая девочка в чепчике у магазина; крошечный китайчонок с вытаращенными глазами, сын хозяина в «Золотом котелке» (родине замечательных вегетарианских фаршированных блинчиков); спящий, почти лысый малыш в зале на «Бэтмене». В примерочной «Джи Си Пенни» очень доверчивая женщина дала мне подержать свою трехмесячную дочь, и я удерживалась изо всех сил, чтобы не вскочить из розово-бежевого винилового кресла и не понестись бешено, прижимая эту крошку к груди.

Мое тело хотело ребенка. Я чувствовала себя пустой и хотела, чтобы меня наполнили. Я хотела любить кого-то, кто будет здесь: здесь и всегда. И я хотела, чтобы в этом ребенке был Генри, и когда его не будет, чтобы он не исчезал совсем, чтобы со мной оставалась частичка его… гарантия на случай пожара, наводнения, воли Господней.

2 октября 1966 года, воскресенье
(Генри 33)

ГЕНРИ: Я сижу, очень удобно и уютно, на дереве в Эпплтоне, штат Висконсин, в 1966 году, ем бутерброд с тунцом; на мне белая футболка и твиловые брюки, которые я украл с чьей-то бельевой веревки. Где-то в Чикаго мне три; мама еще жива, и эта фигня с перемещением во времени еще не началась. Я посылаю привет самому себе, и мысли о себе как о ребенке неизбежно приводят к мыслям о Клэр и наших попытках зачать. С одной стороны, мне этого очень хочется; я хочу, чтобы у Клэр был ребенок, видеть, как Клэр зреет, словно арбуз, радоваться этому. Я хочу нормального ребенка, который будет делать все то, что делают нормальные дети: сосать молоко, хватать ручонками, писаться, спать, смеяться; переворачиваться, садиться, ходить, лопотать что-то неразборчивое. Я хочу видеть, как мой отец неловко качает крошечного внука; я так мало счастья принес отцу – это будет превосходная компенсация, бальзам. И бальзам для Клэр: когда я не смогу быть с ней, часть меня у нее останется.

Но. Но: я знаю, не зная, что вероятность очень мала. Я знаю почти на сто процентов, что мой ребенок будет Тем, Кто С Наибольшей Вероятностью Может Спонтанно Раствориться, магически исчезающим ребенком, который будет пропадать, словно его унесли феи.

Даже когда я молюсь, задыхаясь и хватая ртом воздух, когда я с Клэр на вершине блаженства и прошу бога секса дать нам ребенка, часть меня так же яростно молится, чтобы нас уберегло от этого. Я вспоминаю историю с обезьяньей лапкой и тремя желаниями, которые так естественно и ужасно следуют одно из другого[100]. Интересно, повторят ли эту историю наши желания.

Я трус. Храбрый мужчина взял бы Клэр за плечи и сказал: «Дорогая, это ошибка, давай примем ее как факт и будем счастливо жить дальше». Но я знаю, что Клэр никогда не смирится и счастья не будет. И я надеюсь, понимая, что напрасно, что зря, и занимаюсь любовью с Клэр, как будто из этого может получиться что-то хорошее.

[100] Имеется в виду рассказ У. У. Джейкобса «Лапка обезьяны» (1902).

Раз

3 июня 1996 года, понедельник (Клэр 25)

КЛЭР: Первый раз это случается, когда Генри нет. Восьмая неделя беременности. Ребенок размером со сливу, у него лицо, ручки, и сердце бьется. Раннее утро, раннее лето, и я, намывая посуду, вижу на востоке оранжевые и красные облака. Генри исчез почти два часа назад. Он пошел в сад включить воду, и через полчаса, поняв, что разбрызгиватель по-прежнему не работает, я вышла на заднее крыльцо и увидела предательскую кучку одежды около беседки с плющом. Я собрала джинсы и трусы Генри, его драную футболку с надписью «Убей свой телевизор», свернула все и отнесла на кровать. Подумала о том, чтобы включить воду, но передумала, решив, что Генри не понравится, если он возникнет посреди двора и весь промокнет.

Я приготовила и съела макароны с сыром и немного салата, выпила витамины, проглотила большой стакан снятого молока. Я напеваю, занимаясь посудой, представляю себе, что маленькое существо внутри меня слышит, как я пою, и запоминает мелодию на клеточном уровне, чтобы когда-нибудь вспомнить. И вот, старательно моя тарелку из-под салата, я чувствую глубоко внутри легкую боль, где-то в тазу. Через десять минут я сижу в гостиной, ни о чем не думаю, читаю Луи Де Берньера, и вот опять – легкий дребезг внутренних струн. Я не обращаю внимания. Все в порядке. Генри пропал более двух часов назад. Какую-то секунду меня это беспокоит, потом я перестаю думать и об этом тоже. Где-то еще полчаса я сижу спокойно, а потом появляется слабое странное чувство, напоминающее менструальные судороги, я чувствую, как липкая кровь течет по моим ногам, вскакиваю, иду в ванную, снимаю трусы, и там все в крови, боже мой.

Звоню Клариссе. Трубку берет Гомес. Я стараюсь, чтобы голос звучал ровно, спрашиваю Клариссу, которая тут же берет трубку:

– Что с тобой?

– Кровь идет.

– Где Генри?

– Не знаю.

– Какое кровотечение?

– Как при месячных. – Боль становится сильнее, и я сажусь на пол. – Вы отвезете меня в «Иллинойс Масоник»?

– Я сейчас приеду, Клэр. – Она вешает трубку.

Я аккуратно кладу трубку на телефон, как будто, если швырну ее, телефону будет больно. Осторожно поднимаюсь, ищу сумку. Хочу написать Генри записку, но не знаю, что сказать. Я пишу: «Уехала в „Масоник“. Судороги. Меня отвезла Кларисса. 7:20. Клэр». Отпираю для Генри заднюю дверь. Записку оставляю у телефона. Через несколько минут у двери появляется Кларисса. Мы садимся в машину, за рулем Гомес. Мы почти не разговариваем. Я сижу впереди, глядя в окно. Едем к западу от Белмонт-авеню, по Шеффилд-авеню, потом Веллингтон-авеню. Все кажется непривычно резким и выразительным, как будто мне нужно это запомнить, как будто потом сдавать экзамен. Гомес сворачивает на зону выгрузки перед приемным покоем. Мы с Клариссой выходим. Я оглядываюсь на Гомеса, который коротко улыбается и уезжает парковать машину. Мы идем через двери, которые автоматически открываются, когда мы ступаем на полоску, как в сказке, как будто нас тут ждали. Боль схлынула, как вода, и теперь снова возвращается на берег, свежая и яростная. Несколько человек, маленьких и жалких,

сидят в ярко освещенной комнате, ждут своей очереди, охватывая свою боль склоненной головой и скрещенными руками, и я сажусь среди них. Кларисса подходит к мужчине, сидящему за стойкой. Я не слышу, что она говорит, но когда он произносит: «Выкидыш?» – я понимаю, что происходит и что это называется именно так, и это слово распирает мою голову, пока не заполняет все уголки сознания, пока не начинает доминировать над всеми мыслями. Я начинаю плакать.

Они сделали все возможное, чтобы спасти ребенка, но он умер. Позже я узнаю, что Генри все-таки пришел, но они его не пустили. Я сплю, а когда просыпаюсь, уже ночь, Генри сидит рядом. Он бледен, глаза ввалились, не говорит ни слова.

– Боже, – бормочу я, – где ты был?

Генри наклоняется ко мне и нежно обнимает. Я чувствую щекой его щетину, и она царапает меня, не просто кожу, а до глубины, раны открываются, лицо Генри мокрое, но чьи это слезы?

13 июня, четверг, и 14 июня, пятница, 1996 год (Генри 32)

ГЕНРИ: Я прихожу в гипнологическую лабораторию усталый, как и попросил меня доктор Кендрик. Я буду спать тут уже пятый раз, и процедура мне знакома. Я сижу на кровати в странной, ненатуральной спальне, как будто домашней, в пижамных штанах, а Карен, ассистентка доктора Ларсона, намазывает мне голову и грудь гелем и прикрепляет провода. Карен молодая, светловолосая вьетнамка. У нее длинные накладные ногти, и она говорит: «Ой, извините», царапнув мою щеку ногтем. Свет тусклый, в комнате прохладно. Окон нет, только небольшое одностороннее стекло, которое отсюда выглядит как зеркало, а за ним сидит доктор Ларсон или кто там еще – наблюдает весь вечер за приборами. Карен заканчивает прикреплять провода, кивает мне, желая спокойной ночи, и выходит. Я осторожно устраиваюсь на кровати, закрываю глаза, представляя себе линии, которые по ту сторону стекла рисуют длинные кривые, похожие на паучьи лапы, грациозно отмечая движения моих глаз, дыхание, мозговые волны. Через несколько минут я засыпаю.

Мне снится, что я бегу. Я бегу через леса, густые кустарники, деревья, но почему-то пробегаю сквозь все это, не касаясь, будто призрак. Врываюсь на поляну, а там пожар…

Мне снится, что я занимаюсь любовью с Ингрид. Я знаю, что это она, хотя лица не вижу, но это тело Ингрид, ее длинные гладкие ноги. Мы в доме ее родителей, в гостиной на диване, работает телевизор, настроенный на канал «Природа»: бежит стадо антилоп, а потом показывают карнавал. Едет процессия, и на крошечной платформе сидит Клэр, она очень грустная, в то время как люди веселятся вокруг нее, и внезапно Ингрид вскакивает, вытаскивает лук и стрелы из-за дивана и стреляет в Клэр. Стрела проходит через экран телевизора, Клэр прижимает руку к груди, как Венди в немом кино «Питер Пэн», я вскакиваю и начинаю душить Ингрид, мои руки сжаты вокруг ее шеи, я ору на нее…

Я просыпаюсь. В холодном поту, сердце выскакивает из груди. Я в гипнологической лаборатории. На секунду мне приходит мысль: вдруг они что-то от меня скрывают, например, что видят мои сны, видят мои мысли? Я поворачиваюсь на бок и закрываю глаза.

Мне снится, что мы с Клэр гуляем по музею. Музей очень старый, картины в золоченых рамах в стиле рококо, все посетители в высоких напудренных париках и огромных платьях, сюртуках и бриджах. Кажется, они нас не замечают. Мы смотрим на картины, но они не настоящие, это стихи, стихи в некоем физическом проявлении.

– Смотри, – говорю я Клэр, – тут Эмили Дикинсон.

«Что сердцу? – Радость дай – Потом – уйти от мук…»[101] Клэр стоит перед ярким желтым стихотворением и, кажется, греется в его свете. Мы видим Данте, Донна, Блейка, Неруду, Элизабет Бишоп; заходим в комнату, полную Рильке, быстро минуем битников и останавливаемся у Верлена с Бодлером. Внезапно я понимаю, что потерял Клэр, и иду, потом бегу обратно через галереи и вдруг вижу ее: она стоит перед стихотворением, крошечным белым стихотворением, приткнувшимся в уголке. Она плачет. Подойдя к ней, я читаю:

Спать ложусь, гашу огни;
Боже, душу сохрани.
Коль умру я до зари,
Боже, душу прибери[102].

Я валяюсь в траве, холодно, меня обдувает ветер, я голый и замерз, кругом темнота, на земле снег, я на коленях, капает кровь, я протягиваю руку…

– Господи, у него кровь…

– Черт, как это случилось?

– Он оторвал все электроды, помогите мне его обратно уложить…

Я открываю глаза. Кендрик и доктор Ларсон склонились надо мною. Доктор Ларсон выглядит обеспокоенным, но у Кендрика на лице радостная улыбка.

– Поймали? – спрашиваю я.

– С писком и с визгом!

– Здорово.

И я проваливаюсь в обморок.

[101] Перевод В. Марковой.

[102] Перевод Г. Яропольского.

Два

12 октября 1997 года, воскресенье (Генри 34, Клэр 26)

ГЕНРИ: Я просыпаюсь и чувствую запах железа, это кровь. Кровь везде, и Клэр свернулась посреди нее, как котенок.

Я трясу ее, она говорит:

– Нет.

– Клэр! Вставай! У тебя кровь!

– Мне снилось…

– Клэр, *пожалуйста*…

Она садится. Руки, лицо, волосы – все в крови. Клэр вытягивает руку, на ней лежит маленькое чудовище. Она просто говорит: «Он умер» – и начинает рыдать.

Мы сидим в обнимку на краю пропитанной кровью постели и плачем.

16 февраля 1998 года, понедельник (Клэр 26, Генри 34)

КЛЭР: Мы с Генри собираемся выходить. Снежный день, и я натягиваю сапоги, когда раздается телефонный звонок. Генри идет по коридору в гостиную. Я слышу, как он говорит:

– Да? Правда? – И потом: – Вот черт! Секунду, я возьму листок… – Затем долгая тишина, прерываемая время от времени вопросами: – Так, а это что?..

Я снимаю сапоги, пальто и иду в гостиную в одних носках. Генри сидит на диване, на коленях у него, как котенок, примостился телефон, и он яростно строчит. Я сажусь рядом, он улыбается мне.

Смотрю в блокнот; наверху страницы написано: «4 гена: из 4-х 1 безвременн., часовой, новый ген = перемещение?? Хром = 17 × 2, 4, 25, 200 + повтор ТАГ, связь с полом? Нет, + слишком много рецепторов допамина, какие белки???» – и я понимаю: Кендрик это сделал! Он вычислил его! Поверить не могу. Он это сделал. И что теперь?

Генри кладет трубку и поворачивается ко мне. Он выглядит ошарашенным, как и я.

– Да что случилось-то? – спрашиваю я.

– Он собирается клонировать гены и внедрить их в мышь.

– *Что?*

– Он собирается сделать мышей, которые перемещаются во времени. И вылечить их.

Мы одновременно начинаем смеяться и пускаемся в пляс, кружимся по комнате, смеемся и танцуем, пока не падаем обратно на диван, задыхаясь. Я смотрю на Генри и думаю о том, что на клеточном уровне он совсем другой, он *так* отличается, а с виду – просто человек в белой рубашке и зеленом пиджаке, его рука в моей на ощупь – кожа да кости, он обычный, улыбается как самый обыкновенный человек. Я всегда знала, что он не такой, но в чем разница? Несколько букв кода? Но разница должна быть, и мы должны найти ее и изменить, и где-то на другом конце города доктор Кендрик сидит в своем кабинете и вычисляет, как сделать мышей, которые не держатся за настоящее. Я смеюсь, но это вопрос жизни и смерти, и я перестаю смеяться, вскидывая ладонь ко рту.

Интермеццо

12 августа 1998 года, среда (Клэр 27)

КЛЭР: Мама наконец заснула. Она спит в своей постели, в своей комнате; все-таки сбежала из больницы, только чтобы найти свой дом, убежище, превращенным в больничную палату. Но пока она этого не понимает. Всю ночь она разговаривала, плакала, смеялась, кричала, звала: «Филип! Мама! Нет, нет, нет…» Всю ночь цикады и древесные лягушки, как в моем детстве, гнали электрическую стену звука, и ночной свет делал мамину кожу похожей на воск, худые руки молотили по одеялу в мольбе, хватая стакан воды, который я подносила к ее потрескавшимся губам. Уже рассвет. Окно маминой комнаты выходит на восток. Я сижу в белом кресле у окна, лицом к кровати, не глядя на ряды пузырьков, ложек, стаканов, на капельницу, на дисплей с мигающими красными цифрами, на судно и сосуд для рвоты в форме почки, на коробку с резиновыми перчатками, на мусорку с предупреждающей надписью «Биологические отходы», полную окровавленных шприцев. Я гляжу в окно, на восток. Несколько птиц поют. Я слышу, как голуби, живущие в глицинии, пробуждаются. Мир серый. В него медленно просачивается свет, не розовый, а как быстро расползающееся пятно от апельсинового сока; какую-то секунду оно висит над горизонтом, а потом затопляет сад, и вот золотистый свет окрашивает голубое небо, и все цвета оживают. Лиана-кампсис, розы, белый шалфей, ноготки, каждая дрожащая капелька росы ранним утром кажется стеклянной. Серебристые березы по краю леса качаются, как белые нити, свешенные с неба. Над травой летит ворона. Ее тень летит под ней, и они встречаются, когда ворона приземляется под окном и один раз каркает. Свет доползает до окон и рисует мои руки и мое тяжелое тело в белом мамином кресле. Солнце взошло.

Я закрываю глаза. Шумит кондиционер. Озябнув, я встаю и иду к другому окну выключить его. Теперь в комнате тихо. Подхожу к кровати. Мама лежит неподвижно. Затрудненное дыхание, которое будило меня, прекратилось. Рот слегка приоткрыт, брови приподняты, как будто в удивлении, хотя глаза закрыты; можно подумать, она поет. Я встаю на колени у кровати, убираю одеяло и прикладываю ухо к ее груди. Кожа теплая. Ничего. Сердце не бьется, кровь не течет, дыхание не наполняет паруса ее легких. Тишина.

Я приподнимаю ее измученное, жалкое тело, и она идеальна, на секунду она становится моей идеальной прекрасной мамочкой, и на эту секунду, когда ее кости вдавливаются в мою грудь, голова болтается, отягощенное раком чрево имитирует беременность, она встает в памяти сияющая, смеющаяся, довольная: свободная.

Шаги в коридоре. Дверь открывается.

– Клэр? О… – Это Этта.

Я опускаю маму на подушки, одергиваю на ней ночную рубашку, приглаживаю волосы.

– Она ушла.

12 сентября 1998 года, суббота (Генри 35, Клэр 27)

ГЕНРИ: Люсиль любила сад. Когда мы приезжали в гости, Клэр проходила через главный вход Медоуларк-хауса, прямо к задней двери, чтобы найти Люсиль, которая почти всегда была в саду, в любую погоду. До ее болезни мы находили маму у клумб, пропалывающую сорняки, или пересаживающую растения, или удобряющую розы. Когда она заболела, Этта и Филип

приносили ее вниз, завернутую в одеяла, и сажали на ее ивовый стул, иногда у фонтана, иногда под персиковыми деревьями, где она могла наблюдать за работой Питера, как он копает, обрезает деревья и пересаживает их. Пока Люсиль была здорова, она рассказывала нам бесконечные истории о жизни сада: красноголовые зяблики, которые наконец нашли новую кормушку, георгины, которые у солнечных часов принялись лучше, чем она полагала, новая роза, которая оказалась ужасного лилового оттенка, но такая стойкая, что она не хочет от нее избавляться. Одним летом Люсиль и Алисия затеяли эксперимент: Алисия каждый день по несколько часов упражнялась с виолончелью в саду, чтобы посмотреть, как будут реагировать на музыку растения. Люсиль клялась, что ее томаты никогда не были такими урожайными, и показывала цукини толщиной с мое бедро. Эксперимент был сочтен удавшимся, но никогда не повторялся, потому что это было последнее лето, когда Люсиль могла работать в саду.

Люсиль желтела и увядала со сменой времен года, как растение. Летом, когда все прорастало, она возрождалась, и дом звенел от счастливых воплей и шума детей Марка и Шерон, которые барахтались, как щенки, в фонтане и прыгали, липкие и счастливые, по траве. Часто Люсиль бывала угрюмой, но всегда элегантной. Она всегда вставала поприветствовать нас, обнять: седые с медными прядями волосы собраны в тугой узел, густые пряди лезут в лицо, лайковые садовые перчатки и приборы из «Смит-энд-Хоукен» отброшены в стороны. Мы с Люсиль целовались всегда очень формально, в обе щеки, как будто мы были очень старые французские графини, которые давненько не видели друг друга. Она всегда была приветлива со мной, хотя могла убить свою дочь одним взглядом. Я скучаю по ней. Клэр… Ну, здесь слово «скучает» не подойдет. Клэр опустошена. Клэр ходит из комнаты в комнату и забывает, зачем и куда идет. Клэр сидит, уставившись в книгу, и целый час не переворачивает страницы. Но она не плачет. Улыбается, если я шучу. Ест, что я ставлю перед ней. Если я занимаюсь с ней любовью, она старательно участвует… – но вскоре я отступаюсь, напуганный ее послушным незаплаканным лицом. Я скучаю по Люсиль, но я опустошен без Клэр, которая ушла далеко и оставила меня с незнакомкой, только внешне похожей на себя.

26 ноября 1998 года, среда (Клэр 27, Генри 35)

КЛЭР: Мамина комната белая и пустая. Все медицинские приборы исчезли. С постели все убрано, кроме матраса, который в чистой комнате смотрится отвратительно – весь в пятнах. Я стою перед маминым столом. Это тяжелый белый стол с покрытием из огнеупорного пластика, современный и странный в такой женственной и нежной комнате, полной антикварной французской мебели. Стол стоит в небольшой нише, в окружении окон, утренний свет омывает его пустую поверхность. Стол заперт. Я провела целый час, пытаясь найти ключ, и безуспешно. Ставлю локти на спинку маминого стула и смотрю на стол. Наконец иду вниз. В гостиной и столовой пусто. Я слышу смех в кухне и открываю дверь. Генри и Нелли колдуют над мисками, куском теста и скалкой.

– Эй, полегче, дружок, полегче! Оно ж замонолитится, если так делать. Нужно легонько касаться, Генри, или получим что-то вроде жвачки.

– Извини-извини-извини. Я буду осторожен, только не толкай меня так больше. Эй, Клэр.

Генри поворачивается, улыбаясь, и я вижу, что он весь в муке.

– Что вы делаете?

– Круассаны. Я поклялся обучиться мастерству сворачивания колбасок из теста или погибнуть в отчаянной попытке.

– Покойся с миром, сынок, – ухмыляется Нелли.

– Что случилось? – спрашивает Генри.

Нелли умело сворачивает тесто в колбаску, режет ее и заворачивает в вощеную бумагу.

– Мне нужен Генри на пару минут, Нелли.

Она кивает и указывает скалкой на Генри:

– Возвращайся через пятнадцать минут, и мы примемся за маринад.

– Да, мэм.

Генри идет за мной по ступенькам. Мы останавливаемся перед столом.

– Мне нужно его открыть, а ключ я не найду.

– А-а. – Генри бросает на меня взгляд, такой быстрый, что прочитать я не успеваю. – Ну, это просто.

Он выходит из комнаты и возвращается через минуту. Садится на пол перед столом, распрямляя две канцелярские скрепки. Начинает с нижнего левого ящика, осторожно пробует и поворачивает скрепку и потом просовывает в скважину вторую скрепку.

– *Voilà,* – говорит он, открывая ящик.

В нем куча бумаги. Генри открывает другие четыре ящика без труда. Вскоре все они открыты, обнажают свое содержимое: записные книжки, блокноты с отрывными листами, каталоги по садоводству, пакеты с семенами, ручки и короткие карандаши, чековая книжка, шоколадка «Херши», сантиметр и ряд других мелочей, выглядящих одинокими и несчастными при свете дня. Генри не дотронулся ни до одного листочка. Он смотрит на меня; я почти бессознательно смотрю на дверь, и Генри понимает намек. Я поворачиваюсь к маминому столу.

Все бумаги лежат в полнейшем беспорядке. Я сажусь на пол и вываливаю содержимое ящика перед собой. Все написанное от руки разглаживаю и складываю слева. Тут всевозможные списки и напоминания самой себе: «Не спрашивать Ф. насчет С.» или «Напомнить Этте о дне рождения Б.». Страницы, покрытые сплошь закорючками, спиралями, завитушками, черными кругами, узорами будто от птичьих лапок. На некоторых из них – фразы или предложения. «Разделить ее волосы ножом», «Не могла, не могла этого сделать», «Если я буду тиха, это минует меня». На некоторых страницах исчерканные стихотворения, просто отрывки, как фрагменты Сафо:

Как старое мясо, ~~нежное и мягкое~~
Нет воздуха ~~XXXX~~ она сказала «да»
~~Она сказала XXXXXXXXXXXXX~~

Или:

Его рука XXXXXXXXXXXXX
~~XXXXXXXXXX~~ чтоб обладать,
XXXXXXXXXXXXXXXXX
В решительные ~~XXXXXXXX~~

Некоторые стихотворения отпечатаны:

На секунду
Все мечты
Замирают.
Музыка и красота
Это соль в моей грусти;
Белая пустота врезается в лед.
Кто бы мог подумать,
Что ангел секса
Так грустен?

Или осознание желания
Растопит эту широкую
Зимнюю ночь
В ливень тьмы.
1/23/79
Весенний сад:
Корабль лета
Проплывает через
Мою зимнюю память.
4/6/79

В 1979 году мама потеряла ребенка и пыталась покончить с собой. У меня внутри все сжимается, глаза затуманиваются. Я теперь знаю, каково было ей тогда. Беру все эти листки и откладываю в сторону, не читая. В другом ящике нахожу более поздние стихи. И вдруг вижу стихотворение, посвященное мне:

Сад под снегом
Клэр
Теперь сад под снегом
Пустая страница, наши следы
Клэр, которая никогда не была моей,
Но которая всегда принадлежала себе
Спящая Красавица
Под хрустальным пологом
~~Она ждет~~
Это ее весна
Это ее сон/пробуждение
Она ждет
Все ждет
~~Поцелуя~~
Невероятные формы ~~клубней~~ корней
~~Я никогда не думала,~~
Что моя девочка
Ее ~~почти~~ лицо
Сад, ожидающий

ГЕНРИ: Уже почти время ужина, и я сижу с Нелли, когда она говорит:

– Слушай, Генри, не посмотришь, где твоя красавица?

Мне это кажется хорошей идеей.

Клэр сидит на полу перед маминым столом в окружении белых и желтых листков. Настольная лампа отбрасывает пятно света вокруг нее, но лицо в тени; волосы – пламенеющая медная аура. Она смотрит на меня и говорит:

– Смотри, Генри, она написала мне стихотворение.

Я сажусь рядом с Клэр, читаю стихотворение и отчасти прощаю Люсиль, ее колоссальный эгоизм и ужасную смерть. Смотрю на Клэр.

– Оно прекрасно, – говорю я, она кивает, счастливая на секунду оттого, что мама действительно ее любила.

Я вспоминаю, как моя мама поет *lieder* после обеда летним днем, улыбается нашим отражениям в витрине магазина, кружится в синем платье в своей гардеробной. Она меня любила.

Я никогда не сомневался в ее любви. Люсиль же была изменчивой, как ветер. И это стихотворение является доказательством, непреложным, необратимым, это фотография чувства. Я оглядываю озера бумаги на полу и с облегчением понимаю: что-то всплыло среди этого бардака и послужило Клэр спасательной шлюпкой.

– Она написала мне стихотворение, – снова в задумчивости повторяет Клэр.

Слезы текут по ее щекам. Я обнимаю ее, прислоняю спиной к себе, мою жену, Клэр, в полном здравии, на берегу после кораблекрушения, плачущую как маленькая девочка, чья мама машет ей рукой с палубы тонущего корабля.

Канун Нового года, часть первая

31 декабря 1999, пятница
(Генри 36, Клэр 28)
(11:55 вечера)

ГЕНРИ: Мы с Клэр стоим на крыше «Уикер-Парк» в толпе других морозоустойчивых душ, ожидая так называемого нового тысячелетия. Ночь ясная и не очень холодная; изо рта идет пар, уши и нос немного замерзли. Клэр закутана в свой большой черный шарф, лицо кажется поразительно белым в свете луны и фонарей. Мансарда на крыше принадлежит парочке художников – друзей Клэр. Гомес с Клариссой неподалеку, медленно танцуют в куртках и варежках под музыку, слышную только им. Все вокруг нетрезво подшучивают о консервах, которыми запаслись, о героических мерах, которые предприняли, чтобы уберечь свои компьютеры от расплавления в подступающий роковой момент. Я ухмыляюсь про себя, зная, что вся эта чушь о проблеме двухтысячного года забудется к тому времени, когда новогодние елки окажутся в канавах на Стритс и Сэн.

Все ждем полночи, когда начнется фейерверк. Мы с Клэр наклонились над метровой высоты фронтоном здания и изучаем Чикаго, глядя на восток, в сторону озера Мичиган.

– Привет всем! – кричит Клэр, машет рукой в варежке озеру, Саут-Хейвену, Мичигану. – Забавно, – говорит она мне. – Там уже новый год. Уверена, они все спят.

Мы на высоте шестого этажа, и я удивлен, как много отсюда видно. Наш дом на Линкольн-сквер, недалеко к северо-западу отсюда; этот район тихий и темный. Центр города, на юго-восток, сияет огнями. Некоторые большие здания украшены к Рождеству, щеголяют зелеными и красными огоньками в окнах. «Сиэрс» и «Хэнкок» смотрят друг на друга, как огромные роботы, над головами небоскребов пониже. Я почти вижу дом на Норт-Диэрборн, где жил, когда встретил Клэр, но его заслоняет более высокое здание, жутко уродливое, которое несколько лет назад появилось по соседству. В Чикаго такая превосходная архитектура, что чувствуется необходимость что-нибудь сносить время от времени и воздвигать кошмарные здания, чтобы народ мог оценить прелесть старины. Машин мало; никто не хочет быть в полночь на дороге. Я слышу, как тут и там рвутся хлопушки, иногда перемежаясь с пистолетными выстрелами: эти уроды забыли, что пистолеты не только громко хлопают.

– Я замерзаю, – говорит Клэр и смотрит на часы. – Еще две минуты.

Взрывы веселья неподалеку указывают, что у кого-то часы спешат.

Я думаю о Чикаго в следующем веке. Больше людей, намного больше. Странный транспорт, но меньше ухабов на дорогах. Появится жуткое здание, похожее на разорвавшуюся банку колы, в Грант-парке; Вест-Сайд постепенно выберется из бедности, а Саут-Сайд будет продолжать разрушаться. Наконец они снесут «Ригли-Филд» и построят там жуткий мегастадион, но пока что он возвышается над Норт-Истом, весь в огнях.

Гомес начинает отсчет:

– Десять, девять, восемь…

И все подхватывают:

– Семь, шесть, пять, четыре, ТРИ! ДВА! ОДИН! *С НОВЫМ ГОДОМ!*

Хлопают пробки шампанского, зажигаются фейерверки и улетают в небо, мы с Клэр бросаемся друг другу в объятия. Время замирает, и я надеюсь на лучшее.

Три

13 марта 1999 года, суббота (Генри 35, Клэр 27)

ГЕНРИ: Кларисса и Гомес только что родили третьего ребенка, Розу Евангелину Гомолински. Мы даем им неделю передышки, потом сваливаемся им на голову с подарками и угощением.

Открывает дверь Гомес. Трехлетний Максимилиан цепляется за его ногу и прячет лицо, когда мы с ним здороваемся. Джозеф, которому всего год, более открыт, бросается к Клэр, крича: «Ба-ба-ба!» – и громко рыгает, когда она поднимает его. Гомес закатывает глаза, Клэр смеется, и Джо тоже, и даже я начинаю смеяться над этой картиной полного хаоса. Их дом выглядит так, будто здесь прошел ледник со вмерзшим в него магазином игрушек: вокруг конструкторы «Лего» и брошенные плюшевые медведи.

– Не смотри, – просит Гомес. – Это все не настоящее. Мы тестируем одну из Клариссиных виртуальных игр. Называется «Родительство».

– Гомес? – доносится из спальни голос Клариссы. – Это Клэр и Генри?

Мы все идем по коридору в спальню. Я по пути бросаю взгляд на кухню. У раковины стоит женщина средних лет и моет посуду.

Кларисса лежит в кровати с младенцем на руках. Младенец спит. Это худенькая девочка с черными волосами, и она похожа на ацтека. Макс и Джо светловолосые.

Кларисса выглядит ужасно (на мой взгляд. Клэр позднее утверждала, что выглядит она «прекрасно»). Она прибавила в весе и кажется измотанной и больной. Ей делали кесарево. Я сажусь на стул. Клэр и Гомес устраиваются на кровати. Макс забирается к маме и ныряет ей под свободную руку. Он смотрит на меня и засовывает большой палец в рот. Джо сидит на коленях Гомеса.

– Она прекрасна, – говорит Клэр; Кларисса улыбается. – И ты выглядишь превосходно.

– Чувствую я себя ужасно, – отвечает Кларисса. – Но теперь все. У нас есть дочка.

Она поглаживает личико дочери, Роза зевает и поднимает крошечную ручонку. Глаза у нее похожи на черные щелочки.

– Роза Евангелина, – воркует Клэр. – Такая прелесть.

– Гомес хотел назвать ее Среда, но я настояла на своем.

– Ну, в любом случае родилась она в четверг, – объясняет Гомес.

– Хочешь подержать?

Клэр кивает, и Кларисса осторожно передает дочь на руки Клэр.

Увидев Клэр с ребенком на руках, я отчетливо вспоминаю наши выкидыши, и меня начинает тошнить. Надеюсь, я никуда сейчас не исчезну. Я прихожу в себя и остро осознаю то, что происходит: мы теряем детей. Где они, эти потерянные дети, ходят, бродят как неприкаянные?

– Генри, хочешь подержать Розу? – спрашивает Клэр.

Я в панике.

– Нет, – слишком поспешно отвечаю я. – Я… не очень хорошо себя чувствую.

Встаю и выхожу из спальни, через кухню, к задней двери. Останавливаюсь на заднем дворе. Моросит. Глубоко дышу.

Открывается дверь. Появляется Гомес и становится рядом.

– Ты в порядке?

– Кажется, да. У меня там клаустрофобия.

– Да. Понимаю, о чем ты.

Мы молчим несколько минут. Я пытаюсь вспомнить, как держал меня отец, когда я был маленький. Помню, что мы с ним играли, бегали, смеялись, я катался у него на спине. Я понимаю, что Гомес смотрит на меня, а у меня по щекам текут слезы. Вытираю их рукавом. Кто-то должен что-то сказать.

– Не обращай внимания, – говорю я.

Гомес делает неловкий жест.

– Я сейчас, – говорит он и исчезает в доме.

Мне кажется, что он не вернется, но он снова появляется с зажженной сигаретой в руке. Я сажусь на хилый стол для пикников, сырой от дождя и засыпанный еловыми иголками. Здесь холодно.

– Вы еще пытаетесь завести ребенка?

Вопрос меня поражает, но тут я понимаю, что Клэр, возможно, и делится с Клариссой всем, но, может быть, Кларисса ничего не говорит Гомесу.

– Да.

– Клэр по-прежнему расстроена… насчет выкидыша?

– Выкидышей. Множественное число. Было уже три.

– Потеря одного ребенка, мистер Детамбль, может рассматриваться как неудача; но потеря трех – это просто безрассудство.

– Ничего смешного, Гомес.

– Прости. – Гомес выглядит пристыженным.

Я не хочу говорить об этом. Не знаю, какими словами описать это, и почти не могу говорить об этом с Клэр, с Кендриком и другими врачами, которым мы выложили нашу грустную историю.

– Прости, – повторяет Гомес.

– Пойдем внутрь. – Я встаю.

– А, мы им не нужны, они хотят поговорить о своем, о девичьем.

– Хм. Тогда ладно. Как насчет «Чикаго Капс»? – снова сажусь я.

– Заткнись.

Ни он, ни я не следим за бейсболом. Гомес ходит взад-вперед. Мне бы хотелось, чтобы он остановился или, еще лучше, ушел в дом.

– Итак, в чем проблема? – спрашивает он небрежно.

– С чем? С «Чикаго Капс»? Я бы сказал, питчер у них ни к черту.

– Нет, милый Книжный Мальчик, не с «Капс». Почему у вас с Клэр *нет* детей?

– Это не твое дело, Гомес.

Он продолжает равнодушно ходить.

– Они хоть знают, в чем проблема?

– Отвали, Гомес.

– Ай-ай-ай. Что за слово. Я знаю одного великолепного врача…

– Гомес…

– Который специализируется на эмбриональных хромосомных расстройствах.

– Откуда, черт возьми, ты…

– Свидетель-эксперт.

– А-а.

– Ее зовут Эмит Монтегю, – продолжает он. – Она гений. Ее показывали по телевизору, она завоевала все награды. И присяжные ее обожают.

– А, ну конечно. Если уж присяжные ее обожают… – саркастически начинаю я.

– Просто сходи к ней и поговори. Господи, я пытаюсь помочь.

– Хорошо, – вздыхаю я. – Спасибо.

– Это в смысле «Спасибо, мы прямо сейчас побежим и сделаем, как ты говоришь, дорогой товарищ» или «Спасибо, а теперь пошел вон»?

Я встаю, отряхивая сырые еловые иголки со штанов.

– Пойдем в дом, – говорю я, и мы идем.

Четыре

21 июля 1999 года, среда / 8 сентября 1998 года (Генри 36, Клэр 28)

ГЕНРИ: Мы лежим в постели. Клэр свернулась калачиком спиной ко мне, и я пристроился за ней. Времени около двух ночи, и мы только что выключили свет после долгого и бессмысленного разговора о наших репродуктивных неудачах. Теперь я лежу, прижавшись к Клэр, обхватив рукой ее правую грудь, и пытаюсь понять, вместе мы здесь или я отстал.

– Клэр, – тихо говорю я в ее шею.

– Мм?

– Давай усыновим.

Я думал об этом неделями, месяцами. Кажется, это великолепный обходной маневр: у нас будет ребенок. Он будет здоровым. Клэр будет в порядке. Мы будем счастливы. Это очевидный выход.

– Но это будет обманом, – говорит Клэр. – Это будет притворством.

Она садится, поворачивается ко мне, и я делаю то же самое.

– Это будет настоящий ребенок, и он будет наш. Какое в этом притворство?

– Я устала притворяться. Мы постоянно притворяемся. Я хочу сделать это по-настоящему.

– Мы не притворяемся. О чем ты говоришь?

– Мы притворяемся нормальными людьми, с нормальной жизнью! Я притворяюсь, что все в порядке, когда ты вдруг исчезаешь бог знает куда. Ты притворяешься, что все в порядке, даже когда тебя чуть не убивают, и Кендрик не знает, какого черта с тобой делать! Я притворяюсь, что мне все равно, что наши дети умирают…

Она рыдает, согнувшись пополам, лицо закрыто волосами, занавесь из шелка, скрывающая ее лицо.

Я устал от слез. Устал видеть плачущую Клэр. Я беспомощен перед ее слезами и не могу ничего исправить.

– Клэр… – Я протягиваю руку, чтобы дотронуться до нее, успокоить ее и себя, но она отталкивает меня.

Я встаю и хватаю одежду. Одеваюсь в ванной. Беру ключи из сумочки Клэр и обуваюсь.

Клэр появляется в коридоре.

– Куда ты собрался?

– Не знаю.

– Генри…

Открываю дверь и захлопываю ее за собой. Как хорошо быть на улице. Не могу вспомнить, где стоит машина. Потом вижу ее на другой стороне. Подхожу и сажусь в нее.

Сначала решаю лечь спать в машине, но, оказавшись внутри, решаю куда-нибудь поехать. Пляж, я поеду на пляж. Понимаю, что идея ужасна. Я устал, я расстроен, и это просто самоубийство – садиться за руль… но мне хочется проехаться. Улицы пустые. Завожу машину. Начинает реветь двигатель. Несколько минут мне нужно, чтобы выехать со стоянки. Вижу в окне первого этажа лицо Клэр. Пусть беспокоится. Впервые мне наплевать.

Еду по Эйнсли на Линкольн, сворачиваю на Вестерн и еду на север. Давненько я не был один посреди ночи в настоящем и не помню, когда в последний раз вел машину без особой на то надобности. Это здорово. Проезжаю мимо кладбища Роузхилл и сквозь строй дилерских контор разных автомарок. Включаю радио, нахожу любимую станцию; здесь играют Колтрейна,

поэтому я делаю погромче и опускаю стекло. Шум, ветер, мелькающие красные сигналы светофора и фонари успокаивают меня, чувства уходят, и через какое-то время я забываю, почему тут оказался. На границе Эванстона выезжаю на Ридж, потом на Демпстер, к озеру. Паркуюсь около лагуны, оставляю ключи в зажигании, выхожу и иду прямо. Прохладно и очень тихо. Иду на причал и гляжу вниз, на берег Чикаго, мелькающий под оранжевым и пурпурным небом.

Я так устал. Я устал думать о смерти. Я устал от секса, который стал средством. Я боюсь того, чем это может кончиться. Я не знаю, сколько еще я могу терпеть этот напор со стороны Клэр.

Что это такое, эти плоды, эти эмбрионы, наборы клеток, которые мы производим и теряем? Что в них такого важного, чтобы рисковать ради них жизнью Клэр, погружать каждый наш день в отчаяние? Природа велит нам сдаться. Природа говорит: Генри, ты дефектный организм, и мы не хотим больше таких, как ты. И я уже готов уступить.

Я никогда не видел себя в будущем с ребенком. Хотя проводил довольно много времени с самим собой в детстве и много времени – с маленькой Клэр, мне не кажется, что без собственного ребенка моя жизнь будет неполной. Другой «я», из будущего, никогда не убеждал меня так уж стараться. Собственно, несколько недель назад я натолкнулся на самого себя в хранилище Ньюберри, на себя из 2004-го, и спросил: «У нас будет ребенок?» Другой «я» только улыбнулся и пожал плечами. «Извини, но тебе нужно через это пройти», – ответил он чопорно и сочувствующе. «Боже, просто скажи мне», – крикнул я изо всех сил, он поднял руку и исчез. «С-сука!» – выплюнул я; Изабель просунула голову в дверь и спросила, почему я так кричу в хранилище и понимаю ли я, что меня прекрасно слышно в читальном зале.

Я просто не могу найти выход из этого. У Клэр наваждение. Эмит Монтегю ободряет ее, пичкает историями о чудо-рождениях и витаминами, которые напоминают мне о «Ребенке Розмари». Может, мне начать бастовать? Конечно, вот оно. Секс-забастовка. Я смеюсь сам с собой. Звук поглощается волнами, мягко ударяющимися о пирс. Ничего не выйдет. Через несколько дней я буду ползать на коленях и умолять ее.

Болит голова. Пытаюсь не обращать внимания; я знаю, это от усталости. Поспать, что ли, на пляже? Может, никто и не побеспокоит. Ночь прелестная. На какое-то мгновение меня пугает мощный луч света, который освещает причал, бьет мне в лицо…

И вдруг…

Я в кухне Кимми, лежу на спине под кухонным столом, в окружении ножек стульев. Кимми сидит на одном стуле и смотрит на меня. Мое левое бедро прижато к ее ботинкам.

– Привет, подруга, – слабо говорю я.

Ощущение такое, будто сейчас потеряю сознание.

– Ты меня когда-нибудь до инфаркта доведешь, дружок, – говорит Кимми. Пинает меня носком туфли. – Вылезай оттуда и надень что-нибудь.

Встаю на четвереньки и пролезаю между ножками стульев. Затем сворачиваюсь на линолеуме и немного отдыхаю, приходя в себя и стараясь побороть тошноту.

– Генри… Ты в порядке? – Она наклоняется ко мне. – Хочешь поесть? Может, суп? У меня мясной суп с овощами… Или кофе? – Я качаю головой. – Хочешь полежать на диване? Ты болен?

– Нет, Кимми, все в порядке. Я сейчас.

Мне удается подняться на колени и затем на ноги. Шатаясь, иду в спальню и открываю шкаф Кимми, почти пустой, за исключением нескольких пар аккуратно отглаженных джинсов разных размеров, от подростковых до взрослых, и нескольких кипенно-белых рубашек – мой маленький гардероб ждет меня. Одевшись, возвращаюсь в кухню, наклоняюсь к Кимми и целую ее в щеку.

– Какое сегодня число?

– Восьмое сентября девяносто восьмого. А ты откуда?

– Из следующего июля.

Мы садимся за стол. Кимми разгадывает кроссворд из «Нью-Йорк таймс».

– Что там происходит, в следующем июле?

– Холодное лето, твой сад выглядит мило. На рынке высоких технологий подъем. Тебе в январе нужно купить акции «Эппл».

Она делает пометку на коричневом бумажном пакете.

– Отлично. А ты? Как у тебя дела? Как Клэр? У вас ребенок уже есть?

– Если честно, я голоден. Как насчет супа, о котором ты говорила?

Кимми поднимается со стула и открывает холодильник. Достает кастрюлю и ставит суп на плиту.

– Ты не ответил.

– Ничего нового, Кимми. Ребенка нет. Мы с Клэр как раз сейчас из-за этого ссоримся. Пожалуйста, не набрасывайся на меня.

Кимми стоит ко мне спиной, яростно помешивая суп. Ее спина выражает обиду.

– Я не «набрасываюсь». Я просто спрашиваю, ясно? Просто интересно. Тоже мне.

Несколько минут мы молчим. Меня раздражает звук, с которым ложка царапает дно кастрюли. Думаю о Клэр – как она выглядывает из окна и наблюдает мой отъезд.

– Эй, Кимми.

– Что, Генри?

– Почему у вас с мистером Кимом не было детей?

Долгая пауза. Потом:

– У нас был ребенок.

– Правда?

Она наливает горячий суп в тарелку с Микки-Маусом, которую я в детстве очень любил. Садится и приглаживает руками волосы, заправляя белые вьющиеся пряди в маленькую шишку на затылке. Смотрит на меня.

– Ешь суп. Я сейчас.

Встает и выходит из кухни, и я слышу, как она шаркает по ковровой дорожке, лежащей на полу в коридоре. Я ем суп. Почти доедаю, когда она возвращается.

– Вот. Это Мин. Мой ребенок.

Фотография черно-белая, изображение расплывчатое. На ней – маленькая девочка, может, пяти-шести лет, стоит напротив дома миссис Ким, этого дома, дома, в котором я вырос. На ней форма католической школы, девочка улыбается и держит над головой зонт.

– Ее первый день в школе, – говорит Кимми. – Она такая радостная и напуганная.

Рассматриваю фотографию. Страшно спрашивать. Поднимаю глаза. Кимми смотрит в окно, на реку.

– Что случилось?

– Она умерла. До твоего рождения. У нее была лейкемия, и она умерла.

Я вдруг вспоминаю кое-что.

– Это она сидела в кресле-качалке на заднем дворике? В красном платье?

Миссис Ким оторопело смотрит на меня:

– Ты ее видел?

– Да. Думаю, видел. Давным-давно. Когда мне было лет семь. Я стоял на ступеньках, ведущих к реке, голый, и она сказала, что во двор мне лучше не входить. А я ответил, что это мой двор, но она не поверила. И я не мог понять почему. – Я смеюсь. – Она сказала, что меня ее мама выпорет, если я не уйду.

Кимми трясется от смеха.

– Ну, это точно, да?

– Да, я промахнулся на несколько лет.

– Да, – улыбается Кимми. – Мин была как маленькая ракета. Отец звал ее Мисс Большой Рот. Он очень любил ее.

Кимми отворачивается, исподтишка прикладывает руку к глазам. Я помню мистера Кима молчаливым мужчиной, который почти все время сидел в кресле перед телевизором и смотрел спортивный канал.

– Когда родилась Мин?

– В сорок девятом. А в пятьдесят шестом умерла. Забавно, сейчас она была бы взрослой дамой, с детишками. Может, дети уже ходили бы в колледж или уже работали.

Кимми смотрит на меня, и я смотрю ей в глаза.

– Мы пытаемся, Кимми. Мы делаем все возможное.

– Я ничего не сказала.

– Ну да.

Кимми моргает, глядя на меня, прямо как Луиза Брукс[103].

– Эй, приятель, я тут застряла с этим кроссвордом. Девять по вертикали, первая буква «ка»…

КЛЭР: Я смотрю, как полицейские ныряльщики выплывают на озеро Мичиган. Облачное утро, и уже очень жарко. Я стою на пирсе на Демпстер-стрит. Пять пожарных машин, три «скорые помощи» и семь полицейских машин стоят на Шеридан-роуд со включенными мигалками. Здесь семнадцать пожарных и шесть медиков со «скорой». Пятнадцать полицейских, одна из них женщина, невысокая полная белая женщина, у которой голова будто приплюснута фуражкой; она повторяет глупые ненужные фразы, чтобы меня успокоить, и мне хочется столкнуть ее с пирса. Я ищу одежду Генри. Пять часов утра. Здесь двадцать один репортер, некоторые из них с телевидения, приехали на автобусах с микрофонами, видеокамерами, и еще люди из прессы, с фотоаппаратами. Здесь пожилая пара, болтается неподалеку, сдержанная, но любопытствующая. Я стараюсь не думать о том, что рассказал полицейский: как Генри спрыгнул с пирса, попав в луч прожектора патрульной машины. Стараюсь не думать об этом.

Двое новых полицейских подходят к пирсу. Они разговаривают с полицейскими, которые уже здесь, и потом один из них, постарше, отделяется от группы и направляется ко мне. У него густые усы, как носили раньше, загибающиеся книзу. Он представляется («Капитан Мичелс») и спрашивает, знаю ли я, почему мой муж решил покончить с собой.

– Ну, я не думаю, что это так, капитан. В смысле, он очень хорошо плавает и, может, просто решил сплавать… в Уилмит или еще куда… – Я показываю рукой в северном направлении. – И он в любой момент может вернуться…

Капитан смотрит недоверчиво.

– Это нормально для него – плавать посреди ночи?

– У него бессонница.

– Вы спорили? Он был расстроен?

– Нет, – вру я. – Конечно нет. – Смотрю на воду. Понимаю, что капитан мне не верит. – Я спала, и он, должно быть, решил пойти поплавать и не хотел меня будить.

– Он оставил записку?

– Нет.

Я пытаюсь придумать реалистичное объяснение и вдруг слышу недалеко от берега всплеск. Аллилуйя! Лучшее время и представить себе сложно.

– Вот он!

Генри начинает вылезать из воды, слышит мой вопль, кидается плашмя и плывет к пирсу.

---

[103] *Луиза Брукс* (1906–1985) – кинозвезда 1920–1930-х гг., эталон женщины-вамп.

– Клэр, что происходит?

Я встаю на колени. Генри выглядит уставшим и замерзшим. Я тихо говорю:

– Они думали, ты утонул. Один из них видел, как ты бросился с пирса. Они твое тело уже два часа ищут.

Генри выглядит обеспокоенным, но и довольным. Все, что угодно, лишь бы позлить полицейских. А они как раз сгрудились вокруг меня и молча смотрят на Генри.

– Вы Генри Детамбль? – спрашивает капитан.

– Да. Вы не возражаете, если я вылезу?

Мы все идем вдоль причала за Генри, он плывет к берегу. Вылезает из воды и стоит на берегу, мокрый, как крыса. Я даю ему рубашку, он вытирается. Натягивает остальную одежду и спокойно стоит, ожидая, пока полицейские решат, что с ним делать. Я хочу поцеловать его, а потом убить. Или наоборот. Генри обнимает меня. Он холодный и мокрый. Я прислоняюсь к нему, к его холодному телу, и он жмется ко мне, к теплу. Полицейский задает ему вопросы. Он очень вежливо отвечает. Здесь полиция Эванстона, даже несколько человек из Мортон-Гроув и Скоки – приехали из любопытства. Если бы они были из Чикаго, где Генри знают, его бы арестовали.

– Почему вы не отвечали, когда полицейский велел вам выйти на берег?

– У меня были беруши, капитан.

– Беруши?

– Чтобы вода в уши не заливалась. – Генри делает вид, что пытается найти их в карманах. – Не знаю, где они. Я всегда плаваю в берушах.

– А почему вы плавали в три часа ночи?

– Не мог заснуть.

И так далее. Генри врет без запинки, убедительно выстраивая факты. В конце концов, нехотя, полицейские выписывают ему штраф – за купание в неположенные часы, когда пляж закрыт. Пятьсот долларов. Нас отпускают, мы идем к машине, и по пути на нас набрасываются репортеры, фотографы, телекамеры. Без комментариев. Просто решил поплавать. Пожалуйста, не надо фотографировать. Щелк. Наконец мы добираемся до машины, которая по-прежнему стоит открытая на Шеридан-роуд. Я завожу двигатель и опускаю стекло. Полицейские, репортеры и пожилая пара стоят на траве, глядя друг на друга.

– Клэр.

– Генри.

– Прости.

– И ты меня.

Он смотрит на меня, дотрагивается до моей руки, лежащей на руле. Мы молча едем домой.

14 января 2000 года, пятница (Клэр 28, Генри 36)

КЛЭР: Кендрик проводит нас через лабиринт застланных коврами коридоров с звуконепроницаемыми стенами в комнату переговоров. Здесь нет окон, только голубой ковер и длинный полированный черный стол, окруженный широкими металлическими стульями. На стене доска и несколько маркеров, над дверью часы, на столе кофейник, чашки, сливки и сахар. Мы с Кендриком садимся за стол, Генри ходит по комнате. Кендрик снимает очки и массирует пальцами крылья носа. Дверь открывается, появляется молодой латиноамериканец в докторском халате. Он толкает перед собой тележку, накрытую белой простыней.

– Куда поставить? – спрашивает молодой человек, и Кендрик отвечает:

– Просто оставьте здесь.

Молодой человек пожимает плечами и уходит. Кендрик подходит к двери, нажимает на кнопку, и свет в комнате гаснет. Я едва вижу Генри, стоящего у тележки. Кендрик подходит к нему и молча снимает простыню.

От клетки пахнет кедром. Я подхожу ближе и приглядываюсь. Ничего не вижу, кроме картонки от рулона туалетной бумаги, мисочек с едой и водой, колеса для бега, мягких кедровых ошметков. Кендрик открывает клетку, просовывает руку и достает что-то маленькое и белое. Мы с Генри глядим на крошечную мышь, которая сидит на ладони Кендрика и моргает. Кендрик берет крошечную ручку-фонарик из кармана, включает его и резко направляет на мышь. Мышь цепенеет и исчезает.

– Ух ты! – говорю я.

Кендрик включает свет.

– Статья появится в следующем «Нейчуре», – улыбаясь, говорит он. – Это будет «гвоздь» номера.

– Поздравляю, – говорит Генри и смотрит на часы. – На сколько они обычно исчезают? И куда деваются?

Кендрик указывает на кофейник, и мы оба киваем.

– Обычно их нет около десяти минут, – говорит он, наливая тем временем три чашки кофе и передавая нам. – Они появляются в лаборатории в подвале, где родились. Кажется, они там не могут задержаться дольше нескольких минут.

– Чем старше станут, тем на большее время будут исчезать, – кивает Генри.

– Да, пока что вы правы.

– Как вы это сделали? – спрашиваю я Кендрика.

До сих пор не могу поверить, что он это *действительно* сделал.

Кендрик дует на кофе и делает глоток. Кривится: кофе слишком горький. Я добавляю в свою чашку сахар.

– Ну, – говорит он, – во многом помогло то, что у Селера был полный геном мыши. Это показало, где искать четыре нужных нам гена. Но мы бы и без этого справились. Мы начали клонировать ваши гены и потом использовали энзим, чтобы изолировать поврежденные участки ДНК. Затем взяли эти участки и внедрили их в эмбрион мыши уже на стадии четырех бластомеров. Это было просто.

– Ну конечно, – поднимает брови Генри. – Мы с Клэр постоянно делаем это на кухне. А что было сложно?

Он садится на стол и ставит кофе рядом с собой. Я слышу, как скрипит в клетке колесо для бега.

Кендрик бросает на меня взгляд:

– Сложность заключалась в матке, в матери-мыши, в том, чтобы она выносила детей. Они постоянно умирали, от кровотечения.

– Матери умирали? – волнуется Генри.

Кендрик кивает.

– Матери умирали, и дети тоже. Мы не могли выяснить почему, поэтому начали наблюдать за ними постоянно. И увидели, в чем дело. Эмбрионы перемещались из матки матери, потом появлялись там снова, начиналось кровотечение, и в результате матери гибли. Или просто выкидывали эмбрионы на десятый день. Это было ужасно.

Мы с Генри обмениваемся взглядами и отводим глаза.

– Мы понимаем.

– Да-а, – говорит он. – Но проблема решена.

– Как? – спрашивает Генри.

– Мы решили, что это может быть реакцией иммунной системы. Что-то было в этих зародышах, настолько чуждое иммунной системе матери, что она пыталась бороться с ними,

как с потенциальным вирусом, что ли. Поэтому мы ослабили иммунную систему матери, и все получилось как по волшебству.

У меня кровь в ушах стучит. *Как по волшебству.*

Кендрик внезапно наклоняется и хватает что-то на полу.

– Поймал, – говорит он, показывая мышь в кулаке.

– Браво! – восклицает Генри. – И что дальше?

– Генная терапия, – отвечает Кендрик. – Лекарства. – Он пожимает плечами. – Хотя мы и *можем* сделать это, мы не понимаем, почему это происходит. Или как это происходит. Поэтому пытаемся понять.

Он отдает мышь Генри. Тот подставляет ладони и с интересом рассматривает ее.

– На ней татуировка, – замечает он.

– Только так мы их можем отследить, – отвечает Кендрик. – Они доводят лаборантов до истерики, потому что постоянно исчезают.

Генри смеется.

– По Дарвину это даже преимущество, – говорит он. – Мы исчезаем.

Он гладит мышь, и она какает ему на ладонь.

– Никакой сопротивляемости стрессу, – объясняет Кендрик, сажая мышь обратно в клетку, где она зарывается в туалетную бумагу.

Как только мы приходим домой, я звоню доктору Монтегю и рассказываю об иммунодепрессантах и внутреннем кровотечении. Она внимательно слушает и говорит, чтобы я пришла через неделю, а пока она кое-что проверит. Кладу трубку, Генри нервно смотрит на меня из-за «Таймс».

– Стоит попробовать, – говорю я.

– Столько мышей умерло, прежде чем они поняли почему, – замечает Генри.

– Но получилось ведь! Кендрик выполнил свою задачу!

– Да, – отвечает Генри и возвращается к чтению.

Я открываю рот, но передумываю и иду в мастерскую, слишком взволнованная, чтобы спорить. *Получилось как по волшебству. Как по волшебству.*

Пять

11 мая 2000 года, четверг (Генри 39, Клэр 28)

ГЕНРИ: Я иду по Кларк-стрит в конце весны 2000 года. Ничего особенного, обычный милый вечер в Андерсонвилле, все продвинутые подростки сидят за маленькими столиками, пьют модный холодный кофе у «Копс», или сидят за столиками побольше и едят кускус в «Резе», или просто прогуливаются, не обращая внимания на шведские магазины сувениров и восхищаясь собаками друг друга. Я должен быть на работе, в 2002 году, но увы. Мэтт прикроет меня на лекции-демонстрации, наверное. Напоминаю себе: не забыть потом поставить ему обед.

Прогуливаясь таким образом, я внезапно вижу Клэр на другой стороне улицы. Она стоит у витрины «Джорджа», магазина винтажной одежды, глядя на детские вещи. Даже ее спина выражает желание, даже плечи вздыхают и страдают. Я наблюдаю, как она прижимается лбом к стеклу и стоит там, печальная. Перехожу через дорогу, напугав грузовик «Единой посылочной службы» и «вольво», встаю за ней. Клэр поднимает глаза, удивленная, и видит мое отражение в витрине.

– О, это ты, – говорит она и поворачивается. – Я думала, ты с Гомесом в кино.

Клэр выглядит взъерошенной, немного виноватой, как будто я поймал ее на каком-то преступлении.

– Может быть. На самом деле я должен быть на работе. В две тысячи втором.

Клэр улыбается. Она выглядит усталой, я прокручиваю в голове даты и понимаю, что три недели назад случился наш пятый выкидыш. Я замираю, потом обнимаю ее, и, к моему облегчению, она прижимается ко мне, кладет голову на плечо.

– Как ты?

– Ужасно, – тихо отвечает она. – Так устала.

Я помню. Она несколько недель пролежала в постели.

– Генри, я сдаюсь. – Она смотрит на меня, пытаясь понять реакцию по моему лицу, взвешивает свое намерение против моего знания. – Я сдаюсь. Этого никогда не произойдет.

Что останавливает меня, не давая сказать ей то, что ей нужно? Я не вижу ни малейшей причины, почему бы не сказать. Я перебираю в памяти все, что может помешать мне сказать Клэр правду. Но на ум приходит только ее уверенность, которую я сейчас дам ей.

– Подожди, Клэр.

– Что?

– Подожди. В моем настоящем у нас есть ребенок.

Клэр закрывает глаза и шепчет:

– Спасибо.

Не знаю, говорит она это мне или Богу. Это не важно.

– Спасибо, – повторяет она, глядя на меня, говоря это мне, и я чувствую себя ангелом в какой-то извращенной версии Благовещения.

Я наклоняюсь и целую ее; чувствую, как в ней бушуют облегчение, радость, уверенность. Вспоминаю маленькую лохматую голову, торчащую у Клэр между ног, и наслаждаюсь, потому что этот момент творит чудеса. Спасибо. Спасибо.

– Ты знал? – спрашивает Клэр.

– Нет.

Она выглядит разочарованной.

– Я не только не знал, но еще и делал все возможное, чтобы ты больше не забеременела.

– Класс, – смеется Клэр. – Значит, что бы ни случилось, я просто должна молчать и ждать?

– Да.

Клэр улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ. Просто ждать.

Шесть

3 июня 2000 года, суббота (Клэр 29, Генри 36)

КЛЭР: Я сижу за кухонным столом с «Чикаго трибьюн» в руках и наблюдаю, как Генри распаковывает покупки. Коричневые бумажные пакеты ровно расставлены на стойке, и Генри, как волшебник, достает кетчуп, курицу, сыр. Я жду кролика и шелковых платочков. Вместо этого появляются грибы, черные бобы, соус, салат-латук, ананас, снятое молоко, кофе, майонез, яйца, лезвия, дезодорант, яблоки «Грэнни Смит», сливки, рогалики, креветки, морковь, презервативы, сладкий картофель… Презервативы? Я встаю, подхожу к стойке, беру синюю упаковку и трясу у Генри перед носом:

– Ты что, налево решил сходить?

Он вызывающе смотрит на меня, копаясь в холодильнике.

– Нет, у меня было озарение. Я стоял у прилавка с зубной пастой, когда это случилось. Хочешь послушать?

– Нет.

Генри встает и поворачивается ко мне. На лице у него тоска.

– Ну, в любом случае послушай: мы не можем продолжать это – пытаться завести ребенка.

Предатель.

– Мы же договорились…

– …продолжать пытаться. Думаю, пяти выкидышей достаточно. Думаю, мы просто устали.

– *Нет*. То есть почему не попробовать еще?

Я пытаюсь изгнать из голоса умоляющие нотки, проглотить гнев, который поднимается у меня изнутри.

Генри обходит стойку, становится напротив меня, но не дотрагивается, зная, что дотрагиваться нельзя.

– Клэр, следующий выкидыш убьет тебя, и я не собираюсь продолжать, если в результате ты умрешь. Пять беременностей… Я знаю, что ты хочешь попробовать еще, но я не могу. Я так больше не могу, Клэр. Прости.

Я подхожу к задней двери и становлюсь на солнце, у кустов малины. Наши дети, мертвые и завернутые в шелковую бумагу гампи, уложенные в крошечные деревянные коробочки, в это время дня в тени, у роз. Я чувствую жар солнца на своей коже и дрожу за них, лежащих глубоко в земле, мерзнущих в разгар июльского дня. «Помоги, – говорю я мысленно нашему будущему ребенку. – Он не знает, и я не могу сказать. Появляйся поскорее».

9 июня 2000 года, пятница / 18 ноября 1986 года (Генри 36, Клэр 15)

ГЕНРИ: Сейчас 8:45, утро пятницы, и я сижу в приемной некоего доктора Роберта Гонсалеса. Клэр не знает, что я здесь. Я решил сделать стерилизацию.

Кабинет доктора Гонсалеса находится на Шеридан-роуд, рядом с Дайверси, в шикарном медицинском центре сразу за Линкольн-Парк. Приемная здесь раскрашена в коричневые и болотные цвета, много панелей и гравюр победителей дерби 1880-х годов. Очень по-мужски. Я чувствую себя так, как будто на мне смокинг, а между зубов зажата сигара. Мне нужно выпить.

Милая женщина в центре планирования семьи уверила меня успокаивающим, поставленным голосом, что будет совсем не больно. В приемной вместе со мной сидят пятеро. Интересно, у них триппер или простатит? Может, некоторые, так же как и я, сидят и ждут окончания карьеры потенциальных папаш. Я чувствую определенную солидарность с этими неизвестными, со всеми нами, кто сидит в этой коричневой деревянно-кожаной комнате серым утром и ждет, когда можно будет зайти в кабинет врача и снять штаны. Тут очень пожилой мужчина, который облокотился на руки, сложенные на трости, глаза прикрыты за толстыми линзами очков, увеличивающими его веки. Возможно, этот здесь по другому вопросу. Паренек, листающий древний номер «Эсквайра», выражает полнейшее равнодушие. Закрываю глаза и представляю себе, что я в баре и барменша стоит ко мне спиной, смешивая добрый односолодовый скотч с чуточкой тепловатой воды. Возможно, это английский паб. Да, кажется, обстановка соответствует. Мужчина, сидящий слева от меня, заходится глубоким легочным кашлем, и, когда я открываю глаза, снова сижу в приемной врача. Я бросаю взгляд на часы сидящего справа парня. У него огромные спортивные часы, которые можно использовать как секундомер или для вызова материнского корабля с орбиты. 9:58. Мое время через две минуты. Однако доктор задерживается. Секретарь вызывает: «Мистер Листон», и подросток резко поднимается и проходит через тяжелую дверь в кабинет. Остальные тайком переглядываются, как будто мы в метро и нам пытаются продать «Стритвайз»[104].

Я напряжен и напоминаю себе: то, что я собрался сделать, правильно и хорошо. Я не предатель. Я не предатель. Я спасаю Клэр от ужаса и боли. Она никогда не узнает. Это не больно. Ну, может, немного больно. Когда-нибудь я скажу ей, и она поймет, что у меня не было выхода. Мы пытались. Выбора нет. Я не предатель. Даже если это и больно, оно того стоит. Я делаю это, потому что люблю ее. Я думаю о Клэр, как она сидит на кровати, вся в крови, плачет, и меня начинает тошнить.

– Мистер Детамбль.

Я встаю, и теперь мне действительно плохо. Колени подгибаются. Голова поплыла, я сгибаюсь пополам, и меня тошнит, стою на четвереньках, земля холодная и покрыта стебельками сухой травы. В желудке ничего нет, и я выплевываю слизь. Холодно. Смотрю наверх. Я на поляне, в долине. Деревья голые, небо плоское от облаков, ранние сумерки. Я один.

Встаю и нахожу коробку с одеждой. Вскоре на мне футболка *Gang of Four*, свитер, джинсы, толстые носки и черные военные ботинки, черное шерстяное пальто и большие нежно-голубые варежки. Кто-то прогрыз коробку и устроил в ней гнездо. Одежда указывает на середину восьмидесятых. Клэр пятнадцать или шестнадцать лет. Я думаю, как лучше – подождать ее здесь или уйти. Не знаю, смогу ли я вынести молодую восторженную Клэр прямо сейчас. Я поворачиваюсь и иду к фруктовому саду.

Похоже, сейчас конец ноября. Долина коричневая, ветер шумит в голых ветках. Вороны дерутся за яблоки-паданцы на краю сада. Только я подхожу к ним, как слышу, что кто-то тяжело дышит, бежит за мной. Поворачиваюсь, это Клэр.

– Генри… – Голос такой, как будто у нее простуда.

Я жду, пока она не переведет дыхание. Не могу говорить с ней. Она стоит, тяжело дыша, дыхание вырывается белыми облачками, волосы ярко-рыжие на фоне серого с коричневым, кожа розовая и бледная.

Я поворачиваюсь и иду в сад.

– Генри… – Клэр идет за мной и хватает за руку. – Что? Что я сделала? Почему ты со мной не разговариваешь?

О боже.

---

[104] Чикагская газета, распространяющаяся бездомными, что дает им легальный источник дохода; выходит с 1991 г.

– Я пытался сделать что-то для тебя, что-то важное, и не получилось. Я занервничал и в результате оказался тут.

– Что сделать?

– Не могу сказать. Даже тогда, в моем настоящем, я не собирался говорить. Тебе это не понравится.

– А почему ты хотел это сделать? – Клэр дрожит от ветра.

– Это был единственный выход. Я не мог заставить тебя выслушать. Я думал, что мы сможем покончить со ссорами, если я это сделаю.

Я вздыхаю. Я попытаюсь снова и снова, если понадобится.

– Почему мы ссоримся?

Клэр смотрит на меня, напряженная и внимательная. У нее насморк.

– Ты простыла?

– Да. Почему мы ссоримся?

– Началось с того, что жена твоего посланника ударила любовницу моего премьер-министра на посольском *soireé*[105]. В результате подняли пошлину на овес, что привело к росту безработицы и забастовкам…

– *Генри.*

– Да.

– Хоть раз, *хоть раз* перестань смеяться надо мной и скажи мне то, о чем я спрашиваю.

– Не могу.

Внезапно Клэр бьет меня по лицу, сильно. Я отступаю назад, удивленный, довольный.

– Ударь меня снова.

Она стоит смущенная и качает головой.

– Пожалуйста, Клэр.

– Нет. Зачем ты хочешь, чтобы я тебя ударила? Я хотела сделать тебе больно.

– Я хочу, чтобы ты сделала мне больно. Пожалуйста. – Я наклоняю голову.

– Да что с тобой такое?!

– Все ужасно, а я, кажется, ничего не чувствую.

– *Что* ужасно? Что происходит?

– Не спрашивай.

Клэр подходит ко мне, очень близко, и берет меня за руку. Стягивает нелепую голубую варежку, подносит мою ладонь ко рту и кусает. Боль невероятная. Она отпускает руку, и я смотрю на укус, на то, как маленькими капельками проступает кровь. Наверное, я получу заражение крови, но в этот момент мне наплевать.

– Скажи мне.

Ее лицо всего в нескольких дюймах от моего. Я целую Клэр, очень грубо. Она сопротивляется. Отпускаю ее, и она отворачивается.

– Мне было неприятно, – говорит она тихо.

Что со мной? Клэр, пятнадцатилетняя, это не та женщина, которая мучила меня много месяцев, не соглашаясь отказаться от мысли о ребенке, рискуя жизнью и погружаясь в отчаяние, превращая занятия любовью в поле боя, усеянное детскими трупами. Я обнимаю ее за плечи.

– Прости. Мне очень жаль, Клэр, это не твоя вина. Пожалуйста.

Она поворачивается, лицо мокрое от слез. Каким-то чудом у меня в кармане оказывается носовой платок. Я вытираю ее щеки, она берет платок из моих рук и сморкается.

– Ты никогда меня раньше не целовал.

---

[105] Званый вечер *(фр.)*.

О нет! Наверное, я выгляжу забавно, потому что Клэр смеется. Просто поверить не могу. Ну и идиот же я!

– О Клэр! Просто забудь, ладно? Просто сотри это из памяти. Этого никогда не было. Иди сюда. Это наш секрет, да? Клэр?

Она осторожно приближается ко мне. Я смотрю на нее, обнимая. Глаза красные, нос распух, и у нее явно сильная простуда. Прижимаю пальцы к ее ушам, откидываю голову и целую, стараясь вложить в нее свое сердце, для сохранности, на случай если снова лишусь его.

9 июня 2000 года, пятница (Клэр 29, Генри 36)

КЛЭР: Генри весь вечер был ужасно тихий, рассеянный. Весь ужин он, казалось, мысленно просматривал стеллажи в поисках книги, которую читал году эдак в сорок втором. К тому же правая рука у него забинтована. После ужина он пошел в спальню, лег на кровать лицом вниз, голова свисает, с ногами на моей подушке. Я пошла в мастерскую очищать лекало и декель, потом выпила кофе, но без удовольствия, потому что не могла понять, в чем проблема. Наконец вернулась в дом.

Он по-прежнему лежит в том же положении. В темноте. Я ложусь на пол. Спина громко хрустит, когда я вытягиваюсь.

– Клэр?

– Мм?

– Ты помнишь, когда я в первый раз тебя поцеловал?

– Как сейчас.

– Прости. – Генри переворачивается.

Я сгораю от любопытства.

– Почему ты был так расстроен? Ты пытался что-то сделать, и это не получилось, и ты сказал, что мне это не понравится. Что это было?

– Как ты умудряешься все запоминать?

– У меня в роду были слоны. Ты мне скажешь?

– Нет.

– Если угадаю, признаешься?

– Наверное, нет.

– Почему?

– Потому что я устал и не хочу сегодня ссориться.

Я тоже не хочу ссориться. Мне нравится лежать на полу. Холодно, но очень твердо.

– Ты решился на стерилизацию.

Генри молчит. Молчит так долго, что я хочу приложить к его губам зеркальце, проверить, дышит ли он. Наконец говорит:

– Как ты узнала?

– Я не знала точно. Я боялась, что так может случиться. И видела записку, где было указано время приема врача на сегодняшнее утро.

– Я же сжег этот листок.

– Я увидела отпечаток на следующем листке.

– Отлично, Шерлок, – стонет Генри. – Ты меня поймала.

Мы продолжаем тихо лежать в темноте.

– Продолжай.

– Что?

– Делай стерилизацию. Если должен.

Генри переворачивается снова и смотрит на меня. Единственное, что я вижу на фоне потолка, – это тень от его головы.

– Ты не кричишь на меня.

– Нет. Я тоже так больше не могу. Я сдаюсь. Ты победил, и мы не будем больше пытаться завести ребенка.

– Я бы не назвал это победой. Это просто… необходимость.

– Все равно.

Генри слезает с кровати и садится на пол рядом со мной.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Он целует меня. Я вспоминаю унылый ноябрьский день 1986 года, из которого только что пришел Генри, ветер, тепло его тела во фруктовом саду.

Вскоре, впервые за несколько месяцев, мы занимаемся любовью, не думая о последствиях. Генри заразился от меня простудой, которой я переболела шестнадцать лет назад. Через четыре недели Генри сделает стерилизацию и я обнаружу, что в шестой раз беременна.

Сны о детях

Сентябрь 2000 года (Клэр 29)

КЛЭР: Мне снится, что я иду вниз по лестнице в подвал дома Эбширов. На левой стене все еще виден длинный след от сажи с того времени, когда ворона залетела в печную трубу; ступени пыльные, и на руке остается след, когда опираюсь на перила; я спускаюсь и попадаю в комнату, которая всегда пугала меня, когда я была ребенком. В этой комнате стоят глубокие полки с длинными рядами банок: консервированные томаты и огурцы, кукуруза и свекла. Они выглядят как забальзамированные. В одной из банок лежит зародыш утенка. Я осторожно открываю крышку и вытряхиваю утенка и жидкость себе на руку. Он делает вдох и выплевывает жидкость. «Зачем ты меня здесь бросила? – спрашивает он. – Я тебя ждал».

Мне снится, что мы с мамой идем по тихой улице жилых домов в Саут-Хейвене. Я несу ребенка. Пока мы идем, ребенок становится все тяжелее и тяжелее, и вот я уже почти не могу держать его. Я поворачиваюсь к маме и говорю, что не могу больше нести ребенка; она с легкостью подхватывает его, и мы продолжаем путь. Подходим к дому и идем по тропинке на задний дворик. Во дворе стоят два экрана и проектор со слайдами. Люди сидят на уличных стульях, глядя на экран. На каждом экране по половинке дерева. Одна половинка – летом, а другая зимой. Это одно и то же дерево в разные времена года. Ребенок смеется и кричит от восторга.

Мне снится, что я стою на платформе Седжвик, жду электричку «Браун-Лайн». У меня две сумки с продуктами, в которых, как я обнаружила, лежат пачки соленых крекеров и очень маленький мертворожденный ребенок с рыжими волосами, завернутый в упаковочную фольгу.

Мне снится, что я дома, в моей старой спальне. Поздняя ночь, комната тускло озарена светом аквариума. Я внезапно понимаю, с ужасом, что в аквариуме какое-то маленькое животное, плавающее кругами; я торопливо снимаю крышку и подцепляю животное, которое оказывается песчаной крысой с жабрами. «Прости, – говорю я. – Я про тебя забыла». А крыса лишь с упреком смотрит на меня.

Мне снится, что я иду наверх по лестнице Медоуларк-хауса. Всю мебель вынесли, комнаты пустые, пыль витает в солнечных лучах, от которых на гладкий дубовый паркет ложатся золотистые лужицы. Я иду по длинному коридору, заглядывая в спальни, и подхожу к своей комнате, в которой стоит одинокая колыбель. Ни звука. Я боюсь заглянуть внутрь. В комнате мамы по полу расстелены белые простыни. У моих ног – крошечное пятнышко крови, которое касается края простыни и расплывается у меня на глазах, пока не заливает все пространство.

23 сентября 2000 года, суббота (Клэр 29, Генри 37)

КЛЭР: Я живу под водой. Все кажется медленным и далеким. Я знаю, что где-то там, наверху, есть мир, залитый солнцем, быстрый мир, где время бежит, как сухой песок в песочных часах, но здесь, где я, воздух, звук, время и чувства густые и плотные. Я живу в водолазном колоколе с ребенком, и тут только мы двое, пытаемся выжить в чужой атмосфере, но я чувствую себя такой одинокой. «Эй? Где ты?» Ответа нет. «Он умер», – говорю я Эмит. «Нет, – отвечает она, нервно улыбаясь, – Клэр, нет, видишь, у него сердце бьется». Я не могу объяснить этого. Генри носится вокруг, пытается накормить меня, сделать массаж, развеселить, пока я на него не прикрикиваю. Я иду через двор в свою мастерскую. Она как музей, мавзолей, тут так тихо, ничто не живет и не дышит, здесь нет мыслей, только вещи, вещи, которые осуждающе

смотрят на меня. «Прости», – говорю я своему голому, пустому столу, сухим бакам и лекалам, наполовину законченным скульптурам. «Мертворожденный», – думаю я, глядя на синие ирисы на обмотанной бумагой арматуре, которая в июне казалась такой радостной. Руки у меня чистые, мягкие, розовые. Я их ненавижу. Ненавижу эту пустоту. Ненавижу этого ребенка. *Нет*. Нет, не ненавижу. Я просто не могу его найти.

Я сижу за своим мольбертом с карандашом в руке. Передо мной белый лист. Ничего не приходит. Закрываю глаза, и единственное, что вижу, – это красный цвет. Достаю коробку с акварелью, красный кадмий, беру широкую кисть, наливаю в банку воды и начинаю покрывать бумагу красным. Она блестит. Бумага мокрая и, когда высыхает, темнеет. Я смотрю, как она сохнет. Пахнет гуммиарабиком. В центре листа, очень маленькое, черными чернилами, рисую сердце, не глупое сердечко, как на валентинках, а анатомически правильное, крошечное, словно кукольное, вырисовываю вены, тонкую карту вен, которые доходят до концов листа, опутывают сердце, держат, как муху в сети. «Посмотри, у него сердце бьется».

Настал вечер. Я выливаю воду из банки и мою кисть. Запираю дверь мастерской, иду через двор и захожу через заднюю дверь. Генри готовит спагетти под соусом. Он поднимает на меня глаза.

– Лучше? – спрашивает он.

– Лучше, – уверяю я его – и себя.

27 сентября 2000 года, среда (Клэр 29)

КЛЭР: Он лежит на постели. Кровь есть, но не очень много. Он лежит на спине, пытается дышать, крошечная грудная клетка дрожит, но еще слишком рано, он судорожно вздрагивает, и кровь вырывается из хорды в такт дыханию. Я встаю перед кроватью на колени и поднимаю его, поднимаю его, моего крошечного мальчика, извивающегося, как только что пойманная рыба, тонущего на воздухе. Я держу его так нежно, но он не знает, что я здесь, что я держу его, он такой скользкий, кожа почти прозрачная, глаза закрыты, я судорожно думаю о дыхании рот в рот, или 911, или Генри позвонить, *о, только не уходи, пока Генри не увидит*! Но он не может дышать, маленькому морскому созданию нужна вода, он широко открывает рот, я вижу его насквозь, и руки пусты, он ушел, ушел.

Не знаю, сколько времени проходит. Я на коленях. Я на коленях и молюсь. *Господи. Господи. Господи.* Ребенок возится в утробе. *Тише. Замри.*

Просыпаюсь в больнице. Генри здесь. Ребенок умер.

Семь

28 декабря 2000 года, четверг (Генри 33 и 37, Клэр 29)

ГЕНРИ: Я оказываюсь в нашей комнате. Ночь, но луна придает всему сюрреалистическую, однотонную четкость. В ушах шумит, как зачастую бывает, когда я в будущем. Смотрю на Клэр и себя самого. Мы спим. Как мертвые. Я сплю свернувшись, колени прижаты к груди, завернутый в одеяла, рот слегка приоткрыт. Я хочу дотронуться до себя. Хочу обнять себя, заглянуть себе в глаза. Но нельзя; я стою несколько долгих минут, пристально глядя на самого себя. Наконец тихо подхожу к кровати со стороны Клэр и встаю на колени. Ощущение такое, как будто я в настоящем. Заставляю себя забыть о другом теле в кровати, сосредоточиваюсь на Клэр.

Она шевелится, глаза открываются. Она не уверена, где мы. И я тоже не уверен.

Меня переполняет желание, жажда соединиться с Клэр насколько можно сильнее, быть здесь, сейчас. Я целую ее легко и замираю, ни о чем не думая. Она ничего не понимает со сна, подносит руку к моему лицу и просыпается совершенно, чувствуя меня. Теперь она в настоящем; проводит рукой по моей руке, гладит ее. Я осторожно снимаю с нее одеяло, чтобы не потревожить другого меня, о котором Клэр по-прежнему не подозревает. Интересно, тот, другой, «я» крепко спит? Решаю не выяснять. Я лежу на Клэр, полностью закрывая ее своим телом. Я хочу, чтобы она не поворачивала головы, но понимаю, что это может случиться в любую секунду. Когда я вхожу в нее, она смотрит на меня, и мне кажется, что я не существую, и еще через секунду она поворачивает голову и видит меня. Она вскрикивает, негромко, и смотрит на меня, который на ней, в ней. Потом вспоминает, принимает это, *странно, конечно, но ничего особенного,* и в этот момент я люблю ее больше жизни.

12 февраля 2001 года, понедельник (Генри 37, Клэр 29)

ГЕНРИ: Клэр была в странном настроении всю неделю. Она задумчива. Ощущение такое, будто она слышит что-то, доступное только ей, будто принимает откровения Господни на антенны собственных пломб или пытается дешифровать в уме криптограммы с русского спутника. Когда я спрашиваю ее об этом, она только улыбается и пожимает плечами. Это так непохоже на нее, что я пугаюсь и немедленно отступаю.

Однажды вечером возвращаюсь домой с работы и по лицу Клэр понимаю, что случилось что-то ужасное. У нее испуганное и умоляющее выражение. Она подходит очень близко ко мне и останавливается, не зная, что сказать. Кто-то умер, решаю я. Кто? Папа? Кимми? Филип?

– Скажи что-нибудь, – требую я. – Что случилось?

– Я беременна.

– Как это… – Только начиная говорить это, я вспоминаю, *как это*. – Ясно. Я помню.

Для меня эта ночь была несколько лет назад, но для Клэр – всего несколько недель. Я пришел из 1996 года, когда мы отчаянно пытались зачать ребенка, а Клэр едва проснулась. Я ругаю себя за тупую неосторожность. Клэр ждет, что я скажу. Заставляю себя улыбнуться.

– Вот так сюрприз.

– Да.

Она чуть не плачет. Я обнимаю ее, и она тесно прижимается ко мне.

– Ты боишься? – шепчу я в ее волосы.

– Угу.

– Раньше ты не боялась.

– Раньше я была сумасшедшей. Теперь я знаю…

– Что это такое.

– Что может случиться.

Мы стоим и думаем, что может случиться.

– Мы могли бы… – начинаю я неуверенно и не договариваю.

– Нет. Я не могу.

Это правда. Клэр не может. Став католиком, остаешься им навсегда.

– Может, это к лучшему. Счастливая случайность.

Клэр улыбается, и я понимаю, что она хочет этого, действительно надеется, что семь – наше счастливое число. У меня ком к горлу подкатывает, и я отворачиваюсь.

20 февраля 2001 года, вторник (Клэр 29, Генри 37)

КЛЭР: Радиобудильник включается в 7:46 утра, и Эн-пи-ар грустно сообщает мне, что где-то разбился самолет и погибли восемьдесят шесть человек. Я абсолютно уверена, что я одна из них. Генри в постели нет. Закрываю глаза и представляю, что я в маленькой койке в каюте посреди океана и нас бросают суровые волны. Вздыхаю и осторожно выбираюсь из кровати, иду в ванную. Через десять минут, когда меня все еще рвет, Генри просовывает голову в дверь и спрашивает, как я.

– Отлично. Лучше не бывает.

Он присаживается на край ванны. Если честно, зрители мне тут не нужны.

– Мне стоит беспокоиться? Тебя раньше никогда не рвало.

– Эмит говорит, это хорошо; меня и должно рвать.

Что-то в моем теле признало ребенка как часть меня, а не как инородное тело. Эмит давала мне таблетки, которые дают людям с искусственными органами.

– Может, мне в банк крови еще раз сходить сегодня.

У нас с Генри первая группа. Я киваю, и меня рвет. Мы жадные до крови: ему два раза делали переливание, а мне три, и в одном случае крови понадобилось очень много. Минутку я сижу, потом с трудом поднимаюсь на ноги. Генри помогает мне. Полощу рот и чищу зубы. Генри идет вниз готовить завтрак. Внезапно я понимаю, что дико хочу овсянки.

– Овсянку! – кричу я.

– Хорошо!

Начинаю расчесываться. Мое отражение в зеркале розовое и отекшее. Мне казалось, что беременные женщины должны сиять. Я не сияю. Ну и ладно. Я по-прежнему беременна, а остальное не важно.

19 апреля 2001 года, четверг (Генри 37, Клэр 29)

ГЕНРИ: Мы записались у Эмит Монтегю на УЗИ. С одной стороны, мы с Клэр хотим, с другой – боимся УЗИ. Мы отказались от амниоцентеза, поскольку уверены, что потеряем ребенка, если кольнем в него здоровой длинной иголкой. У Клэр восемнадцатая неделя беременности, полпути пройдено. Если бы мы могли сложить время вдвое, по Роршаху, то сгиб пришелся бы точно по центру. Мы живем замерев, боимся лишний раз выдохнуть, чтобы не выдохнуть ребенка слишком рано.

Сидим в приемной с другими беременными и матерями с грудными детьми и детьми постарше, которые бегают и натыкаются на все подряд. Обычно кабинет доктора Монтегю меня угнетает, потому что мы провели там слишком много времени, беспокоясь и слушая плохие новости.

Но сегодня все по-другому. Сегодня все будет в порядке.

Медсестра называет нашу фамилию. Мы проходим в кабинет. Клэр раздевается, ложится на стол, ее намазывают гелем и приступают. Все смотрим на монитор: медсестра, Эмит Монтегю, высокая, величественная француженка-марокканка, и мы с Клэр, держась за руки. Медленно, по кусочкам, на нем появляется изображение.

На экране – метеорологическая карта мира. Или галактики – вихрь звезд. Или ребенок.

– *Bien joué, une fille*[106], – говорит доктор Монтегю. – Она сосет палец. Очень миленькая. И очень большая.

Мы с Клэр выдыхаем. На экране миленькая галактика сосет палец. Пока мы смотрим, она вынимает руку изо рта.

– Она улыбается, – говорит доктор Монтегю.

И мы тоже улыбаемся.

20 августа 2001 года, понедельник (Клэр 30, Генри 38)

КЛЭР: Ребенок должен родиться через две недели, а мы все еще не выбрали имя для нашей малышки. На самом деле мы почти не говорили об этом; суеверно избегали этой темы, как будто, дай мы ей имя, фурии заметят ее и уничтожат. Наконец Генри приносит домой книгу – «Словарь имен».

Мы в постели. Сейчас только полдевятого вечера, а я уже вымоталась. Лежу на боку, живот как полуостров, лицом к лицу с Генри, который подпирает рукой голову. Между нами на кровати книга.

– Мысли есть? – спрашивает он, листая страницы.

– Джейн, – отвечаю я.

– Джейн? – Он кривится.

– Я называла всех своих кукол и плюшевых зверей Джейн. Всех до единого.

Генри поднимает глаза:

– Это означает «Дар Бога».

– Подходит.

– Давай что-нибудь попроще. Как насчет Иретты? Или Джодоты? – Он пролистывает страницы. – Вот хорошее имя: Лулолула. По-арабски – это жемчужина.

– Как насчет Жемчужины? Перл?

Я представляю себе ребенка в виде гладкого радужного белого шарика.

Генри находит имя в списке.

– Так. «(Латинское). Возможно, вариант „перулы“, то есть наиболее ценный продукт этого заболевания».

– Фу. Да что с этой книгой?

Я беру ее у Генри и шутки ради смотрю «Генри (прагерманское). Хозяин дома, глава племени».

– Давай посмотрим Клэр, – смеется он.

– «Одно из возможных написаний имени Клара (латинское). Прославленная, яркая».

– Здорово, – говорит Генри.

---

[106] Отлично, дочка *(фр.)*.

Я наугад открываю страницу:

– Филомела?

– Мне нравится, – говорит Генри. – Но вот с уменьшительным придется туго. Фили? Мел?

– «Пирина (греческое). Рыжеволосая».

– А если не рыжеволосая?

Генри протягивает руку через книгу, берет прядь моих волос и засовывает себе в рот. Я вытаскиваю их и забрасываю волосы за спину.

– Я думала, мы знаем о ребенке все, что только можно, – говорю я. – Кендрик разве не брал анализ на цвет волос?

Генри забирает у меня книгу.

– Изольда? Зоя? Зоя мне нравится. Имя с большим потенциалом.

– Что оно означает?

– «Жизнь».

– Да, отлично. Пометь его как вариант.

– Элиза, – предлагает Генри.

– Элизабет.

– Аннет, – неуверенно предлагает Генри.

– Люси.

– Нет, – твердо говорит Генри.

– Нет, – соглашаюсь я.

– Нам нужно что-то чистое, нетронутое. Чистая доска. Давай назовем ее Табула Раса.

– Или Белая Титановая.

– Бланш, Бланка, Бьянка…

– Альба, – говорю я.

– Как герцогиня?

– Альба Детамбль. – Когда я произношу это имя, оно словно перекатывается во рту.

– Мило, и в ямб хорошо укладывается… – Генри пролистывает книгу. – «Альба (латынь). Белая (прованс.). Рассвет». Хм.

Он резко выбирается из кровати. Я слышу, как он что-то ищет в гостиной; возвращается через несколько минут с первым томом «Оксфордского энциклопедического словаря», большим словарем «Рэндом хаус» и первым томом моей старой потрепанной энциклопедии «Американа», от «А до Америки».

– «Песни о рассвете провансальских поэтов… посвященные их возлюбленным. Réveillés, à l'aurore, par le cri du guetteur, deux amants qui viennent de passer la nuit ensemble se séparent en maudissant le jour qui vient trop tôt; tel est le thème, non moins invariable que celui de la pastourelle, d'un genre dont le nom est emprunté au mot *alba,* qui figure parfois au début de la pièce. Et régulièrement à la fin de chaque couplet, où il forme refrain»[107]. Как грустно. Давай попробуем «Рэндом хаус». Тут получше. «Белый город на холме. Крепость».

Он сбрасывает «Рэндом хаус» с кровати и открывает энциклопедию.

– «Алчный», «Алый», «Алыча»… вот, «Альба». – Начинает просматривать статью. – «Названия ряда разрушенных городов в древней Италии». И «Герцог Альба».

Я вздыхаю и поворачиваюсь на спину. Ребенок шевелится. Наверное, она спала. Генри возвращается к изучению «Оксфордского энциклопедического словаря». «Алфил». «Алхимик». «Армадилл». «Бабасу».

– Господи, что только теперь не печатают.

---

[107] Пробужденные на заре призывом стража, влюбленные расстаются после проведенной вместе ночи, проклиная слишком рано наступивший день, – такова столь же неизменная, как и у пасторелы, тема данного жанра, наименование которого, «альба», встречается иногда в начале стихотворения и постоянно, в качестве рефрена, в конце каждой строфы *(фр.)*.

Он просовывает руку мне под рубашку, медленно пробегает пальцами по моему раздутому животу. Ребенок пинается, сильно, попадает как раз по его руке, и он замирает, глядя на меня в изумлении. Руки пробегают по телу, изучая такие знакомые и незнакомые рельефы.

– Сколько Детамблей здесь уместится?

– Ну, еще для одного место всегда найдется.

– Альба, – тихо говорит он.

– Белый город. Неприступная крепость на белом холме.

– Она такая и есть.

Генри стаскивает с меня трусики, через колени, по лодыжкам. Отбрасывает их и смотрит на меня.

– Осторожно… – говорю я.

– Очень осторожно, – соглашается он, стаскивая с себя одежду.

Я чувствую себя такой огромной, как континент в море подушек и одеял. Генри наклоняется ко мне сзади, движется по мне, изучает меня языком, словно исследователь, наносящий на карту заповедную территорию.

– Медленнее, медленнее, – боюсь я.

– «Песня, которую поют на рассвете трубадуры…» – шепчет он, входя в меня.

– «…своим возлюбленным», – отвечаю я.

Глаза закрыты, и я слышу Генри как будто из соседней комнаты:

– Вот так. Да. *Да*.

Альба. Знакомство

16 ноября 2011 года, среда (Генри 38, Клэр 40)

ГЕНРИ: Я в галерее сюрреализма чикагского Института искусств, в будущем. Я не совсем одет; все, что раздобыл из гардероба, – это длинное черное зимнее пальто и брюки из ящика охранника. Удалось найти обувь, обычно это самое трудное дело. Думаю, нужно украсть бумажник, купить футболку в магазинчике при музее, пообедать, посмотреть картины и потом выйти из здания в мир магазинов и гостиничных номеров. Понятия не имею, в каком времени я оказался. Но не слишком далеко: одежда и прически здесь не очень отличаются от 2001 года. Я одновременно рад этому небольшому путешествию и расстроен, потому что в моем настоящем Клэр в любой момент может родить Альбу, и я ужасно хочу быть там, но, с другой стороны, это на редкость качественный фрагмент будущего. Я чувствую себя сильным и уверенным, это здорово. Тихо стою в темной комнате, полной коробок Джозефа Корнелла[108] с точечной подсветкой, наблюдая за группой школьников, идущих за экскурсоводом; у них в руках складные стульчики, на которые они послушно садятся, когда она велит им остановиться.

Я рассматриваю группу. Экскурсовод самая обыкновенная: ухоженная женщина лет за пятьдесят с невероятно белыми волосами и убедительным лицом. Учительница, милая молодая девушка с голубой помадой на губах, стоит позади группы учеников, готовая успокоить любого, кто начнет шуметь. Но меня интересуют именно дети. Им лет по десять или около того, наверное пятый класс. Школа католическая, поэтому все одеты в одинаковую форму, зеленые шотландки на девочках и голубые на мальчиках. Они внимательные и вежливые, но не слишком увлечены. Плохо. Я думал, что Корнелл очень подходит детям. Преподаватель, похоже, думает, что они моложе, чем есть; она разговаривает с ними как с маленькими детьми. В заднем ряду сидит девочка, которая, кажется, более увлечена рассказом, чем остальные. Я не вижу ее лица. У нее длинные вьющиеся черные волосы и переливчатое синее платье, которое не дает ей сливаться с остальными. Каждый раз, когда учитель задает вопрос, девочка поднимает руку, но ее ни разу не спросили. Я вижу, что девочке это начинает надоедать.

Преподаватель говорит о коробках из цикла «Птичник». Коробки унылые, во многих – белые или цветные интерьеры, с выступами, и дыры, как в скворечниках, и изображения птиц. Это самые строгие, минималистичные из его работ, без фантазии «Наборов пены для ванной» или романтики коробок «Гостиница».

– Почему, по-вашему, мистер Корнелл сделал эти коробки?

Экскурсовод радостно оглядывает детей, ожидая ответа и не обращая внимания на девочку в переливчатом синем платье, которая размахивает рукой, как будто у нее пляска святого Витта. В переднем ряду мальчик робко говорит, что художник, наверное, любил птиц. С девочки уже достаточно. Она встает, не опуская руки. Экскурсовод неохотно спрашивает:

– Да?

– Он сделал эти коробки, потому что он одинокий. Ему некого было любить, и он сделал эти коробки, чтобы любить их и чтобы люди знали, что он существовал, и потому что птицы свободные, и они прячутся в коробках, чтобы чувствовать себя защищенными, и он хотел быть свободным и защищенным. Коробки он сделал, чтобы мог стать птицей.

---

[108] *Джозеф Корнелл* (1903–1972) – американский скульптор, мастер ассамбляжа, работал на стыке конструктивизма и сюрреализма; прославился своими «коробками», в которых под стеклянной крышкой собирались разнородные артефакты, преимущественно Викторианской эпохи.

Девочка садится.

Ее ответ ошеломляет. Десятилетняя девочка, которая смогла выразить чувства Джозефа Корнелла. Ни экскурсовод, ни другие ученики не знают, как на это реагировать, но учительница, очевидно привыкшая к ней, говорит:

– Спасибо, Альба, ты очень тонко чувствуешь.

Девочка поворачивается и благодарно улыбается учительнице, и я вижу ее лицо, лицо моей дочери. Я делаю несколько шагов вперед из соседней галереи и смотрю на нее, и она видит меня, ее лицо оживает, она подпрыгивает, сшибает свой складной стульчик, и не успеваю я опомниться, как уже крепко обнимаю мою Альбу, становлюсь на колени, прижимаясь к ней, и она снова и снова повторяет: «Папочка».

Все смотрят на нас в изумлении. Учительница подбегает:

– Альба, кто это? Кто вы, мистер?

– Я Генри Детамбль, отец Альбы.

– Он мой папа!

Учительница почти заламывает руки:

– Отец Альбы умер.

Я застываю. Но Альба, моя дочь, полностью владеет ситуацией.

– Он умер, – говорит она учительнице, – но он не *совсем* умер.

Я прихожу в себя:

– Это довольно трудно объяснить…

– У него СПВ, – говорит Альба. – Как у меня.

Кажется, учительница все понимает, хотя я не понимаю ничего. Она немного бледнеет под слоем макияжа, но смотрит сочувственно. Альба сжимает мою руку. Скажи что-нибудь, вот что это значит.

– А, мисс…

– Купер.

– Мисс Купер, можно ли мне несколько минут поговорить с Альбой, вот тут. Мы нечасто видимся.

– Ну… я только… у нас программа… группа… я не могу позволить вам просто так увести ребенка из группы, и я даже не знаю, действительно ли вы мистер Детамбль, вот…

– Давай позвоним маме, – говорит Альба.

Бежит к своему портфелю и достает сотовый телефон. Нажимает на кнопку, я слышу гудки и быстро соображаю, какие это дает возможности, а кто-то поднимает трубку на том конце провода, и Альба говорит:

– Мама?.. Я в Музее искусств… Нет, все в порядке… Мама, здесь папа! Скажи мисс Купер, что это правда папа, ладно?.. Да, ага, пока!

Она дает мне телефон. Поколебавшись, прикладываю трубку к уху.

– Клэр? – Там кто-то резко выдыхает. – Клэр?

– *Генри!* Господи, поверить не могу! Приезжай домой!

– Я попытаюсь…

– Откуда ты?

– Из две тысячи первого. Альба как раз должна родиться.

Я улыбаюсь Альбе. Она прижимается ко мне, держа за руку.

– Может, мне подъехать?

– Думаю, так будет быстрее. Слушай, ты можешь сказать учительнице, что я – это действительно я?

– Конечно… где вы будете?

– У львов. Приезжай как можно быстрее, Клэр. Я ненадолго.

– Я тебя люблю.

– И я тебя, Клэр.

Я медлю, затем передаю телефон мисс Купер. Они разговаривают, и Клэр каким-то образом убеждает ее отпустить Альбу со мной к выходу из музея, где она нас встретит. Я благодарю мисс Купер, которая повела себя очень достойно в неожиданной ситуации, и мы с Альбой идем за руку из Мортоновского крыла, по спиральной лестнице, к китайской керамике. У меня путаются мысли. О чем спросить сначала?

– Спасибо за кассеты, – говорит Альба. – Мама подарила мне их на день рождения. – (Какие кассеты?) – Я смогу разобраться с американскими автоматическими и «мастерсами», а сейчас у меня «уолтерсы».

Замки. Она учится взламывать замки.

– Здорово. Продолжай. Слушай, Альба!

– Да, папа?

– Что такое СПВ?

– Синдром перемещения во времени.

Мы сидим на диване напротив фарфорового дракона династии Тан. Альба – лицом ко мне, руки на коленях. Она выглядит точно как я в десять лет. Я просто поверить в это не могу. Она еще не родилась, и вот она здесь, Афина из головы Зевса в полном облачении. Я наклоняюсь к ней.

– Знаешь, я тебя в первый раз вижу.

– Приятно познакомиться, – улыбается Альба.

Она самый сдержанный ребенок, которого я встречал. Я рассматриваю ее: где черты Клэр?

– Мы часто видимся?

– Не очень, – подумав, отвечает она. – Последний раз ты был год назад. Я видела тебя несколько раз, когда мне было восемь.

– Сколько тебе было, когда я умер? – спрашиваю я и замираю.

– Пять.

«Господи. Не могу поверить».

– Прости! Мне не следовало говорить? – сокрушается Альба.

– Все в порядке. – Я ее обнимаю. – Я же сам спросил, так? – Делаю глубокий вдох. – Как Клэр?

– Нормально. Грустит.

Это меня добивает. Думаю, больше я ничего знать не хочу.

– А ты как? Как школа? Что изучаешь?

– Ну, – улыбается Альба, – *в школе* я мало что изучаю, а так читаю все, что можно, про инструменты и Египет, и мы с мамой читаем «Властелина колец», и еще я разучиваю Астора Пьяццолу.

«В десять? Боже мой».

– На скрипке? И кто твой учитель?

– Дед.

Я пытаюсь понять, при чем тут мой дедушка, потом соображаю: она говорит про отца. Это здорово. Если отец проводит время с Альбой, значит она действительно хороша.

– Получается? – («Что за грубость!»)

– Да. *Очень* хорошо. – («Слава богу».)

– Мне музыка никогда не давалась.

– Да, дед так и говорит, – хихикает она. – Но ты любишь музыку.

– Обожаю. Просто сам не могу играть.

– Я слышала, как поет бабушка Аннета! Она *так* красиво пела!

– А какая запись?

– Я видела ее. В Лирик-опере. Она пела «Аиду».

«У нее СПВ, как и у меня. Вот черт».

– Ты перемещаешься во времени.

– Конечно, – счастливо говорит Альба. – Мама всегда говорила, что мы с тобой во всем похожи. Доктор Кендрик говорит, что я одаренная.

– В смысле?

– Иногда я могу попасть куда и когда захочу.

Альба выглядит довольной собой; я так завидую.

– А можешь не попасть, если не хочешь?

– Ну, нет. – Она выглядит смущенной. – Но мне это нравится. В смысле, иногда это *неудобно,* но… так *интересно,* понимаешь?

Да, я понимаю.

– Приходи ко мне, если можешь, в любое время.

– Я пыталась. Однажды я видела тебя на улице; ты был с блондинкой. Мне показалось, что ты был очень занят.

Альба вдруг краснеет, и на какую-то долю секунды я узнаю в ней Клэр.

– Это была Ингрид. Я встречался с ней, прежде чем познакомился с твоей мамой.

Интересно, что мы делали, Инг и я, тогда, давно, что так смутили Альбу; чувствую укол сожаления, что произвел плохое впечатление на эту трезвомыслящую и милую девочку.

Кстати, о маме – нам пора ко входу, она скоро подъедет.

У меня в ушах начинает тонко звенеть, и я надеюсь, что Клэр доберется сюда до того, как я исчезну. Мы с Альбой встаем и быстро идем к лестнице. Поздняя осень, у Альбы нет пальто, и я прикрываю ее своим. Я стою, облокотившись на гранитную облицовку, Альба прислонилась ко мне, завернутая в мое пальто, прижатая к моей голой груди, так что только лицо выглядывает. День дождливый. По Мичиган-авеню мчатся машины. Я опьянен невероятной любовью, которую испытываю к этому поразительному прижавшемуся ко мне ребенку, как будто она только моя, как будто мы всегда будем вместе, как будто у нас впереди все время этого мира. Я цепляюсь за этот момент, борюсь с усталостью и оттягиваю время ухода. Я хочу остаться, я умоляю свое тело, Бога, время, Санту, кого угодно, кто может меня услышать. Просто дайте мне увидеть Клэр, и я уйду с миром.

– Вон мама, – говорит Альба.

Белая машина, я такую не знаю, мчится к нам. Доезжает до перекрестка, из нее выпрыгивает Клэр, оставляя машину посреди дороги и блокируя движение.

– Генри!

Я хочу побежать к ней, и она бежит, я падаю на ступеньки и протягиваю к ней руки; Альба держит меня и что-то кричит. Клэр всего в нескольких футах от меня, и последним усилием воли я смотрю на нее, кажущуюся такой далекой, и насколько могу четко выговариваю: «Я тебя люблю». И исчезаю. Черт! *Черт!*

7:20 вечера, 24 августа 2001 года, пятница (Клэр 30, Генри 38)

КЛЭР: Я лежу в изношенном шезлонге на заднем дворике; вокруг разбросаны книги и журналы. Наполовину выпитый лимонад, разбавленный теперь растаявшим льдом, стоит у моего локтя. Становится прохладно. Еще совсем недавно было восемьдесят пять градусов[109]; теперь подул ветер, и цикады поют свою песнь уходящего лета. Пятнадцать самолетов пролетели надо мной по пути в О'Хару из неизвестных мест. Живот возвышается, придавливая меня

[109] По Фаренгейту – то есть примерно 29 градусов по Цельсию.

к шезлонгу. Генри исчез вчера в восемь утра, и я начинаю бояться. А что, если роды начнутся, а его не будет? А что, если ребенок родится, а его так и не будет? А что, если он ранен? А что, если он умер? А что, если умру я? Эти мысли носятся в голове по кругу, напоминая меховые воротники на старушках, эти шкурки, вцепившиеся зубами в собственный хвост, и так без конца, и я больше так не могу ни минуты. Обычно в такие моменты я ухожу с головой в работу; я беспокоюсь о Генри, пока прибираю мастерскую, или по третьему разу загружаю стиральную машину, или изготовляю бумагу в сумасшедших количествах. Но сейчас я лежу, грею свой живот на нежарком солнышке, а Генри где-то там… делает то, что делает. О боже. Пусть он вернется. Сейчас же.

Но ничего не происходит. Мистер Панетта заезжает в проулок, открывается и потом со скрипом закрывается гаражная дверь. Приезжает грузовик «Гуд хьюмор» – и уезжает. Начинают порхать светляки. А Генри нет.

Я хочу есть. Я умру от голода тут, на заднем дворе, потому что нет Генри, чтобы приготовить мне еду. Альба возится внутри, и я собираюсь встать, пойти в кухню и приготовить что-нибудь. Но потом решаю сделать то, что всегда делаю в таких случаях, когда рядом нет Генри. Я поднимаюсь, медленно, постепенно, и спокойно иду в дом. Нахожу сумочку, включаю свет, подхожу к входной двери и запираю ее. Как хорошо двигаться. И снова я удивлена – и удивлена тому, что удивлена, – что у меня такой большой живот, как будто мне сделали неудачную пластическую операцию, как будто я одна из женщин того африканского племени, в чьем понимании красота – это ужасно длинные шеи, или губы, или мочки ушей. Я нахожу устойчивое положение между собой и Альбой, и таким образом, словно танцующие сиамские близнецы, мы доходим до тайского ресторана «Опарт».

В ресторане прохладно и полно людей. Меня проводят к столу перед окном. Заказываю фаршированные блинчики и спагетти с тофу, нейтрально и безопасно. Выпиваю целый стакан воды. Альба давит на мочевой пузырь. Иду в туалет, и, когда возвращаюсь, еда уже на столе. Я ем. Представляю себе наш диалог с Генри, если бы он был тут. Представляю себе, где он может быть. Мысленно прочесываю память, пытаясь пристроить Генри, пропавшего вчера утром (в момент облачения в трусы), к одному из Генри, виденных в детстве. Пустая трата времени; придется дождаться, пока сам расскажет. Может, он вернулся? Останавливаю себя от того, чтобы выбежать из ресторана и пойти проверять. Появляется главное блюдо. Выдавливаю лайм на лапшу и засовываю в рот. Представляю себе Альбу, крошечную и розовую, свернувшуюся во мне, – она ест спагетти крошечными палочками. Представляю ее с длинными черными волосами и зелеными глазами. Она улыбается и говорит: «Спасибо, мама». Я улыбаюсь в ответ: «Пожалуйста, дорогая. Моя дорогая». У нее там плюшевый зверек, по имени Альфонсо. Альба угощает Альфонсо тофу. Заканчиваю есть. Сижу несколько минут, отдыхаю. Кто-то за соседним столиком начинает курить. Расплачиваюсь и ухожу.

Бреду по Вестерн-авеню. Полная машина подростков-пуэрториканцев, что-то кричат мне, но я не могу разобрать что. У двери ищу ключи, дверь открывается, и Генри говорит: «Слава богу» – и бросается мне на шею.

Мы целуемся. Я так рада его видеть. И только через несколько минут до меня доходит, что он тоже беспокоился.

– Где ты была? – требовательно спрашивает он.

– В «Опарте». А где ты был?

– Ты даже записки не оставила, я вернулся, тебя нет, и подумал, что ты в больнице. Я позвонил туда, но мне сказали, что тебя нет…

Начинаю смеяться и не могу остановиться. Генри смотрит озадаченно. Отсмеявшись, говорю ему:

– Теперь ты знаешь, каково это.

– Извини, – улыбается он. – Просто я… я не знал, где ты, и запаниковал. Думал, пропустил появление Альбы.

– Так где ты был?

– Подожди, – ухмыляется Генри, – сейчас услышишь. Одну минутку. Давай сядем.

– Давай лучше ляжем. Я до смерти устала.

– Что ж ты делала весь день?

– Валялась.

– Бедняжка Клэр, неудивительно, что сил не осталось.

Я иду в спальню, включаю кондиционер и опускаю жалюзи. Генри несется в кухню и появляется через минуту с напитками. Я устраиваюсь на кровати и получаю имбирный эль; Генри скидывает ботинки и присоединяется ко мне с пивом в руке.

– Рассказывай.

– Ну… – Он поднимает одну бровь, открывает рот и снова закрывает. – Не знаю, с чего начать.

– Давай уже.

– Начну с того, что это была самая невероятная вещь, которая когда-либо случалась со мной в жизни.

– Невероятнее, чем наши встречи?

– Да. Ну, это ведь довольно естественно: мальчик встречает девочку…

– Невероятнее, чем снова и снова наблюдать смерть собственной матери?

– Ну, это просто ужасная рутина. Кошмарный сон, который снится очень часто. Нет, это было просто нереально. – Он проводит рукой по моему животу. – Я попал в будущее, и я действительно был там, знаешь, довольно долго и четко, и встретил там нашу девочку.

– Боже мой. Я так завидую. Но продолжай.

– Да. Ей около десяти. Клэр, она потрясающая – умная, музыкальная и просто… уверенная в себе, что бы ни случилось…

– Как она выглядит?

– Как я. Женский вариант. В смысле, она красавица, у нее твои глаза, но в основном она точная копия меня: черные волосы, бледная, немного веснушек, рот меньше, чем мой, и уши не торчат. У нее длинные вьющиеся волосы, мои руки с длинными пальцами, она высокая… Она как котенок.

«Здорово. Здорово».

– Боюсь, что мои гены в основном отразились на внешности… А по характеру она как ты. Так здорово рассказала… Я видел ее в группе школьников в Институте искусств, она говорила о корнелловских коробках из серии «Птичник» и сказала что-то невероятное насчет него… и я *понял, кто она.* Она узнала меня.

– Ну, надеюсь. – «Я должна спросить». – А она… она?..

Генри думает.

– Да, – наконец отвечает он. – Да. – Мы молчим. Генри гладит меня по лицу. – Я знаю.

Мне хочется плакать.

– Клэр, она была счастлива. Я спросил ее, и она сказала, что ей это нравится. – Он улыбается. – Она сказала, что это *интересно.*

Мы оба смеемся, сначала немного грустно, а потом меня озаряет, и мы хохочем от души, до рези в животе, до слез ручьем. Потому что, конечно же, это интересно. *Очень* интересно.

День рождения

5 сентября, среда – 6 сентября, четверг, 2001 год (Генри 38, Клэр 30)

ГЕНРИ: Клэр весь день бродит по дому, как тигрица. Схватки происходят примерно раз в двадцать минут.

– Попытайся уснуть, – говорю я ей, и она на несколько минут ложится, но потом снова встает.

В два ночи она наконец засыпает. Я лежу рядом, не сплю, смотрю, как она дышит, слышу тихие нетерпеливые звуки, которые она издает, играю с ее волосами. Я беспокоюсь, хотя и знаю, хотя я сам видел, что с ней все будет в порядке и с Альбой тоже. Клэр просыпается в полчетвертого ночи.

– Я хочу поехать в больницу, – говорит она мне.

– Вызовем такси? – спрашиваю я. – Уже так поздно.

– Гомес сказал – звонить в любое время.

– Хорошо.

Набираю домашний номер Гомеса и Клариссы. Телефон делает шестнадцать гудков, потом Гомес снимает трубку, его голос звучит как из бочки.

– Мм?..

– Эй, приятель. Пришло время.

Он бубнит что-то про чертовы яйца. Потом подходит Кларисса и говорит, что они уже едут. Вешаю трубку и звоню доктору Монтегю, оставляю сообщение на автоответчике. Спускаюсь к Клэр на первый этаж.

– Клэр?

Она смотрит на меня, по-прежнему раскачиваясь.

– Генри… зачем мы решили сделать это снова?

– Наверное, затем, что, когда это кончится, тебе дадут подержать ребенка.

– А, да.

Через пятнадцать минут мы забираемся в «вольво» Гомеса. Гомес зевает, помогая усадить Клэр на заднее сиденье.

– Даже не думай вымочить мне сиденье околоплодными водами, – ласково предупреждает он Клэр.

Кларисса бежит в дом за целлофановыми пакетами и накрывает сиденья. Мы запрыгиваем и едем. Клэр прислонилась ко мне, сжимая мои руки.

– Не уходи, – говорит она.

– Не уйду. – Я наталкиваюсь на взгляд Гомеса в зеркале заднего вида.

– Больно, – говорит Клэр. – Господи, как больно.

– Подумай о чем-нибудь. О чем-нибудь приятном, – говорю я.

Мы несемся по Вестерн-авеню, на юг. Машин почти нет.

– Расскажи мне…

Поразмыслив, я рассказываю о самом моем недавнем путешествии в детство Клэр.

– Помнишь день, который мы провели на озере, когда тебе было двенадцать? И мы пошли купаться, и ты рассказывала, что у тебя начались месячные.

Клэр сжимает мои руки так, что хрустят кости.

– Правда?

– Да, и ты вроде как смущалась, но и гордилась собой тоже… На тебе было бикини, розовое с зеленым, и желтые солнцезащитные очки с оправой в форме сердечек.

– Помню… а… а! Генри, больно, больно!

Кларисса поворачивается и говорит:

– Тише, Клэр, просто ребенок давит на позвоночник. Нужно повернуться, хорошо?

Клэр пытается сменить положение.

– Вот мы и приехали, – говорит Гомес, подъезжая к зоне высадки больницы «Мерси».

– Сейчас начнется, – говорит Клэр.

Гомес останавливает машину, выскакивает, и мы аккуратно вынимаем из машины Клэр. Она делает два шага, и тут отходят воды.

– Хорошо рассчитала, котенок, – говорит Гомес.

Кларисса бежит вперед с нашими документами, мы с Гомесом осторожно проводим Клэр через приемную «скорой помощи» и по длинным коридорам родильного отделения. Она стоит, облокотившись на каталку, пока ей спешно готовят палату.

– Не уходи, – шепчет Клэр.

– Не уйду, – снова говорю я ей.

Хотелось бы в это верить. Мне холодно, и подташнивает. Клэр поворачивается и прислоняется ко мне. Я обнимаю ее. Ребенок разделяет нас, живот жесткий. «Выходи, выходи, где бы ты ни был». Клэр тяжело дышит. Толстая блондинка-медсестра сообщает, что палата готова. Мы проходим внутрь. Клэр немедленно становится на пол на четвереньки. Кларисса начинает раскладывать вещи, одежду – в шкаф, туалетные принадлежности – в ванную. Мы с Гомесом стоим и беспомощно смотрим на Клэр. Она стонет. Мы переглядываемся, Гомес пожимает плечами.

– Эй, Клэр! – говорит Кларисса. – Как насчет ванны? В теплой воде тебе будет лучше.

Клэр кивает. Кларисса машет на нас с Гомесом руками, как бы говоря: «Уходите».

– Пойду покурю, – решает Гомес и уходит.

– Мне остаться? – спрашиваю я Клэр.

– Да! Не уходи… стой так, чтобы я тебя видела.

– Хорошо.

Иду в ванную включить воду. Больничные ванные ужасают меня. В них всегда пахнет дешевым мылом и больной плотью. Я открываю кран, жду, когда пойдет теплая вода.

– Генри! Ты там? – зовет Клэр.

Просовываю голову в комнату и говорю:

– Здесь, дорогая.

– Иди сюда, – командует Клэр, и Кларисса занимает мое место в ванной.

Клэр издает звук, который я никогда не слышал от человеческого существа, – глубокий вопль полного отчаяния. Что я с ней сделал? Я думаю о двенадцатилетней Клэр, которая со смехом валяется на пляжной подстилке, засыпанная мокрым песком, в своем первом бикини. О Клэр. Прости меня, прости. Пожилая черная медсестра приходит и осматривает Клэр.

– Хорошая девочка, – воркует она над Клэр. – Шесть сантиметров.

Клэр кивает с улыбкой, потом лицо искажается. Она хватается за живот и сгибается пополам, стон становится громче. Мы с сестрой держим ее. Клэр пытается перевести дыхание, потом начинает кричать. Появляется Эмит Монтегю и бросается к ней:

– Тише, детка, тише, успокойся…

Сестра сообщает доктору Монтегю необходимую информацию. Для меня это звучит как китайская грамота. Клэр плачет. Я прочищаю горло. Мой голос звучит очень хрипло:

– Как насчет эпидуралки?

– Клэр?

Она кивает. Люди заходят в палату с ампулами, иглами, шприцами. Я сижу, держа Клэр за руку, глядя ей в лицо. Она лежит на боку, всхлипывая, лицо мокрое от пота и слез, анестезиолог набирает шприц и вводит иглу в позвоночник. Доктор Монтегю осматривает ее и хмурится, глядя на изображение на мониторе.

– Что-то не так? – спрашивает Клэр. – Там что-то случилось.

– Сердцебиение частое. Ваша девочка очень напугана. Нужно успокоиться, Клэр, и ребенок тоже успокоится, хорошо?

– *Так больно.*

– Это потому что она большая, – говорит Эмит Монтегю спокойным, умиротворяющим голосом. Толстый анестезиолог с усами, как у моржа, устало смотрит на меня поверх тела Клэр. – Но сейчас мы дадим ей коктейль, немного наркотика, немного обезболивающего, и скоро ты расслабишься, и ребенок тоже, хорошо? – Клэр кивает. Доктор Монтегю улыбается. – Генри, вы как?

– Не очень, – пытаюсь улыбнуться я.

Мне бы не повредил коктейль, который они дают Клэр. У меня немного двоится в глазах; глубоко дышу, и это проходит.

– Вот, уже лучше, видишь? – говорит доктор Монтегю. – Это как маленькое облачко, которое проходит, и боль проходит тоже, мы уводим облако и оставляем у дороги, само по себе, а вы с малышкой здесь, так? Здесь хорошо, мы никуда не торопимся, никуда не спешим…

Напряжение ушло с лица Клэр. Глаза не отрываются от доктора Монтегю. Приборы гудят. В комнате полумрак. Снаружи сияет солнце. Доктор Монтегю смотрит на экран и говорит:

– Скажи ей, что ты в порядке и она в порядке. Спой ей песенку.

– Альба, все хорошо, – тихо говорит Клэр. Смотрит на меня: – Расскажи стихотворение о любовниках на ковре.

В первый момент я не понимаю, о чем речь, затем вспоминаю. Чувствую себя неловко оттого, что буду читать Рильке перед всеми этими людьми, так что начинаю по-немецки:

– «Engel! Es ware ein Platz, den wir nicht wissen…»

– Расскажи на английском, – перебивает меня Клэр.

– Прости.

Меняю положение, чтобы сидеть около живота Клэр, спиной к Клариссе, медсестре и доктору; просовываю руку под кофту Клэр.

– Ангел! – говорю я Клэр, как будто мы в нашей постели, как будто всю ночь мы занимались менее примечательными вещами:

Ангелы! Было бы место, нам неизвестное, где бы
На коврике несказанном влюбленные изобразили
То, к чему здесь неспособные они, – виражи и фигуры,
Высокие, дерзкие в сердцебиении бурном,
Башни страсти своей, свои лестницы, что лишь друг
на друга,
Зыбкие, опирались там, где не было почвы, –
И смогли бы в кругу молчаливых
Бесчисленных зрителей – мертвых:
Бросили бы или нет мертвецы свои сбереженья –
Последние, скрытые, нам незнакомые, вечно
Действительные монеты блаженства –
Перед этой воистину наконец улыбнувшейся парой
На успокоенный

Коврик?[110]

– Вот так, – говорит доктор Монтегю, выключая монитор. – Все успокоились.

Она радостно нам улыбается и выплывает за дверь, следом идет сестра. Я случайно поднимаю глаза на анестезиолога. Его глаза ясно говорят: «Ну ты и тряпка!»

КЛЭР: Солнце поднимается, а я лежу неподвижно на незнакомой кровати в розовой комнате, в неведомой стране, моей утробе, и Альба ползет домой или из дома. Боль отступила, но я знаю, что ушла она недалеко, что она притаилась где-то за углом или под кроватью и выпрыгнет, когда я меньше всего буду ее ожидать. Схватки появляются и пропадают, отдаленные, заглушенные, как горсть колокольчиков, звучащих через туман. Генри лежит рядом со мной. Люди приходят и уходят. Кажется, сейчас вырвет, но нет. Кларисса дает мне колотый лед из пластикового стаканчика; на вкус он как лежалый снег. Я смотрю на трубки, красные лампочки на приборах и думаю о маме. Дышу. Генри смотрит на меня. Он выглядит напряженным и несчастным. Я опять начинаю беспокоиться, что он исчезнет.

– Все в порядке, – говорю я.

Он кивает. Гладит мой живот. Я потею. Здесь так жарко. Приходит сестра меня проведать. Эмит приходит меня проведать. Я одна с Альбой посреди всех этих людей. «Все в порядке, – говорю я ей. – Ты молодец, ты не делаешь мне больно». Генри встает и начинает ходить взад и вперед, пока я не прошу его остановиться. Ощущение такое, будто все мои органы становятся живыми существами, у каждого свои планы, все куда-то спешат. Альба пробивается через меня, как экскаватор через плоть и кости, мою плоть и мои кости, мои глубины. Я представляю себе, как она плывет через меня, как падает в тишину утреннего пруда, и вода расступается под ее весом. Представляю ее лицо и хочу скорее увидеть ее. Говорю анестезиологу, что хочу что-нибудь чувствовать. Постепенно затишье проходит, снова возвращается боль, но это другая боль. Хорошая. Идет время.

Идет время, и боль совершает возвратно-поступательные движения, как женщина гладит белье – водит утюгом туда и обратно, туда и обратно, по белой простыне. Эмит приходит и говорит, что пора, пора идти в родильную. Меня бреют, моют, кладут на каталку и везут по коридорам. Я смотрю, как пробегают назад огни на потолке, мы едем с Альбой навстречу друг другу, и Генри идет рядом с нами. В родильной все зеленое с белым. Пахнет чистящим средством, и я вспоминаю об Этте, и мне хочется увидеть ее, но она в Медоуларке; я поднимаю глаза на Генри, одетого во врачебный халат, и думаю, зачем мы здесь, мы должны быть дома, а потом чувствую, что Альба начинает прорываться, крутиться, и я машинально толкаю ее, и мы снова и снова делаем это, как в игре, как в песне. Кто-то говорит: «Эй, а куда отец делся?» Я оглядываюсь, Генри нет, и я думаю: черт его побери, нет, только не это, но Альба идет, Альба идет, и я вижу Генри, он появляется, потерянный, голый, но он здесь, здесь! Эмит говорит: «Sacre Dieu!»[111] – и потом: «О, показалась!» – и я толкаю Альбу, появляется ее голова, я трогаю ее руками, ее нежную, скользкую, влажную бархатную головку, и я толкаю снова и снова, и Альба вываливается Генри на руки, и кто-то говорит: «О!» – и я пуста, я свободна, я слышу звук, как на старой виниловой пластинке, когда игла попадает не в ту колею, и потом Альба начинает кричать, и вот она тут, кто-то кладет ее мне на живот, я смотрю на ее лицо, лицо Альбы, такое розовое, сморщенное, черные волосы, глаза слепо ищут, ручка шарит в воздухе; Альба прижимается к моей груди и замирает, измученная усилием и всем, что произошло.

Генри наклоняется ко мне, дотрагивается до ее лба и говорит:

– Альба.

---

[110] Перевод В. Микушевича.

[111] Святой боже! *(фр.)*

Позднее

КЛЭР: Первый вечер Альбы на этом свете. Я лежу на кровати в больничной палате, окруженная воздушными шарами, мягкими игрушками и цветами. На руках у меня Альба. Генри сидит по-турецки у меня в ногах и фотографирует нас. Альба только что закончила есть и теперь выдувает огромные пузыри из крошечного ротика и засыпает, маленький теплый комочек кожи и жидкости у меня на груди. У Генри кончается пленка, и он вынимает ее из фотоаппарата.

– Эй, – говорю я, внезапно вспомнив. – Куда ты исчез? Из родильной?

Генри смеется:

– Я надеялся, ты не заметила. Думал, что ты была так занята…

– Где ты был?

– Бродил среди ночи по своей начальной школе.

– Долго?

– О боже. Несколько часов. Начало светать, когда я вернулся. Там была зима, и отопление на ночь прикрутили. Сколько меня не было?

– Не уверена. Может, минут пять.

Генри качает головой.

– Я просто с ума сходил. Потому что бросил тебя, и я бродил кругами, как тигр в клетке, по коридорам Фрэнсиса Паркера… и я так… я чувствовал так… – Генри улыбается. – Но ведь в итоге все в порядке?

– Все хорошо, что хорошо кончается, – смеюсь я.

– Ты говоришь умней…[112]

Раздается негромкий стук в дверь, Генри кричит:

– Входите!

Входит Ричард и останавливается в нерешительности. Генри поворачивается и замирает:

– Папа… – Потом спрыгивает с кровати и говорит: – Заходи, садись.

Ричард принес цветы и маленького плюшевого медведя, которого Генри сажает к остальным на подоконник.

– Клэр, – говорит Ричард. – Я… тебя поздравляю.

Он придвигается ко мне.

– Эй, хочешь подержать ее? – тихо спрашивает Генри.

Ричард кивает, глядя на меня, ожидая согласия. Он выглядит так, будто не спал несколько суток. Рубашка мятая, от него пахнет потом и старым пивом, похоже на йод. Я улыбаюсь ему, хотя не думаю, что это хорошая мысль. Отдаю Генри Альбу, и он осторожно передает ее в неловкие руки Ричарда. Альба поворачивает круглое розовое лицо к лицу Ричарда, длинному, небритому, утыкается в его грудь и ищет сосок. Через секунду сдается, зевает и снова засыпает. Ричард улыбается. Я и забыла, как улыбка меняет его лицо.

– Она красавица, – говорит он мне и потом Генри: – Похожа на твою маму.

– Да, – кивает Генри. – Вот тебе и скрипачка. – Он улыбается. – На одном поколении природа отдохнула.

– Скрипачка? – Ричард смотрит на спящего ребенка: черные волосы, крошечные ручки, она крепко спит. Вряд ли кто-то меньше похож на скрипачку сейчас, чем Альба. – Скрипачка. – Он качает головой. – Откуда ты… А, не важно. Значит, ты скрипачка, так, малышка?

Альба высовывает кончик языка, и мы все смеемся.

– Ей понадобится учитель, когда подрастет, – говорю я.

---

[112] «Ты говоришь умней, чем полагаешь» (У. Шекспир. Как вам это понравится. Акт II, сц. 4. Пер. Т. Щепкиной-Куперник).

– Учитель? Да… Вы ведь не отдадите ее этим идиотам Судзуки, а?

– Э, – кашляет Генри. – На самом деле мы надеялись, что, если у тебя не будет других дел, ты…

Ричард встает. Как приятно видеть, что он понял, осознал, что кому-то нужен, что только он сможет выучить внучку так, как надо.

– Я буду так рад, – говорит он, и будущее Альбы разворачивается перед ней, как красная дорожка, и уходит, насколько хватает глаз.

11 сентября 2001 года, вторник (Клэр 30, Генри 38)

КЛЭР: Я просыпаюсь в 6:43, Генри в постели нет, Альбы в кроватке тоже. Груди болят. Между ног болит. Все болит. Очень осторожно вылезаю из постели и иду в ванную. Медленно прохожу по коридору, через столовую. Генри сидит в гостиной на диване, с Альбой на коленях, не глядя на маленький черно-белый телевизор. Звук привернут. Альба спит. Я сажусь рядом с ним, Генри обнимает меня.

– Почему ты не спишь? – спрашиваю я. – Кажется, ты сказал, что еще пару часов поспишь.

На экране улыбается ведущий прогноза погоды и показывает на спутниковую картинку Среднего Запада.

– Не мог уснуть. Хотел послушать, что в мире творится, пока все хорошо.

– О! – Я прислоняюсь к плечу Генри и закрываю глаза.

Когда открываю их опять, заканчивается реклама сотовых телефонов и появляется реклама воды в бутылках. Генри передает мне Альбу и встает. Через минуту слышу, как он готовит завтрак. Альба просыпается, я расстегиваю рубашку и кормлю ее. Соски болят. Смотрю телевизор. Светловолосый журналист, ведущий репортаж с места событий, что-то говорит мне улыбаясь. Он и другой журналист, женщина-азиатка, смеются и улыбаются мне. Здание мэрии, мэр Дейли отвечает на вопросы. Дремлю. Альба сосет. Генри приносит поднос с яйцами, тостами и апельсиновым соком. Хочу кофе. Генри тактично выпил свой в кухне, но я чувствую его кофейное дыхание. Он ставит поднос на журнальный столик и кладет тарелку мне на колени. Ем яйца, пока Альба сосет. Генри тостом подбирает остатки желтка. На экране дети катаются по траве, чтобы продемонстрировать эффективность какого-то моющего средства. Заканчиваем завтракать, и Альба заканчивает сосать. Вытираю ее отрыжку, Генри забирает посуду на кухню. Когда он возвращается, передаю ему ребенка и иду в ванную. Принимаю душ. Вода такая горячая, почти невыносимо, но для моего истерзанного тела это наслаждение. Вдыхаю пар, осторожно вытираю кожу, наношу бальзам на губы, груди, живот. Зеркало запотело, поэтому я не вижу себя. Расчесываю волосы. Надеваю домашние штаны и свитер. Я чувствую себя деформированной, опавшей. Генри сидит в гостиной, закрыв глаза, Альба сосет большой палец. Когда я сажусь на диван, Альба открывает глаза и издает мяукающий звук. Палец выпадает изо рта, и она выглядит озадаченной. По пустынному пейзажу едет джип. Генри выключил звук. Трет пальцами глаза. Я снова засыпаю.

Генри говорит:

– Просыпайся, Клэр.

Открываю глаза. Картинка на экране мечется из стороны в сторону. Белый горящий небоскреб. Самолет, как игрушечный, влетает во второй небоскреб. Беззвучно вскидывается пламя. Генри снова включает звук.

– Боже мой! – говорит голос в телевизоре. – Боже мой!

11 июня 2002 года, вторник (Клэр 31)

КЛЭР: Я рисую Альбу. Ей сейчас девять месяцев и пять дней. Она спит на спине, на голубом фланелевом одеяльце, лежащем поверх желто-красного китайского коврика в гостиной. Только что она закончила сосать молоко. Груди у меня легкие, почти что пустые. Альба так крепко спит, что я, не волнуясь, выхожу через заднюю дверь и иду через сад в мастерскую.

Минуту я стою в дверях, вдыхая слегка затхлый запах заброшенной мастерской. Затем листаю папки, нахожу листы цвета хурмы, которые выглядят как коровьи шкуры, беру несколько пастельных красок и другие причиндалы, планшет и ухожу (с небольшим уколом сожаления) обратно в дом.

Дом очень тих. Генри на работе (я надеюсь), и я слышу, как в подвале отжимает белье стиральная машина. Гудит кондиционер. С Линкольн-авеню доносится приглушенный шум автомобилей. Сажусь на коврик рядом с Альбой. Солнечная трапеция находится в нескольких дюймах от ее ступни. Через полчаса она до нее доползет.

Прикрепляю лист к планшету, раскладываю рядом с собой на коврике краски. Сидя с карандашом в руке, рассматриваю свою дочь.

Альба крепко спит. Грудная клетка поднимается и опускается медленно, и я слышу, что с каждым выдохом она немного всхрапывает. Интересно, ей не холодно? Мне здесь тепло, поздним июньским днем, а на Альбе только распашонка, и все. Она немного раскраснелась. Левая рука ритмично сжимается и разжимается. Может быть, ей снится музыка.

Начинаю набросок с повернутой ко мне головы. Я не думаю о рисунке. Рука скользит по бумаге, как игла сейсмографа, запечатлевая форму Альбы, которую я поглощаю глазами. Отмечаю то, как шея исчезает под складками детского жира на подбородке, как мягкая ямочка на коленках слегка сужается, когда она пинается – один раз и еще раз. Карандаш описывает выпуклость животика, исчезающего под распашонкой, которая резкой линией врезается в его округлость. Смотрю на листок, передвигаю ножки Альбы, перерисовываю складку, там, где правая рука соединяется с телом.

Начинаю наносить пастель. Сначала наброски белого – по крошечному носику, по левому боку, через суставы, распашонку, край левой ступни. Затем навожу тени, темно-зеленые и ультрамариновые. Глубокая тень пролегает у правого бока Альбы, где тело соприкасается с одеялом. Она словно лужа воды, и я оставляю ее однотонной. Теперь Альба на рисунке вдруг становится трехмерной, спрыгивает с листа.

Беру розовую пастель, светло-розовую, как внутренняя часть раковины, и темно-розовую, которая напоминает мне сырого тунца. Быстрыми мазками придаю коже цвет. Кажется, что кожа Альбы сокрыта в листе бумаги, и я освобождаю спрятанную в ней сущность. Поверх пастельной краски кладу холодный фиолетовый цвет, прорисовывая уши, нос и рот (рот слегка приоткрыт в форме крошечной буквы «о»). Густые черные волосы становятся на бумаге смесью синего, черного и красного. Вывожу брови, которые так похожи на мохнатых гусениц, заползших на лицо Альбы.

Теперь на Альбу падает свет. Она шевелится, прикладывает крошечную ручонку к глазам и вздыхает. Пишу ее имя, свое имя, ставлю дату внизу рисунка.

Рисунок готов. Он послужит записью: «Я любила тебя, я сделала тебя, и я сделала это для тебя, и это останется даже после того, как не будет меня, не будет Генри и даже не будет тебя. Я скажу: мы сделали тебя, и вот ты здесь, здесь и сейчас».

Альба открывает глаза и улыбается.

Секрет

12 октября 2003 года, воскресенье (Клэр 32, Генри 40)

КЛЭР: Это секрет: иногда я рада, когда Генри исчезает. Иногда я так рада побыть одна. Поздно ночью хожу по дому и дрожу от счастья не говорить, не дотрагиваться, а просто ходить, или сидеть, или принимать ванну. Иногда я лежу на полу в гостиной и слушаю *Fleetwood Mac, Bangles, B-52's, Eagles* – группы, которые Генри не выносит. Иногда ухожу на долгие прогулки с Альбой и не оставляю записку, где я. Иногда встречаюсь за кофе с Селией, и мы говорим о Генри, об Ингрид, Селия рассказывает, с кем нынче встречается. Иногда болтаюсь с Клариссой и Гомесом, и мы не говорим о Генри, нам неплохо вместе. Однажды я поехала в Мичиган; когда вернулась, Генри по-прежнему не было, и я так и не рассказала ему, где была. Иногда я вызываю няню и иду в кино или катаюсь допоздна на велосипеде по дорожке у пляжа Монтроз – без огней это все равно что летать.

Иногда я рада, когда Генри исчезает. Но я всегда рада, когда он возвращается.

Испытывая технические трудности

7 мая 2004 года, пятница (Генри 40, Клэр 32)

ГЕНРИ: Мы на открытии выставки Клэр в Чикагском культурном центре. Она работала без отдыха целый год: строила из проволоки огромные птичьи скелеты, обертывала их прозрачными лентами бумаги, покрывала природным лаком, добиваясь зеркального блеска. Теперь скульптуры висят под высоким потолком или припадают к земле. Некоторые из них механические, моторизированные: одни хлопают крылышками, два петушиных скелета медленно клюют друг друга в углу. Восьмифутовый голубь висит над входом.

Клэр измотана и сияет. На ней простое черное шелковое платье, волосы высоко заколоты. Люди принесли ей цветы; у нее в руках букет белых роз, рядом с книгой для гостей лежит гора завернутых в целлофан букетов. Очень много людей. Ходят вокруг, обсуждают каждую скульптуру, оборачиваются, чтобы посмотреть на летающих птиц. Все поздравляют Клэр. В сегодняшнем выпуске «Трибьюн» был восторженный отзыв. Здесь все наши друзья, и семья Клэр приехала из Мичигана. Теперь они толпятся вокруг Клэр: Филип, Алисия, Марк, Шерон, их дети, Нелли, Этта. Кларисса фотографирует их, и они все ей улыбаются. Когда она через несколько недель раздаст нам фотографии, я буду поражен, какие у Клэр синяки под глазами и какой худенькой она кажется.

Я держу Альбу за руку. Мы стоим у задней стены, подальше от толпы. Альба ничего не видит, потому что все очень высокие, и я сажаю ее на плечи. Она подпрыгивает.

Семья Клэр расходится, и Ли Джейкобс, арт-дилер, представляет ее очень хорошо одетой паре.

– Я хочу к маме, – говорит Альба.

– Мама занята, Альба. – Меня мутит. Наклоняюсь и ставлю Альбу на пол.

– *Нет*. Я хочу к *маме.*

Она обнимает меня за шею. Сажусь на пол и зажимаю голову между колен. Мне нужно найти место, где меня никто не увидит. Альба тянет меня за ухо.

– Не надо, Альба. – Осматриваюсь. Отец идет к нам через толпу. – Иди, – говорю я Альбе и немного подталкиваю. – Иди к дедушке.

– Я не хочу к дедушке, я хочу к *маме,* – начинает хныкать Альба.

Я ползу к отцу. Натыкаюсь на чьи-то ноги. Слышу, как Альба кричит: «Мама!» – и исчезаю.

КЛЭР: Вокруг полно людей. Все подходят ко мне, улыбаются. Я улыбаюсь в ответ. Выставка проходит великолепно, я сделала это, все получилось! Я так счастлива, но очень устала. Лицо болит от улыбки. Здесь все, кого я знаю. Я разговариваю с Селией, когда слышу в дальнем конце выставки шум, Альба кричит: «Мама!» Где Генри? Пытаюсь пробиться к Альбе через толпу. Затем вижу ее: она на руках у Ричарда. Люди расступаются, пропуская меня. Ричард передает мне Альбу. Она обнимает меня за шею, обхватывает ножками, зарывается лицом в плечо.

– Где папа? – тихо спрашиваю я.

– Исчез, – отвечает Альба.

Натюрморт

11 июля 2004 года, воскресенье (Клэр 33, Генри 41)

КЛЭР: Генри спит, весь ободранный, в запекшейся крови, на полу кухни. Я не хочу будить его или передвигать. Какое-то время сижу рядом на холодном линолеуме. Наконец встаю и готовлю кофе. Когда кофе начинает литься в чашку и гуща начинает булькать, Генри издает стон и прикладывает руки к глазам. Очевидно, его избили. Один глаз заплыл. Кажется, кровь идет из носа. Ран не вижу, только ярко-красные синяки размером с кулак по всему телу; он очень худой; я вижу позвоночник и ребра. Кости таза выступают, щеки ввалились. Волосы отросли почти до плеч, местами видны седые пряди. Руки и ноги в порезах, все тело искусано насекомыми. Он очень загорелый, грязный, под ногтями грязь, все тело в черных разводах. Пахнет от него травой, кровью и солью. Рассмотрев его и посидев рядом немного, решаю разбудить.

– Генри, – очень тихо говорю я. – Просыпайся, давай, ты дома…

Глажу его по лицу, очень нежно, и он открывает глаз. Он еще не совсем проснулся.

– Клэр, – бормочет он. – Клэр.

Слезы начинают течь из здорового глаза, Генри трясется от рыданий, и я притягиваю его себе на колени. Я плачу. Генри свернулся на моих коленях, на полу, мы трясемся вместе, раскачиваясь, раскачиваясь, выплакивая вместе наше облегчение и нашу тоску.

23 декабря 2004 года, четверг (Клэр 33, Генри 41)

КЛЭР: Завтра канун Рождества. Генри в «Уотер-Тауэр-Плейс», показывает Альбе Санту у «Маршалла Филда», пока я докупаю необходимое. Сейчас я сижу в кафе книжного магазина «Бордерс», пью капучино за столиком у окна и даю отдохнуть ногам; рядом со мной, прислоненная к ножке стула, стоит гора сумок с покупками. За окном наступают сумерки, крошечные белые огоньки очерчивают каждое дерево. Люди торопятся сделать последние покупки, бегут по Мичиган-авеню, и я слышу позади меня приглушенный звон колокольчика Санты из Армии спасения. Оборачиваюсь к магазину, ищу глазами Генри и Альбу, когда кто-то окликает меня. Ко мне идет Кендрик со своей женой Нэнси, Колином и Надей.

Я сразу понимаю, что они только что из «Шварца»: у них ошарашенный вид родителей, вырвавшихся из ада – магазина игрушек. Надя подбегает ко мне с воплями: «Тетя Клэр, тетя Клэр! Где Альба?» – Колин застенчиво улыбается и протягивает руку, чтобы показать мне свой желтый автомобиль на веревочке. Я поздравляю его и говорю Наде, что Альба в гостях у Санты, и Надя отвечает, что видела Санту на прошлой неделе.

– И что ты попросила у Санты? – интересуюсь я.

– Бойфренда, – отвечает Надя.

Ей три года. Я улыбаюсь Кендрику и Нэнси. Кендрик что-то говорит Нэнси вполголоса, и она заявляет:

– Ребята, пойдемте, нам нужно найти книгу для тети Сильвии.

Они втроем уносятся к столам, где книги со скидкой. Кендрик показывает на пустой стул напротив меня:

– Можно?

– Конечно.

Он садится и глубоко вздыхает:

– Ненавижу Рождество.

– И Генри тоже.

– Правда? Я не знал. – Кендрик прислоняется к окну и закрывает глаза. Только я думаю, что он и правда заснул, как он открывает глаза и спрашивает: – Генри принимает лекарства?

– Ну, думаю, да. То есть он старается, учитывая то, что в последнее время много перемещается.

– Насколько часто?

Кендрик стучит пальцами по столу.

– Каждую пару дней.

– Почему он мне не *рассказал* об этом? – гневно спрашивает Кендрик.

– Думаю, боится, что вы расстроитесь и откажетесь от него.

– Он единственный подопытный, который может *говорить,* и он ничего мне не рассказывает!

– Добро пожаловать в клуб! – смеюсь я.

– Я пытаюсь заниматься наукой. Мне нужно, чтобы он говорил мне, когда что-то не получается. В противном случае – мы просто ходим по кругу.

Я киваю. Снаружи идет снег.

– Клэр?

– Мм?

– Почему вы не хотите, чтобы я проверил ДНК Альбы?

Я сто раз говорила об этом с Генри.

– Потому что сначала вы просто захотите распознать маркеры в ее генах, и это нормально. Но потом начнете уговаривать меня с Генри разрешить пробовать на ней препараты – и это ненормально. Вот поэтому.

– Но она еще очень маленькая; у нее больше возможностей положительной реакции на препараты.

– Я сказала: *нет*. Когда Альбе будет восемнадцать, она сможет решить сама. А пока что все, что вы делали с Генри, – это кошмар.

Я не могу смотреть на Кендрика. Я говорю это своим рукам, плотно сжатым на столе.

– Но мы могли бы разработать для нее генную терапию…

– Люди *умирали* от генной терапии.

Кендрик молчит. Шум в магазине просто ужасный. Потом в общем шуме я слышу, как Альба кричит: «Мама!» Поднимаю глаза и вижу, что она сидит на плечах у Генри, вцепившись в его голову руками. На обоих енотовые шапки. Генри замечает Кендрика, на минуту его взгляд становится озабоченным, и мне интересно, какие секреты хранят от меня эти двое. Потом Генри улыбается и быстро идет к нам, Альба счастливо возвышается над толпой. Кендрик встает поприветствовать Генри, и я отбрасываю дурные мысли.

День рождения

24 мая 1989 года, среда (Генри 41, Клэр 18)

ГЕНРИ: Я возникаю в долине, скольжу боком по жесткой траве и оказываюсь у ног Клэр, грязный, в крови. Она сидит на камне, чопорная, в безукоризненно белом шелковом платье, белых чулках и туфлях и коротких белых перчатках.

– Привет, Генри, – говорит она, как будто я заглянул к ней на чашку чая.

– Что случилось? – спрашиваю я. – Ты выглядишь так, как будто собралась на первое причастие.

Клэр выпрямляет спину и говорит:

– Сегодня двадцать четвертое мая тысяча девятьсот восемьдесят девятого года.

Я быстро соображаю.

– С днем рождения. У тебя, случайно, не припасен для меня наряд от *Bee Gees*?

Не снизойдя до ответа, Клэр соскальзывает с камня и, протянув за него руку, вытаскивает чехол для костюма. Сияя, открывает молнию и достает смокинг, брюки, невероятно официальную рубашку, к которой нужны запонки. Появляется атташе-кейс, в нем белье, кушак, галстук-бабочка, запонки и гардения. Я серьезно встревожен и не знаю, что это значит. Пытаюсь вспомнить, что за дата.

– Клэр, мы ведь сегодня не женимся, ничего ужасного в этом роде, так? Я знаю, что у нас годовщина осенью. В октябре. В конце октября.

Клэр отворачивается, пока я одеваюсь.

– То есть ты не помнишь, когда у нас годовщина? Очень по-мужски.

– Дорогая, – вздыхаю я. – Ты знаешь, что я помню, просто прямо сейчас вспомнить не могу. Но в любом случае, с днем рождения.

– Мне восемнадцать.

– Боже мой, уже. Кажется, только вчера тебе было шесть.

Клэр заинтригована, как всегда при упоминании того, что я был недавно у другой Клэр, старше или моложе.

– Ты недавно видел меня, когда мне было шесть?

– Ну, прямо сейчас я лежал с тобой в постели, и ты читала «Эмму»[113]. Тебе было тридцать три. Мне сейчас сорок один, и я чувствую каждую минуту этих лет. – Я приглаживаю рукой волосы и провожу по щетинистой щеке. – Извини, Клэр, думаю, для твоего дня рождения я не слишком хорош. – Прикрепляю гардению к петлице смокинга и начинаю застегивать запонки. – Две недели назад я видел тебя, когда тебе было шесть. Ты нарисовала мне утку.

Клэр краснеет. Цвет разливается по ее щекам, как капля крови в чашке с молоком.

– Ты голоден? Я приготовила нам настоящий пир!

– Конечно голоден. Я изнемогаю, готов съесть слона и подумываю о людоедстве.

– Ну, прямо сейчас это не понадобится.

Что-то в ее тоне заставляет меня встрепенуться. Происходит что-то, чего я не знаю, а Клэр думает, что должен знать. Она буквально напевает от радости. Я размышляю над относительными преимуществами того, чтобы просто признать свое невежество или, может быть, продолжать притворяться осведомленным. Решаю пока не сознаваться. Клэр расстилает одеяло, которое потом превратится в нашу постель. Распаковывает сэндвичи, маленькие картон-

[113] Опубликованный в 1816 г. роман Джейн Остин (1775–1817).

ные стаканчики, столовое серебро, крекеры, крошечную баночку черной икры, печенье «Герлскаут», клубнику, бутылку «Каберне» с навороченной этикеткой, сыр бри, немного подтаявший, и бумажные тарелки.

– Клэр! Вино! Икра! – Я впечатлен, но почему-то не рад. Она вручает мне «Каберне» и штопор. – Хм, не думаю, что я об этом говорил, но вообще-то, пить мне нельзя. – У Клэр вытягивается лицо. – Но есть мне точно можно… Я притворюсь даже, что пью. В смысле, если это поможет. – Не могу отделаться от впечатления, что мы что-то затеваем. – Не знал, что ты пьешь. В смысле, спиртное. Ну, я почти никогда не видел, чтобы ты это делала.

– Ну, если честно, мне не нравится, но ради такого знаменательного события я решила, что вино не помешает. Может, шампанское было бы лучше, но в кладовке было это, и я принесла.

Открываю бутылку и разливаю по стаканчикам. Мы молча чокаемся. Делаю вид, что пью. Клэр делает большой глоток, с деловым видом причмокивает и говорит:

– Что ж, не так уж плохо.

– Такое вино стоит долларов двадцать.

– О. Ну, тогда это великолепно.

– Клэр. – (Она разворачивает сэндвичи из ржаного хлеба, в которых полно огурцов.) – Жутко не хочется выглядеть тупым… в смысле, у тебя день рождения…

– Восемнадцатилетие, – кивает Клэр.

– Ну да, начнем с того, что мне жутко неловко, что я без подарка…

Клэр с удивлением смотрит на меня, и я понимаю, что подобрался к цели, что в этом все дело.

– Но ты знаешь, что мне неизвестно, когда и где я появлюсь, и с собой я ничего взять не могу…

– Я все прекрасно понимаю. Но ты разве не помнишь, в прошлый раз мы все продумали, потому что в списке сегодня последний день, и к тому же мой день рождения. Разве не помнишь?

Клэр очень пристально смотрит на меня, как будто ее сосредоточенность поможет мне прочитать ее мысли.

– Нет. Я там еще не был. Наш разговор для меня пока в будущем. Интересно, почему я тебе тогда не сказал? В моем списке еще полно дат. Но сегодня правда последний раз? Знаешь, в настоящем мы встретимся через пару лет. И тогда уже не расстанемся.

– Но это так долго. Для меня.

Наступает неловкая пауза. Странно думать, что сейчас я в Чикаго, двадцатипятилетний, занимаюсь своими делами и ничего не знаю о существовании Клэр и о своем присутствии здесь, на прелестном лугу в Мичигане, прекрасным весенним днем, и сегодня ей исполняется восемнадцать. Пластмассовыми ножами мы намазываем икру на крекеры «Ритц». Какое-то время слышится только хруст огурцов, когда мы жадно поглощаем сэндвичи. Кажется, разговор увял. И потом мне в голову впервые приходит мысль: а что, если Клэр не совсем правдива со мной сейчас, точно зная, что я никогда не могу с уверенностью сказать: «Я никогда», потому что я *никогда* не могу точно рассказать о своем прошлом, ведь оно зачастую так некстати оказывается моим будущим? Мы переходим к клубнике.

– Клэр. – (Она улыбается невинной улыбкой.) – Что мы решили сделать – тогда, когда ты видела меня в прошлый раз? Что мы планировали на твой день рождения?

Она снова краснеет.

– Ну, вот это, – говорит она, указывая на пикник.

– А еще? То есть это, конечно, здорово, но…

– Ну да.

Я весь обращаюсь в слух и думаю, я знаю, что услышу.

– Да?

Клэр довольно сильно краснеет, но умудряется с достоинством заявить:

– Мы решили заняться любовью.

– А-а.

На самом деле меня всегда интересовал сексуальный опыт Клэр до 26 октября 1991 года, когда мы впервые встретились в моем настоящем. Несмотря на потрясающие провокации Клэр, я отказывался заниматься с ней любовью и проводил много часов, развлекаясь разговорами об этом и одновременно пытаясь игнорировать мучительную эрекцию. Но сегодня Клэр по закону, хотя, может, и не по ощущениям, взрослая, и конечно, я не могу продолжать мучить ее… Я уже и так своим присутствием устроил ей невероятное детство. Сколько еще девочек с завидным постоянством видели своего будущего мужа абсолютно голым? Клэр наблюдает за мной, а я думаю. Думаю о первом разе, когда занимался любовью с Клэр, и мне интересно, был ли это первый раз, когда *она* занималась любовью со мной. Решаю спросить ее об этом там, в настоящем. Тем временем Клэр убирает следы пиршества в корзинку.

– Ну?

«Да какого черта?»

– Да.

Клэр обрадована и напугана.

– Генри, ты занимался любовью со мной много раз…

– Много, много раз.

Она никак не может решиться.

– И это всегда было прекрасно, – говорю я ей. – Это самая прекрасная вещь в моей жизни.

Сказав это, я внезапно начинаю нервничать. Я чувствую ответственность, как будто я Гумберт Гумберт, и за мной наблюдают много людей, и все они – Клэр. Никогда не чувствовал себя менее сексуальным. Ладно. Глубокий вздох.

– Я тебя люблю.

Мы оба встаем, немного покачиваясь на неровной поверхности одеяла. Развожу в стороны руки, и Клэр придвигается ко мне. Мы стоим неподвижно, обнявшись, как невеста с женихом на верхушке свадебного торта. В конце концов, это Клэр, пришедшая ко мне, сорокаоднолетнему, почти такая, какой я впервые встретил ее. Страха нет. Она отводит голову назад. Наклоняюсь и целую ее.

– Клэр.

– Мм?

– Ты абсолютно уверена, что мы тут одни?

– Все, кроме Этты и Нелли, в Каламазу.

– Потому что я чувствую себя как в программе «Скрытая камера».

– Паранойя. Это ужасно.

– Не обращай внимания.

– Мы можем пойти в мою комнату.

– Слишком опасно. Господи, прямо как в школе.

– Что?

– Ничего.

Клэр делает шаг назад и расстегивает молнию на платье. Стаскивает его через голову и поразительно равнодушно бросает на одеяло. Снимает туфли, стаскивает чулки. Расстегивает лифчик, сбрасывает его и снимает трусики. И стоит передо мной абсолютно голая. Это похоже на чудо: все маленькие отметины, которые я так полюбил, исчезли; живот плоский, ни следа от беременностей, которые принесут нам столько страданий и столько радости. Эта Клэр стройнее и гораздо более оживленная, чем Клэр, которую я люблю в настоящем. Я снова понимаю, сколько грусти мы пережили. Но сегодня всего этого волшебным образом нет; сегодня мы

так близки к возможному счастью. Становлюсь на колени, и Клэр подходит ближе. Прижимаюсь лицом к ее животу и поднимаю глаза; Клэр возвышается надо мной, запустив руки в мои волосы, над ней безоблачное голубое небо.

Стаскиваю пиджак и расстегиваю галстук. Клэр тоже становится на колени, и мы ловко расстегиваем запонки, с сосредоточенностью группы коммандос. Снимаю брюки и трусы. Это невозможно сделать красиво. Интересно, как с этой проблемой справляются стриптизеры. Или они просто прыгают по сцене, сначала на одной ноге, потом на другой?

Клэр смеется:

– Никогда не видела, как ты *раздеваешься*. Зрелище так себе.

– Ах так? Иди сюда, и я сотру эту усмешку с твоего лица.

– Ах так…

С гордостью могу сказать, что в следующие пятнадцать минут я на самом деле стер с лица Клэр все следы превосходства. К сожалению, она становится все более и более напряженной, начинает… защищаться. Через четырнадцать лет и бог знает сколько часов и дней, проведенных в счастливых, волнующих, настойчивых, томных занятиях любовью с Клэр, мне это совершенно незнакомо. Я хочу, если это вообще возможно, чтобы она испытала удивление, которое испытал я, встретившись с ней, когда мы занимались любовью, как я думал (ну и наивный), в первый раз. Я сажусь, тяжело дыша. Клэр тоже садится, обнимает руками колени, закрываясь.

– Ты как?

– Мне страшно.

– Это нормально. – Я размышляю. – Клянусь, что в следующий раз, когда мы встретимся, ты меня практически изнасилуешь. Я хочу сказать, у тебя невиданный талант в этом деле.

– Правда?

– Ты просто пожар. – Шарю в корзине с продуктами: стаканчики, вино, презервативы, полотенца. – Умница. – Наливаю нам еще вина в стаканчики. – За невинность. «Коль божий мир на больший срок нам щедрый выделил бы рок…»[114] Пей до дна.

Она подчиняется послушно, как маленький ребенок, которому дают лекарство. Наполняю ее стаканчик еще раз и допиваю свой.

– Но ты же не должен пить.

– Это знаменательное событие. До дна. – Клэр весит около ста двадцати фунтов, но эти стаканчики просто смешные. – Еще один.

– Еще? Я спать захочу.

– Ты расслабишься.

Она проглатывает вино. Сминаем стаканчики и бросаем их в корзину. Ложусь на спину, раскинув руки, как на пляже или на кресте. Клэр вытягивается рядом со мной. Обнимаю ее и поворачиваю лицом к себе. Ее волосы рассыпаются по плечам и груди очень красиво и трогательно, я в который раз жалею, что не художник.

– Клэр?

– Мм?

– Представь, что ты открыта, пуста. Что кто-то взял и забрал все, что у тебя там было, оставив только нервные окончания. – Я прикладываю кончик указательного пальца к ее клитору.

– Бедная маленькая Клэр. Без внутренностей.

– Да, но это хорошо, потому что видишь, теперь там есть лишнее место. Подумай, что бы ты могла положить туда, если бы там не было всяких дурацких почек, желудка, поджелудочной и так далее?

– Например?

---

[114] См. примеч. к с. 207.

Она очень мокрая. Убираю руку и осторожно разрываю зубами пакет с презервативом, этот трюк я не выполнял несколько лет.

– Кенгурят. Тостеры. Мужские половые члены.

Клэр берет у меня презерватив с изумленным отвращением, разворачивает его и нюхает.

– Фу! Это обязательно?

Я часто отказываюсь отвечать на ее вопросы, но никогда не вру. И сейчас, говоря: «Боюсь, да», я чувствую себя виноватым. Забираю у нее презерватив, но вместо того, чтобы надеть, думаю, что лучше заняться оральным сексом. Клэр в будущем просто с ума от него сходит и готова ради него на все – прыгать до потолка или мыть посуду не в свою очередь. Если бы оральный секс был олимпийским видом спорта, я бы получил медаль, точно говорю.

Раскрываю ее и провожу языком по клитору.

– *Боже* мой, – низким голосом говорит Клэр. – Господи боже мой.

– Не кричать, – предупреждаю я.

Даже Этта и Нелли прибегут на поляну узнать, что случилось, если Клэр начнет кричать. В последующие пятнадцать минут я провожу Клэр на несколько ступенек ниже по эволюционной лестнице, пока она не начинает напоминать существо, состоящее из одних нервных окончаний. Надеваю презерватив и медленно, осторожно вхожу в Клэр, представляя себе, как там все ломается и меня заливает кровью. Глаза у нее закрыты, кажется, она не осознает, что я внутри, хотя я лежу прямо на ней; но потом она открывает глаза и улыбается улыбкой победительницы, блаженной улыбкой.

Кончаю довольно быстро; Клэр смотрит на меня сосредоточенно, и когда я кончаю, вижу на ее лице удивление. Как странно. Что за странные вещи мы, животные, делаем. Я падаю на нее. Мы оба мокрые. Чувствую, как бьется ее сердце. Или, может, мое.

Осторожно выхожу из нее и избавляюсь от презерватива. Мы лежим рядом, глядя в очень голубое небо. Ветер, трава шумит, как море. Я смотрю на Клэр. Она выглядит немного ошеломленной.

– Эй, Клэр!

– Эй! – слабо говорит она.

– Больно было?

– Да.

– Тебе понравилось?

– О да, – говорит она и начинает плакать.

Мы садимся, я обнимаю ее. Она вся трясется.

– Клэр. Клэр. Что случилось?

Поначалу не могу добиться от нее ответа, потом она говорит:

– Ты уйдешь. Я тебя теперь не увижу годы и годы.

– Всего два года. Два года и несколько месяцев. – (Она сидит тихо.) – О Клэр. Прости. Но я ничего не могу сделать. Забавно, потому что я лежал сейчас и думал, какой сегодня чудный день. Быть здесь с тобой, заниматься любовью – вместо того чтобы убегать от придурков, или замерзать до смерти где-нибудь в сарае, или делать что-то еще, что мне приходится. И когда я вернусь, я буду с тобой. А сегодня все чудесно.

Она неуверенно улыбается. Я целую ее.

– Почему мне всегда приходится ждать?

– Потому что у тебя идеальная ДНК и тебя не бросает во времени, как горячую картошку. К тому же терпение – это добродетель. – (Клэр слегка бьет меня кулаком в грудь.) – И потом, ты знала меня всю жизнь, а я тебя встречу, когда мне будет двадцать восемь. Поэтому я проведу все эти годы, не зная тебя…

– Трахая других женщин.

– Ну да. Но я же не знал, что это просто практика перед встречей с тобой. Было очень одиноко и очень странно. Если не веришь мне, попробуй сама. Я никогда не узнаю. Когда ничего особого не чувствуешь, это совсем по-другому.

– Я не хочу больше никого.

– Хорошо.

– Генри, ну подскажи мне. Где ты живешь? Где мы встретимся? Когда?

– Одна подсказка: Чикаго.

– Еще.

– Верь. Это будет.

– Мы счастливы?

– Часто мы не в себе от счастья. И также мы очень несчастливы по причинам, с которыми не можем бороться. Например, когда не вместе.

– То есть все время, пока ты здесь со мной, там ты не со мной?

– Ну, не совсем. Иногда меня нет минут десять. Или десять дней. Угадать нельзя. И тебе от этого трудно. И еще: иногда я попадаю в опасные переделки и возвращаюсь к тебе весь разбитый, и ты беспокоишься, когда я исчезаю. Все равно что быть женой копа.

Я устал. Интересно, сколько мне лет на самом деле. По календарю мне сорок один, но, возможно, из-за всех этих приходов и уходов мне лет сорок пять – сорок шесть. Или, может, тридцать девять. Кто знает? Я что-то должен сказать ей. Что же?

– Клэр?

– Генри?

– Когда мы увидимся снова, помни, что я тебя не узнаю; не расстраивайся, когда увидишь меня, а я отнесусь к тебе как к абсолютно незнакомому человеку, потому что для меня ты такой и будешь. И пожалуйста, не вываливай на меня все сразу. Пощади, Клэр.

– Хорошо! О Генри, не уходи!

– Шш! Я побуду с тобой.

Мы снова ложимся. Утомление проникает глубже, и через минуту я исчезну.

– Я люблю тебя, Генри. Спасибо за… подарок.

– И я люблю тебя, Клэр. Будь хорошей девочкой.

Я исчезаю.

Секрет

10 февраля 2005 года, четверг (Клэр 33, Генри 41)

КЛЭР: Сейчас день, четверг, я в мастерской делаю светло-желтую козо. Генри нет уже почти сутки, и, как обычно, я разрываюсь между мыслями о том, где он и что с ним, злостью из-за того, что его нет, и беспокойством о том, когда он вернется. Работе это не помогает, я испортила кучу листов; выкидываю их обратно в бак. Наконец решаю отдохнуть и наливаю себе кофе. В мастерской холодно, и вода в баке должна быть холодной, хотя я чуть-чуть ее подогрела, чтобы пальцы не растрескались. Обхватываю ладонями керамическую чашку. Из нее валит пар. Прикладываю к ней лицо, вдыхаю влагу и запах кофе. И потом, слава богу, слышу, как Генри напевает, проходя в мастерскую по дорожке через сад. Он обивает с ботинок снег и отряхивает пальто. Выглядит великолепно, действительно счастливым. У меня начинает бешено стучать сердце, и я выпаливаю с бухты-барахты:

– Двадцать четвертое мая восемьдесят девятого?

– *Да,* о да!

Генри сгребает меня в охапку, с мокрым фартуком, высокими сапогами, и кружит. Теперь я смеюсь, мы оба смеемся. Генри светится от восторга.

– Почему ты мне *не сказала*? Я бы тогда не думал все эти годы. Мегера! Распутница! – Он кусает меня за шею и щекочет.

– Но ты не знал, поэтому я не сказала.

– О! Хорошо. Господи, ты была потрясающа. – Мы сидим на старом продавленном диване в мастерской. – Мы тут можем включить отопление?

– Конечно.

Генри подскакивает и переключает термостат. Начинает работать печь.

– Сколько меня не было?

– Почти целый день.

– Но дело того стоило? – вздыхает Генри. – День волнения за несколько восхитительных часов?

– Да. Это был один из лучших дней в моей жизни.

Я замолкаю, вспоминая. Я часто вспоминаю лицо Генри надо мною, в окружении голубого неба, и чувство, что он во мне. Я думаю об этом, когда он исчезает и когда мне трудно заснуть.

– Расскажи…

– Мм?

Мы сидим в обнимку, для тепла, для уверенности.

– Что случилось, когда я ушел?

– Я собрала все, привела себя в более или менее приличный вид и пошла обратно в дом. Поднялась наверх, никого не встретив, и залезла в ванну. Через какое-то время Этта начала стучать в дверь, чтобы узнать, почему это я сижу в ванне посреди белого дня, и я сказала, что чувствую себя неважно. Так оно и было… в своем роде. Все лето я провела, слоняясь без цели, много спала. Читала. Я вроде как ушла в себя. Писала тебе письма. Жгла их. На некоторое время бросила есть, и мама потащила меня к терапевту, и я опять начала есть. В конце августа родители сказали мне, что если я не «воспряну духом», то в институт осенью не пойду, и я быстренько воспрянула, потому что единственной целью тогда для меня было выбраться из дома и поехать в Чикаго. Учиться было классно; что-то новое, у меня была квартира, и я

полюбила город. Мне было о чем подумать, кроме того, что я не знала, где ты и как тебя найти. Но к тому времени, когда я тебя встретила, я была уже в порядке: у меня была работа, друзья, поклонники…

– Да?

– Конечно.

– И ты с ними… встречалась?

– Ну да. Встречалась. Дух исследования… И потом, время от времени я бесилась, что ты где-то там встречаешься с другими женщинами. Но это было что-то вроде черной комедии. Я куда-нибудь шла с замечательным мальчиком из колледжа и весь вечер думала о том, как это все скучно и несерьезно, и смотрела на часы. Перестала ходить с ними где-то после пятой попытки, потому что видела, что ужасно раздражаю их. Кто-то в колледже пустил слух, что я лесбиянка, и у меня появилась куча поклонниц.

– Да, представляю тебя лесбиянкой.

– Так, веди себя прилично, не то такой и стану.

– Я всегда хотел быть лесбиянкой. – Генри выглядит сонно, глаза полуприкрыты; это нечестно, когда я вся завелась и готова прыгнуть на него. Он зевает и продолжает: – Ну да ладно, не в этой жизни. Слишком много хирургии.

В голове я слышу голос отца Комптона за решеткой исповедальни, он тихо спрашивает, хочу ли я в чем-нибудь покаяться. Нет, твердо отвечаю я. Не хочу. Это была ошибка. Я была пьяна, и это не считается. Добрый отец вздыхает и задергивает занавеску. Исповедь окончена. Моя епитимья – лгать Генри из-за этой ошибки, пока мы оба живы. Смотрю на него, счастливо дремлющего, удовлетворенного мною, только молодой, и представляю себе Гомеса, спящего, в спальне, утром. Картинка вспыхивает в памяти. Это была ошибка, Генри, без слов говорю я ему. Я ждала, меня подловили, только однажды. Скажи ему, говорит отец Комптон или еще кто-то в моей голове. Я не могу, отвечаю я. Он возненавидит меня.

– Эй, – нежно говорит Генри. – Ты где?

– Думаю.

– Ты такая грустная.

– Тебя никогда не беспокоит, что все самое лучшее уже случилось?

– Нет. Ну, немного, но это не то, о чем ты думаешь. Я по-прежнему иду через время, о котором ты вспоминаешь, поэтому для меня оно еще не прошло. Меня беспокоит, что мы здесь и сейчас не так внимательны. То есть когда перемещаешься во времени, это вроде как измененное состояние сознания, поэтому… все ощущается острее, когда я там, и почему-то те события кажутся важнее, и иногда я думаю, что, если бы я мог так же ощущать здесь и сейчас, все было бы гораздо лучше. Но недавно были классные события.

Он улыбается такой жизнерадостной прекрасной улыбкой, такой невинной, что я возвращаю свою вину обратно, в маленькую коробочку, где храню ее свернутой, как парашют.

– Альба.

– Альба само совершенство. И ты само совершенство. Как бы я тебя ни любил тогда, эта совместная жизнь и то, что мы знаем друг друга…

– В горе и в радости…

– То, что есть тяжелые времена, делает это более реальным. Это та реальность, которая нужна мне.

«Скажи ему, скажи ему».

– Даже реальность может быть ужасно нереальной…

«Если я хочу сказать, сейчас самое время. Он ждет. Я просто… не могу».

– Клэр?

Я жалко смотрю на него, как ребенок, пойманный на лжи, и потом говорю, почти неслышно:

– Я тебе изменила.

У Генри мертвеет лицо, он не верит.

– С кем? – спрашивает он, не глядя на меня.

– С Гомесом.

– Почему? – Генри замирает, ожидая удара.

– Я была пьяная. Это случилось на вечеринке, Кларисса была в Бостоне…

– Подожди. Когда это было?

– В девяностом году.

Он начинает смеяться:

– О боже. Клэр, черт, не делай так больше. «В девяностом году». Господи, я думал, ты скажешь, что это было, ну, неделю назад.

Я слабо улыбаюсь. Он продолжает:

– Не то чтобы меня это сильно радовало, но, раз уж я сам только что сказал тебе, что ты можешь встречаться с другими и экспериментировать, не могу же я… не знаю.

Его одолевает беспокойство. Он встает и начинает ходить по мастерской. Я ушам своим не верю. Пятнадцать лет я обмирала от ужаса, что Гомес ему расскажет, проявив свою нечеловеческую бестактность, – а Генри все равно. Или нет?

– И как это было? – спрашивает он довольно буднично, стоя спиной ко мне у кофеварки.

Осторожно подбираю слова:

– По-другому. В смысле, не хочу обижать Гомеса…

– Ой, да ладно тебе.

– Ну, я была как посудная лавка, а он – как бык.

– Он больше меня, – заявляет Генри категоричным тоном.

– Не знаю уж, как сейчас, но тогда никакого изящества в нем не было. Вообще-то, он курил, когда трахал меня. – Генри морщится. Я встаю и подхожу к нему. – Прости. Это была ошибка. – Он притягивает меня к себе, и я говорю тихо, в его воротник: – Я ждала очень терпеливо… – Не могу продолжать.

Генри гладит меня по волосам.

– Все в порядке, Клэр. Все не так уж плохо.

«Интересно, сравнивает ли он ту Клэр, с которой только что был, из восемьдесят девятого года, со мной теперешней, которую обнимает».

И как будто читая мои мысли, он спрашивает:

– Еще сюрпризы будут?

– Нет.

– Ну ты и умеешь хранить секреты!

Мы смотрим друг на друга, и я могу сказать, что изменилась в его глазах.

– Это заставило меня понять… заставило ценить…

– Ты пытаешься сказать мне, что я в сравнении не проиграл?

– Да.

Я осторожно целую его, и через секунду колебаний Генри начинает целовать меня, и очень скоро у нас все как прежде. Лучше, чем просто хорошо. Я ему рассказала, но все в порядке, он по-прежнему любит меня. Все мое тело кажется легче, и я вздыхаю от радости признания, наконец это случилось, и даже без епитимьи, никаких «Аве Мария» и «Патер ностер». Ощущение такое, как будто я разбила машину в хлам, а на самой – ни царапины. Там, где-то там, на поляне, мы с Генри занимаемся любовью на зеленом одеяле, и Гомес глядит на меня сонно и протягивает ко мне свои огромные руки, и все, все происходит сейчас, но уже, как всегда, слишком поздно что-то менять, и мы с Генри открываем друг друга на диване в мастерской, как нераспечатанные коробки конфет, и еще не слишком поздно, по крайней мере *пока* не поздно.

14 апреля 1990 года, суббота
(Клэр 18)
(6:43 утра)

КЛЭР: Открываю глаза и не понимаю, где я. Запах табака. Вьетнамские жалюзи отбрасывают тень на потрескавшуюся желтую стену. Поворачиваю голову – рядом со мной в своей постели спит Гомес. Внезапно я все вспоминаю и впадаю в панику.

Генри. Генри меня убьет. Кларисса меня возненавидит. Я сажусь. Комната Гомеса – свалка из переполненных пепельниц, одежды, юридической литературы, газет, грязных тарелок. Моя одежда лежит маленькой обвиняющей кучкой на полу возле меня.

Гомес преспокойно спит. И совсем не похож на парня, который только что изменил своей девушке с ее лучшей подружкой. Светлые волосы разбросаны, так странно и непохоже на его обычную аккуратную прическу. Он выглядит как мальчишка-переросток, уставший от избытка мальчишеских игр. У меня стучит в голове. Внутренности дрожат, как будто меня избили. Я встаю, покачиваясь, и иду по коридору в ванную, сырую, в плесени, заполненную бритвенными принадлежностями и влажными полотенцами. Оказавшись в ванной, не знаю, зачем пришла. Писаю, умываюсь жестким обмылком и гляжу в зеркало: не изменилась ли я, не поймет ли Генри, что я натворила, только увидев меня… Выгляжу я отвратительно, но вообще-то, мало чем отличаюсь от себя обычной в семь утра.

В доме тихо. Где-то тикают часы. Гомес живет в квартире с двумя другими парнями, тоже с юридического. Не хочу на кого-нибудь натолкнуться. Возвращаюсь в комнату Гомеса и сажусь на кровать.

– Доброе утро. – Гомес улыбается и протягивает ко мне руки; отпрянув, я ударяюсь в плач. – Черт! Котенок! Клэр, тихо, тихо, детка…

Он вылезает из-под одеяла, и вскоре я рыдаю в его объятиях. Я думаю обо всех моментах, когда плакала на плече Генри. «Где ты? – отчаянно спрашиваю я. – Ты мне нужен, здесь и сейчас». Гомес снова и снова повторяет мое имя. Что я здесь делаю, голая, плачу в объятиях такого же голого Гомеса? Он протягивает руку и дает мне пачку носовых платков. Я сморкаюсь, вытираю глаза и гляжу на него с беспредельным отчаянием, он смотрит на меня в смущении.

– Все в порядке?

Нет. О каком порядке может идти речь?

– Да.

– Что случилось?

Пожимаю плечами. Гомес начинает говорить, как будто я – свидетель на перекрестном допросе.

– Клэр, ты раньше с кем-нибудь спала? – (Я киваю.) – Дело в Клариссе? Ты так себя чувствуешь из-за нее? – (Я киваю.) – Я что-то сделал не так? – (Качаю головой.) – Клэр, кто такой Генри?

Смотрю на него непонимающе.

– Откуда ты знаешь?..

Ну вот, попалась. Сукин сын. Черт.

Гомес наклоняется и достает из тумбочки сигареты, прикуривает. Задувает спичку и делает глубокую затяжку. С сигаретой в руке он выглядит почему-то более… одетым, хотя по-прежнему голый. Молча предлагает мне сигарету, и я беру ее, хотя не курю. Просто мне нужно время подумать, решить, что сказать. Дает мне прикурить, встает, шарит в кладовке, находит голубой купальный халат, не очень чистый, и дает мне. Надеваю его; халат велик. Сижу на постели, курю и смотрю, как Гомес надевает джинсы. Даже в таком ужасном состоянии я отмечаю, что он красив: высокий, широкий в плечах и… большой, совсем другая красота,

нежели гибкая, кошачья, безудержная красота Генри. Тут же ужасаюсь себе, оттого что сравниваю. Гомес ставит рядом со мной пепельницу, садится на кровать и смотрит на меня.

– Ты разговаривала во сне и говорила с Генри.

Черт! Черт!

– Что я сказала?

– В основном просто повторяла «Генри», как будто звала его. И еще – «прости». И один раз сказала: «Ну, тебя же здесь не было». И вроде как сердилась. Кто такой Генри?

– Мой любовник.

– Клэр, у тебя нет любовника. Мы с Клариссой видим тебя почти каждый день уже полгода, и ты ни с кем не встречаешься, тебе даже никто не звонит.

– Генри мой любовник. Просто он уехал и вернется осенью девяносто первого.

– Где он?

Где-то неподалеку.

– Не знаю.

Гомес считает, что я все придумала. Не знаю почему, но я решаю заставить его мне поверить. Беру сумочку, открываю кошелек и показываю Гомесу фотографию Генри. Он внимательно ее изучает.

– Я видел этого парня. Ну нет, похожего на него. Этот слишком стар. Но того парня тоже звали Генри.

Ощущение такое, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. Стараюсь как можно равнодушнее спросить:

– Где ты его видел?

– В клубах. В «Экзите» и «Смарт-баре», в основном. Но не могу представить, что это твой парень; он псих. Куда ни ступит – там тут же полный хаос. Он алкоголик, и он просто… Не знаю, он просто жутко обходится с женщинами. По крайней мере, я такое слышал.

– Бьет их?

Не могу представить себе, чтобы Генри ударил женщину.

– Нет. Не знаю.

– Как его фамилия?

– Не знаю. Слушай, котенок, этот парень разжует тебя и выплюнет… он не тот, кто тебе нужен.

Я улыбаюсь. Он именно тот, кто мне нужен, но я знаю, что бесполезно шарить по ночным клубам и пытаться найти его.

– А кто мне нужен?

– Я. Только вот тебе так не кажется.

– У тебя есть Кларисса. Что ты хочешь от меня?

– Я просто хочу тебя. Не знаю почему.

– Ты мормон, что ли?

Гомес смотрит очень серьезно:

– Клэр, я… послушай, Клэр…

– Не говори этого.

– Правда, я…

– Нет. Я не хочу этого знать.

Встаю, гашу сигарету и начинаю одеваться. Гомес сидит очень тихо и смотрит, как я одеваюсь. Я чувствую тошноту, смущение и грязь, надевая вчерашнее вечернее платье на глазах у Гомеса, но стараюсь этого не показать. Не могу справиться с длинной молнией, и Гомес мрачно помогает мне.

– Клэр, не злись.

– Я не злюсь на тебя. Я злюсь на себя.

– Наверное, этот парень – действительно что-то, если он может уйти от тебя на два года и думать, что ты будешь ждать.

Я улыбаюсь Гомесу.

– Он *потрясающий*. – Вижу, что обидела его этим. – Гомес, прости. Если бы я была свободна и если бы ты был свободен… – Гомес качает головой и, прежде чем я успеваю опомниться, целует меня. Я отвечаю, и на секунду мелькает мысль… – Мне нужно идти, Гомес.

Он кивает.

Я ухожу.

27 апреля 1990 года, пятница (Генри 26)

ГЕНРИ: Мы с Ингрид в театре «Ривьера», отрываемся под сладкозвучные рулады Игги Попа. Мы всегда счастливы вместе, когда танцуем, или трахаемся, или делаем что-то еще, что предполагает физическую активность, а не разговор. Прямо сейчас мы в раю. Мы прямо под сценой, и мистер Поп направляет на нас всю свою сумасшедшую энергию. Я как-то сказал Инг, что она танцует как немка, и ей это не понравилось, хотя это правда: она танцует серьезно, как будто жизнь ее зависит от равновесия, как будто точные па в танце могут спасти голодающих детей в Индии. Это здорово. Игги ревет: «Зову сестру ночь: я без ума от тебя», и я точно знаю, что он чувствует. В такие моменты я понимаю, зачем я с Ингрид, и мы слэмуем под «Lust for Life», «China Doll», «Funtime» как наскипидаренные. Мы приняли столько спида[115], что можем улететь на Плутон; и у меня очень странное, неземное чувство и глубокое убеждение, что я мог бы делать это, быть здесь, всю свою жизнь и был бы абсолютно счастлив. Ингрид вся потная. Футболка прилипла к телу так привлекательно и интригующе, что мне хочется стащить ее, но я сдерживаюсь, потому что на ней нет лифчика, и она меня просто убьет. Мы танцуем, Игги поет, и, как это ни грустно, после трех выходов на бис концерт неизбежно заканчивается. Я чувствую себя потрясающе. Когда мы выходим в толпе таких же восторженных фанатов и взлохмаченных танцоров, я раздумываю, что делать дальше. Ингрид пристраивается в хвост длинной очереди в женский туалет, а я жду ее на Бродвее. Смотрю, как яппи в «БМВ» спорит со служащим парковки насчет своего права стоять здесь, когда ко мне подходит здоровый светловолосый парень.

– Генри? – спрашивает он.

Раздумываю над тем, кто он такой и не собирается ли вручить мне повестку в суд.

– Да?

– Клэр передает привет.

«Черт, кто такая Клэр?»

– Извини, ошибка.

Подходит Ингрид, которая снова выглядит как девушка Бонда. Оценивает этого парня, прекрасного представителя породы самцов. Я обнимаю ее.

Парень улыбается:

– Извини. Наверное, у тебя здесь двойник.

У меня сжимается сердце; происходит что-то, чего я не понимаю, в мое настоящее просачивается мое будущее, но сейчас не до выяснений. Кажется, он доволен чем-то, извиняется и уходит.

– В чем дело? – спрашивает Ингрид.

– Думаю, он меня с кем-то перепутал, – пожимаю я плечами.

---

[115] Speed, т. е. «скорость», – наркотик амфетаминовой группы.

Ингрид выглядит обеспокоенной. Кажется, все во мне беспокоит Ингрид, поэтому я не обращаю внимания.

– Эй, Инг, куда мы теперь?

Ощущение такое, что я сейчас запросто перепрыгну небоскреб.

– Может, ко мне?

– Класс.

Останавливаемся у «Марджис Кендис» купить мороженого и вскоре едем в машине, напевая: «Но-овое вишнё-ёвое моро-оженое!» – и смеясь, как расшалившиеся дети. Позднее, в постели с Ингрид, я думаю о том, кто такая Клэр, и понимаю, что вряд ли найду ответ, – и забываю об этом.

18 февраля 2005 года, пятница (Генри 41, Клэр 33)

ГЕНРИ: Я иду с Клариссой в оперу на «Тристана и Изольду». С Клариссой, а не с Клэр, потому что Клэр тошнит от Вагнера. Я тоже не большой его поклонник, но у нас абонементы, и я решаю, почему бы не пойти. Мы обсуждали это как-то вечером у Клариссы и Гомеса, и Кларисса с тоской сказала, что никогда не была в опере. В результате мы с Клариссой выбираемся из такси напротив Лирик-оперы, а Клэр дома, занимается Альбой и играет в «скрэббл» с Алисией, которая гостит у нас на этой неделе.

На самом деле в оперу мне не хочется. Когда я заехал за Клариссой сегодня, Гомес мне подмигнул и сказал своим коронным глупым родительским голосом: «Сынок, долго ее не катай!» Не помню, когда мы с Клариссой последний раз были где-то вдвоем. Она мне нравится, очень, но говорить мне с ней, в общем-то, не о чем.

Я провожу Клариссу через толпу. Она идет медленно, наслаждаясь великолепным холлом, мраморными сияющими галереями, набитыми элегантными богачами и студентами в искусственных мехах и с проколотыми носами. Кларисса улыбается продавцам либретто, двум джентльменам во фраках, стоящим по обе стороны входа в холл и поющим на два голоса: «Либретто! Либретто! Купите либретто!» Знакомых я здесь не вижу. Любители Вагнера – это зеленые береты оперных фанатов; они сделаны из более твердых пород и знают друг друга наперечет. Вокруг все целуются, когда мы с Клариссой идем по лестнице к бельэтажу.

У нас с Клэр частная ложа; это одна из наших привилегий. Отодвигаю занавеску, Кларисса заходит и выдыхает: «О!» Я помогаю ей снять пальто, вешаю его на стул, снимаю свое пальто. Мы усаживаемся, Кларисса скрещивает ноги в лодыжках и складывает маленькие руки на коленях. Черные волосы сияют в тусклом свете, и с темной помадой и накрашенными глазами Кларисса напоминает изысканную озорницу, которую нарядили и разрешили остаться с взрослыми допоздна. Она сидит и наслаждается прелестью Лирик-оперы, расписанным золотым и зеленым занавесом на сцене, волнами штукатурки, обрамляющими каждый выступ арок и купола, взволнованным шепотом толпы. Свет гаснет, и Кларисса посылает мне улыбку. Занавес поднимается, мы в лодке, Изольда поет. Я откидываюсь на стуле и плыву по волнам ее голоса.

Потом – четыре часа музыки, любовный напиток, продолжительные аплодисменты.

Я поворачиваюсь к Клариссе:

– Ну, тебе понравилось?

– Глупо это, да? – улыбается она. – Но когда пели, вроде не так и глупо.

Я подаю ей пальто, и она пытается нащупать рукав; находит его и одевается.

– Глупо? Ну да, наверное. Но я представляю себе, что Джейн Ингланд – молодая и красивая, а не корова в триста фунтов весом. У нее голос Эвтерпы.

– Эвтерпы?

– Это богиня музыки.

Мы сливаемся с толпой взволнованных, довольных зрителей. Внизу выплываем на холод. Я веду ее по Уэкер-драйв и через несколько минут умудряюсь поймать такси. Только собираюсь дать водителю адрес Клариссы, как она говорит:

– Генри, поехали выпьем кофе. Я еще не хочу домой.

Говорю водителю, чтобы отвез на Джарвис, к кофейне «У Дона», что на севере города. Кларисса болтает о пении, как это было великолепно; о декорациях, которые нам обоим не понравились; о моральных трудностях, которые испытываешь, слушая Вагнера, когда знаешь, что это был ублюдок-антисемит, которого боготворил Гитлер. Приехав к «Дону», видим, что жизнь кипит; сам Дон встречает гостей в оранжевой гавайской рубашке, и я машу ему рукой. Мы находим маленький столик в конце зала. Кларисса заказывает вишневый пирог с мороженым и кофе; я заказываю, как обычно, сэндвич с ореховым маслом и желе и кофе. Из колонок вкрадчиво поет Перри Комо, над столовыми приборами и украшающими стены рисунками вьется дым сигарет. Кларисса опускает голову на руку и вздыхает.

– Так здорово. Ощущение такое, будто я забыла, что значит быть взрослой.

– Вы, кажется, не часто куда-нибудь ходите?

Кларисса размешивает мороженое вилкой и смеется:

– Джо так делает. Говорит, что мороженое вкуснее, когда размешанное. Господи, я перенимаю их дурные привычки, вместо того чтобы учить их хорошему. – Она откусывает пирог. – Отвечаю на вопрос, ходим ли мы куда-нибудь: да, ходим, в основном на политические мероприятия. Гомес подумывает выставиться на олдермена.

Кофе попадает не в то горло, и я начинаю кашлять. Прокашлявшись, говорю:

– Ты шутишь. Разве это не переход на темную сторону? Гомес всегда боролся с городской администрацией.

Кларисса лукаво смотрит на меня:

– Решил изменить систему изнутри. Он сгорел на этих ужасных делах по насилию над детьми. Думаю, он убедил себя, что сможет что-то изменить, если сам будет у руля.

– Может быть, он прав.

– Мне больше нравилось, когда мы были молодыми анархистами-революционерами, – качает головой Кларисса. – Мне больше нравится раздувать скандалы, а не лизать задницы.

– Никогда не думал, что ты радикальнее Гомеса, – улыбаюсь я.

– Да. На самом деле я просто не такая терпеливая, как Гомес. Я хочу деятельности.

– А Гомес терпелив?

– Конечно. Возьми историю с Клэр… – Кларисса внезапно замолкает и смотрит на меня.

– Какую историю?

Я понимаю, что именно из-за этого вопроса мы здесь и именно этого разговора ждала Кларисса.

«Интересно, она знает что-нибудь, чего не знаю я? Не думаю, что хочу это узнать».

Кларисса отводит глаза, потом опять смотрит на меня. Опускает взгляд в чашку, обнимает ее руками.

– Ну, я думала, ты знал… что Гомес влюблен в Клэр.

– Да.

Я не собираюсь помогать ей.

Кларисса водит пальцем по узору на столе.

– Ну… Клэр велела ему отвалить, а он думает, что, если будет тереться рядом все время, рано или поздно что-то случится и тогда он наконец-то будет с ней.

– Что-то случится?

– С тобой.

Кларисса встречается со мной взглядом.

Меня тошнит.

– Извини, – говорю я, встаю и иду к маленькому туалету, увешанному плакатами с Мэрилин Монро.

Умываюсь холодной водой. Облокачиваюсь на стену и закрываю глаза. Когда становится ясно, что я не собираюсь перемещаться, возвращаюсь в зал и сажусь за столик.

– Извини, – говорю. – Что ты сказала?

Кларисса выглядит испуганной и зажатой.

– Генри, – тихо говорит она. – Скажи мне.

– Что сказать, Кларисса?

– Скажи, что ты никуда не денешься. Скажи, что Клэр не хочет Гомеса. Скажи, что все получится. Или скажи мне, что это все дерьмо, я не знаю… просто скажи мне, что случится!

У нее дрожит голос. Она кладет руку мне на локоть, и я едва удерживаюсь, чтобы не оттолкнуть ее.

– У вас все будет хорошо, Кларисса. Все будет хорошо. – Она смотрит на меня, не веря и не желая верить. Я откидываюсь на стуле. – Он от тебя не уйдет.

– А ты? – выдыхает она.

Я молчу. Кларисса смотрит на меня и опускает голову.

– Поехали домой, – говорит она наконец, и мы уезжаем.

12 июня 2005 года, воскресенье (Клэр 34, Генри 41)

КЛЭР: Солнечный воскресный день, я иду в кухню и вижу, что Генри стоит у окна и смотрит на наш задний двор. Он кивает мне. Я встаю рядом и выглядываю в окно. Альба играет во дворе с девочкой постарше. Девочке лет семь, у нее длинные черные волосы, босая, в грязной футболке с логотипом «Кабз». Обе сидят на земле, глядя друг на друга. Девочка сидит к нам спиной. Альба улыбается ей и машет руками, как будто летит. Девочка качает головой и смеется.

– Кто это? – Я смотрю на Генри.

– Это Альба.

– Да, но кто с ней?

Генри улыбается, но брови у него сведены, поэтому улыбка выходит обеспокоенной.

– Клэр, это Альба, только старше. Она перемещается во времени.

– Господи. – Я смотрю на девочку. Она изгибается и показывает на дом, и я замечаю ее профиль прежде, чем она отворачивается опять. – Может, нам выйти?

– Нет, она в порядке. Если захотят, они придут сюда сами.

– Как бы я хотела посмотреть на нее…

– Лучше не надо… – начинает Генри, но, пока он это говорит, обе Альбы подпрыгивают и, держась за руки, бегут к заднему крыльцу. С хохотом врываются на кухню.

– Мама, мама, – говорит моя Альба, трехлетняя, – посмотри! Большая Альба!

Другая Альба улыбается и говорит:

– Привет, мам.

– Привет, Альба, – с улыбкой отвечаю я.

Вдруг она поворачивается, видит Генри, кричит:

– Папочка! – бежит к нему, бросается на шею и начинает плакать.

Генри смотрит на меня, наклоняется над Альбой, укачивает ее и что-то шепчет на ухо.

ГЕНРИ: Клэр спадает с лица; стоит, глядя на нас, держа маленькую Альбу за руку, и Альба стоит, открыв рот и глядя, как большая Альба висит на мне и плачет. Я наклоняюсь

к ней и шепчу на ухо: «Не говори маме, что я умер, ладно?» Она смотрит на меня – слезы висят на длинных ресницах, губы дрожат – и кивает. Клэр держит носовой платок, протягивает Альбе высморкаться, обнимает ее. Альба позволяет увести себя умыться. Маленькая Альба, Альба из настоящего, обнимает меня за ногу:

– Папа, а почему? Почему она грустная?

К счастью, ответить я не успеваю, потому что возвращаются Клэр с Альбой; на Альбе футболка Клэр и мои шорты.

– Эй, ребята, а давайте по мороженому, а? – предлагает Клэр.

Обе Альбы улыбаются; маленькая Альба танцует вокруг нас и напевает: «Но-овое вишнёёвое моро-оженое!» Мы садимся в машину, Клэр за рулем, трехлетняя Альба на переднем сиденье, а семилетняя на заднем, со мной. Она наклоняется ко мне, и я обнимаю ее. Никто ничего не говорит, только маленькая Альба кричит: «Смотри, Альба, собачка! Смотри, Альба, смотри, Альба…» – пока старшая не отвечает: «Да, Альба, я вижу».

Клэр везет нас в «Зефир»; мы садимся в большую блестящую виниловую будку и заказываем два банановых сплита, шоколадный солод и мягкое ванильное мороженое с карамельной крошкой. Девочки высасывают свои банановые сплиты, как пылесосы; мы с Клэр забавляемся своим мороженым, не глядя друг на друга.

– Альба, – говорит Клэр, – а что происходит там, в твоем времени?

Альба бросает на меня взгляд.

– Ничего особенного. Дедушка учит меня играть Сен-Санса, Второй концерт для скрипки.

– Ты еще в спектакле в школе играешь, – подсказываю я.

– Да? – удивляется Альба. – Вроде бы еще нет.

– Упс, извиняюсь, – говорю я. – Наверное, это в следующем году будет.

И все в таком духе. Мы неуверенно ведем разговор, обходя подводные камни, оберегая Клэр и маленькую Альбу от того, что мы знаем. Через какое-то время большая Альба кладет голову на руки.

– Устала? – спрашивает Клэр.

Она кивает.

– Поедем-ка лучше, – говорю я.

Мы расплачиваемся, я поднимаю Альбу; она безвольно висит на моих руках, почти спит. Клэр поднимает маленькую Альбу, гиперактивную от такого количества сахара. В машине, пока мы едем по Линкольн-авеню, Альба исчезает.

– Она вернулась обратно, – говорю я Клэр.

Та несколько секунд смотрит на меня в зеркало заднего вида.

– Куда, папа? – спрашивает Альба. – Куда обратно?

Позднее

КЛЭР: Наконец я уложила Альбу подремать. Генри сидит на нашей постели, пьет скотч и смотрит, как за окном друг за другом бегают по увитой плющом беседке две белки. Подхожу и сажусь рядом.

– Эй, – говорю я.

Генри обнимает меня, притягивает к себе.

– Эй.

– Ты не собираешься объяснить, что все это значит? – спрашиваю я.

Генри ставит на пол бокал и начинает расстегивать пуговицы на моей рубашке.

– Может, не стоит?

– Стоит.

Я расстегиваю на нем ремень и пуговицы на джинсах.

– Уверена?

Он целует мою шею.

– Да.

Я расстегиваю его ширинку, пробегаю пальцами по его животу под рубашкой.

– Но ведь на самом деле ты не хочешь знать…

Генри дышит мне в ухо и проводит языком по краешку. Я дрожу. Он снимает с меня рубашку, расстегивает лифчик. Груди выпадают, и я ложусь на спину, глядя, как Генри высвобождается из джинсов, трусов и рубашки. Залезает в постель, и я говорю:

– Носки.

– Точно.

Снимает носки. Мы смотрим друг на друга.

– Ты просто пытаешься меня отвлечь, – говорю я.

Генри ласкает мой живот.

– Я пытаюсь отвлечься сам. А если мне и тебя удастся отвлечь, еще лучше.

– Ты должен мне сказать.

– Нет, не должен.

Он накрывает мои груди руками, теребит подушечками больших пальцев соски.

– Я навоображаю себе самое плохое.

– Легко.

Я поднимаю бедра, Генри стаскивает с меня джинсы и трусики. Широко разводит мои ноги, наклоняется надо мною, целует. «Боже, – думаю я. – Что это может быть? Что такое самое плохое?» Закрываю глаза. Воспоминание: луг, холодный день, я маленькая, бегу по сухой траве, шум, кто-то окликает меня…

– Клэр? – Генри нежно кусает мои губы. – Ты где?

– В восемьдесят четвертом году.

– Почему? – замерев, спрашивает Генри.

– Думаю, это тогда случилось.

– Что случилось?

– То, о чем ты боишься мне рассказать.

Генри скатывается с меня, и мы лежим рядом.

– Расскажи мне, – просит он.

– Раннее утро. Осень. Папа с Марком охотились на оленей. Я проснулась; показалось, что ты меня зовешь, и я выбежала на луг, и ты был там, вместе с папой и Марком, рассматривал что-то, но папа велел мне возвращаться домой, поэтому я так и не видела, на что вы смотрели.

– Да?

– Я вернулась туда на следующий день. На том месте трава была пропитана кровью.

Генри молчит. Лежит, сжав губы. Обнимаю его, крепко прижимаюсь.

– Самое худшее… – начинаю я.

– Шш, Клэр.

– Но…

– Шш!

Снаружи по-прежнему золотой день. Внутри холодно, и мы прижимаемся друг к другу, чтобы согреться. Альба спит в своей кроватке, и ей снится мороженое, мирные детские сны, а другой Альбе, где-то в будущем, снится, что ее обнимает отец, и она просыпается, а там… что?

Эпизод на парковке на Монро-стрит

7 января 2006 года, понедельник (Клэр 34, Генри 42)

КЛЭР: Мы крепко спим ранним зимним утром, когда начинает звонить телефон. Резко просыпаюсь, сердце колотится, и понимаю, что Генри лежит рядом. Тянется через меня к телефону, поднимает трубку. Бросаю взгляд на часы – 4:32.

– Да, – говорит Генри. Долго слушает. Я уже совсем проснулась. По его лицу ничего нельзя понять. – Хорошо. Оставайся там. Мы сейчас будем.

Наклоняется и вешает трубку.

– Кто это был?

– Я. Это был я. Я на парковке на Монро-стрит, голый, на улице минус пятнадцать. Господи, только бы машина завелась.

Мы выпрыгиваем из постели и набрасываем вчерашнюю одежду. Прежде чем я успеваю надеть джинсы, Генри обувается, надевает пальто и бежит заводить машину. Швыряю рубашку Генри, длинные теплые штаны, джинсы, носки, ботинки, пальто, варежки и одеяло в сумку, бужу Альбу, надеваю на нее куртку и ботинки и лечу с ней в машину. Выезжаю из гаража, не прогрев как следует двигатель, и машина глохнет. Завожу снова, мы сидим с минуту, и я пробую опять. Вчера выпало шесть дюймов снега, и Эйнсли вся во льду. Альба хнычет, Генри успокаивает ее. Выехав на Лоуренс, я прибавляю скорости, и мы через десять минут доезжаем до магистрали; здесь в такой час никого нет. Гудит печка «хонды». Над озером небо становится светлее. Все голубое и оранжевое, блестит от жуткого мороза. Проползаем по Лейк-Шор-драйв, и у меня появляется сильное ощущение *déjà vu*: мороз, сонная тишина озера, натриевый свет фонарей – я была здесь раньше, я уже была здесь. Этот момент опутывает меня, он длится, уносит меня от странности происходящего до понимания его двойственности; хотя мы и движемся сквозь этот зимний городской пейзаж, время остановилось. Проезжаем Ирвинг, Белмонт, Фуллертон, Ласалль, сворачиваю на Мичигане. Летим по пустому коридору дорогих магазинов – «Оук-стрит», «Чикаго», «Рэндольф», «Монро» – и вот въезжаем в подземный бетонный мир парковки. Беру билет, который предлагает мне автомат призрачным женским голосом.

– Езжай к северо-западному выходу, – говорит Генри. – Таксофон у будки охранника.

Делаю, как он говорит. *déjà vu* исчезает. Чувствую себя так, как будто меня покинул ангел-хранитель. Гараж фактически пустой. Пролетаю через бесконечные желтые линии к таксофону: трубка болтается на проводе. Генри нет.

– Может, он вернулся в настоящее?

– А может, нет.

Генри смущен, и я тоже. Выходим из машины. Здесь холодно. Изо рта появляется пар и исчезает. Мне кажется, нам не нужно уезжать, хотя я понятия не имею, что могло произойти. Иду к будке охранника и смотрю в окошко. Охранника нет. Видеомониторы показывают пустой бетонный гараж.

– Черт! Куда бы я рванул? Давай объедем вокруг.

Возвращаемся в машину и проползаем через широкие пространства между колоннами, мимо знаков «Сбросить скорость», «Дополнительные парковочные места на стоянке», «Не забывайте, где оставили машину». Генри нигде нет. Подавленно смотрим друг на друга.

– Откуда он пришел?

– Он не сказал.

Молча возвращаемся домой. Альба спит. Генри смотрит в окно. Небо безоблачное и розовое на востоке, машин становится больше, люди едут на работу из пригорода. Стоя на светофоре на Огайо-стрит, я слышу, как кричат чайки. Улицы темные от соли и воды. Город тихий, белый, запорошенный снегом. Все такое красивое. Я смотрю со стороны, как зритель в кино. Мы невредимы, но рано или поздно мы за это чертовски поплатимся.

День рождения

15 июня 2006 года, четверг (Клэр 35)

КЛЭР: Завтра день рождения Генри. Я в «Винтедж-виниле», пытаюсь найти альбом, который ему понравится, но которого у него нет. Я рассчитывала попросить помочь Воуна, хозяина магазина, потому что Генри ходит сюда уже много лет. Но за прилавком вижу паренька-студента. На нем футболка *Seven Dead Arson*. Его, наверное, на свете не было, когда записывалась большая часть дисков, продающихся в этом магазине. Просматриваю пластинки на стеллажах. *Sex Pistols*, Патти Смит, *Supertramp*, Мэтью Свит. *Phish, Pixies, Pogues, Pretenders. B-52's*, Кейт Буш, *Buzzcocks, Echo and the Bunnymen, The Art of Noise, The Nails, The Clash, The Cramps, The Cure, Television*. Вытаскиваю *Velvet Underground* в выцветшем конверте и пытаюсь вспомнить, видела ли я такую пластинку дома, но, изучив оборот, понимаю, что все эти песни есть у Генри на других альбомах. *Dazzling Killmen, Dead Kennedys*. Появляется с большой коробкой пластинок Воун и опять уходит. Так повторяется несколько раз, и вот они с продавцом начинают распаковывать коробки, складывая пластинки на прилавок, присвистывая над вещами, о которых я никогда не слышала. Подхожу к Воуну и молча кладу перед ним три пластинки.

– Привет, Клэр, – говорит он, широко улыбаясь. – Как дела?

– Привет, Воун. Завтра у Генри день рождения. Помоги.

Он просматривает мой выбор.

– Так, эти две у него уже есть, – кивает он на *Lilliput* и *The Breeders*, – а это просто кошмар, – указывая на *Plasmatics*. – Хотя обложка класс, да?

– Да. Может, у тебя что-нибудь в коробках есть подходящее?

– Нет, это пятидесятые. Умерла какая-то старушка. Может, тебе понравится это, вчера получил.

Он вытягивает из пачки сборник *Golden Palominos*. Здесь пара незнакомых вещей, поэтому я его беру.

Вдруг Воун улыбается мне:

– У меня есть кое-что действительно оригинальное для вас… хранил это для Генри. – Он ныряет за прилавок и через минуту появляется с пластинкой. – Вот.

Воун дает мне пластинку в белом пакете. Открываю его, на пластинке написано: «Аннета Линн Робинсон, Парижская опера, 13 мая 1968 года, „Лулу“». Вопросительно смотрю на Воуна.

– Да, необычная вещица, согласны? Пиратская запись концерта; такой больше нет. Он уже давно попросил меня отлавливать ее записи, хотя это не мой профиль, ну, я ее нашел – и все забываю отдать. Я ее слушал, здорово. Качество очень хорошее.

– Спасибо, – шепчу я.

– Не за что. Эй, а из-за чего весь сыр-бор?

– Это мама Генри.

Воун смешно поднимает брови на лоб.

– Правда? Да… он на нее похож. Хм, интересно. Мог бы мне и сам об этом сказать.

– Он о ней мало говорит. Она погибла, когда он был маленьким. Автокатастрофа.

– О! Ну да, что-то вспоминаю. Ну, еще что-нибудь поищем?

– Нет, спасибо.

Плачу Воуну и ухожу, прижимая к себе голос матери Генри, направляясь по Дэвис-стрит, сгорая от предвкушения.

16 июня 2006 года, пятница (Генри 43, Клэр 35)

ГЕНРИ: Сегодня мой сорок третий день рождения. Глаза открываются в 6:46 утра; на работу сегодня не надо, но уснуть не могу. Смотрю на Клэр, она вся во власти сна, руки раскинуты, волосы разбросаны по подушке в полном беспорядке. Она так красива, даже с полосками от подушки на щеке. Осторожно вылезаю из кровати, иду в кухню и варю кофе. В ванной пускаю воду, жду, когда станет погорячее. Водопроводчика давно стоит позвать, но все не доходят руки. Вернувшись в кухню, наливаю кофе, несу в ванную и ставлю на раковину. Намазываю лицо кремом и начинаю бриться. Обычно я мастерски бреюсь, почти не глядя в зеркало, но сегодня, в честь дня рождения, решаю взглянуть на себя.

Голова почти вся седая, только виски и брови остались черными. Волосы немного отросли, не как было до встречи с Клэр, но и короткими их не назовешь. Кожа обветренная, морщины вокруг глаз и через лоб, линии от ноздрей ко рту. Лицо слишком худое. Я весь слишком худой. Не совсем скелет, конечно, но явно ненормально худой. Возможно, как на ранней стадии рака. Или как на героине. Не хочу думать об этом, поэтому продолжаю бриться. Смываю пену, наношу гель после бритья, делаю шаг назад и обозреваю результат.

Вчера в библиотеке кто-то вспомнил, что у меня день рождения, и Роберто, Изабель, Мэтт, Кэтрин и Амелия собрались и отвели меня в «Бью Тай» на обед. Не знаю, ходят ли на работе слухи о моем здоровье, о том, почему я так резко похудел и быстро постарел. Все были ужасно милы, так, как люди ведут себя с больными СПИДом и жертвами химиотерапии. Я почти мечтал, чтобы кто-нибудь меня спросил, и тогда я бы что-нибудь наврал и покончил с этим. Но вместо этого мы шутили, ели спагетти и королевских креветок, жареную картошку с соусом. Амелия подарила мне фунт убийственных колумбийских кофейных зерен. Кэтрин, Мэтт, Роберто и Изабель с шиком преподнесли факсимильное издание «Чуда каллиграфии», на которое я целую вечность зарился в лавке Ньюберри. Я смотрю на них в ошеломлении и понимаю: они думают, что я умираю.

– Ребята, вы… – начинаю я и не знаю что сказать. Нечасто со мной такое случается.

Клэр встает, просыпается Альба. Все одеваемся и садимся в машину. Мы собираемся в Брукфилдский зоопарк вместе с Гомесом, Клариссой и их детьми. Весь день проводим, шатаясь вокруг, разглядывая мартышек и фламинго, полярных медведей и выдр. Альбе больше всего нравятся тигры и львы. Роза держит Альбу за руку и рассказывает о динозаврах. Гомес замечательно изображает шимпанзе, а Макс и Джо бесятся вокруг, изображая слонов и играя в портативные видеоигры. Кларисса, Клэр и я бесцельно прогуливаемся, болтаем ни о чем, купаясь в солнечном свете. В четыре часа дети устают и начинают капризничать, мы усаживаем их в машины, обещая вскоре повторить прогулку, и едем домой.

Ровно в семь появляется няня. Клэр то лаской, то строгостью уговаривает Альбу вести себя хорошо, и мы уезжаем. Мы нарядные донельзя, по настоянию Клэр, и, когда едем на юг по Лейк-Шор-драйв, я понятия не имею, что происходит.

– Увидишь, – говорит Клэр.

– Это не вечеринка-сюрприз, нет? – подозрительно выспрашиваю я.

– Нет, – уверяет она.

Клэр сворачивает с магистрали на Рузвельт и едет через Пилсен, испанский квартал, на юг, к центру города. Кучки детей играют на улицах, мы лавируем между ними и наконец паркуемся около 20-й и Расин. Клэр ведет меня к кособокому двухэтажному домику и нажимает на звонок у калитки. Нас впускают, проходим через замусоренный дворик и вверх по шаткой лестнице. Клэр стучит в одну из дверей, и ее открывает Лурдес, подружка Клэр по школе искусств. Лурдес улыбается и кивает, чтобы мы заходили, и, войдя внутрь, я вижу, что квар-

тира превратилась в ресторан с одним столиком. Вокруг парят прекрасные запахи, на столике белая парча, фарфор, свечи. На резном серванте стоит проигрыватель. В гостиной полно птиц в клетках: большие попугаи, канарейки, крошечные волнистые попугаи. Лурдес целует меня в щеку и говорит:

– С днем рождения, Генри.

– Да, с днем рождения, – произносит знакомый голос, и, заглянув в кухню, я вижу Нелли. Она что-то помешивает и не отрывается, даже когда я обнимаю ее, слегка приподняв. – У-ух ты! – говорит она. – Ты хорошо кушаешь!

Клэр обнимает Нелли, и они улыбаются друг другу.

– Он таким удивленным выглядит, – говорит Нелли, и Клэр улыбается еще шире. – Идите, садитесь, – командует она. – Ужин готов.

Мы сидим друг против друга за столом. Лурдес приносит маленькие тарелки искусно разложенных итальянских ассорти: прозрачные болгарские перцы с бледно-желтой дыней, мидии, не острые и прокопченные, тонкие ломтики моркови и свеклы, пахнущие сладким укропом и оливковым маслом. При свечах кожа Клэр мягкая, глаза как бы в тени. Жемчуг очерчивает ключицы и бледную гладкую полоску кожи у грудей; они поднимаются и опадают в такт дыханию. Клэр замечает, что я смотрю на нее, улыбается и отводит глаза. Я опускаю глаза в тарелку и понимаю, что съел все мидии и сижу, держа пустую вилку в воздухе, как идиот. Кладу ее на тарелку, Лурдес уносит пустую посуду и возвращается со следующим блюдом.

Мы едим бесподобного непрожаренного тунца, тушенного с томатным соусом, яблоками и базиликом. Едим маленькие порции салата с радиккио и оранжевыми перцами и мелкие коричневые оливки, напоминающие мне блюдо, которое я ел с мамой в гостинице в Афинах, когда был очень маленький. Пьем «Совиньон-бланк», произнося по очереди тосты («За оливки!», «За нянь!», «За Нелли!»). Нелли появляется из кухни, несет небольшой плоский торт, сияющий свечами. Клэр, Нелли и Лурдес поют мне «С днем рожденья». Загадываю желание и задуваю с первого раза все свечки.

– Это значит, что твое желание сбудется, – говорит Нелли, но мое желание не может исполниться.

Птицы странными голосами переговариваются, когда мы едим торт, и потом Лурдес и Нелли исчезают в кухне.

– Я приготовила тебе подарок, – говорит Клэр. – Закрой глаза.

Я зажмуриваюсь. Слышу, как Клэр отодвигает стул от стола. Идет через комнату. Потом – игла касается винила… шипение… скрипки… чистое сопрано, прорывающееся, как резкий дождь, через оркестр… голос моей матери, поющий «Лулу». Открываю глаза. Клэр сидит напротив меня и улыбается. Встаю, поднимаю ее со стула и обнимаю.

– Потрясающе, – говорю я, не могу продолжать и целую ее.

Намного позднее, когда мы распрощались с Нелли и Лурдес, поблагодарили их, как только могли, вернулись домой и, заплатив няне, занялись любовью, ошеломляющей, прекрасной, мы лежим в постели, и, уже засыпая, Клэр говорит:

– Хороший был день рождения?

– Идеальный, – отвечаю я. – Самый лучший.

– Ты хотел бы остановить время? – спрашивает Клэр. – Я бы не возражала навсегда остаться здесь.

– Мм, – отвечаю я, перекатываясь на живот.

Когда я засыпаю, Клэр говорит:

– У меня такое ощущение, что мы находимся на вершине американских горок.

Я засыпаю и забываю наутро спросить, что она имела в виду.

Неприятная сцена

28 июня 2006 года, среда (Генри 43 и 43)

ГЕНРИ: Я появляюсь в темноте, на холодном бетонном полу. Стараюсь сесть, но меня тошнит, и я опять ложусь. Голова болит. Ощупываю ее; прямо за левым ухом здоровая шишка. Когда глаза привыкают к темноте, вижу силуэты ступенек, надписи «Выход» и высоко надо мной единственную горящую лампочку, излучающую холодный свет. Вокруг меня стальные прутья крест-накрест. Я в Ньюберри, после закрытия, внутри клетки.

– Не паникуй, – громко говорю я себе. – Все в порядке. Все в порядке. Все в порядке.

Останавливаюсь, понимая, что не слушаю себя. Стараюсь подняться на ноги. Меня трясет. Интересно, сколько придется ждать. Интересно, что скажут ребята, когда увидят меня здесь. Потому что так и будет. Потому что я уже скоро предстану перед ними ошибкой природы, которой я и являюсь. Мягко говоря, мне этого никогда не хотелось.

Стараюсь ходить взад и вперед, чтобы согреться, но от этого шумит в голове. Тогда сажусь в центре клетки и насколько возможно съеживаюсь. Проходят часы. Я проигрываю всю ситуацию в голове, разучиваю свои слова, размышляю о том, насколько все могло быть лучше или хуже. Наконец устаю думать и начинаю проигрывать в голове мелодии. «That's Entertainment» *(Jam)*, «Pills and Soap» (Элвис Костелло), «Perfect Day» (Лу Рид). Пытаюсь вспомнить все слова «I Love a Man in a Uniform» *(Gang of Four)*, когда зажигаются огни. Конечно, это Кевин, охранник-нацист, открывает лабораторию. Кевин – последний человек во всем мире, с которым я бы захотел встретиться, сидя голым в клетке, поэтому, естественно, он замечает меня, как только входит. Я свернулся на полу, прикидываясь, что я умер.

– Кто здесь? – спрашивает Кевин громче, чем следовало бы.

Представляю себе, как Кевин стоит там, бледный, свесившись с лестницы в тусклом свете. Его голос разносится вокруг, отскакивает от бетона. Кевин идет вниз и останавливается у подножия лестницы, где-то в десяти футах от меня.

– Как вы туда попали?

Обходит клетку. Я продолжаю притворяться, будто без сознания. Объяснить я все равно ничего не могу, так что можно зря не дергаться.

– Господи, да это ж Детамбль.

Я чувствую, что он стоит рядом и таращится на меня.

Наконец вспоминает про рацию:

– А-десять четыре, эй, Рой. – В ответ помехи. – Эй, Рой, это Кевин, да, ты не мог бы спуститься в А-сорок шесть? Да, на дно. – Бормотание. – Просто спустись сюда. – Выключает радио. – Господи, Детамбль, не знаю, что вы хотите этим доказать, но вы это сделали.

Слышу, как он ходит вокруг. Скрипят ботинки, доносится тяжкий вздох. Видимо, Кевин сел на ступеньки. Через несколько минут открывается дверь наверху и спускается Рой. Рой – мой самый любимый охранник. Это огромный афроамериканец, и у него всегда такая милая улыбка. Он король пульта, и я всегда рад прийти на работу и видеть его.

– Ух ты! – говорит Рой. – Что у нас тут?

– Это Детамбль. Не могу понять, как он туда попал.

– Детамбль? Ничего себе. Этот парень всегда готов отколоть какой-нибудь номер. Я тебе рассказывал, что однажды застал его на третьем этаже, он там бегал нагишом?

– Да, рассказывал.

– Ну, наверное, нужно его оттуда достать.

– Он не двигается.

– Ну, он же дышит. Думаешь, он ранен? Может, «скорую» вызвать?

– Нужно звонить пожарным, чтобы его вырезали этими штуками, которыми они завалы разгребают.

Кевин рад перспективе. Не хочу здесь ни пожарных, ни парамедиков. Со стоном сажусь.

– Доброе *утро*, мистер Детамбль, – вполголоса говорит Рой. – Вы сегодня рановато, да?

– Есть немного, – соглашаюсь я, подтягивая колени к подбородку. Я так замерз, что стиснутые зубы болят от напряжения. Рассматриваю Кевина и Роя, и они таращатся на меня. – Но, думаю, джентльмены, я мог бы попробовать подкупить вас?

Они обмениваются взглядами.

– Смотря что вы имеете в виду, – говорит Кевин. – Мы не может промолчать об этом, потому что мы здесь не сами по себе.

– Нет-нет, этого я и не ожидал. – Они вздыхают с облегчением. – Слушайте. Я дам каждому из вас по сотне долларов, если вы сделаете для меня две вещи. Во-первых, пожалуйста, кто-нибудь сходите и принесите мне кофе.

Лицо Роя расплывается в его коронной улыбке.

– Черт возьми, мистер Детамбль, я это и так сделаю. Хотя не знаю, как вы его пить будете.

– Принеси соломинку. И не наливай из аппаратов в фойе. Иди и сделай настоящий кофе. Со сливками, сахара не надо.

– Сделаю, – говорит Рой.

– А какая вторая вещь? – спрашивает Кевин.

– Пожалуйста, сходи в отдел редких книг и возьми из моего стола одежду, в нижнем правом ящике. Если сделаешь так, чтобы этого никто не заметил, заработаешь премию.

– Без проблем, – отвечает Кевин, и я задумываюсь, за что же я его не любил.

– Лучше запри эту лестницу, – говорит Рой Кевину, тот кивает и уходит. Рой стоит сбоку от клетки и с жалостью смотрит на меня. – Ну и как вы туда забрались?

– По-настоящему достойного ответа на это у меня нет, – пожимаю я плечами.

Рой улыбается и качает головой:

– Ну ладно, пойду-ка я за кофе.

Проходит около двадцати минут. Наконец я слышу, как отпирается дверь и по ступенькам спускается Кевин. За ним идут Мэтт и Роберто. Кевин ловит мой взгляд и пожимает плечами, как бы говоря: «Я старался». Он проталкивает мне через прутья клетки рубашку, я ее надеваю, пока Роберто стоит, скрестив руки, и холодно меня рассматривает. Штаны несколько толще, и их труднее просунуть в клетку. Мэтт сидит на ступеньках с недоверчивым лицом. Слышу, как снова открывается дверь. Это Рой, несет кофе и сладкую булочку. Вставляет в стакан соломинку и кладет булочку рядом с прутьями. Мне приходится отвести от нее глаза, чтобы посмотреть на Роберто, который поворачивается к Кевину и Рою и говорит:

– Можно попросить оставить нас одних?

– Конечно, доктор Кейл.

Охрана уходит по лестнице через дверь на втором этаже. Теперь я один, заперт, не имею объяснений перед Роберто, которого я бесконечно уважаю и которому постоянно лгал. Теперь есть только правда, более невероятная, чем вся моя ложь.

– Хорошо, Генри, – начинает Роберто. – Давай поговорим.

ГЕНРИ: Прекрасное сентябрьское утро. Я немного опаздываю на работу из-за Альбы (она отказывалась одеваться) и электрички (она отказывалась приходить), но опаздываю, по моим меркам, не катастрофически. Когда я отмечаюсь на охране, Роя там нет, там Марша.

– Эй, Марша, а где Рой? – спрашиваю я.

– Он… он ушел по делу, – отвечает она.

– Ясно, – говорю я и на лифте поднимаюсь на четвертый этаж.

Проходя в отдел редких книг, слышу голос Изабель:

– Ты опоздал.

– Да, но не очень.

Прохожу в свой офис, там стоит Мэтт, глядя из окна на парк.

– Привет, Мэтт, – говорю я, и он подпрыгивает до потолка.

– Генри! – Он спадает с лица. – Как ты выбрался из клетки?

Я бросаю рюкзак на стол и смотрю на него:

– Из клетки?

– Ты… я только что пришел с нижнего этажа… и ты был заперт в клетке, и Роберто там, внизу… ты сказал мне подняться и ждать, но ты не сказал, чего…

– Боже мой. – Я сажусь на стол. – Боже мой.

Мэтт садится на мой стул и смотрит на меня.

– Слушай, я могу объяснить… – начинаю я.

– Можешь, да?

– Конечно. – Я раздумываю. – Я, понимаешь… о черт.

– Это что-то абсолютно жуткое, да, Генри?

– Да. Да, это так. – Мы смотрим друг на друга. – Слушай, Мэтт… пойдем вниз и посмотрим, что там происходит, и я вам с Роберто все объясню, ладно?

– Ладно.

Мы встаем и идем вниз.

Спускаясь по восточному коридору, я вижу, что у входа на лестницу болтается Рой. Он замирает, увидев меня, и только собирается что-то спросить, как я слышу голос Кэтрин:

– Ребята, что тут происходит? – Она проносится мимо нас и пытается открыть дверь на лестницу. – Эй, Рой, почему никто открыть не может?

– Хм, ну, мисс Мид, – Рой бросает на меня взгляд, – у нас там небольшая проблема, ну…

– Все в порядке, Рой, – говорю я. – Пойдем, Кэтрин. Рой, ты останешься тут, ладно?

Он кивает и пропускает нас на лестницу.

Когда мы входим внутрь, я слышу, как Роберто говорит:

– Послушай, мне не нравится, что ты сидишь тут и рассказываешь мне фантастические байки. Если бы мне нужна была научная фантастика, я обратился бы к Амелии.

Он сидит на последней ступеньке и, когда мы начинаем спускаться, поворачивается посмотреть, кто там.

– Привет, Роберто, – тихо говорю я.

– Боже мой. Боже мой, – повторяет Кэтрин.

Роберто встает и теряет равновесие. Мэтт подхватывает его. Я смотрю на клетку, и вот он я. Сижу на полу, на мне белая рубашка, штаны цвета хаки, прижал колени к груди, очевидно голодный и промерзший. Рядом с клеткой стоит чашка кофе. Роберто, Мэтт и Кэтрин молча смотрят на нас.

– Ты откуда? – спрашиваю я.

– Август две тысячи шестого.

Беру кофе, держу на уровне подбородка, вставляю через прутья трубочку. Он пьет.

– Хочешь булочку?

Он хочет.

Разламываю ее на три части и проталкиваю одну. Мне кажется, что я в зоопарке.

– Ты ранен, – говорю я.

– Ударился головой обо что-то.

– Сколько еще пробудешь?

– С полчаса или около того. – Он указывает на Роберто. – Видите?

– Что происходит? – спрашивает Кэтрин.

– Хочешь объяснить? – спрашиваю я у себя.

– Я устал. Начинай.

И я объясняю. Объясняю свои перемещения во времени, практическую и генетическую сторону вопроса. Объясняю, что на самом деле это что-то вроде болезни и я это не контролирую. Объясняю про Кендрика, про Клэр, как мы встретились впервые и как встретились снова. Объясняю про причинно-следственные петли, квантовые механизмы, фотоны и скорость света. Объясняю, каково это – чувствовать себя вне временных ограничений, которым подвержено большинство людей. Объясняю про ложь, воровство, страх; про попытки вернуться к нормальной жизни.

– А часть нормальной жизни – это нормальная работа, – говорю я в заключение.

– Я бы эту работу нормальной не назвала, – говорит Кэтрин.

– Я бы не назвал это нормальной жизнью, – говорит сидящий в клетке.

Смотрю на Роберто, он сидит на лестнице, прислонившись головой к стене. Вид у него измотанный, задумчивый.

– Итак, – спрашиваю я. – Вы меня уволите?

– Нет, – вздыхает Роберто, – нет, Генри, я тебя не уволю. – Он осторожно встает, отряхивает спину пальто рукой. – Но я не понимаю, почему ты не рассказал мне это гораздо раньше.

– Вы бы мне не поверили, – отвечаю я из клетки. – Вы не поверили даже сейчас, пока не увидели.

– Ну да… – начинает Роберто, но следующие его слова тонут в странном звуке, который иногда сопровождает мои появления и исчезновения.

Я поворачиваюсь и вижу груду одежды на полу в клетке. Позже я вернусь сюда и выловлю их вешалкой. Поворачиваюсь к Мэтту, Роберто и Кэтрин. Они в оцепенении.

– Господи! – говорит Кэтрин. – Это все равно что работать с Кларком Кентом.

– А я чувствую себя Джимми Олсеном, – говорит Мэтт. – Фу!

– Значит, ты – Лоис Лейн, – поддразнивает Роберто Кэтрин.

– Нет-нет, Лоис Лейн – это Клэр, – парирует она.

– Но Лоис Лейн, – возражает Мэтт, – не знала, что Кларк Кент – Супермен, а Клэр…

– Без Клэр я бы уже давно сдался, – говорю я. – Никогда не понимал, почему Кларка Кента заклинило на том, чтобы Лоис Лейн ни черта не знала.

– Ну как же, ведь для сюжета это гораздо выигрышней, – говорит Мэтт.

– Правда? Ну не знаю.

7 июля 2006 года, пятница (Генри 43)

ГЕНРИ: Сижу в кабинете Кендрика и слушаю, как он пытается объяснить, почему ничего не выйдет. Снаружи – жуткая духота, яростная парилка, высушивающая до смерти. Здесь довольно прохладно из-за кондиционера, и я сижу сгорбившись, весь в мурашках. Мы расположились друг против друга на тех же стульях, что обычно. На столе полная окурков пепельница. Кендрик постоянно прикуривает новую сигарету от предыдущей. Мы сидим с выключенным светом, воздух тяжелый от дыма и холода. Хочу пить. Хочу кричать. Хочу, чтобы Кендрик перестал говорить и дал мне возможность задать вопрос. Хочу встать и выйти. Но вместо этого сижу и слушаю.

Когда Кендрик прекращает разговаривать, внезапно становятся слышны долетающие снаружи звуки.

– Генри? Вы меня слышали?

Выпрямляю спину и смотрю на него, как ученик, пойманный за дремотой на уроке.

– Что? Нет.

– Я спросил, вы поняли? Почему это не получится?

– Что? Да. – Стараюсь собраться с мыслями. – Это не получится, потому что у меня хреновая иммунная система. И потому что я старый. И потому что слишком много генов задействовано.

– Правильно, – вздыхает Кендрик и тушит окурок в пепельнице, уже полной до краев. – Мне жаль.

Он облокачивается на спинку стула и сжимает нежные розовые руки на коленях. Я вспоминаю, как увидел его здесь, в кабинете, восемь лет назад. Мы оба были моложе и задорнее, уверенные во всесилии молекулярной генетики, готовые использовать науку, чтобы опровергнуть природу. Я думаю о том, как держал в руках мышь Кендрика, перемещавшуюся во времени, и о волне надежды, которую чувствовал тогда, глядя на своего маленького белого коллегу. Представляю выражение лица Клэр, когда я скажу ей, что ничего не выйдет. Хотя она никогда особенно и не надеялась.

– А как насчет Альбы? – спрашиваю я, прочистив горло.

Кендрик скрещивает лодыжки и ерзает:

– Что насчет Альбы?

– А с ней получится?

– Мы никогда не узнаем, ведь так? Если только Клэр не изменит своего решения насчет того, чтобы я работал с ДНК Альбы. И мы оба прекрасно знаем, что Клэр ужасно боится генной терапии. Каждый раз, когда мы говорим об этом, она смотрит на меня, как будто я Йозеф Менгеле.

– Но если бы у вас была ДНК Альбы, мы смогли бы сделать мышей и выработать для нее препараты, чтобы, когда ей будет восемнадцать, она смогла их попробовать?

– Да.

– Даже если со мной ни хрена не выйдет, у Альбы будет шанс?

– Да.

– Отлично.

Встаю, потираю руки, отлепляю хлопчатобумажную рубашку от тех частей тела, где она прилипла теперь уже от холодного пота.

– Так мы и поступим.

14 июля 2006 года, пятница (Клэр 35, Генри 43)

КЛЭР: Я в мастерской, делаю волокна гампи. Это такая тонкая прозрачная бумага, сквозь нее можно смотреть; погружаю су-кетту в бак и вынимаю, оборачивая ее тонким раствором, пока не получается идеально ровный слой. Ставлю на край бака, чтобы высохла, и слышу, как Альба смеется, Альба бежит через сад, Альба кричит: «Мама! Смотри, что мне папа принес!» Она врывается в дверь и с топотом несется ко мне, за ней идет Генри, он более спокоен. Смотрю на ее ножки и понимаю, откуда топот: красные башмачки.

– Они как у Дороти! – кричит Альба и отплясывает чечетку.

Трижды щелкает каблуками, но не исчезает. Конечно, она ведь уже дома. Я смеюсь. Генри выглядит очень довольным.

– Ты дошел до почты? – спрашиваю я его.

– Черт, – у него лицо вытягивается, – забыл. Прости. Завтра пойду, обязательно.

Альба кружится, Генри подходит к ней и останавливает:

– Не надо, Альба. Голова закружится.

– Мне нравится, когда кружится.

– Лучше не надо.

На Альбе футболка и шорты. На сгибе локтя прилеплен пластырь.

– Что у тебя с рукой? – спрашиваю я.

Вместо ответа она смотрит на Генри, и я тоже смотрю на него.

– Ничего, – отвечает он. – Она сосала кожу, и получился засос.

– Что такое засос? – спрашивает Альба.

Генри начинает объяснять, но я говорю:

– Зачем на засос налеплять пластырь?

– Не знаю, – отвечает он. – Она просто захотела.

У меня появляется нехорошее предчувствие. Назовите это шестым чувством матери, если хотите. Подхожу к Альбе и говорю:

– Давай посмотрим.

Она сгибает руку и прижимает к себе, закрывая второй рукой:

– Не снимай. Больно будет.

– Я осторожно. – Крепко хватаю ее за руку.

Альба начинает скулить, но я действую решительно. Медленно разгибаю ее руку, осторожно отлепляю пластырь. Красная точка укола в середине бордового синяка.

Альба говорит:

– Больно, *не надо.*

Я ее отпускаю. Она приклеивает пластырь обратно и смотрит на меня в ожидании.

– Альба, а ну-ка сбегай позвони Кимми и спроси, не хочет ли она приехать на ужин?

Альба улыбается и выбегает из мастерской. Через минуту хлопает задняя дверь дома. Генри сидит за моим рисовальным столом, слегка покачиваясь вперед и назад на стуле. Смотрит на меня. Ждет, когда я что-нибудь скажу.

– Поверить не могу, – наконец произношу я. – Как ты мог?

– Мне пришлось, – отвечает Генри. Голос очень тихий. – Она… я не мог оставить ее по крайней мере без… Я хотел дать ей фору. Чтобы Кендрик мог работать, работать для ее блага, просто на всякий случай.

Подхожу к нему, стаскиваю галоши и резиновый фартук и склоняюсь над столом. Генри наклоняет голову, свет падает на его лицо, и я вижу морщины, пересекающие подбородок, вокруг рта, у глаз. Он еще больше похудел. Глаза ввалились и стали огромными.

– Клэр, я не сказал ей, зачем это. Ты сама скажешь, когда… придет время.

– Нет, – качаю я головой. – Позвони Кендрику и скажи, чтобы прекратил.

– Нет.

– Тогда я сама.

– Клэр, не надо…

– С собой, Генри, ты можешь делать все, что хочешь, но…

– Клэр!

Генри выдавливает мое имя сквозь стиснутые зубы.

– Что?!

– Все кончено, ясно? Со мной кончено. Кендрик сказал, что ничего не может для меня сделать.

– Но… – Замираю, чтобы переварить то, что он сказал. – Но тогда… что случится?

– Не знаю, – качает головой Генри. – Возможно, то, что мы думали, и правда… случится. Но если случится это… я не могу оставить Альбу, не попытавшись… О Клэр, просто позволь мне это сделать для нее! Может, это не сработает, может, она никогда этим не воспользуется – может, ей *понравится* перемещаться во времени, может, она никогда не потеряется, не будет голодать, ее не будут арестовывать, преследовать, насиловать, избивать, но что, если ей это *не понравится*? Что, если она захочет быть нормальным ребенком? Клэр? О Клэр, не плачь…

Но я не могу остановиться, я стою и рыдаю в желтый резиновый фартук, и наконец Генри поднимается и обнимает меня.

– Клэр, это не значит, что это обязательно случится, – тихо говорит он. – Просто я хочу подстраховать ее. – Я чувствую его ребра через футболку. – Ты позволишь мне хоть это ей оставить?

Киваю, Генри целует меня в лоб.

– Спасибо, – говорит он, и я снова начинаю плакать.

27 октября 1984 года, суббота (Генри 43, Клэр 13)

ГЕНРИ: Теперь я знаю, каким будет конец.

Я окажусь в долине ранним осенним утром. Будет облачно и прохладно, на мне – черное шерстяное пальто, ботинки и перчатки. Это день, которого нет в списке. Клэр будет спать в своей теплой кровати. Ей – тринадцать лет.

Вдалеке выстрел рассечет сухой холодный воздух. Это сезон охоты на оленей. Где-то там люди в ярко-оранжевых костюмах будут сидеть, ждать, стрелять. Позднее станут пить пиво и есть сэндвичи, которые им дали с собой жены.

Поднимется ветер, шелохнет фруктовый сад, срывая бесполезные листья с яблонь. Резко захлопнется задняя дверь Медоуларк-хауса, и появятся две крошечные фигурки в светящихся оранжевых костюмах с охотничьими ружьями. Они подойдут ко мне, к поляне. Это Филип и Марк. Меня не увидят, потому что я прижмусь к высокой траве, в темноте, неподвижное пятно на фоне бежевого и жухлого зеленого цветов. Где-то в двадцати ярдах от меня Филип и Марк свернут с дорожки и пойдут к лесу.

Остановятся и прислушаются. И услышат прежде, чем я: шорох, шатание, что-то большое и неуклюжее, белое – может, хвост? И оно двинется ко мне, к лугу, Марк поднимет ружье, тщательно прицелится, нажмет на курок, и…

Будет выстрел, вопль, человеческий вопль. И пауза. И потом: «Клэр! Клэр!» И больше ничего.

Я секунду посижу, не думая, не дыша. Филип побежит туда, и я побегу, и Марк, и все мы столкнемся у одной точки.

Но там ничего не будет. Кровь на земле, блестящая и густая. Прижатая сухая трава. Мы будем смотреть друг на друга над лужей крови. Мы еще не знакомы.

В своей постели Клэр услышит крик. Она услышит, как кто-то зовет ее, сядет, сердце будет часто биться в груди. Побежит вниз, за дверь, на поляну, в одной ночной рубашке. Увидит нас троих, замрет, ничего не понимая. За спинами ее отца и брата я прижму палец к губам. Когда Филип пойдет к ней, я повернусь, уйду в безопасность фруктового сада и буду смотреть, как она дрожит в объятиях отца, а Марк будет стоять рядом, нетерпеливый и озадаченный, с гордой мальчишеской щетиной на щеках, и смотреть на меня, как будто пытаясь вспомнить.

И Клэр посмотрит на меня, я помашу ей рукой, и она уйдет с отцом домой, и помашет рукой в ответ, худенькая, в развевающейся ночной рубашке, как ангел, и будет становиться все меньше и меньше, исчезая вдалеке, и исчезнет в доме, а я останусь стоять над маленьким политым кровью местом и буду знать: где-то там я умираю.

Эпизод на парковке на Монро-стрит

7 января 2006 года, понедельник (Генри 43)

ГЕНРИ: Холодно. Очень, очень холодно, я лежу на снегу. Где я? Пытаюсь сесть. Ноги замерзли, я не чувствую ступней. Я на открытом пространстве, ни домов, ни деревьев. Сколько я уже здесь? Ночь. Слышен шум машин. Встаю на четвереньки, смотрю вверх. Я в Грант-парке. Темный и закрытый, в нескольких сотнях футов по чистому снегу, стоит Институт искусств. Прекрасные здания Мичиган-авеню тихи. Машины несутся по Лейк-Шор-драйв, фары прорезают ночь. Над озером – тонкая полоска света; скоро рассвет. Нужно выбираться отсюда. Нужно согреться.

Встаю. Ступни белые и не шевелятся. Я их не чувствую и не могу пошевелить ими, но иду, шатаясь, по снегу, иногда падаю, снова поднимаюсь и иду, и это продолжается бесконечно, и потом я начинаю ползти. Переползаю через дорогу. Вниз по бетонным ступенькам, цепляясь за поручни. Соль попадает в раны на руках и коленях. Доползаю до телефона-автомата.

Семь гудков. Восемь. Девять.

– Да, – говорит мой голос.

– Помоги, – говорю я. – Я на парковке на Монро-стрит. Тут ужасно холодно. Я у будки охранника. Приезжай и забери меня.

– Хорошо. Оставайся там. Мы сейчас будем.

Пытаюсь повесить трубку, но промахиваюсь. Зубы стучат, неудержимо. Подползаю к будке охранника и стучу в дверь. Никого. Внутри вижу видеомониторы, обогреватель, куртку, стол и стул. Пытаюсь надавить на ручку. Заперто. Открыть нечем. Стекло армированное, не выбить. Дрожь нестерпимая. Машин в гараже нет.

– Помогите! – кричу я.

Никто не появляется. Сворачиваюсь в клубок у входной двери, прижимаю колени к подбородку, обхватываю руками ступни. Никто не приходит, и потом наконец – наконец-то – я исчезаю.

Фрагменты

25, 26, 27 сентября 2006 года, понедельник, вторник, среда (Клэр 35, Генри 43)

КЛЭР: Генри не было весь день. Мы с Альбой ужинали в «Макдональдсе». Играли в карты и лото; Альба нарисовала девочку с длинными волосами, летящую на собаке. Мы выбрали ей на завтра платье в школу. Теперь она в постели. Я сижу на переднем крыльце и пытаюсь читать Пруста; чтение по-французски усыпляет меня, и я почти засыпаю, когда в гостиной раздается грохот и на полу, белый и дрожащий, появляется Генри.

– Помоги мне, – говорит он сквозь стучащие зубы, и я бегу к телефону.

Позднее

В приемной скорой помощи: здесь просто ад. Старые больные люди, матери с маленькими детьми в лихорадке, подростки, у чьих друзей из разных частей тела вынимают пули. Потом будут хвалиться перед девчонками, а пока сидят подавленные и усталые.

Позднее

В маленькой белой комнате: медсестры поднимают Генри на постель и снимают одеяла. Он открывает глаза, видит меня и снова закрывает. Светловолосая дежурная осматривает его. Медсестра измеряет температуру, пульс. Генри дрожит, дрожит так сильно, что под ним трясется кровать, и рука медсестры тоже дрожит, как кровати «Волшебные пальчики» в мотелях в семидесятые годы. Ординатор осматривает зрачки Генри, уши, нос, пальцы на руках и ногах, гениталии. Они начинают заворачивать его в одеяла и что-то алюминиевое и блестящее, как фольга. Кладут на его ступни холодные компрессы. В маленькой комнате очень тепло. Генри снова открывает глаза. Пытается что-то сказать. Кажется, произносит мое имя. Сую руку под одеяло и беру его ледяную ладонь. Смотрю на медсестру.

– Нам нужно согреть его, чтобы поднялась температура тела, – говорит она. – Потом посмотрим.

Позднее

– Да как же он умудрился заработать гипотермию в сентябре? – спрашивает меня ординатор.

– Не знаю, – отвечаю я. – Спросите его.

Позднее

Утро. Мы с Клариссой сидим в кафе при больнице. Она ест шоколадный пудинг. Наверху в палате спит Генри. Кимми смотрит за ним. На моей тарелке два куска тоста; они пропитались маслом и не тронуты. Кто-то садится рядом с Клариссой, это Кендрик.

– Хорошие новости, – говорит он. – Температуру тела подняли до девяноста семи и шести десятых[116]. Кажется, мозг не поврежден.

[116] 36,3 градуса по Цельсию.

Не могу ничего выговорить. Единственная моя мысль: «Господи, спасибо тебе».

– Ладно, хм, я еще загляну, когда закончу в «Святом Луке», – говорит Кендрик, поднимаясь.

– Спасибо, Дэвид, – говорю я, когда он собирается уходить.

Он улыбается и уходит.

Позднее

Доктор Мюррей приходит с индийской медсестрой, у которой на халате висит карточка с именем Сью. Она несет большой таз, термометр и ведро. Что бы это ни было, технология на редкость примитивна.

– Доброе утро, мистер Детамбль, миссис Детамбль. Мы собираемся прогреть вам ноги.

Сью ставит таз на пол и молча исчезает в ванной. Шум воды. Доктор Мюррей очень большая и с восхитительной прической в виде улья, которую может позволить себе только очень внушительная и красивая черная женщина. Ее тело сходится конусом из-под края белого халата в две идеальные ноги в лодочках из крокодиловой кожи. Она вынимает из кармана шприц и ампулу и начинает вытягивать жидкость из ампулы в шприц.

– Что это? – спрашиваю я.

– Морфий. Будет больно. Его ноги ушли довольно далеко.

Она осторожно берет руку Генри, которую тот молча протягивает, как будто она выиграла ее у него в покер. У нее легкая рука: игла проскальзывает внутрь, и она выжимает поршень; через секунду Генри негромко стонет с благодарностью. Доктор Мюррей начинает убирать холодные компрессы со ступней Генри, когда появляется Сью с горячей водой. Ставит таз на пол у постели. Доктор Мюррей наклоняет постель, и они обе сажают его. Сью измеряет температуру воды. Наливает воду в таз и сует туда ноги Генри. Он вскрикивает.

– Живая ткань должна стать ярко-красной. Если он не будет похож на лобстера, плохи дела.

Я смотрю, как ноги Генри плавают в желтом пластиковом тазу. Они белые как снег, как мрамор, как титан, как бумага, как хлеб, как соль, такие белые, насколько это возможно. Сью меняет воду, когда ледяные ноги Генри остужают ее. Термометр показывает сто шесть градусов[117]. Через пять минут становится девяносто, и Сью меняет воду. Ноги Генри болтаются как мертвые рыбы. Слезы бегут у него по щекам и исчезают под подбородком. Вытираю его лицо. Глажу по голове. Смотрю и жду, когда ступни станут ярко-красными. Это все равно что ждать, когда проявится фотография, смотреть, как черное изображение медленно проступает на бумаге в поддоне с раствором. На обеих голенях появляются красные пятна. Красный цвет распространяется волнами по левой пятке, и наконец неохотно начинают краснеть некоторые пальцы. Правая нога упорно остается белой. Розовый цвет появляется у края стопы, но дальше не идет. Через час доктор Мюррей и Сью аккуратно вытирают ноги Генри, и Сью кладет небольшие комочки ваты между пальцами ног. Возвращают его в постель и сооружают вокруг ног рамку, чтобы их ничто не касалось.

Следующей ночью

Очень поздняя ночь, я сижу у постели Генри в больнице «Мерси», глядя, как он спит. Гомес сидит в кресле с другой стороны от кровати и тоже спит. Он спит, откинув голову назад и открыв рот, время от времени издает негромкий храп и поворачивает голову.

[117] Примерно 41 градус по Цельсию.

Генри тихий и спокойный. Пищит система. В ногах кровати возвышается хитроумное сооружение, похожее на палатку, там, где должны быть ступни Генри, но их там больше нет. Их уничтожил мороз. Обе ступни ампутировали сегодня утром. Я не могу представить себе и стараюсь не представлять, что там, под одеялами. Забинтованные руки Генри лежат поверх одеяла, и я беру его руку, чувствуя, какая она холодная и сухая, как на запястье бьется пульс, как ощутима рука Генри в моей руке. После операции доктор Мюррей спросила меня, что сделать со ступнями Генри. «Пришейте обратно» – казалось единственно правильным ответом, но я просто пожала плечами и отвернулась.

Входит медсестра, улыбается мне и делает Генри укол. Через несколько минут, когда лекарство проникает в мозг, он вздыхает и поворачивает ко мне лицо. Глаза слегка приоткрываются, потом он снова засыпает.

Я хочу молиться, но не помню ни одной молитвы, в голове крутится только глупая считалка. Господи, не надо, пожалуйста, не делай этого со мной. «Он без слуху и духу внезапно пропал – видно, Буджум ошибистей Снарка!»[118] Нет. Ничего не приходит в голову. «„Envoyez chercher le médecin…“ – „Qu'avez-vous?..“ – „Je me suis coupé assez fortement…“ – „Il faudra aller à l'hôpital…“ – „Otez le bandage et laissez-moi voir… Oui, c'est une coupure profunde…“»[119]

Не знаю, сколько сейчас времени. Снаружи уже светает. Кладу руку Генри обратно на одеяло. Он придвигает ее к груди, словно защищаясь.

Гомес зевает, выпрямляет руки, потягивается.

– Доброе утро, котенок, – говорит он, встает и бредет в ванную.

Я слышу, как он отливает, когда Генри открывает глаза.

– Где я?

– В «Мерси». Двадцать седьмого сентября две тысячи шестого года.

Генри смотрит на потолок. Потом медленно садится повыше и смотрит в ноги кровати. Наклоняется, трогает руками одеяло. Я закрываю глаза.

Генри начинает кричать.

17 октября 2006 года, вторник (Клэр 35, Генри 43)

КЛЭР: Генри уже неделю как выписался из больницы. Дни проводит в постели, свернувшись, лицом к окну, погружаясь и выплывая из морфийного сна. Я стараюсь кормить его супом, тостами, макаронами с сыром, но ест он очень мало. И говорит тоже немного. Альба слоняется вокруг, тихая, старается угодить, принести папе апельсин, газету, своего мишку; но Генри только слабо улыбается, и маленькая горка подношений остается нетронутой на его тумбочке. Проворная медсестра по имени Соня Браун приходит раз в день проверить повязки и дать совет, но, как только она исчезает в своем красном «фольксвагене-жуке», Генри снова превращается в пустое место. Помогаю ему с подкладным судном. Заставляю переодеть пижаму. Спрашиваю, как он себя чувствует, не нужно ли ему чего, и он либо неясно бормочет, либо молчит в ответ. Хотя Генри прямо здесь, напротив меня, он исчез.

Иду по коридору мимо спальни с корзиной грязного белья в руках и вижу через приоткрытую дверь, как Альба стоит рядом с Генри, свернувшимся в постели. Останавливаюсь и смотрю на нее. Она стоит неподвижно, руки висят, черные косы свешены на спину, голубой свитер с высоким воротом вытянут. Утренний свет заливает комнату, окрашивая все желтым.

– Папа? – тихо говорит Альба.

---

[118] Концовка поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» (1876), перевод Г. Кружкова.

[119] «„Пошлите за врачом…“ – „Что с вами?..“ – „Я довольно сильно поранен…“ – „Придется обратиться в госпиталь…“ – „Снимите повязку и покажите мне… Да, рана глубокая…“» *(фр.)*

Генри не отвечает. Она снова пытается, громче. Генри поворачивает голову, перекатывается на другой бок. Альба садится на кровать. Глаза Генри закрыты.

– Папа?

– Мм?

– Ты умираешь?

Генри открывает глаза и фокусирует зрение на Альбе:

– Нет.

– Альба сказала, что ты умер.

– Это в будущем, Альба. Еще нет. Скажи Альбе, что такие вещи говорить нельзя.

Генри пробегает пальцами по бороде, которая отросла с тех пор, как он вернулся из больницы. Альба сидит, сложив руки на коленях.

– Ты будешь теперь все время в постели лежать?

Генри подтягивается вверх, облокачиваясь на спинку кровати.

– Может быть.

Он шарит в ящике тумбочки, но болеутоляющее осталось в ванной.

– Почему?

– Потому что я *дерьмово* себя чувствую, ясно?

Альба отпрыгивает от Генри и встает с постели.

– Ясно! – говорит она, открывает дверь и почти сталкивается со мной, застывает, потом молча обнимает меня за талию; я ее поднимаю, она стала такая тяжелая.

Несу в ее комнату, и мы сидим в обнимку, качаясь, Альба горячим лицом прижимается к моей шее.

Что тебе сказать, Альба? Что тебе сказать?

18 и 19 октября, среда и четверг, 26 октября, четверг, 2006 год (Клэр 35, Генри 43)

КЛЭР: Я стою в мастерской с клубком каркасной проволоки и папкой эскизов. Расчистила большой рабочий стол, и эскизы аккуратно прикреплены к стене. Теперь я стою и пытаюсь призвать внутреннее зрение. Пытаюсь представить скульптуру в трехмерном изображении. В натуральную величину. Отрезаю кусок проволоки, и он падает и сворачивается в большой клубок. Начинаю создавать форму: плечи фигуры, грудную клетку, живот. Останавливаюсь. Может быть, руки и ноги тоже сделать? А ступни делать или нет? Начинаю делать голову и понимаю, что это не то. Заталкиваю все под стол и начинаю работать заново, с новым куском проволоки.

Как ангел. «Каждый ангел ужасен. И все же, увы, я заклинаю тебя, самую беспощадную птицу души…» Я дам ему только крылья. Рисую в воздухе тонким металлом, заворачивая и заматывая; измеряю руками размах, повторяю процесс в зеркальном отражении, для второго крыла, сравниваю симметрию, как будто постригаю Альбу, измеряю на глаз, чувствую вес, форму. Соединяю крылья вместе, встаю на стремянку и вешаю на потолок. Они парят, наполняются воздухом, на уровни груди, восемь футов в ширину, грациозные, украшенные, бесполезные.

Сначала я представляла их белыми, но теперь понимаю, что это не то. Открываю ящик с пигментом и красками. Ультрамариновый, желтая охра, сырой коричневый, голубовато-зеленый, ярко-красная марена. Нет. Вот оно: красная стальная окись. Цвет запекшейся крови. Ужасный ангел не будет белым или будет белее, чем я могу его сделать. Ставлю банку на стойку, рядом с «Черной костью». Иду к рулонам тканей, которые стоят, благоухающие, в дальнем углу мастерской. Козо и холст; прозрачность и гибкость, ткань, которая шуршит, как стучащие друг о друга зубы, в сочетании с материей, нежной, как губы. Взвешиваю два фунта козо, жесткой

и упругой коры, которую нужно варить и бить, ломать и колотить. Нагреваю воду в огромном котле, который занимает две конфорки на плите. Вода закипает, я скармливаю ей козо, глядя, как та постепенно темнеет и впитывает воду. Отмеряю кальцинированную соду и накрываю котел, включаю вытяжку. Рублю фунт белого холста на мелкие кусочки, наполняю мешалку водой и начинаю раздирать и разрывать холст в невесомые лоскуты. Затем варю себе кофе и сижу, глядя из окна через сад на дом.

В этот момент

ГЕНРИ: Мама сидит на моей постели. Не хочу, чтобы она знала о моих ногах. Закрываю глаза и притворяюсь спящим.

– Генри? – говорит она. – Я знаю, что ты проснулся. Давай, приятель, проснись и пой.

Открываю глаза. Это Кимми.

– Мм. Доброе утро.

– Уже полтретьего. Пора выбираться из постели.

– Я не могу выбраться из постели, Кимми. У меня нет ног.

– У тебя есть кресло-коляска, – говорит она. – Давай же, тебе нужно в ванную, побриться, фу, от тебя воняет, как от старика.

Кимми встает, глядя очень мрачно. Срывает с меня одеяла, и я лежу как выпотрошенная устрица, холодный и дряблый при свете дня. Кимми усаживает меня в кресло-коляску и везет по коридору до двери в ванную, которая слишком узка для коляски.

– Ладно, – говорит Кимми, вставая передо мной, уперев руки в бока. – И как мы это сделаем? А?

– Не знаю, Кимми. Я просто обрезок; я сам ничего не могу.

– Что это за слово такое – «обрезок»?

– Это ужасно уничижительное разговорное название тех, кого называют инвалидами.

Кимми смотрит на меня так, как будто мне восемь лет и я при ней произнес слово «манда» (я не знал, что оно значит, и знал только, что это плохое слово).

– Думаю, это означает *нетрудоспособный,* Генри.

Она наклоняется ко мне и расстегивает пуговицы на моей пижаме.

– *Руки* у меня есть, – говорю я, заканчивая расстегивать пуговицы самостоятельно.

Кимми поворачивается, резко и сердито, включает кран, затыкает сливное отверстие. Шарит в аптечке, достает мою бритву, мыло для бритья, помазок из шерсти бобра. Я не могу понять, как выбраться из кресла. Решаю соскользнуть с сиденья; двигаю зад вперед, выгибаю спину и начинаю сползать. Левое плечо выворачивается, и я шлепаюсь на пол, но все не так уж плохо. В больнице физиотерапевт, молодой бодрячок по имени Пенни Фезервит, показал мне несколько способов садиться и вылезать из кресла, но все они касались ситуации кресло – кровать или кресло – кресло. Теперь я сижу на полу, и ванна нависает надо мной, как белые скалы Дувра. Смотрю на восьмидесятидвухлетнюю Кимми и понимаю, что помочь мне некому. Ее глаза выражают только сочувствие. «К черту, – решаю я. – Я должен это сделать, я не могу позволить, чтобы Кимми так на меня смотрела». Сбрасываю пижамные штаны и начинаю разматывать бинты на ногах. Кимми рассматривает свои зубы в зеркале. Засовываю руку через край ванны и щупаю воду.

– Если добавить пряностей, на ужин будет вам тушеный обрезок.

– Горячая, да? – спрашивает Кимми.

– Да.

Кимми подкручивает краны и уходит из ванной, откатывая коляску от двери. Осторожно снимаю повязку с правой ноги. Под ней кожа бледная и холодная. Кладу руку на подвернутую часть, где кожа обматывает кость. Совсем недавно принял викодина. Интересно, удастся еще

одну взять, чтобы Клэр не заметила? Может быть, бутылка там, в аптечке. Кимми возвращается с кухонным табуретом в руках. Ставит его рядом со мной. Снимаю повязку со второй ноги.

– Она неплохо поработала, – говорит Кимми.

– Доктор Мюррей? Да, так гораздо лучше, больше обтекаемости.

Кимми смеется. Я отправляю ее в кухню за телефонными книгами. Когда она кладет их рядом со стулом, я приподнимаюсь так, чтобы сесть на них. Затем вскарабкиваюсь на стул и то ли вкатываюсь, то ли падаю в ванну. Огромная волна выплескивается на кафель. Я в ванне. Аллилуйя! Кимми выключает воду и вытирает ноги полотенцем. Я окунаюсь в воду.

Позднее

КЛЭР: Через несколько часов готовки я растягиваю козо, и она тоже идет в мешалку. Чем дольше она там будет, тем станет лучше и больше похожа на кость. Через четыре часа добавляю закрепитель, глину, пигмент. Бежевая масса внезапно превращается в очень темную, землянисто-красную. Сливаю в ведра для просушки и затем в другой бак. Когда возвращаюсь домой, вижу в кухне Кимми, она готовит запеканку из тунца, которую полагается посыпать картофелем фри.

– Как оно? – спрашиваю я.

– Высший класс. Он в гостиной.

Между ванной и гостиной мокрые следы, похоже, размер как у Кимми. Генри спит на диване, на груди у него лежит раскрытая книга. «Вымыслы» Борхеса. Он побрит, и я склоняюсь над ним и делаю вдох; от него пахнет свежестью, мокрые седые волосы торчат в разные стороны. Альба в комнате болтает с плюшевым медведем. На секунду я чувствую, как будто это *я* переместилась во времени, как будто это случайный момент из *прошлого*, но потом перевожу взгляд на тело Генри, понимаю, что ступней под одеялом нет, и знаю, что я всего лишь здесь и сейчас.

На следующее утро идет дождь. Открываю дверь мастерской, где меня ждут крылья, парящие в сером утреннем свете. Включаю радио: Шопен, этюды переливаются, как волны на песке. Надеваю галоши, бандану, чтобы не перемазать волосы, резиновый фартук. Достаю свою любимую красную краску, медное лекало и декель, открываю бак, раскладываю войлок, на который вывалю бумагу. Лезу в бак и вытаскиваю жидкую темно-красную смесь волокон и воды. Вода льется ручьями. Погружаю лекало и декель в бак и осторожно поднимаю его, выравниваю, выливаю воду. Наклоняю бак, и вода стекает из него, оставляя на поверхности ровный слой волокна; убираю декель и заворачиваю волокно в войлок, осторожно поворачиваю, и, когда снимаю, бумага остается на войлоке, тонкая и сияющая. Накрываю ее другим слоем войлока, снова мочу и опять погружаю лекало и декель, поднимаю, даю стечь, накрываю. Теряюсь в этом повторении, игра фортепиано парит над водой, льющейся, капающей, падающей. Когда набираю пачку бумаги и войлока, подкладываю их под гидравлический пресс. Затем возвращаюсь домой и ем сэндвич с говядиной. Генри читает. Альба в школе.

После обеда стою напротив крыльев с папкой свежеизготовленной бумаги. Бумага влажная, темная, кажется, сейчас порвется, но она обволакивает проволоку, образуя кожу. Сворачиваю бумагу в сухожилия, в нити, скрученные и пересекающиеся. Крылья теперь похожи на крылья летучей мыши, под тонкими слоями бумаги хорошо просматривается проволока. Сушу бумагу, которая еще не пошла в дело, нагреваю ее на стальных листах. Потом начинаю рвать ее на полосы, на перья. Когда высохнут, я пришью их, одно за другим. Начинаю раскрашивать полосы: в черный, серый, красный. Оперение для ужасного ангела, для беспощадной птицы.

Через неделю, вечером

ГЕНРИ: Клэр заставила меня одеться, заставила Гомеса дотащить меня до задней двери, через сад, в ее мастерскую. Та освещена свечами; возможно, их сотня, может, больше, они на столах, на полу, на подоконнике. Гомес сажает меня на диван и исчезает в доме. В центре мастерской с потолка спускается белая простыня, я поворачиваюсь посмотреть, если ли проектор, но его нет. На Клэр темное платье, и, когда она ходит по мастерской, лицо и руки мелькают белые и свободные.

– Кофе хочешь? – спрашивает она меня.

Не пил с тех пор, как выписался из больницы.

– Конечно.

Наливает две чашки, добавляет сливок и протягивает одну мне. Горячая чашка очень привычно и приятно касается руки.

– Я кое-что для тебя сделала, – говорит Клэр.

– Ступни? Мне бы ступни не помешали.

– Крылья, – говорит она, сдергивая на пол белую простыню.

Крылья огромные и парят в воздухе, изгибаясь. Они темнее, чем сама темнота, пугающие, но также – напоминающие о страсти, свободе, преодолении пространства. Ощущение такое, что я стою на земле, *на своих собственных двух ногах,* ощущение бега, напоминающего полет. Мечты о полете, о взмывании вверх, как будто отменили силу притяжения, и теперь мне можно отделиться от земли на безопасное расстояние, эти мечты приводят меня обратно в сумрачную мастерскую. Клэр садится рядом со мной. Чувствую на себе ее взгляд. Крылья бесшумны, их края неровные. Не могу говорить. «Siehe, ich lebe. Woraus? Weder Kindheit noch Zukunft / warden weniger… überzähliges Dasein/ entspringt mir Herzen»[120].

– Поцелуй меня, – говорит Клэр, я поворачиваюсь к ней, белое лицо и темная помада парят в темноте, и я погружаюсь, я лечу, я свободен: смысл жизни расцветает в моем сердце.

[120] «Видишь, я жив. Отчего? Не убывают ни детство, / ни грядущее. В сердце моем возникает / сверхсчетное бытие» – концовка девятой из «Дуинских элегий» Р. М. Рильке, перевод В. Микушевича.

Сны о ступнях

Октябрь / ноябрь 2006 года (Генри 43)

ГЕНРИ: Мне снится, что я в Ньюберри, устраиваю лекцию-показ для старшекурсников Колумбийского колледжа. Показываю им инкунабулы, ранние печатные книги. Показываю им «Фрагмент о Страшном суде» Гутенберга, «Игру в шахматы» Кэкстона и «Эвсебия» Дженсена. Все идет хорошо, они задают интересные вопросы. Роюсь в тележке, ищу специальную книгу, которую нашел в хранилище, никогда не думал, что она там есть. Это тяжелая красная книга в коробке. На ней нет заголовка, только инвентарный номер «ЯЩИК fZX 983. D 453», прописанный золотом под эмблемой «Ньюберри». Кладу коробку на стол и вынимаю прослойку, и там, розовые и идеальные, лежат мои ступни. Они на удивление тяжелые. Когда я ставлю их на подушечки, пальцы начинают двигаться, чтобы поздороваться, показать мне, что они все еще могут это сделать. Начинаю говорить о них, объясняю отношение моих ступней к венецианскому книгопечатанию пятнадцатого века. Студенты делают пометки. Одна из них, милая блондиночка в ярком топе с блестками, указывает на мои ступни и говорит: «Посмотрите, они все белые!» Действительно, кожа стала мертвенно-бледной, ступни стоят безжизненные и гнилые. С грустью думаю, что надо не забыть их завтра первым же делом сдать на консервацию.

Во сне я бегу. Все отлично. Я бегу вдоль озера, на север от Оук-стрит-бич. Чувствую, как стучит сердце, как мягко наполняются воздухом и сдуваются легкие. Бегу по прямой. Какое облегчение, думаю я. А ведь боялся, что уже никогда не смогу бегать, но вот он я, бегу. Отлично.

Но тут все рушится. От меня начинают отваливаться части тела. Сначала отваливается левая рука. Останавливаюсь и подбираю ее с песка, отряхиваю и возвращаю на место, но не очень хорошо, потому что где-то через полмили она опять отваливается. Поэтому беру ее в другую руку, размышляя о том, что дома смогу прикрепить понадежнее. Но потом отваливается вторая рука, и у меня не остается рук, чтобы поднять те две, которые я потерял. Поэтому продолжаю бежать. Все не так плохо. Ничего не болит. Вскоре понимаю, что член отпал и провалился в правую штанину и болтается там ужасно назойливо, пойманный резинкой внизу штанов. Но я ничего не могу с этим поделать, поэтому продолжаю бежать. Затем чувствую, что ступни все поломаны, они как куски асфальта в ботинках, и потом ломаются обе ноги в лодыжках, и я падаю лицом вниз на дорожку. Я знаю, что, если останусь лежать, меня затопчут другие бегущие, поэтому начинаю откатываться. Я качусь и качусь, пока не закатываюсь в озеро, волны затягивают меня под воду, и я просыпаюсь, тяжело дыша.

Мне снится, что я в балете. Я – прима-балерина, я в своей гримерной, и Барбара, костюмер моей мамы, одевает меня в розовый тюль. Барбара – крутая женщина, но, несмотря на то что у меня жутко болят ступни, я не жалуюсь, когда она нежно надевает на них длинные розовые атласные чешки. Когда она заканчивает, я встаю, шатаясь, со стула и вскрикиваю. «Не будь девчонкой», – говорит Барбара, но потом она уступает и делает мне укол морфия. Дядя Иш появляется в дверях гримерной, и мы быстро идем по бесконечным закулисным коридорам. Я знаю, что у меня болят ступни, хотя я не вижу их и не чувствую. Мы бежим дальше, и внезапно я оказываюсь за кулисами и, глядя на сцену, понимаю, что это балет «Щелкунчик», а я – Фея драже. По какой-то причине меня это ужасно раздражает. Это не то, чего я ожидал. Но кто-то подталкивает меня, и я выхожу на сцену. И танцую. Меня ослепляют софиты, я танцую,

не думая, не зная шагов, в исступлении боли. Наконец падаю на колени, рыдая, и зрители поднимаются с кресел, аплодируя.

3 ноября 2006 года, пятница (Клэр 35, Генри 43)

КЛЭР: Генри держит луковицу, мрачно смотрит на меня и говорит:

– *Это* – луковица.

– Да, – киваю я. – Я читала про нее.

– Отлично, – поднимает одну бровь Генри. – Теперь, чтобы очистить луковицу, нужно взять острый нож, положить вышеупомянутую луковицу набок на разделочную доску и отрезать оба кончика. Затем очистить луковицу, вот так. Отлично. Теперь нужно разрезать ее. Если нужны кольца из лука, то просто отрезаешь каждый слой, но если готовишь суп, или соус для спагетти, или что-то еще, его нужно порубить, вот так…

Генри решил научить меня готовить. Стойка на кухне и все шкафы слишком высоки для его кресла-коляски. Мы сидим за кухонным столом в окружении мисок, ножей и банок с томатной пастой. Генри толкает через стол разделочную доску и нож, я встаю и неловко рублю луковицу. Генри терпеливо наблюдает.

– Так. Замечательно. Теперь зеленые перцы: делаешь прорезь ножом и вынимаешь сердцевину…

Мы готовим соус маринаро, песто, лазанью. В другой день – печенье с шоколадной стружкой, шоколадное пирожное с орехами, крем-брюле. Альба на седьмом небе от счастья. «Еще десерта», – умоляет она. Мы варим яйца и лосося, делаем пиццу из чего придется. Должна признать, что это даже забавно. Но в первый вечер, когда нужно приготовить ужин самой, я в шоке. Стою на кухне в окружении сковородок и кастрюль, спаржа переварилась, я обжигаюсь, когда вынимаю морского черта из духовки. Раскладываю все на тарелки и несу в столовую, где за столом сидят Генри и Альба; Генри поднимает стакан молока в воздух:

– За нового повара!

Альба чокается с ним своим стаканом, и мы начинает есть. Бросаю исподтишка взгляд на Генри. Ем и понимаю, что все вкусно.

– Здорово, мама! – говорит Альба.

– Просто превосходно, Клэр, – кивает Генри.

Мы смотрим друг на друга, и я думаю: «Не покидай меня».

Как аукнется, так и откликнется

18 декабря 2006 года, понедельник / 2 января 1994 года, воскресенье (Генри 43)

ГЕНРИ: Просыпаюсь посреди ночи, ощущение такое, что тысячи зубастых насекомых глодают мои ноги, и я падаю, не успев вытряхнуть викодин из бутылочки. Свернувшись, лежу на полу, но это не наш пол, это другой пол и другая ночь. Где я? В глазах мерцает от боли, темно, и запах такой странный. Что он мне напоминает? Отбеливатель. Пот. Духи, такие знакомые, но… не может быть…

Шаги на лестнице, кто-то поднимается, голоса, ключ открывает несколько замков *(где спрятаться?),* дверь отворяется. Я ползу по полу, когда резко зажигается свет и взрывается в моей голове, и женский голос шепчет: «Боже мой». Я думаю: «Нет, этого просто не может быть», дверь закрывается, я слышу, как Ингрид говорит: «Селия, тебе пора», Селия протестует, и они стоят с другой стороны двери, спорят, а я беспомощно осматриваюсь, но выхода нет. Должно быть, это квартира Ингрид на Кларк-стрит, где я никогда не был, но вещи ее, и я с ошеломлением узнаю спинку кресла, овально-изогнутый журнальный столик из мрамора, заваленный модными журналами, уродливый оранжевый диван, такой знакомый; бросаю безнадежный взгляд, чем бы прикрыться, но единственная ткань в этой крошечной комнате – вязаный шерстяной платок, совершенно не гармонирующий с диваном, я хватаю его и заматываюсь, вскидываю себя на диван, и Ингрид снова открывает дверь. Долго-долго неподвижно стоит в дверях, глядя на меня, и я смотрю на нее и думаю: «О Инг, зачем ты с собой такое сделала?»

Ингрид, которая живет в моей памяти, – это неоновая блондинка, ангел крутизны, которую я встретил 4 июля 1988 года на вечеринке в «Джимбо»; Ингрид Кармайкл была грозной и неприкасаемой, окруженной ореолом богатства, красоты и апатии. Ингрид, которая глядит на меня сейчас, – это костлявая, жесткая и усталая женщина; она стоит, склонив голову набок, и смотрит на меня с удивлением и презрением. Ни она, ни я не знаем, что сказать. Наконец она снимает пальто, бросает его на стул и садится на другой край дивана. На ней кожаные штаны. Они немного скрипят, когда она садится.

– Генри.

– Ингрид.

– Что ты здесь делаешь?

– Не знаю. Прости. Я просто… ну, ты знаешь.

Пожимаю плечами. Ноги болят так сильно, что мне почти наплевать, где я.

– Выглядишь дерьмово.

– Постоянная боль.

– Забавно. У меня тоже.

– Я имею в виду физическую боль.

– Почему?

Ингрид будет наплевать, даже если я вдруг сгорю заживо прямо перед ней. Отбрасываю платок и показываю на обрубки.

Она не отскакивает и не ахает. Не отводит взгляда, и, когда снова смотрит мне в глаза, я осознаю, что Ингрид – и только она – понимает меня до конца. Абсолютно разными дорогами мы пришли к одному и тому же состоянию. Она встает, идет в другую комнату, и, когда

возвращается, у нее в руке я вижу старый добрый швейный набор. Чувствую прилив надежды, и она оправдывается: Ингрид садится, открывает крышку, и, как в старые добрые времена, я вижу там, среди булавочных подушек и наперстков, полную аптеку.

– Что хочешь? – спрашивает Ингрид.

– Опиатов.

Она роется в мешочке, полном таблеток, и дает мне на выбор; замечаю ультрам и беру две. Глотаю их всухомятку, Ингрид дает воды, чтобы запить.

– Отлично. – Ингрид пробегает длинными красными ногтями по длинным светлым волосам. – Откуда ты?

– Декабрь две тысячи шестого. Какое сегодня число?

– Был Новый год, но сейчас второе января девяносто четвертого.

«О нет! Пожалуйста, только не это».

– Что с тобой? – спрашивает Ингрид.

– Ничего.

Сегодня Ингрид покончит с собой. Что я должен ей сказать? Как ее остановить? Может, позвать кого-нибудь?

– Слушай, Инг, я просто хотел сказать… – Я замолкаю.

Что такого сказать ей, чтобы не напугать? Какой в этом смысл? Она уже мертва! Хотя и сидит сейчас передо мной.

– Что?

– Просто, – с меня градом катится пот, – будь к себе поласковее. Не… Словом, я знаю, что ты не очень-то счастлива…

– Ну а чья это, по-твоему, вина?

Ее ярко-красный рот кривится в усмешке.

Я не отвечаю. Разве это я виноват? Не знаю, правда. Ингрид смотрит на меня, как будто ждет ответа. Я отвожу взгляд. Смотрю на плакат Мохоли-Надя[121] на стене напротив.

– Генри? – спрашивает Ингрид. – Почему ты так со мной обошелся?

– Разве? – Я снова смотрю на нее. – Я не хотел.

– Тебе было наплевать, буду я жить или сдохну, – качает головой Ингрид.

«О Ингрид!»

– Неправда. Я не хочу, чтобы ты умирала.

– Тебе было плевать. Ты бросил меня и ни разу не пришел в больницу. – Ингрид говорит так, как будто слова ее душат.

– Твоя семья не пускала меня. Твоя мама сказала, чтобы я не смел приходить.

– Ты должен был прийти.

– Ингрид, – вздыхаю я, – твой *врач* сказал, что мне нельзя к тебе.

– Я спрашивала, а они говорили, что ты ни разу не позвонил.

– Я звонил. Мне сказали, что ты не хочешь со мной говорить и чтобы я больше не звонил.

Болеутоляющее начинает действовать. Ослабевает пронзительная боль в ногах. Просовываю руку под платок и прикладываю ладонь к коже на левом обрубке и потом на правом.

– Я чуть не умерла, и ты ни разу больше со мной не говорил.

– Я думал, что ты не хотела со мной говорить. Как я мог знать?

– Ты женился, ни разу не позвонил мне и пригласил на свадьбу Селию, а не меня.

Я смеюсь, не могу сдержаться.

– Ингрид, это *Клэр* пригласила Селию. Они дружат; я так и не знаю почему. Наверное, противоположности сходятся. Но все равно к тебе это не имело никакого отношения.

---

[121] *Ласло Мохоли-Надь* (1895–1946) – американский художник, скульптор, дизайнер, фотограф венгерского происхождения.

Ингрид молчит. Она очень бледная под макияжем. Лезет в карман пальто и вытаскивает пачку «Инглиш Овалс» и зажигалку.

– Когда ты начала курить? – спрашиваю я.

Ингрид ненавидела сигареты. Ингрид любила кокаин, метедрин и коктейли с поэтическими названиями. Длинными ногтями она достает из пачки сигарету и закуривает. Руки дрожат. Делает затяжку, и дым срывается с ее губ.

– Ну и как тебе без ног? – спрашивает Ингрид. – Кстати, как это произошло?

– Отморозил. Вырубился в Грант-парке в январе.

– Как передвигаешься?

– В основном в кресле-каталке.

– Да. Хреново.

– Да, – отвечаю я. – Точно.

Минуту сидим в тишине.

– Ты все еще женат? – спрашивает Ингрид.

– Да.

– Дети?

– Да. Девочка.

– О! – Ингрид откидывается на спинку дивана и затягивается, выдувая тонкие струи дыма из ноздрей. – Жаль, у меня детей нет.

– Инг, ты же никогда не хотела детей.

Она смотрит на меня, но я не понимаю, что она хочет сказать.

– Я *всегда* хотела детей. Я не думала, что *ты* хочешь детей, поэтому ничего не говорила.

– Ты все еще можешь родить.

– Да ты что? – смеется Ингрид. – У меня есть дети, Генри? В две тысячи шестом году у меня есть муж, дом в Виннетке и два с половиной ребенка?

– Не совсем. – Я ерзаю на диване.

Боль ушла, но осталась скорлупа от нее, пустое пространство, где должна быть боль, но на ее месте лишь ожидание боли.

– «Не совсем»! – передразнивает Ингрид. – Что значит «не совсем»? То есть «не совсем, Ингрид, на самом деле ты бомжиха»?

– Ты не бомжиха.

– Значит, не бомжиха. Что ж, отлично. – Ингрид тушит сигарету и скрещивает ноги. Мне всегда нравились ноги Ингрид. На ней туфли на высоком каблуке. Наверное, они с Селией были на вечеринке. – О'кей, с крайностями разобрались, это я поняла: я не мать семейства, и я не бомжиха. Ну же, Генри, намекни мне.

Я молчу. Не хочу играть в эту игру.

– Отлично, давай на выбор. Значит, так: а) я стриптизерша в самом поганом клубе на Раш-стрит. Так: б) я в тюрьме за то, что зарубила Селию и скормила ее Малькольму. Так. Ага: в) я живу в Рио-Дель-Соль с инвестиционным банкиром. Как насчет этого, а, Генри? Что-нибудь похоже на правду?

– Кто такой Малькольм?

– Доберман Селии.

– Ну да, логично.

Ингрид играется с зажигалкой.

– Как насчет: г) я умерла? – Я вздрагиваю. – Как тебе такая мысль?

– Хреновая мысль.

– Правда? А мне она больше всего нравится. – Ингрид улыбается. Это недобрая улыбка. Скорее напоминает гримасу. – Мне она так нравится, что натолкнула меня на одну идею.

Она встает, идет через комнату, по коридору. Слышу, как она открывает и закрывает ящик. Снова появившись в комнате, она держит одну руку за спиной. Встает напротив меня, говорит: «Сюрприз!» – и наставляет на меня пистолет.

Это не очень большой пистолет. Тонкий, черный, сияющий. Ингрид держит его у талии, небрежно, как будто она на вечеринке. Я смотрю на пистолет.

– Я могла бы пристрелить тебя, – говорит Ингрид.

– Могла бы.

– А потом я могла бы пристрелить себя.

– И такое возможно.

– *Но это будет?*

– Не знаю, Ингрид. Ты должна решить.

– Ни черта подобного, Генри. Скажи, – требует Ингрид.

– Хорошо. Нет. Так не будет.

Я стараюсь, чтобы голос звучал уверенно.

Ингрид ухмыляется.

– А что, если я захочу, чтобы это было так?

– Ингрид, отдай мне пистолет.

– Подойди и отними.

– Ты собираешься меня пристрелить?

Ингрид качает головой, улыбаясь. Я слезаю с дивана на пол, ползу к Ингрид, тащу за собой платок, ползу медленно, из-за действия обезболивающего. Она отходит назад, не отводя от меня дула. Я останавливаюсь.

– Ну же, Генри. Хорошая собачка. *Доверчивая* собачка. – Ингрид снимает пистолет с предохранителя и делает два шага ко мне. Я замираю. Она целится прямо мне в голову. Но затем смеется и приставляет пистолет к своему виску. – А как насчет этого, Генри? Так будет?

– Нет. – *«Нет!»*

– Уверен, Генри? – хмурится она. Перемещает пистолет к своей груди. – А так лучше? В голову или в сердце, Генри?

Она делает шаг вперед. Я могу дотронуться до нее. Могу схватить ее, но Ингрид пинает меня в грудь, я падаю на спину, лежу на полу, глядя вверх на нее, Ингрид наклоняется и плюет мне в лицо.

– Ты любил меня? – спрашивает Ингрид, глядя на меня сверху.

– Да, – отвечаю я.

– Врешь.

И она спускает курок.

18 декабря 2006 года, понедельник (Клэр 35, Генри 43)

КЛЭР: Просыпаюсь посреди ночи. Генри исчез. Я в панике. Сажусь в кровати. Мысли кишат в голове. Может, его переехала машина, он застрял в пустом здании, он замерз. Слышу звук: кто-то плачет. Думаю, что это Альба – может, Генри пошел проверить, что не так с Альбой? – поэтому встаю и иду в ее комнату, но Альба спит, прижавшись к мишке и сбросив на пол одеяла. Иду на звук по коридору, и там, на полу в гостиной, сидит Генри, уткнув лицо в ладони.

– Что случилось? – спрашиваю я, присаживаясь рядом.

Генри поднимает лицо, и я вижу, что у него на щеках блестят слезы в свете фонарей, падающем из окон.

– Ингрид умерла, – отвечает Генри.

Я обнимаю его.

– Ингрид умерла уже давно, – тихо говорю я.

Генри трясет головой.

– Годы, минуты… не имеет значения, – говорит он.

Мы сидим на полу. Наконец Генри произносит:

– Думаешь, уже утро?

– Конечно.

Небо все еще темное. Птиц не слышно.

– Давай вставать, – говорит он.

Привожу кресло-каталку, помогаю ему забраться и везу в кухню. Приношу его купальный халат, и Генри одевается. Сидит за кухонным столом, глядя в окно на покрытый снегом задний дворик. Где-то вдалеке продирается по дороге снегоуборочная машина. Включаю свет. Насыпаю в фильтр кофе, лью воду, включаю кофеварку. Открываю холодильник, но когда спрашиваю Генри, что он хочет на завтрак, он только качает головой. Сажусь за кухонный стол напротив Генри, и он смотрит на меня. Глаза красные, волосы торчат в разные стороны. Руки тонкие, лицо унылое.

– Это была моя ошибка, – говорит Генри. – Если бы меня там не было…

– Ты мог остановить ее?

– Нет. Но пытался.

– Что ж тогда скажешь.

Кофеварка начинает деловито потрескивать. Генри проводит руками по лицу.

– Меня всегда удивляло, почему она не оставила записки, – говорит он.

Я собираюсь спросить, что он имеет в виду, но вижу, что Альба стоит на пороге кухни. На ней розовая ночная рубашка и зеленые тапочки с мышиными мордами. Альба смотрит, прищурившись, и зевает при ярком электрическом свете.

– Привет, ребенок, – говорит Генри.

Альба подходит к нему и опирается на подлокотник кресла-каталки.

– Приве-е-ет, – отвечает она.

– Ты чего встала? – спрашиваю я. – Еще очень рано.

– Как это рано? – удивляется Альба. – Вы готовите кофе, значит, уже утро.

– Ясно, у тебя просто сложился неверный стереотип «кофе значит утро», – говорит Генри. – У тебя дыра в логическом мышлении, подружка.

– Что? – спрашивает Альба.

Она ненавидит в чем-либо ошибаться.

– Ты основываешь свое утверждение на неправильных данных; то есть ты забываешь, что твои родители – кофейные фанаты высшего разряда и что мы можем просто выбраться из постели посреди ночи для того, чтобы выпить ЕЩЕ КОФЕ. – Он рычит как монстр – может быть, как кофейный монстр.

– Я хочу кофе, – говорит Альба. – Я кофейный монстр.

Она рычит на Генри. Но он подхватывает ее под мышки и ставит на пол. Альба бежит вокруг стола ко мне и хватает за плечи.

– Я монстр! – кричит она мне в ухо.

Поднимаюсь и беру Альбу на руки. Она теперь такая тяжелая.

– Да, ты монстр.

Несу ее по коридору и бросаю на кровать. Альба повизгивает от смеха. Часы у нее на тумбочке показывают 4:15 утра.

– Видишь? – показываю я ей. – Тебе еще рано вставать.

После привычной возни Альба укладывается в постель, а я возвращаюсь в кухню. Генри наливает нам кофе. Снова сажусь. Здесь холодно.

– Клэр?

– Мм?

– Когда я умру… – Генри останавливается, отводит глаза, переводит дыхание и начинает сначала: – Я все постепенно собрал, все документы, ну там завещание, письма, кое-что для Альбы, все в моем столе.

Я ничего не могу сказать. Генри смотрит на меня.

– Когда? – спрашиваю я. Генри трясет головой. – Месяцы? Недели? Дни?

– Не знаю, Клэр.

Но он знает; я знаю, что он знает.

– Посмотрел некрологи, да? – спрашиваю я.

Генри медлит, затем кивает. Открываю рот, чтобы задать тот же вопрос, но вдруг становится страшно.

Часы, если не дни

24 декабря 2006 года, пятница (Генри 43, Клэр 35)

ГЕНРИ: Просыпаюсь рано, так рано, что спальня еще голубая в предрассветной мгле. Лежу в постели, прислушиваясь к глубокому дыханию Клэр, слушая редкие звуки машин на Линкольн-авеню, перекрикивания ворон, гудение печи. Ноги болят. Сажусь выше на подушку, нахожу викодин в тумбочке. Принимаю две таблетки и запиваю выдохшейся колой.

Соскальзываю обратно под одеяло и поворачиваюсь на бок. Клэр спит лицом вниз, руки прикрывают голову. Волосы спрятаны под одеялом. Без копны волос Клэр кажется меньше. Она спит как невинный ребенок. Пытаюсь вспомнить, видел ли я когда-нибудь спящую маленькую Клэр. Оказывается, нет. Я думаю об Альбе. Свет меняется. Клэр шевелится, поворачивается ко мне, на бок. Изучаю ее лицо. Несколько тонких морщин в уголках глаз и рта, незначительное подражание лицу зрелой Клэр. Горько сожалею о том, что никогда не увижу ее с этим лицом, с которым она будет продолжать жить без меня, которое я никогда больше не поцелую, которое будет принадлежать миру без меня, миру, где я буду только воспоминанием Клэр, наконец отнесенным к определенному прошлому.

Сегодня тридцать седьмая годовщина смерти моей матери. Я думал о ней, страдал без нее каждый день в течение этих тридцати семи лет, и мой отец тоже, думаю, не забывал о ней ни на секунду. Если бы живая память могла оживлять людей, мама была бы нашей Эвридикой, она бы восстала, как леди Лазарь, от упрямой смерти, чтобы утешить нас. Но все наши стенания не продлили ей жизнь ни на секунду, ни на один удар сердца, ни на один вздох. Единственное, что я мог, – это перенестись к ней. Что будет делать Клэр, когда я умру? Как я ее оставлю?

Слышу, как Альба разговаривает в постели. «Эй, – говорит она. – Привет, мишка! Шш, давай спать ложись». Тишина. «Папа?» Смотрю на Клэр: проснулась она или нет. Она спит. «Папа!»

Я осторожно поворачиваюсь, выпутываюсь из одеял, с трудом опускаюсь на пол. Выползаю из нашей спальни, направляюсь по коридору в спальню Альбы. Она хихикает, завидев меня. Я рычу, и Альба гладит меня по голове, как собаку. Она сидит на кровати, среди всех своих мягких игрушек.

– Двигайся, Красная Шапочка.

Альба отодвигается, и я забираюсь на кровать. Она торопливо обкладывает меня игрушками. Обнимаю ее и откидываюсь назад, а она протягивает мне голубого мишку.

– Он хочет суфле.

– Еще немного рановато для суфле, голубой мишка. Как насчет яйца пашот и тоста?

Альба кривится. Для этого она стягивает губы, брови и нос.

– Мишка не любит яйца, – объявляет она.

– Шш! Мама спит.

– Ясно, – громким шепотом говорит Альба. – Мишка хочет голубое желе.

Слышу стон Клэр, она начинает собираться в другой комнате.

– Пшеничное желе? – хитро спрашиваю я.

Альба думает.

– С бурым сахаром?

– Да.

– Хочешь приготовить?

– Да. Повезешь?

Я соскальзываю с кровати и задумываюсь. Ноги сильно болят, а Альба стала слишком большой, чтобы возить ее, но теперь я ни в чем не могу отказать ей.

– Конечно. Прыгай.

Я стою на четвереньках. Альба залезает мне на спину, и мы едем на кухню. Сонная Клэр стоит у раковины, наблюдая, как в кофейник капает кофе. Подхожу к ней и бодаю головой под колени, она хватает Альбу за руки и поднимает ее вверх, Альба все время хохочет как ненормальная. Я забираюсь на свой стул.

Клэр улыбается и спрашивает:

– Что на завтрак, повара?

– Желе! – вопит Альба.

– Мм. Какое желе? Из кукурузы?

– Не-е-ет!

– Из бекона?

– Вот еще!

Альба виснет на Клэр и тянет за волосы.

– Ой! Не надо, дочка. Тогда, наверное, это овсяное желе.

– Пшеничное!

– Пшеничное желе, вкуснота. – Клэр достает бурый сахар, молоко и пакетик пшеницы. Ставит на стойку и вопросительно смотрит на меня: – А тебе? Желе из омлета?

– Если приготовишь, то да.

Я с восхищением смотрю, как деловито Клэр ходит по кухне, словно она Бетти Крокер[122], словно она это делала долгие годы. Она справится без меня, думаю я, наблюдая за ней, но я знаю, что это не так. Смотрю, как Альба смешивает воду с пшеницей, и думаю о ней, десяти-, пятнадцати-, двадцатилетней. Но еще не конец. Я еще не выдохся. Я хочу быть здесь. Я хочу видеть их, хочу обнимать их, я хочу жить…

– Папа плачет… – шепчет Альба Клэр.

– Это потому, что приходится есть мою стряпню, – говорит ей Клэр и подмигивает мне, и я вынужден рассмеяться.

[122] Рекламный персонаж, торговая марка продуктов быстрого приготовления.

Канун Нового года, часть вторая

31 декабря 2006 года, воскресенье (Клэр 35, Генри 43) (19:25)

КЛЭР: У нас будет праздник! Сначала Генри не хотел, но теперь выглядит абсолютно довольным. Он сидит за кухонным столом и показывает Альбе, как вырезать цветы из моркови и редиски. Признаю, что играю не совсем честно: я высказала идею в присутствии Альбы, она так обрадовалась – и он не решился разочаровывать ее.

– Все будет замечательно, Генри. Позовем всех, кого знаем.

– Всех? – спрашивает он с улыбкой.

– Всех, кого *захотим,* – исправляюсь я.

И теперь я целыми днями убираю дом, Генри и Альба пекут печенье (хотя Альба съедает половину теста, если недосмотреть). Вчера мы с Клариссой пошли в бакалею и купили соус, картофель фри, паштеты, всевозможные овощи, пиво, вино, шампанское, маленькие цветные канапе, салфетки с золотыми словами «С Новым годом!», разноцветные бумажные тарелки и бог знает что еще. Теперь весь дом пахнет тефтелями и быстро осыпающейся рождественской елкой в гостиной. Алисия тоже здесь, моет бокалы для вина.

Генри поднимает на меня глаза и говорит:

– Эй, Клэр, уже пора. Иди прими душ.

Смотрю на часы и понимаю, что да, пора.

В ванной мою голову, сушу волосы, надеваю трусики, лифчик, чулки и черное шелковое вечернее платье, туфли на шпильке. Брызгаюсь духами, чуть-чуть крашу губы, последний взгляд в зеркало (выгляжу напуганной), и обратно в кухню, где Альба, довольно странно, все еще чистая в синем бархатном платье, а Генри по-прежнему в дырявой красной фланелевой рубашке и драных синих джинсах.

– А ты переодеваться будешь?

– О… да. Конечно. Поможешь, ладно?

Везу его в нашу спальню.

– Что хочешь надеть? – Я быстро просматриваю его ящики в поисках трусов и носков.

– Все равно. Выбирай сама. – Генри протягивает руку и захлопывает дверь. – Иди сюда.

Прекращаю поиски и смотрю на Генри. Он ставит кресло-коляску на тормоз и устраивается на кровати.

– Времени нет, – говорю я.

– Точно. Поэтому не трать его на болтовню.

Голос такой тихий и неотразимый. Я закрываю дверь на защелку.

– Знаешь, я только что оделась…

– Шш!

Он протягивает ко мне руки, и я сдаюсь, сажусь рядом с ним, и в голове рождается непрошеная фраза: «Последний раз».

(20:05)

ГЕНРИ: Звонок в дверь раздается в тот момент, когда я завязываю галстук. Клэр нервно спрашивает:

– Я нормально выгляжу?

О да. Она розовая и миленькая, и я ей так и говорю. Мы появляемся из спальни, когда Альба бежит открывать дверь и начинает кричать:

– Дедушка! Дедушка! Кимми!

Отец сбивает снег с ботинок и наклоняется обнять ее. Клэр целует его в обе щеки. Отец отдает ей пальто. Альба захватывает Кимми и ведет ее смотреть елку, не дав ей даже раздеться.

– Привет, Генри, – улыбаясь, говорит отец, и внезапно до меня доходит: сегодня моя жизнь в последний раз промелькнет перед моими глазами.

Мы пригласили всех, кто нам дорог: отец, Кимми, Алисия, Гомес, Кларисса, Филип, Марк и Шерон с детьми, бабушка, Бен, Хелен, Рут, Кендрик и Нэнси с детьми, Роберто, Кэтрин, Изабель, Мэтт, Амелия, друзья-художники Клэр, мои друзья из библиотеки, родители друзей Альбы, арт-дилер Клэр, даже Селия Аттли, по настоянию Клэр… Не хватает только тех, кто прийти никак не мог: моя мама, Люсиль, Ингрид… О боже. Помоги мне.

(20:20)

КЛЭР: Гомес и Кларисса влетают, как два истребителя-камикадзе.

– Эй, Книжный Мальчик, ты что, тротуар никогда не расчищаешь?

Генри ударяет себя по лбу:

– Так и думал, что что-то забыл.

Гомес плюхает Генри на колени пакет, полный компакт-дисков, и уходит чистить тротуар. Кларисса смеется и идет за мной на кухню. Вынимает огромную бутылку русской водки и сует в морозилку. Мы слышим, как Гомес поет «Пусть идет снег», расчищая лопатой путь от дома.

– Где дети? – спрашиваю я Клариссу.

– Мы их оставили у моей мамы. Это Новый год; мы решили, что с бабушкой им будет веселее. К тому же собираемся маяться с похмелья без свидетелей, понимаешь?

На самом деле я никогда об этом не думала; я ни разу не пила после того, как была зачата Альба. Альба вбегает в кухню, и Кларисса радостно обнимает ее:

– Эй, детка! Мы принесли тебе подарок!

Альба смотрит на меня.

– Ну же, открывай.

Это крошечный маникюрный набор – полный комплект, вплоть до лака для ногтей. Альба в восторге открывает рот. Я тихонько ее пихаю, и она вспоминает:

– *Спасибо,* тетя Кларисса.

– Пожалуйста, Альба.

– Иди папе покажи, – говорю я ей, и она убегает в направлении гостиной.

Просовываю голову в коридор и вижу, что Альба взволнованно размахивает руками, стоя перед Генри, а он сидит, протянув ей руки, как будто подумывая об удалении ногтей под местным наркозом.

– Вот это да, – говорю я Клариссе.

– Это у меня была такая мечта в детстве, – улыбается она. – Я хотела работать в салоне красоты.

– Но не научилась, поэтому стала художницей, – смеюсь я.

– Я встретила Гомеса и поняла, что никто никогда не сможет свергнуть женоненавистническую буржуазно-капиталистическую корпоративную систему путем химической завивки.

– Конечно, продавая искусство, мы тоже не совсем поставили ее на колени.

– Говори за себя, детка. Ты просто помешана на красоте, вот и все.

– Виновата, поняла, поняла.

Мы идем в столовую, и Кларисса начинает нагружать свою тарелку.

– Над чем ты работаешь? – спрашиваю ее я.

– Компьютерные вирусы как искусство.

– Ого. – «О нет!» – А это разве не противозаконно?

– Ну, нет. Я просто сочиняю их, затем рисую на полотнах HTML-код, а потом устраиваю выставку. В Сеть я их и не запускаю.

– Но это может кто-то другой сделать.

– Конечно, – хитро улыбается Кларисса. – Надеюсь, кто-нибудь и сделает. Гомес издевается, но некоторые из этих маленьких рисунков могут доставить серьезные неудобства Всемирному банку, и Биллу Гейтсу, и ублюдкам, которые делают банкоматы.

– Ну, тогда удачи. Когда выставка?

– В мае. Я тебе открытку пошлю.

– Да, когда я ее получу, то переведу все наши активы в золото и запасусь бутылями с водой.

Кларисса смеется. Появляются Кэтрин и Амелия, и мы прекращаем разговор о всемирной анархии посредством искусства и начинаем восхищаться вечерними платьями друг друга.

(20:50)

ГЕНРИ: Дом полон родных и близких, некоторых из них я не видел после операции. Ли Джейкобс, арт-дилер Клэр, тактична и приветлива, но мне трудно выдержать жалость в ее глазах. Селия удивляет меня тем, что подходит прямо ко мне и протягивает руку. Я ее пожимаю.

– Мне жаль видеть тебя таким, – говорит она.

– Ну зато ты выглядишь потрясающе, – отвечаю я.

И не вру. Волосы забраны очень высоко, и она одета во что-то блестящее, синее.

– Угу, – говорит Селия своим коронным сладким голосом. – Мне больше нравилось, когда ты был плохим и я могла просто ненавидеть твою тощую белую задницу.

– А, старые добрые времена, – смеюсь я.

Она копается в сумочке.

– Я нашла это давным-давно в вещах Ингрид. Думала, Клэр это заинтересует.

Селия дает мне фотографию. На ней я году, наверное, в девяностом. Волосы длинные, я смеюсь, стоя без рубашки на Оук-стрит-бич. Фотография классная. Не помню, когда Ингрид сделала этот снимок, но, в конце концов, было столько моментов, связанных с Ингрид, которые сейчас и не упомнить.

– Да, думаю, ей это очень понравится. *Memento mori*[123]. – Я отдаю ей фотографию.

– Ты не умер, Генри Детамбль, – зло смотрит на меня Селия.

– Я не так далек от этого, Селия.

– Ну, – смеется Селия, – если попадешь в ад раньше меня, займи мне место рядом с Ингрид.

Она резко поворачивается и идет искать Клэр.

(21:45)

КЛЭР: Дети набегались и объелись, и теперь они сонные и капризные. Прохожу в коридоре мимо Колина Кендрика и спрашиваю, не хочет ли он вздремнуть; он очень важно отвечает, что хочет остаться со взрослыми. Я тронута его вежливостью и юной красотой, его застенчивостью в разговоре со мной, хотя он знает меня всю жизнь. Альба и Надя Кендрик не так сдержанны.

[123] Помни о смерти *(лат.)*.

– Ма-а-ам, – блеет Альба, – ты же *сказала,* что мы можем *остаться*!

– Конечно, но разве вы не хотите ненадолго прилечь? Прямо перед полночью я разбужу вас.

– Не-е-ет.

Кендрик слушает этот диалог, я пожимаю плечами, а он смеется.

– Упорная парочка. Хорошо, девчонки, давайте вы пока тихонько поиграете в комнате Альбы.

Они уходят, ворча. Мы знаем, что через несколько минут они будут счастливо играть.

– Рад увидеть вас, Клэр, – говорит Кендрик, когда подходит Алисия.

– Привет, Клэр. Посмотри-ка на папу.

Смотрю по направлению взгляда Алисии и вижу, что наш отец флиртует с Изабель.

– Кто это?

– О господи! – смеюсь я. – Это Изабель Берк.

Начинаю описывать сексуальные наклонности Изабель. Мы так смеемся, что почти дышать не можем.

– Ну, здорово. О, прекращаем, – говорит Алисия.

К нам подходит Ричард, привлеченный нашей истерикой:

– Что такого смешного, *bella donnas*?[124]

Мы трясем головами, продолжая хихикать.

– Они издеваются над брачными ритуалами собственных предков, – говорит Кендрик.

Ричард кивает, смущенный, и спрашивает Алисию о расписании ее весенних концертов. Они удаляются по направлению к кухне, болтая о Бухаресте и Бартоке. Кендрик по-прежнему стоит около меня, хочет сказать что-то, чего я не хочу слышать. Я говорю, что мне нужно идти, и он берет меня за руку.

– Подождите, Клэр… Мне жаль, – говорит он.

– Все в порядке, Дэвид.

Секунду мы смотрим друг на друга. Кендрик качает головой и шарит по карманам в поисках сигарет.

– Если когда-нибудь захотите прийти в лабораторию, я бы показал, что делаю для Альбы…

Я оглядываюсь, ищу Генри. В гостиной Гомес показывает Шерон, как танцевать румбу. Кажется, все веселятся от души, но Генри нигде не видно. Я не видела его уже по меньшей мере минут сорок пять и чувствую сильное желание его найти, убедиться, что он в порядке, убедиться, что он *здесь.*

– Простите, – говорю я Кендрику, который смотрит так, как будто хочет продолжить разговор. – В другой раз. Когда будет потише.

Он кивает. Появляется Нэнси Кендрик с Колином на буксире, и разговор становится невозможным. Они пускаются в шумное обсуждение хоккея на льду, а я исчезаю.

(21:48)

ГЕНРИ: В доме стало слишком жарко, и мне нужно остыть, поэтому я сижу на закрытом переднем крыльце. Слышу, как в гостиной разговаривают люди. Падает плотный быстрый снег, прикрывая все машины и кусты, смягчая их резкие углы и заглушая шум движения. Прекрасный вечер. Открываю дверь между крыльцом и гостиной.

– Эй, Гомес.

– Да? – спрашивает он, подбегая и высовывая голову из-за двери.

[124] Прекрасные дамы *(исп.).*

– Пойдем наружу.

– Да тут чертовски холодно.

– Пойдем, старый больной олдермен.

Что-то в моем голосе заставляет его послушаться.

– Хорошо, хорошо. Секунду.

Он исчезает и через несколько минут возвращается в пальто, приносит и мое. Когда я просовываю в него руки, он предлагает мне фляжку.

– О нет, спасибо.

– Водка. Волосы на груди дыбом встанут.

– С опиатами не пойдет.

– А, да. Быстро мы забываем.

Гомес провозит меня через гостиную. У верхней ступеньки он вынимает меня из кресла, и я еду у него на спине, как ребенок, как обезьянка, мы выходим за дверь, на улицу. Холодный воздух обтягивает меня как экзоскелет. Чувствую запах алкоголя в дыхании Гомеса. Где-то там, за натриевыми парами Чикаго, сияют звезды.

– Товарищ!

– А?

– Спасибо за все. Ты был лучшим…

Не могу видеть его лицо, но все равно понимаю, что Гомес застыл под всеми слоями одежды.

– О чем это ты?

– Моя старуха уже точит косу, Гомес. Время вышло. Игра окончена.

– Когда?

– Скоро.

– Как скоро?

– Не знаю, – вру я. «Очень, очень скоро». – В любом случае, я просто хотел сказать… знаю, что иногда я был настоящим мерзавцем. – (Гомес смеется.) – Но это было здорово. – Я останавливаюсь, еле сдерживая слезы. – Это было действительно здорово.

Мы стоим, невразумительные американские особи мужского пола, дыхание замерзает перед нами крошечными облачками, возможные слова остались непроизнесенными, и наконец я говорю:

– Пойдем внутрь.

И мы возвращаемся.

Бережно посадив меня в кресло, Гомес обнимает меня на секунду и потом уходит тяжелой походкой, не оглядываясь.

(22:15)

КЛЭР: Генри нет в гостиной, где маленькая, но решительная группа людей пытается танцевать разными и невероятными способами под *Squirrel Nut Zippers*. Кларисса с Мэттом выделывают что-то похожее на ча-ча-ча, Роберто довольно неплохо танцует с Кимми, которая движется осторожно, но абсолютно точно в стиле фокстрота. Гомес оставил Шерон ради Кэтрин, которая вскрикивает, когда он крутит ее, и смеется, когда он прекращает па, чтобы прикурить.

Генри нет в кухне, которую заняли Рауль, Джеймс, Лурдес и остальные мои приятели-художники. Они угощают друг друга историями об ужасных вещах, которые арт-дилеры творят с художниками, и наоборот. Лурдес рассказывает о том, как Эд Кьенхольц сделал кинетическую скульптуру, которая просверлила огромную дыру в дорогущем столе его дилера. Все издевательски смеются. Я грожу им пальцем и говорю:

– Смотрите, чтобы Ли не услышала.

– А где Ли? – кричит Джеймс. – Спорю, *она* сможет нам рассказать классные вещи…

Он идет искать моего дилера, она на лестнице пьет коньяк с Марком.

Бен заваривает себе чай. У него специальный мешочек на молнии, где есть все сорта вонючих трав, которые он осторожно отмеряет в чайное ситечко и макает в кружку с кипятком.

– Ты Генри не видел? – спрашиваю я его.

– Видел, я только что говорил с ним. Он на главном крыльце. – Бен смотрит на меня. – Я беспокоюсь за него. Он такой грустный. Он… – Бен замолкает, делает жест, означающий «может, я и ошибаюсь». – Он напомнил мне моих пациентов, когда они думают, что им недолго осталось жить…

У меня сердце падает.

– Он так угнетен из-за ног…

– Я знаю. Но он разговаривал так, как будто собирается сесть на поезд, который отправляется *немедленно.* Знаешь, он мне сказал… – Бен понижает голос, который и так всегда тихий, и я едва слышу его сейчас. – Он сказал, что *любил* меня, и поблагодарил… Ну, люди, *парни* не говорят такого, если думают, что протянут еще долго, так?

Глаза Бена плавают за стеклами очков, я обнимаю его, и мы стоим так с минуту, мои руки охватывают усохшее тело Бена. Вокруг нас болтают люди, никто не обращает внимания.

– Не хочу никого пережить, – говорит Бен. – Господи. Выпив тонны этого жуткого пойла и пятнадцать лет пробыв чертовым страдальцем, я думаю, что заслужил право, чтобы все, кого я знаю, собрались у моего гроба и сказали: «Достойно помер» – или что-нибудь в этом роде. Я рассчитываю, что Генри будет там и процитирует Донна: «Смерть, не гордись, ты, долбаная дура». Это будет чудесно.

– Ну, – смеюсь я, – если Генри этого не сделает, то я смогу. Я иногда неплохо изображаю Генри.

Я поднимаю одну бровь, задираю подбородок, понижаю голос:

– «Мы будем спать во гробе до зари и вновь воспрянем, ты же, Смерть, будешь сидеть на кухне в одних портках в три утра, разгадывая старый кроссворд…»[125]

Бен сгибается от смеха. Я целую его в гладкую бледную щеку и иду дальше.

Генри сидит один на главном крыльце, в темноте, глядя на снег. Я едва ли выглянула сегодня в окно за весь день и теперь понимаю, что уже давно идет снег. Снегоуборочные машины шумят на Линкольн-авеню, и наши соседи счищают снег с дорожки. Хотя крыльцо закрыто, все равно холодно.

– Пойдем внутрь, – говорю я.

Стою около него, глядя, как на другой стороне улицы в снегу прыгает собака. Генри обнимает меня за талию и прислоняется головой к бедру.

– Жаль, я не могу сейчас остановить время, – говорит он.

Я пробегаю пальцами по его волосам. Они жестче и гуще, чем раньше, до того как поседели.

– Клэр.

– Генри.

– Пора… – Он останавливается.

– Что?

– Это… я…

---

[125] Здесь и выше с искажениями цитируется один из «Благочестивых сонетов» Джона Донна в переводе С. Я. Маршака: Смерть, не гордись, когда тебя зовутМогучей, грозной. Жалкие слова!Кого взяла ты – в вечности живут,И навсегда моя душа жива.Покой и сон – измученным приют.И ты, о смерть, надеюсь, такова.Ты лучшие земные существаОсвободить спешишь от рабских пут.Слуга судьбы, злодеев, королей,С войной, чумой в соседстве ты живешь.Но не гордись: как твой разящий нож,Дает забвенье мак, цветок полей.Мы будем спать во гробе до зариИ вновь воспрянем. Ты же, смерть, умри!

– Господи. – Я сажусь на тахту, глядя на Генри. – Но… не надо. Просто… останься. – Я сильно сжимаю его руку.

– Это уже случилось. Постой, дай я сяду рядом с тобой.

Он вытаскивает себя из кресла и садится на тахту. Мы лежим на холодной ткани. Я дрожу в тонком платье. В доме смеются и танцуют. Генри обнимает меня, согревая.

– Почему ты мне не сказал? Зачем позволил мне пригласить всех этих людей? – Я не хочу сердиться, но ничего не могу поделать.

– Не хотел, чтобы ты была одна… после этого. И хотел со всеми попрощаться. Было здорово, последнее ура…

Мы лежим тихо какое-то время. Бесшумно падает снег.

– Сколько времени?

– Двенадцатый час. – Я смотрю на часы. – О господи.

Генри берет с другого кресла одеяло и заворачивает нас в него. Поверить в это не могу. Я знала, что это будет скоро, что это должно случиться рано или поздно, но вот оно пришло, и мы лежим здесь и ждем…

– О, почему мы ничего не можем *сделать*! – шепчу я Генри в шею.

– Клэр…

Руки Генри обнимают меня. Я закрываю глаза.

– Останови это. Откажись. *Измени это.*

– О Клэр!

Голос у Генри тихий, я смотрю на него и вижу слезы, они сияют в отражающемся от снега свете. Кладу голову на плечо Генри. Он гладит мои волосы. Лежим так долго-долго. Генри потный. Прикладываю ладонь к его лицу – он горит как в лихорадке.

– Сколько времени?

– Почти полночь.

– Мне страшно.

Я обвиваю его руки своими, опутываю его ногами. Невозможно поверить, что Генри, такой крепкий, мой любовник, это настоящее тело, которое я держу, прижавшись изо всех сил, может исчезнуть.

– Поцелуй меня!

Я целую Генри, и вот я одна, под одеялом, на тахте, на холодном крыльце. Идет снег. Внутри смолкает музыка, и я слышу, как Гомес считает: «Десять! Девять! Восемь!» – все присоединяются: «Семь! Шесть! Пять! Четыре! Три! Два! Один! *С Новым годом!*» Хлопают пробки шампанского, все разом начинают говорить, кто-то кричит: «А где Генри и Клэр?» На улице пускают ракеты. Сжимаю голову руками и жду.

III. Трактат о тоске

Сорок три –
Воистину недолог век того,
Кто в щели, испещрившие кору
Вещественного, видел Бесконечность.

А. Байетт. Обладать[126]

Она шла медленно, как по слогам,
как будто опасаясь оступиться,
и так, как будто за преградой, там,
она вздохнет и полетит, как птица.

Райнер Мария Рильке.
Из стихотворения «Слепнущая»[127]

*****

27 октября 1994 года, суббота / 1 января 2007 года, понедельник (Генри 43, Клэр 35)

ГЕНРИ: Небо пустое, я падаю в высокую траву («Только бы побыстрее»). Я стараюсь не шуметь, и, конечно, отдаленный треск ружей не имеет ко мне никакого отношения… Но нет: меня бросает на землю, я смотрю на свой живот, который разрывается, как гранат, суп из кишок и крови в чаше моего тела; совсем не больно («Такого не бывает»), и я просто смотрю на эту кубистскую версию своих внутренностей. («Кто-то бежит».) Единственное, что я хочу, – это видеть Клэр, и я кричу ее имя («Клэр, Клэр!»)…

И Клэр склоняется надо мною, она плачет, Альба шепчет: «Папочка…»

– Люблю…
– Генри…
– Всегда…
– Боже, боже…
– Мир достаточно…
– Нет!
– И время…
– *Генри!*

КЛЭР: В гостиной очень тихо. Все смотрят на нас, замерев, остолбенев. Поет Билли Холидей, потом кто-то выключает проигрыватель, и наступает тишина. Сижу на полу, держу Генри. Альба склонилась над ним, шепчет ему в ухо, трясет его. Кожа Генри теплая, глаза открыты, смотрит мимо меня, он тяжелый в моих руках, такой тяжелый, бледная кожа разо-

[126] Перевод В. Ланчикова, Д. Псурцева.

[127] Перевод В. Летучего.

рвана, все внутри красное, разодранная плоть обрамляет тайный мир крови. Качаю Генри. В уголке рта у него кровь. Вытираю ее. Неподалеку взрываются хлопушки.

– Думаю, нужно вызвать полицию, – говорит Гомес.

Распад

2 февраля 2007 года, пятница (Клэр 35)

КЛЭР: Сплю весь день. Вокруг дома роятся шорохи – в аллее шумит мусороуборочная машина, идет дождь, деревья стучат в окно спальни. Я сплю. Я проживаю во сне уверенно, призывая сон, манипулируя им, отталкивая сновидения, отказываясь, отказываясь. Теперь сон – это мой любовник, мое забытье, мой опиат, мое забвение. Звонит и звонит телефон. Я выключила автоответчик, отвечающий голосом Генри. День, ночь, утро. Все ограничивается размером кровати, этой бесконечной дремотой, которая заставляет дни перетекать из одного в другой, время – останавливаться, растягиваться и сжиматься, пока оно не потеряет смысла.

Иногда сон покидает меня, и я притворяюсь спящей, словно жду, что Этта придет будить меня в школу. Я медленно и глубоко дышу. Заставляю глаза не дрожать под ресницами, успокаиваю сознание, и вскоре сон, видя замечательную репродукцию самого себя, приходит в единение со своим факсимиле.

Иногда я просыпаюсь и пытаюсь нащупать Генри. Сон стирает все различия: тогда и сейчас, жизнь и смерть. Я вне голода, вне тщеславия, вне заботы. Сегодня утром в ванной я бросила взгляд на свое отражение в зеркале. Кожа как бумажная, худая, желтая, под глазами круги, волосы спутаны. Как покойница. Ничего не хочу.

Кимми садится в изножье кровати.

– Клэр, – говорит она, – Альба пришла из школы… Ты позволишь ей войти поздороваться?

Притворяюсь, что сплю. Маленькая ладошка Альбы гладит мое лицо. Из моих глаз текут слезы. Альба ставит что-то – рюкзак? чехол со скрипкой? – на пол, и Кимми говорит:

– Разуйся, Альба.

Она залезает в мою постель. Обнимает меня, подсовывает голову мне под подбородок. Вздыхаю и открываю глаза. Альба притворяется спящей. Смотрю на ее черные густые ресницы, широкий рот, бледную кожу; она тщательно дышит, сжимая мое бедро сильной рукой, пахнет карандашной стружкой, канифолью, шампунем. Я целую ее макушку. Альба открывает глаза, и ее сходство с Генри почти непереносимо. Кимми встает и выходит из комнаты.

Позднее я просыпаюсь, иду в душ, ужинаю с Кимми и Альбой. Сижу за столом Генри после того, как Альба ложится спать, открываю ящики, вынимаю стопки писем и бумаг и начинаю читать.

> *Вскрыть в случае моей смерти.*
> *10 декабря 2006 года*
> Дорогая Клэр,
>
> Я пишу это, сидя за своим столом в дальней спальне, глядя на твою мастерскую через двор, полный голубого вечернего снега, все гладкое и твердое от снега, и очень тихо. Это один из тех зимних вечеров, когда все такое холодное, что, кажется, замедляет время, как узкий центр песочных часов, через который течет струйка времени, но оно течет медленно, медленно. У меня такое чувство сейчас, очень знакомое, когда я вне времени, но которого почти никогда нет во времени, как будто время качает меня, без усилий выталкивает на поверхность, как толстую пловчиху. Сегодня вечером, когда я один в доме (ты на сольном концерте Алисии в «Санта-Люсии»), у меня

появилось желание написать тебе письмо. Вдруг мне захотелось оставить что-то *на потом*. Думаю, что осталось уже немного времени. Чувство такое, как будто все мои запасы – энергии, удовольствия, времени – стали тонкими и маленькими. Я не смогу долго жить с этим. Я знаю, что ты знаешь.

Если ты читаешь это, я, вероятно, мертв. (Я говорю «вероятно», потому что никогда не знаешь, как сложатся обстоятельства; кажется глупым и напыщенным просто объявить о собственной смерти как непреложном факте.) Насчет моей смерти… надеюсь, это было просто, чисто и не запутанно. Надеюсь, я не слишком много шума наделал. Прости. (Это выглядит как записка самоубийцы. Странно.) Но знаешь: знаешь, если бы я мог остаться, если бы мог продолжать жить, то цеплялся бы за каждую секунду: какая бы она ни была, эта смерть, ты знаешь, что она пришла и забрала меня силой, как в сказках ребенка уносят гоблины.

Клэр, я снова хочу сказать, что люблю тебя. Наша любовь была нитью в этом лабиринте, сетью под канатоходцем, единственной реальной вещью в моей странной жизни, которой я всегда мог доверять. Сегодня я чувствую, что моя любовь к тебе имеет бóльшую плотность в этом мире, чем я сам: как будто на нее ты сможешь опереться после меня, она тебя окружит, поддержит, удержит.

Ненавижу думать, что ты ждешь. Да, ты ждала меня всю жизнь, никогда не зная, насколько долгим будет это расставание. Десять минут, десять дней. Месяц. Каким же ненадежным мужем я был, Клэр, как моряк, Одиссей, один, борющийся с волнами, погребаемый их огромной массой, иногда хитроумный, а иногда просто игрушка в руках богов. Пожалуйста, Клэр, когда я умру, перестань ждать и будь свободна. От меня – опусти меня глубоко в себя, потом иди в мир и живи. Люби мир и себя в нем, двигайся в нем, как будто нет никакого сопротивления, как будто мир – твоя естественная среда обитания. Я превратил твою жизнь в ожидание, в подобие анабиоза. Это не означает, что ты ничего не сделала. Своим искусством ты создавала красоту, и смысл, и Альбу, которая так изумительна, и меня: для меня ты была всем.

Смерть матери целиком поглотила моего отца. Каждая минута его жизни с тех пор была отмечена ее отсутствием, каждое его действие было плоским, потому что не было ее, чтобы вдохнуть в него жизнь. Матери бы это очень не понравилось. И когда я был молод, я не понимал этого, но теперь знаю, как отсутствие означает присутствие, и оно как больной нерв, как темная птица. Если бы мне пришлось продолжать жить без тебя, я бы не смог, ты знаешь. Но мне хотелось бы видеть, как ты идешь свободная, волосы сияют на солнце. Я не видел это своими глазами, только в воображении, которое создает рисунки, которое всегда хотело нарисовать тебя, сияющую; надеюсь, что это видение будет правдивым.

Клэр, есть одна вещь, о которой не знаю, говорить ли, – боюсь, что если я тебе скажу, то это не сбудется (я знаю, это глупо). И я не хочу, чтобы ты ждала, а это может заставить тебя ждать дольше, чем когда-либо раньше. Но я скажу, на случай если тебе что-то понадобится, *после*.

Прошлым летом я сидел в приемной Кендрика и внезапно оказался в темном коридоре незнакомого дома. Я запутался в груде калош, пахло дождем. В конце коридора я увидел полоску света под дверью, поэтому очень медленно и очень тихо пошел к двери и заглянул в комнату. Комната была белая, залитая ярким летним утренним светом. У окна, спиной ко мне,

сидела женщина, одетая в кораллово-розовый кардиган, с длинными белыми волосами, рассыпанными по спине. Перед ней на столе стояла чашка. Наверное, я чем-то выдал себя, или она почувствовала меня за спиной… Она повернулась и увидела меня, и я увидел ее, и это была ты, Клэр, эта женщина была тобой, в будущем. Это было волшебно, Клэр, словами не передать, прийти к тебе как будто с того света, увидеть все прошедшие годы на твоем лице. Ничего тебе больше не скажу, представь все сама, не хочу, чтобы ты смогла это спланировать, все будет, когда придет время, а оно придет. Мы снова увидимся, Клэр. А пока – живи полной жизнью, будь в этом мире, который так прекрасен.

Уже темно, и я очень устал. Я люблю тебя, всегда. Время – ничто.

Генри

Бытие

12 июля 2008 года, суббота (Клэр 37)

КЛЭР: Кларисса взяла Альбу, Розу, Макса и Джо кататься на роликах в «Рейнбо». Я подъезжаю к ее дому забрать Альбу, но я приехала раньше, а Кларисса задерживается. Открывает дверь Гомес, в одном полотенце.

– Заходи, – говорит он, широко распахивая дверь. – Кофе хочешь?

– Конечно.

Иду за ним через их захламленную гостиную на кухню. Сажусь за стол, который заставлен оставшимися после завтрака тарелками, и расчищаю место, чтобы поставить локти. Гомес шумит у стойки, делает кофе.

– Давненько твою мордочку не видел.

– Была жутко занята. Альба ходит на все эти уроки, я ее везде вожу.

– Над чем-нибудь сейчас работаешь?

Гомес ставит передо мной чашку и блюдечко и наливает кофе. Молоко и сахар уже на столе, и я угощаюсь.

– Нет.

– Ясно. – Гомес облокачивается на кухонную стойку, обняв обеими ладонями чашку. Волосы темные от воды и зачесаны назад. Никогда не замечала раньше, что он начал чуть-чуть лысеть. – Ну а кроме того, что шоферишь на ее высочество, чем занимаешься?

«Чем я занимаюсь? Я жду. Я думаю. Я сижу на нашей кровати и держу старую клетчатую рубашку, которая по-прежнему пахнет Генри, глубоко вдыхаю его запах. Хожу на прогулку в два часа ночи, когда Альба уже крепко спит, долго гуляю, выматывая себя, чтобы уснуть. Веду разговоры с Генри, как будто он здесь, со мной, как будто он может видеть моими глазами, думать моими мозгами».

– Почти ничем.

– Хм.

– А ты?

– Я? Ну… Олдерменствую помаленьку. Играю в строгого главу семьи. Как обычно.

– Ясно.

Потягиваю кофе. Смотрю на часы над раковиной. Они сделаны в форме черной кошки: хвост мотается вперед-назад, как маятник, большие глаза двигаются в такт, тикают громко. Сейчас 11:45.

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо, – качаю я головой.

Судя по тарелкам на столе, у Клариссы и Гомеса были на завтрак медовая дыня, яичница и тосты. Дети ели «Лаки Чармз», «Чириоз» и что-то, намазанное арахисовым маслом. Стол напоминает археологическую реконструкцию семейного завтрака человека двадцать первого века.

– С кем-нибудь встречаешься?

Я смотрю на Гомеса, все еще стоящего у стойки и держащего кофейную чашку на уровне подбородка.

– Нет.

– Почему нет?

«Это не твое дело, Гомес».

– В голову не приходило.

– Тебе нужно об этом подумать.

Он ставит чашку в раковину.

– Почему?

– Потому что тебе нужно что-то новое. Кто-то новый. Ты не можешь просто сидеть всю оставшуюся жизнь и ждать, когда появится Генри.

– Могу. И делаю это.

Гомес делает два шага и останавливается около меня. Наклоняется и прикладывает губы к моему уху.

– Разве ты не скучала… по этому?

Он проводит языком по внутренней части моего уха.

«Да, скучала».

– Уйди, Гомес, – шиплю я, но не двигаюсь.

Сама мысль приковывает меня к месту.

Гомес собирает мои волосы и целует сзади в шею.

«Давай, о да, давай!»

Закрываю глаза. Руки поднимают меня со стула, расстегивают рубашку. Язык на шее, на плечах, на сосках. Слепо протягиваю руку и нахожу махровую ткань, полотенце, оно падает. «Генри». Руки расстегивают мои джинсы, стаскивают их, укладывают меня на кухонный стол. Что-то падает на пол с металлическим грохотом. Еда, столовое серебро, полукруг тарелки, долька дыни под моей спиной. Ноги разведены в стороны. Язык на влагалище. О… «Мы на поляне. Лето. Зеленое одеяло. Мы только что поели, и у меня во рту по-прежнему чувствуется вкус дыни». Язык уходит, оставляя открытое пространство, мокрое и открытое. Открываю глаза; смотрю на полупустой стакан апельсинового сока. Закрываю глаза. Твердое, настойчивое проникновение члена Генри. «Да. Я ждала очень терпеливо, Генри. Я знала, что рано или поздно ты вернешься». Да. Кожа соприкасается, руки на грудях, движение туда и обратно, ритмичное, глубже, да, о…

– Генри…

Все прекращается. Громко тикают часы. Открываю глаза. Гомес смотрит на меня сверху: обиженный? злой? В этот момент его лицо ничего не выражает. Хлопает дверца машины. Я спрыгиваю со стола, бегу в ванную. Гомес кидает мне вслед одежду.

Одеваюсь и слышу, как со смехом через переднюю дверь вваливается Кларисса с детьми. Альба кричит: «Мама?» – и я отвечаю ей: «Сейчас выйду!» Стою в тусклом свете кафельной черно-розовой ванной и смотрю на свое отражение в зеркале. В волосах «Чириоз». Мое отражение выглядит бледным и потерянным. Мою руки, пытаюсь пальцами распутать волосы. «Что я делаю? Что я позволила сделать с собой?»

И ответ приходит: «Теперь ты путешественница во времени».

26 июля 2008 года, суббота (Клэр 37)

КЛЭР: Мы идем в облюбованный туристами ресторанчик «Эд Дебевикс», имитирующий старое придорожное кафе, – в награду Альбе за терпение во время похода по галерее, где мы с Клариссой любовались искусством. Только войдя в дверь, мы с головой окунаемся в атмосферу года шестьдесят четвертого. *Kinks* играют на полную громкость, везде полно плакатов:

«Если вы действительно хороший покупатель, вы закажете больше!!!»

«Пожалуйста, говорите отчетливее, делая заказ».

«Наш кофе так хорош, что мы пьем его даже сами!»

Видимо, сегодня день воздушных шаров в виде животных: джентльмен в сияющем пурпурном костюме вручает Альбе таксу, а затем превращает ее в шляпу и надевает ей на голову. Альба верещит от удовольствия. Где-то полчаса мы стоим в очереди, и Альба даже не пикнула; она смотрит, как флиртуют официанты с официантками, и молча оценивает воздушные шарики у других детей. Наконец официант в очках в роговой оправе и с бэджем «Спаз» подводит нас к столику. Мы с Клариссой открываем меню и пытаемся найти что-нибудь съедобное среди «Чеддар Фрайз» и мясных рулетов. Альба без конца повторяет одно и то же: «Молочный коктейль!» Когда появляется Спаз, на Альбу вдруг нападает стеснительность, и мы клещами вытягиваем из нее, что она будет молочный коктейль с ореховым маслом (и маленькую порцию картофеля фри, потому что, говорю я, обедать только молочным коктейлем – это упадничество). Кларисса заказывает макароны с сыром, а я овощное рагу. Когда Спаз уходит, Кларисса поет: «Альба и Спаз сидят на дереве и Ц-Е-Л-У-Ю-Т-С-Я…» – и Альба прижимает руки к ушам, качает головой и улыбается. Официант с бэджем «Базз» носится за стойкой заказов и поет под караоке Боба Сигера: «Мне нравится этот старый рок-н-ролл».

– Ненавижу Боба Сигера, – говорит Кларисса. – Думаешь, у него ушло больше тридцати секунд, чтобы написать эту песню?

Коктейль появляется в высоком стакане с перегнутой соломинкой и металлическим шейкером, в котором не поместившиеся в бокал остатки. Альба встает на цыпочки, находит идеальный угол для того, чтобы втянуть через трубочку молочный коктейль с арахисовым маслом. Ее шарик в виде собаки, то есть шляпа, съезжает на лоб, мешая сосредоточиться. Она смотрит на меня через черные густые ресницы и сдвигает шляпу наверх, так что она держится на голове только благодаря статическому электричеству.

– Когда придет папа? – спрашивает она.

Кларисса издает звук, как человек, которому пепси случайно попало в нос, и начинает кашлять. Я стучу по ее спине, пока она не показывает мне рукой, чтобы я перестала.

– Двадцать девятого августа, – отвечаю я Альбе, которая вытягивает остаток коктейля, пока Кларисса с укором смотрит на меня.

Затем мы уже в машине, на Лейк-Шор-драйв; я за рулем, Кларисса возится с радио, Альба спит на заднем сиденье. Сворачиваю на Ирвинг-Парк, и Кларисса говорит:

– Разве Альба не знает, что Генри умер?

– Конечно знает. Она же это видела, – напоминаю я Клариссе.

– Ну и почему ты тогда сказала, что он придет в августе?

– Потому что он действительно придет. Он сам назвал мне эту дату.

– О! – Даже глядя на дорогу, я чувствую на себе пристальный взгляд Клариссы. – Разве это… не странно?

– Альбе нравится.

– А тебе?

– Я его никогда не вижу.

Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, как будто меня совсем не мучит такая несправедливость: Альба рассказывает мне о встречах с Генри, а я лишь выпытываю подробности.

«Почему не я, Генри?» – молча спрашиваю я у него, когда подъезжаю к дому Клариссы и Гомеса, проезд к которому завален игрушками. Как всегда, это просто факт, и ничего тут не поделаешь. Кларисса целует меня, выходит из машины, степенно идет к дому, когда вдруг распахивается дверь и появляются Гомес и Роза. Роза бежит к Клариссе, показывая ей что-то, Кларисса смотрит и что-то говорит, потом обнимает дочь. Гомес смотрит на меня и наконец машет рукой. Я машу в ответ. Он отворачивается. Кларисса и Роза ушли в дом. Дверь закрывается.

Я сижу в машине, Альба спит на заднем сиденье. Вороны ходят по газону, где разрослись одуванчики. «Генри, где ты?» Опускаю голову на руль. «Помоги мне». Никто не отвечает. Через минуту завожу машину, выезжаю с дорожки и еду к нашему пустому, ожидающему дому.

3 сентября 1990 года, суббота (Генри 27)

ГЕНРИ: Мы с Ингрид потеряли машину, и мы пьяные. Мы пьяные, темно, и мы ходим туда и сюда, но машины нет. Чертов Линкольн-Парк. Чертовы эвакуаторы Линкольн-Парка. Черт.

Ингрид злится. Она идет впереди, и вся ее спина, даже то, как двигаются ее бедра, выражает злость. В общем-то, это моя ошибка. Чертов ночной клуб «Парк-Вест». Какого черта строить ночной клуб в этой долбаной вотчине яппи, где нельзя оставить машину больше чем на десять секунд, потому что ее обязательно утащат в свое логово злобные эвакуаторы Линкольн-Парка…

– Генри.

– Что?

– Опять эта маленькая девочка.

– Какая маленькая девочка?

– Которую мы видели раньше.

Ингрид останавливается. Я смотрю, куда она показывает. Девочка стоит в дверях цветочного магазина. На ней надето что-то темное, поэтому я вижу только белое лицо и босые ноги. Может, ей лет семь-восемь; слишком маленькая, чтобы одной быть ночью на улице. Ингрид подходит к девочке, которая невозмутимо за ней наблюдает.

– Ты в порядке? – спрашивает ее Ингрид. – Ты потерялась?

Девочка смотрит на нее и отвечает:

– Я *раньше* потерялась, но теперь поняла, где я. Спасибо, – вежливо добавляет она.

– Тебе нужно доехать до дома? Мы можем тебя подвезти, если найдем машину.

Ингрид склоняется над ребенком. Ее лицо, наверное, всего лишь в футе от лица девочки. Подойдя к ним поближе, я замечаю, что девочка одета в мужскую ветровку. Она доходит ей аж до лодыжек.

– Нет, спасибо. Все равно я живу далеко.

У девочки длинные черные волосы и удивительные черные глаза; в желтом свете цветочного магазина она похожа на викторианскую девочку со спичками или на Анну у Де Квинси[128].

– Где твоя мама? – спрашивает Ингрид.

– Дома, – отвечает девочка. – Она не знает, где я.

– Ты убежала из дома? – спрашиваю ее.

– Нет, – отвечает она и смеется. – Я искала своего папу, но, думаю, еще слишком рано. Я вернусь потом.

Она протискивается мимо Ингрид, подходит ко мне, хватает за куртку и притягивает к себе.

– Машина на той стороне, – шепчет она.

Оглядываюсь – и вот он, красный «порше» Ингрид.

– Спасибо… – начинаю я, девочка целует меня в район уха и убегает по тротуару.

Босые ноги шлепают по асфальту, а я смотрю ей вслед. Ингрид очень тихая, когда мы садимся в машину.

– Как странно, – наконец говорю я.

---

[128] *Анна* – персонаж книги Томаса Де Квинси (1785–1859) «Исповедь англичанина, употребляющего опиум» (1822).

Она вздыхает и говорит:

– Генри, иногда ты бываешь на редкость тупым.

И выбрасывает меня у моего дома, не говоря больше ни слова.

29 июля 1979 года, воскресенье (Генри 42)

ГЕНРИ: Какое-то прошлое. Я сижу на Лайтхаус-Бич с Альбой. Ей десять. Мне сорок два. Мы оба переместились во времени. Теплый вечер, может, июль или август. На мне джинсы и белая футболка, украденные из богатого особняка на Норт-Эванстон; на Альбе розовая ночная рубашка, позаимствованная с бельевой веревки какой-то старушки. Она ей слишком длинна, поэтому мы подвернули ее до колен. Люди весь день бросают на нас странные взгляды. Думаю, мы не очень похожи на обыкновенных отца с дочкой на пляже. Но мы отдохнули замечательно: наплавались и построили замок из песка. Съели гамбургеры с картофелем фри, которые купили на парковке. У нас нет одеяла или полотенец, поэтому мы все в песке, мокрые и приятно усталые, и сидим, глядя, как среди волн туда-сюда гоняются маленькие дети, а за ними прыгают большие глупые собаки. Солнце садится за нами, и мы смотрим на воду.

– Расскажи мне историю, – просит Альба, прислоняясь ко мне, холодная, как рыба.

– Какую историю? – спрашиваю я, обнимая ее.

– Хорошую. Про тебя и про маму, когда мама была маленькой девочкой.

– Хм. Хорошо. Однажды…

– Когда это было?

– Сразу во все времена. И давно, и прямо сейчас.

– И там и тут?

– Да, всегда и там и тут.

– Как такое бывает?

– Ты хочешь слушать историю или нет?

– Да…

– Ну, тогда так. Однажды твоя мама жила в большом доме рядом с долиной, и в долине было место, которое называлось поляной, и мама любила там играть. И в один прекрасный день твоя мама, которая была крошечной девочкой и у которой волос было больше, чем тела, вышла на поляну, а там был мужчина…

– Без одежды!

– Да, на нем даже нитки не было, – соглашаюсь я. – И после того как твоя мама дала ему свое пляжное полотенце, чтобы он смог прикрыться, он объяснил, что он путешественник во времени, и почему-то она ему поверила…

– Потому что это было правдой!

– Ну да, но откуда она могла об этом знать? В общем, она действительно поверила ему и позднее оказалась настолько глупа, что вышла за него замуж, вот так все и было.

Альба пинает меня в живот.

– Рассказывай *правильно,* – требует она.

– Ого! Как я могу что-нибудь рассказывать, если ты меня так бьешь? Ничего себе.

Альба сидит тихо. Потом говорит:

– А почему ты никогда не встречаешься с мамой в будущем?

– Не знаю, Альба. Я бы встречался, если бы мог.

Небо у горизонта синеет, начинается отлив. Я встаю и даю руку Альбе, чтобы она поднялась. Она отряхивает рубашку от песка, потом вдруг замирает, поворачивается ко мне, вскрикивает и исчезает, а я остаюсь на пляже, держа влажную ночную рубашку и глядя на крошечные отпечатки ног Альбы в меркнущем свете.

Возрождение

4 декабря 2008 года, четверг (Клэр 37)

КЛЭР: Холодное, яркое утро. Отпираю дверь мастерской и сбиваю снег с ботинок. Открываю жалюзи, включаю печку. Включаю кофеварку. Стою посередине мастерской и осматриваюсь.

На всем лежит двухлетний слой пыли и неподвижности. На чертежном столе ничего нет. Мешалка стоит чистая и пустая. Лекала и декели аккуратно разложены, мотки проволоки лежат нетронутые у стола. Краски и пигменты, банки с кисточками, приспособления, книги; все точно как я оставила. Эскизы, которые я прикрепила к стене, пожелтели и съежились. Открепляю их и выбрасываю в мусорную корзину.

Сажусь за чертежный стол и закрываю глаза.

Ветер бросает ветви деревьев на стену дома. Машина проезжает по слякоти в проулке. Шипит и плюется кофеварка, выжимая по каплям кофе в кофейник. Открываю глаза, ежусь и плотнее кутаюсь в толстый свитер.

Когда я проснулась сегодня утром, у меня появилось непреодолимое желание прийти сюда. Это было как вспышка: назначенная встреча с моей старой любовью, искусством. Но теперь я сижу здесь, жду… чего-то… что придет ко мне, но ничего не происходит. Открываю папку с бумагой и достаю лист цвета индиго. Он тяжелый и немного грубый, глубокого синего цвета и холодный на ощупь, как железо. Кладу его на стол. Стою и смотрю на него какое-то время. Вынимаю несколько кусочков мягкой белой пастели и взвешиваю в руке. Затем кладу их и наливаю кофе. Смотрю в окна на заднюю часть дома. Если бы Генри был здесь, он сидел бы за столом и смотрел на меня в окно. Или, может, играл бы в «скрэббл» с Альбой, или читал комиксы, или готовил суп на обед. Потягиваю кофе и пытаюсь заставить время повернуться, стереть разницу между сейчас и тогда. Меня здесь держит только моя память. Время, пусть я исчезну. «Тогда, конечно, воссоединится то, что раздваивали мы»[129].

Стою перед листом бумаги, держа в руках белую пастель. Лист большой, и я начинаю от центра, склоняясь над бумагой, хотя знаю, что за мольбертом будет удобнее. Измеряю фигуру, в полроста: здесь будет макушка, здесь пах, здесь пятки. Набрасываю голову. Рисую очень легко, по памяти: пустые глаза, в середине лица длинный нос, рот в форме дуги слегка приоткрыт. Брови выгнуты в изумлении: о, это *ты*. Заостренный подбородок и округлая линия щек, высокий лоб, уши только намечены. Здесь шея и плечи, которые переходят в руки, сложенные на груди, здесь заканчивается грудная клетка, пухлый живот, полные бедра, ноги слегка согнуты, ступни указывают вниз, как будто фигура парит в воздухе. Точки как звезды на ночном, цвета индиго, фоне листа; фигура – как созвездие. Очерчиваю фигуру, и она становится трехмерной, как стеклянный сосуд. Тщательно прорисовываю черты лица, создаю структуру, наполняю глаза, которые осматривают меня, изумленные своим внезапным появлением. Волосы рассыпаются по бумаге, парят невесомо и неподвижно, узор, который делает статичное тело динамичным. Что еще есть в этой вселенной, в этом рисунке? Другие звезды, далеко-далеко. Шарю среди инструментов и нахожу иглу. Прикрепляю рисунок на окно и начинаю протыкать, делая множество крошечных дырок, и каждая из них становится солнцем в других мирах. И когда у меня появляется галактика, полная звезд, я протыкаю фигуру по контуру, и она всерьез становится созвездием, сетью крошечных огней. Оцениваю своего двойника, она

[129] Четвертая из «Дуинских элегий» Р. М. Рильке цитируется в переводе В. Микушевича.

смотрит на меня в ответ. Приставляю палец ей ко лбу и говорю: «Исчезни», но она-то как раз останется. Исчезну я.

Всегда снова

24 июля 2053 года, четверг (Генри 43, Клэр 82)

ГЕНРИ: Я оказываюсь в темном коридоре. В конце коридора дверь, слегка приоткрытая, и через щель проникает свет. В коридоре полно галош и плащей. Медленно и тихо иду к двери и осторожно заглядываю в комнату. Ее наполняет утренний свет, и поначалу он мучителен, но, когда глаза привыкают, я вижу, что в комнате у окна стоит простой деревянный стол. За столом, лицом к окну, сидит женщина. У ее локтя стоит чайная чашка. За окном озеро, волны бросаются на берег и уходят с тихим плеском, который через несколько секунд стихает. Женщина сидит очень тихо. Она мне кого-то напоминает. Это старая женщина; у нее абсолютно белые волосы, тонкими прядями лежащие на ее сгорбленной спине. На ней свитер кораллового цвета. Изгиб ее плеч, неподвижность тела говорят: эта женщина очень устала, да я и сам устал. Переступаю с ноги на ногу, половицы скрипят, женщина поворачивается ко мне, ее лицо озаряется радостью – и я замираю: это Клэр, моя постаревшая Клэр! И она идет ко мне, так медленно, и я заключаю ее в объятия.

14 июля 2053 года, понедельник (Клэр 82)

КЛЭР: Сегодня такое чистое утро; шторм разбросал по саду ветки, которые я потом пойду собирать; весь песок на пляже перемешался и застыл ровным одеялом, испещренным каплями дождя, и лилейник согнулся и блестит на белом песке в свете раннего утреннего часа. Я сижу за столом в столовой, с чашкой чая, смотрю на воду и слушаю. И жду.

Этот день не очень отличается от всех остальных. Я встаю на рассвете, надеваю брюки и свитер, расчесываюсь, делаю тост и чай и сажусь смотреть на озеро, размышляя, придет ли он сегодня. Все это не очень отличается от других случаев, когда он исчезал, а я ждала, но в этот раз у меня есть инструкция, в этот раз я знаю, что в конце концов Генри придет. Иногда я размышляю: а вдруг именно эта готовность, это ожидание не дает чуду свершиться. Но выбора у меня нет. Он приходит, и я здесь.

Тут сильней у него появилось желание плакать.
Плакал он, что жена его так хороша и разумна.
Как бывает желанна земля для пловцов, у которых
Сделанный прочно корабль, теснимый волнами и ветром,
Вдребезги в море широком разбил Посейдон-земледержец;
Только немногим спастись удалось; через волны седые,
С телом, изъеденным солью морскою, плывут они к суше,
Радостно на берег всходят желанный, избегнув несчастья.
Так же радостно было глядеть Пенелопе на мужа;
Белых локтей не снимала она с Одиссеевой шеи.
Гомер. Одиссея[130]

[130] Перевод В. Вересаева.

Благодарность

Творчество – частный процесс. Наблюдать за ним скучно, а для человека, который создает произведение, это самое большое удовольствие. Поэтому с огромной признательностью и благоговением я хотела бы поблагодарить всех, кто помог мне в написании и опубликовании «Жены путешественника во времени».

Спасибо Джозефу Регалу за то, что сказал «да», и за то, что провел по коварным порогам издательского бизнеса. Это был прорыв. Спасибо замечательным людям из «Макадам/Кейдж», особенно Анике Стрейтфелд, моему издателю, за терпение, заботу и придирчивую тщательность. Было очень приятно работать с Дороти Карико Смит, Пэтом Уолшем, Дэвидом Пойндекстером, Кейт Нитце, Томом Уайтом и Джоном Греем. Выражаю признательность также Мелани Митчелл, Эмми Стол и Тэше Рейнолдс. Огромное спасибо также Говарду Сандерсу и Каспиану Дэннису.

Фонд «Рэгдейл фаундейшн» неоднократно помог этой книге. Благодарю замечательных сотрудников, особенно Сильвию Браун, Анну Хьюз, Сьюзен Тиллетт и Мелиссу Мошер. Спасибо Иллинойсскому совету по искусству и налогоплательщикам Иллинойса, которые присудили мне грант в номинации «Художественная проза» в 2000 году.

Спасибо библиотекарям и сотрудникам библиотеки Ньюберри, бывшим и нынешним: доктору Полу Гейлу, Барту Смиту и Маргарет Кулис. Без их щедрой поддержки Генри пришлось бы работать в «Старбакс». Также хотелось бы выразить благодарность библиотекарям в справочном отделе публичной библиотеки Эванстона, которые терпеливо отвечали на все мои сумасшедшие вопросы.

Благодарю бумажных дел мастеров, которые терпеливо делились со мной своими знаниями: это Мэрилин Сворд и Андреа Петерсон.

Спасибо Роджеру Карлсону в «Книжном переулке» за долгие годы успешной охоты за книгами и Стиву Кею из «Винтедж-винила» – у него было в наличии все, что я хотела слушать. И Карлу Пьерто, главному риелтору.

Огромная благодарность друзьям, семье, коллегам, которые читали, критиковали и вносили бесценный вклад в работу: это Лиин Росен, Дейн Раш, Джонелл Ниффенеггер, Рива Лерер, Лиза Гурр, Роберт Владова, Мелисса Джей Криг, Стейси Стерн, Рон Фалзоне, Марсия Генри, Джози Кирнс, Каролина Престон, Билл Фредерик, Берт Менко, Патрисия Ниффенеггер, Бет Ниффенеггер, Джонис Эйджи и ученики из ее продвинутого класса по романистике (Айова-Сити, 2001 год). Спасибо Пауле Кэмпбелл за помощь с французским.

Особая благодарность Алану Ларсону, чей неослабевающий оптимизм послужил мне хорошим примером.

И наконец, бесконечная благодарность Кристоферу Шнебергеру: я ждала тебя, и вот ты здесь.